

ГАИМК
Выпуск 128

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ
1935

АППИАН

Гражданские войны

АППИАН

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

Перевод с греческого
под редакцией
С. А. Жебелева и О. О. Крюгера

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
78	2 снизу	с римлянами	на стороне римлян
79	6 „	платить золотом и серебром	вывозить золотые и серебряные вещи
85	21 сверху	2000	20000
106	12 снизу	войны	воины
187	9 „	представил	представит
225	7 сверху	иногда	когда

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1935

АППИАН

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

Перевод с греческого
под редакцией
С. А. Жебелева и О. О. Крюгера

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1935

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

Институт истории рабовладельческих обществ

Кафедра истории древнего Рима

Заведывающий кафедрой *С. И. КОВАЛЕВ*

Ленинград, ул. Халтурина, 5, Мраморный дворец

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР *О. О. КРЮГЕР*.
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР *Л. Г. ЛЕВОНЕВСКАЯ*.

Сдано в набор 17/IV 1935 г. Подписано к печати 2/VII 1935 г.
Соцэкгиз № 1603. Ленгорлит № 19888. Заказ № 1963.
Формат 62×94 см. Тираж 7 000 экз.
Объем 23,26 авт. л., 22 п. л. (82,4 тыс. тип. зн. в 1 бум. листе).
Цена книги 7 р. 50 к., переплет 1 р. 35 к.

Набрано во 2-й тип. „Печатный Двор", треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26.
Отпечатано в типографии „Печатня". Ленинград, Прачечный, 6.

СОДЕРЖАНИЕ

АППИАН И ЕГО «ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ»

Впервые появляющиеся в русском переводе «Гражданские войны» Аппиана составляют особый отдел его большого труда «Римская история». В предваряющем вступлении к нему автор сообщает о себе краткие биографические сведения, которые, будучи сопоставлены с немногочисленными указаниями других источников, позволяют наметить жизненный путь Аппиана.

Родина Аппиана — египетская Александрия. Он родился, самое позднее, при Траяне (98 — 117), умер не ранее 70-х годов II в. В Александрии Аппиан занимал высокие должности в городском управлении.

Вероятно, при Адриане (117 — 138) ему дарованы были права римского гражданства, причем он был зачислен во всадническое сословие. Аппиан переселился в Рим, где был адвокатом. Некоторые ученые полагают, что Аппиан был назначен состоять адвокатом фиска, т. е. защищать интересы императорского казначейства при исках, предъявляемых к нему частными лицами. В последнее время это мнение подвергается сомнению (см. A. Stein, Der römische Ritterstand, München, 1927, стр. 134 и прим. 2). Друг Аппиана Фронтон, приближенный к императорскому двору, в течение двух лет хлопотал о предоставлении Аппиану должности прокуратора, императорского уполномоченного в одной из провинций. Хлопоты Фронтона, наконец, увенчались успехом, и во время совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера (161 — 169) Аппиан получил назначение прокуратора Августа. Этой должностью Аппиан гордился, но насколько служба Аппиана при императорском дворе оказала влияние на историческое миросозерцание Аппиана, был ли он, и если был, то в какой мере, придворным историографом, сказать трудно: последние книги труда Аппиана, касающиеся эпохи империи, утрачены. Все же можно сказать, что Аппиан был настроен скорее монархически, чем демократически: он называет убийство Юлия Цезаря кощунственным преступлением, прославляет лиц, мстивших за него, считает демократию по имени «благовидной», но по существу «всегда бесполезной» (Гражданские войны, IV, 133) или, если следовать поправке, предложенной одним старинным ученым, «не всегда полезной».

Аппиан не скрывает своего восхищения перед величием римского государства, обязанным, по его мнению, планомер-

ной мудрости, доблести, выдержанности, твердости, — всему этому сопутствовало также и счастье, — благодаря чему Рим сумел достигнуть всемирного владычества, столь много веков продержавшегося (Вступление, гл. II). Все это и послужило для Аппиана стимулом составить римскую историю с ее начала и до его времени. Так как она написана Аппианом по-гречески, то, очевидно, она и предназначалась в первую очередь для греков, точнее — для восточной половины государства. Этим объясняется и то, что в своей истории Аппиан называет римские божества греческими именами, цифровые данные приводит по греческому счету, пользуется вообще греческою терминологиею. Он старается писать корректным греческим языком, слегка вычурным, местами пересыпанным латинизмами и вульгаризмами. Очевидно, Аппиан не был чужд того грамматико-риторического направления, которое было господствующим в его время. Но из того презрительного отношения к философии и к нападающим на «богатых» бедным философам, которого не скрывает Аппиан (Мифридатова война, 28), столь же ясно видно, что Аппиан далек от этих кругов философов и что он не питал вообще симпатии к философскому умозаключению. Трудно сказать, замечает Аппиан, почему философы рекомендуют «мудрость» в качестве средства утешения, по присущей ли им «добродетели» или по своей бедности и праздности?

Свою «Римскую историю» Аппиан составлял уже в преклонных годах, может быть, около 160 г., и, повидимому, не успел довести ее до конца. В упомянутом вступлении (гл. I, 12 — 13) Аппиан дает характеристику предпринятого им труда и указывает на его свойства, отличающие его от иных трудов такого же рода. Приступая к составлению своей «Римской истории», — говорит Аппиан, — я считал необходимым определить те народы и племена, над которыми властвуют теперь римляне. Правда, возникновение римской империи излагали многие греческие и римские писатели. Я читал эти произведения и при этом желал уяснить себе, в каких же отношениях стояли римляне к каждому из народов, с которым им приходилось вступать в соприкосновение. Я убедился при этом, что в предшествующих трудах по римской истории внимание читателя постоянно рассеивается, так как он бывает вынужден из Карфагена перекочевывать в Испанию, оттуда в Сицилию, либо в Македонию, читать о римских посольствах, отправленных к различным народам, о союзах, заключенных с ними римлянами, и при этом снова, словно блуждающий странник, отправляться то в Карфаген, то в Сицилию, вообще перебрасываться из одного места в другое. Я попытался пойти другим путем и, ради примера, свел воедино, сколько раз римляне ходили походом в Сицилию, сколько раз они отправляли туда посольства, что они вообще там совершили, прежде чем

привели Сицилию в ее теперешнее положение. Такую же работу Аппиан, по его словам, произвел по отношению к каждому из подвластных Риму народов, чтобы составить себе представление о слабости или стойкости их, с одной стороны, о римской доблести и о сопутствовавшей ей удаче — с другой. Проделанную Аппианом для себя работу он решился предать гласности, руководствуясь тем соображением, что, может быть, и кто-либо из читателей пожелает проследить римскую историю в том же разрезе, что и автор.

Итак, Аппиана не удовлетворял тот аналитический или хронологический порядок изложения, который был свойственен греческой и римской историографии. Вместо того чтобы дать последовательное изложение римской истории по годам, как это сделал, например, Тит Ливий, или по олимпиадам, как это мы видим у Полибия, Аппиан дал серии отдельных монографий, положив в основу их, так сказать, территориальный или этнический принцип, но в пределах каждой из монографий придерживаясь в общем хронологической основы. Правда, при такой системе общий ход событий всей римской истории должен был неизбежно нарушиться, но слишком строго придерживаться хронологии Аппиан считает вообще «излишним». Это, в его глазах, педантизм.

От положенного в основу «Римской истории» этнического принципа Аппиану пришлось отступить при изложении гражданских войн. «Те ужасные междоусобные распри и те гражданские войны, — говорит он во вступлении (гл. 14), — которые вели между собою римляне, распределены мною по вождям, стоявшим во главе борющихся партий: Мария и Суллы, Помпея и Цезаря, Антония и Октавиана. В конечном результате борьбы между обоими последними вождями под власть Рима перешел и Египет, а само римское государство получило монархический строй».

Свою «Римскую историю» Аппиан разделил на 24 книги (в античном понимании этого термина). Первые три книги были посвящены Италии. Первая книга носила название «Царской» и излагала историю римских царей, начиная с прибытия Энея в Италию. Вторая книга называлась «Италийской», третья — «Самнитской»; обе они были посвящены истории объединения Италии вокруг Рима. Содержание последующих книг определяется их заглавиями: IV книга «Галльская», V — «Сицилийская» (со включением прилежащих к Сицилии островов), VI — «Испанская», VII — «Ганнибалова» (история второй Пунической войны), VIII — «Карфагенская», IX — «Македонская и Иллирийская», X — «Греческая и Ионийская» (т. е. Малоазийская), XI — «Сирийская», XII — «Мифридатова» (войны римлян с Мифридатом Евпатором и его преемниками), XIII — XVII — «Гражданские войны» (начиная с Гракхов и кончая изложением событий 37 г. до н. э.; первые 7 глав XIII книги

образуют особое вступление, где излагается краткая история борьбы за ager publicus — общественную землю), XVIII—XXI— «Египетская» (история событий с 37 по 31 г. до н. э.), XXII книга носила заглавие «Столетие» — история империи от Августа до Траяна, XXIII и XXIV книги были посвящены войнам, веденным Траяном в Дакии и Аравии («Дакийская» и «Аравийская» книги).

«Римская история» Аппиана целиком не сохранилась. Полностью дошли книги VI — VIII, XII—XVII. Книги XVIII—XXIV утрачены совершенно, от прочих книг имеются отрывки, иногда довольно обширные.

В изложении истории Аппиан, конечно, допускает много неточностей; тем не менее значение его не может быть оспариваемо. Это относится в особенности к тем книгам «Римской истории», которые посвящены изложению гражданских войн и которые являются, несомненно, наиболее выдержанным и по трактовке и по тенденции отделам в дошедшем до нас наследии Аппиана. При всех недочетах, свойственных «Гражданским войнам», отчасти отмеченных выше при общей характеристике «Римской истории», должно сказать: «Гражданские войны» — единственный памятник античной историографии из числа дошедших до нас, в котором дано связное изложение событий, начиная с эпохи Гракхов и кончая преддверием к последней борьбе между Антонием и Октавианом, закончившейся победой последнего при Акциуме, сыгравшей столь важную роль в истории античности. Это первое достоинство «Гражданских войн». Второе, пожалуй, еще более важное, состоит в том, что в распоряжении Аппиана был, несомненно, какой-то хороший, но утраченный для нас источник, который и послужил для Аппиана путеводною звездою при составлении им отдела о гражданских войнах.

Вопрос об источнике (или источниках) Аппиана в «Гражданских войнах» имеет, конечно, принципиальную важность, Но вместе с тем решение этого вопроса обставлено большими, непреодолимыми затруднениями. Ученые много занимались вопросом об источниках «Римской истории» вообще, «Гражданских войск» в частности. Даже такие ученые как Эдуард Мейер и Эдуард Шварц дальше предположений пойти не могли. По мнению первого из них, вряд ли Аппиан построил свое изложение гражданских войн на комбинации нескольких источников; скорее надо думать, что он выбрал из них наиболее важный и за ним неуклонно следовал, отчасти сокращая, отчасти видоизменяя его. Пользование Аппианом в «Гражданских войнах» одним источником следует из того, что рассказ Аппиана почти всюду дает приблизительно то же, что мы находим и в соответствующих биографиях Плутарха. Оба писателя пользовались каким-то большим историческим произведением, охватывавшим римскую историю, примерно с 140 до 30 г. до

н. э. Но они пользовались этим большим историческим произведением не в оригинале, а сделанным каким-то другим писателем изложением на основании этого оригинала, причем этот писатель подверг материал, заключающийся в нем, переработке, не всегда осмотрительной и иногда допускающей ошибки. Источник этот, как определенно заявляет Аппиан, охватывал всю римскую историю в ее целом виде, во всяком случае до установления принципата.

Не раз пробовали точнее определить этот источник и связать его с определенным именем, но попытки эти пока не привели к приемлемому для всех результату. Более или менее прочно установленным можно считать только одно: искомый источник принадлежал римлянину, а не греку. Указывали на «Историю» Азиния Поллиона (время Августа) или «Летопись» Кремуция Корда (время Тиберия); но и от того и от другого произведения дошли такие ничтожные остатки, что, исходя из них, было бы невозможно реально обосновать эти предположения. Допуская, что Аппиан построил изложение гражданских войн на основе какого-то одного источника, нельзя, однако, не считаться и с тем, что, помимо него, Аппиан мог обращаться в отдельных случаях и к показаниям других источников. Ссылок на использованные им сочинения на всем протяжении «Гражданских войн» немного, но они все же имеются. Так, Аппиан ссылается на письма Цезаря (II, 79), на мемуары Октавиана (IV, 40; V, 45), на историю Азиния Поллиона (II, 82) и на какого-то Либона (III, 77), в котором, может быть, как предполагал еще старинный ученый Поризоний, скрывается Ливий (ср. также мимоходом брошенные замечания в II, 70 (начало), III, 84. Конечно, и тут возникает вопрос, не были ли приведены указанные ссылки уже в том основном источнике, которым пользовался Аппиан.

Изложение в «Гражданских войнах» строго фактическое, без каких-либо отступлений и экскурсов (лишь в II, 39, имеется экскурс о Диррахии — Эпидамне); отступлением можно считать сравнение Александра Македонского и Цезаря (II, 149—154). Лишь изредка и мимоходом Аппиан выступает со своими соображениями и предположениями (ср. I, 16, 85, 103, 104; II, 5, 88, 111; IV, 125; V, 6, 113). Эта фактичность «Гражданских войн» делает их весьма ценным источником для воссоздания истории последнего века республиканского Рима. Но она не избавляет современного исследователя от необходимости критически относиться к показаниям Аппиана, сопоставлять с другими источниками, контролировать первые при помощи последних, чтобы таким образом восстановить подлинную историю гражданских войн в Риме первым изобразителем которых в дошедшем до нас предании остается Аппиан.

С. Жебелев

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов. Однако это не были в строгом смысле слова гражданские войны, которые доходили бы до применения насильственных действий. Дело шло лишь о разногласиях и пререканиях, которые протекали в рамках закона и улаживались при соблюдении большого почтения к спорящим сторонам, путем взаимных уступок. В свое время вооруженный народ, затеявший такую распрю, не воспользовался бывшим в его ру-
494 г. ках оружием, а удалился на гору, получившую с тех пор наименование «Священной». Но и тогда он не дошел до насильственных действий. Народ лишь учредил магистратуру, призванную защищать его права, и назвал носителей ее трибунами. Они должны были по преимуществу противодействовать избираемым сенатом консулам, чтобы государственная власть не сосредоточилась всецело в их руках. С этих-то именно пор взаимоотношения между отдельными магистратами и стали особенно враждебными и влекли за собою соперничество. Сенат и народ как бы разделились на две партии, из которых каждая стремилась властвовать над другой
492 г своим превосходством. Во время этих раздоров Марций Кориолан, будучи противозаконно изгнан, бежал к вольскам и пошел войною против родины.

2. Таким образом, среди давних распрей был только один этот случай вооруженного столкновения, и оно поднято было перебежчиком. В других случаях меч еще не был поднят в народном собрании, не была пролита кровь граждан. Так дело
133 г. продолжалось до тех пор, пока Тиберий Гракх, народный трибун, внесший свои законопроекты, первый погиб во время народного волнения, причем были перебиты около храма на Капитолии многие его сторонники. После этого гнусного дела волнения уже не прекращались, причем всякий раз враждующие партии открыто поднимались одна против другой. Часто пускались в ход кинжалы, и то одно, то другое из должностных лиц в промежутках между волнениями находило себе смерть либо в храмах, либо в народном собрании, либо на форуме, и этими жертвами были то народные трибуны, то пре-

торы, то консулы, то лица, добивавшиеся этих должностей, а то и просто люди, бывшие на виду. Все время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, постыдное пренебрежение к законам и праву. Зло росло все больше и больше; происходили открытые покушения на существующий государственный порядок, большие насильственные вооруженные действия против отечества со стороны лиц, подвергшихся изгнанию или осуждению по суду или соперничающих друг с другом из-за какой-либо должности, гражданской или военной. Во многих местах стали образовываться уже олигархические правительства с руководителями партий во главе, так как одни из враждующих не желали распускать врученные им народные войска, а другие по своему почину, без соглсия на то государства, набирали войска из чужеземцев. Лишь только одной партии удавалось овладеть Римом, другая партия начинала борьбу — на словах против бунтовщиков, на деле же против родины. Они вторгались в родную страну, словно в неприятельскую, безжалостно уничтожали всех тех, кто становился им поперек дороги, других подвергали проскрипциям, изгнанию, конфискации имущества, а некоторых и тяжким пыткам.

3. Безобразия не прекратились до тех пор, пока пятьдесят приблизительно лет спустя после Гракха один из рудоводителей партии, Корнелий Сулла, желая уврачевать одно зло другим, не объявил себя единодержавным правителем на очень продолжительное время. Таких единодержавных правителей называли диктаторами, их назначали только при самых тяжелых обстоятельствах на шесть месяцев; однако давно уже этот порядок пришел в забвение. Сулла, действовавший силой и принуждением, на словах избранный на определенный срок, на деле оказался пожизненным диктатором. И все же, насытившись властью, Сулла первый, как мне кажется, имел смелость добровольно сложить с себя тираническую власть, причем еще заметил, что он даже готов отчет в своей деятельности дать всякому, кто имеет к нему какие-либо претензии. На виду у всех Сулла как частный человек в течение долгого времени ходил на форум и возвращался с него домой, не испытав какого-либо ущерба. Таков был еще страх перед его властью у всех, кто его видел: или все были поражены его отставкой, или преклонялись перед его готовностью дать отчет о своей деятельности, или просто относились к нему человеколюбиво, или считали, наконец, что его тирания послужила на пользу. Как бы то ни было, партийные волнения при Сулле на короткое время прекратились, и уже это служило как бы воздаянием за причиненные им бедствия.

[82 г.] [79 г.]

4. После Суллы снова разгорелись волнения и продолжались до тех пор, пока Гай Цезарь, пользовавшийся в течение долгого времени неограниченной властью по избранию народа, 49 г.

не получил от сената, находясь в Галлии, приказания сложить власть. Цезарь принес по этому поводу жалобу на сенат. Он стал обвинять Помпея, своего личного врага, командовавшего военными силами в Италии; он говорил, что Помпей строил козни против него, что он хочет лишить его власти. Цезарь предлагал одно из двух: или оба они, и Цезарь и Помпей, должны иметь свои армии для личной защиты от враждебных друг против друга действий, или же и Помпей также должен распустить свою армию и стать, по закону, частным человеком так же, как и он, Цезарь. Так как ни то, ни другое предложение Цезаря не встретило сочувствия, он повел свои вой-
48 г. ска из Галлии в Италию против Помпея. Итак, Цезарь вторгся в Италию. Помпей бежал, Цезарь его преследовал, одержал над ним в Фессалии большую, блестящую победу и, когда Помпей искал спасения в бегстве в Египет, пустился за ним в погоню. После того Помпей был убит египтянами, а Цезарь вернулся в Рим, устроив дела в Египте, где он оставался до тех пор, пока не поставил в Египте царя. Самого сильного партийного противника, прозванного за свои военные подвиги «Великим», Цезарь побеждал преимущественно в открытой борьбе, и когда Помпей был уничтожен, никто уже не осмеливался ни в чем противоречить Цезарю, который и избран был — это было во второй раз после Суллы — пожизненным диктатором. Снова затихли все междоусобные распри, до тех пор пока Брут и Кассий, завидовавшие чрезвычайной власти Це-
44 г. заря и желавшие вернуть исконный политический строй, не убили в сенате Цезаря, который был настроен вполне демократически и приобрел большую опытность в управлении. Народ очень горячо оплакивал его смерть; по всему городу искали убийц Цезаря, тело его похоронили в центре форума и над погребальным кострищем построили храм. Цезарю еще и теперь приносят жертвы как богу.

43 г. 5. После смерти Цезаря снова начались большие междоусобные распри. Они все возрастали и возрастали и достигли чрезвычайных размеров. Происходили убийства, изгнания, проскрипции, осуждавшие на смерть сенаторов и так называемых всадников, и совершалось все это большей частью одновременно обеими партиями. Их руководители выдавали противников друг другу и при этом не давали пощады ни братьям, ни друзьям, до такой степени стремление одолеть противника одерживало верх над личными симпатиями. В конце концов дело дошло до того, что власть над Римом, как если бы она была частной собственностью, разделили между собой трое мужей: Антоний, Лепид и тот, кто раньше носил имя Октавий и приходился родственником Цезарю. По завещанию Цезаря Октавий был им усыновлен, и вследствие этого он был переименован в Цезаря. При дележе власти, как то и естественно, эти трое мужей вскоре же столкнулись между собой. Цезарь, превос-

ходивший Антония и Лепида умом и опытностью, сначала отнял у последнего Африку, полученную им по жребию в управление, а затем после битвы при Акциуме лишил и Антония власти, простиравшейся на территорию от Сирии до Ионийского моря. Вслед за этими величайшими успехами, повергнувшими всех в смятение, Цезарь направился в Египет и захватил его; Египет от Александра (Великого) и до этого времени оставался дольше всех могущественнейшим государством, и обладания его до того времени нехватало римлянам. За такие подвиги Цезарь первый стал в глазах римлян священным и получил от них еще при жизни прозвище Август. Сам Август, подобно Гаю Цезарю, хотя он был еще могущественнее последнего, был лишь правителем своего отечества и всех подвластных ему народов, причем вовсе не нуждался ни в выборах, ни в голосовании, ни в придуманном предлоге. После продолжительного правления, в течение которого Август обладал вполне окрепшей властью, был к тому же счастлив во всем и внушал к себе страх, он оставил наследника и преемника, пользовавшегося той же властью, что и он.

36 г.
31 г.
27 г.

6. Так после разнообразных междоусобных распрей римское государство объединилось под монархической властью. Как это произошло, я здесь сопоставил и изложил. И все это достойно удивления для всякого, кто желает наблюдать за безмерным честолюбием людей, за их страшным властолюбием, за неисчерпаемой настойчивостью, за бесчисленными и разнообразными бедствиями. Я счел необходимым предпослать все это изложению истори Египта, потому что последняя начинается и кончается борьбою Антония и Августа. Ведь Египет был завоеван во время этой борьбы, так как Клеопатра состояла в союзе с Антонием. Вследствие обилия материала пришлось провести подразделение его так, что сначала излагаются события от Семпрония Гракха до Суллы, затем от Суллы до смерти Гая Цезаря. В остальных книгах «Гражданских войн» рассказывается, что предпринимали триумвиры друг против друга и против римлян, вплоть до последней и самой значительной междоусобной распри, закончившейся битвой при Акциуме, которая была одновременно битвой Цезаря против Антония и против Клеопатры. Эта битва и послужит началом истории Египта.

7. Римляне, завоевывая по частям Италию, получали тем самым в свое распоряжение часть завоеванной земли и основывали на ней города или отбирали города, уже ранее существовавшие, для посылки в них колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты. В завоеванной земле они всякий раз выделенную часть ее тотчас или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду, невозделанную же вследствие войн часть земли, количество которой сильно возрастало, они не имели уже времени

распределять на участки, а от имени государства предлагали возделывать ее всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть посева, одну пятую насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Римляне делали все это с целью увеличения численности италийского племени, на которое они смотрели как на племя в высокой степени трудолюбивое, чтобы иметь в своей стране союзников. Но результат получился противоположный. Дело в том, что богатые, захватив себе бо́льшую часть не разделенной на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто ее никогда у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков богатые отчасти скупали с их согласия, отчасти отнимали силою. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах вместо участков, входивших в состав их поместий. При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов с тем, чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым большую выгоду: у свободных от военной службы рабов беспрепятственно увеличивалось потомство. Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем и увеличению в стране числа рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они и бывали свободны от нее, все же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землею владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными. 8. С неудовольствием смотрел на все это народ. Он боялся, что Италия не даст ему уже больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов. Как исправить это положение, народ не мог придумать. Оно было и тяжело и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей, владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования. Некогда, по предложению, внесенному народными трибунами, народ, скрепя сердце, постановил, что никто не может владеть из общественной земли более чем 500 югеров и занимать пастбища более чем 100 югеров для крупного скота и 500 для мелкого. Для наблюдения за исполнением этого наказа назначено было определенное число лиц из свободнорожденных, которые должны были доносить о нарушении изданного постановления. Они принесли присягу, что будут верно соблюдать постановление, ставшее законом, определили наказание за его нарушение, имея в виду остальную землю распродать между бедняками небольшими участками. Но на

деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. А те из них, которые, казалось, заботились, распределили, для отвода глаз, землю между своими домочадцами; большинство же относилось к соблюдению закона пренебрежительно.

9. Так продолжалось дело до тех пор, пока Тиберий Семпроний Гракх, человек знатного происхождения, очень честолюбивый, превосходный оратор, благодаря всем этим качествам очень хорошо всем известный, став народным трибуном, произнес пышную речь. Он говорил об италийском племени, о его чрезвычайной доблести, о его родственных отношениях к римлянам, о том, как это племя мало-по-малу очутилось в бедственном положении, уменьшилось количественно и теперь не имеет никакой надежды поправить свое положение. С негодованием говорил Гракх о массе рабов, непригодных для военной службы, всегда неверной по отношению к своим господам. Он напомнил о том, как незадолго до того в Сицилии господа пострадали от рабов, сильно увеличившихся в своем числе из-за нужды в рабских руках для земледельческих работ; как трудно и долго римлянам пришлось бороться с этими рабами; как затянулась эта борьба и сколько разнообразных и опасных перипетий она имела. 133 г.

После своей речи Тиберий возобновил действие закона, в силу которого никто не должен был иметь более 500 югеров общественной земли. К этому закону Тиберий внес еще добавление, что сыновьям полагалось иметь половину указанного количества югеров. Всю остальную землю должны распределить между бедными трое выборных лиц, сменяющихся ежегодно.

10. Последнее всего более досаждало богатым. Они не имели уже теперь возможности, как раньше, относиться с пренебрежением к закону, так как для раздела земли назначены были особые магистраты, да и покупка участков у владельцев прошла теперь мимо них. Гракх предусмотрительно запретил продавать землю. Часть богатых объединялась, выражала свои сетования, указывала бедным на сделанные прежними владельцами в давние еще времена насаждения, на возведенные ими постройки. Некоторые из них говорили: мы заплатили за наши участки господам; неужели мы должны лишиться вместе с этою землей и уплаченных денег? Другие указывали: на этой земле могилы наших отцов; поэтому имеющиеся у нас наделы являются наследственными. Третьи указывали на то, что на приобретение своих участков они израсходовали женино приданое, что свои земли они дали в приданое своим дочерям. Заимодавцы ссылались на долговые обязательства, связанные с землей; некоторые указывали, что земля их принадлежит кредиторам по долговым обязательствам. В общем стоял стон и негодование. С своей стороны бедные жаловались на то, что из людей, обладавших достатком, они обратились в крайних

бедняков; что вследствие этого жены их бесплодны, что они не могут кормить своих детей, что их положение стало невыносимым. Они перечисляли все походы, совершенные ими за обладание своими участками, и негодовали, что они должны будут лишиться участия в общественном достоянии. Вместе с тем бедные поносили тех, кто вместо них, свободнорожденных граждан-воинов, брал на работы рабов, людей, не заслуживающих доверия, всегда враждебно настроенных и вследствие этого непригодных для несения военной службы. В то время как и богатые и бедные плакались и упрекали друг друга, появилась еще другая толпа народа, проживавшего в колониях или муниципиях или как-либо иначе имевшая свою долю в общественной земле. Теперь они тоже были в страхе за свои участки и присоединялись кто к богатым, кто к бедным. И у тех и у других, опиравшихся на свое многолюдство, настроение стало накаленным. В пламенных, не знающих границ волнениях, все ожидали исхода голосования законопроекта Тиберия. Одни не соглашались ни в коем случае допустить его утверждение, другие стояли за его утверждение во что бы то ни стало. Между богатыми, не допускавшими утверждения законопроекта, и бедными, добивавшимися его, неизбежно возникали распри. К назначенному для обсуждения законопроекта дню и богатые и бедные приготовили свои силы.

11. Цель Гракха заключалась не в том, чтобы создать благополучие бедных, но в том, чтобы в лице их получить для государства боеспособную силу. Воодушевленный главным образом тою большою и существенною пользою, которую достижение его цели могло принести Италии, Гракх не думал о трудности своего предприятия. Перед предстоявшим голосованием он произнес длинную, содержащую много заманчивого речь. В ней он поставил, между прочим, вопрос: разве было бы справедливо общественное достояние разделить между всеми? Разве гражданин такой же человек, что и раб? Разве воин не более полезен, чем человек несражающийся? Разве участник в общественном достоянии не будет радеть более об интересах государства? Оставив дальнейшие сравнения, как приносящие мало славы делу, Гракх перешел затем к тем надеждам, которые питает отечество, к страхам, которые его волнуют. Римляне, говорил он, завоевали бо́льшую часть земли и владеют ею; они надеются подчинить себе и остальную часть; в настоящее время перед ними встает решающий вопрос: приобретут ли они остальную землю благодаря увеличению числа боеспособных людей, или же и то, чем они владеют, враги отнимут у них вследствие их слабости и зависти. Напирая на то, какая слава и какое благополучие ожидают римлян в первом случае, какие опасности и ужасы предстоят им во втором, Гракх увещевал богатых поразмыслить об этом и отдать добровольно, коль скоро это является необходимым, эту землю,

ради будущих надежд, тем, кто воспитывает государству детей; не терять из виду большого, споря о малом. К тому же они получили уже достаточное вознаграждение за понесенные ими труды по обработке земли; каждый из них получает в вечное владение, законом подтвержденное, бесплатно 500 югеров отличной земли, а дети их, у кого они есть, каждый половину этого количества. Своею длинною, такого содержания речью Гракх вызвал возбуждение неимущих и всех прочих, кто руководствовался бы скорее доводами разума, нежели жаждою приобретения, а затем приказал секретарю огласить свой законопроект.

12. Другого народного трибуна, Марка Октавия, крупные землевладельцы настроили на то, чтобы воспрепятствовать проведению законопроекта Тиберия. Так как у римлян тот трибун, который налагал на что-либо свое veto, обладал в данном случае бо́льшими полномочиями, то Октавий и запретил секретарю огласить законопроект. Гракх ограничился на этот раз упреками по адресу Октавия и перенес голосование на следующее народное собрание; при этом он поставил около себя значительный отряд стражи на тот случай, чтобы, если Октавий будет опять выступать против голосования, принудить его силой согласиться допустить его. Тиберий, угрожая секретарю, приказал ему огласить законопроект народу. Секретарь приступил к чтению, но вследствие veto со стороны Октавия замолчал. Между трибунами началась перебранка, народ сильно шумел. Тогда оптиматы предложили трибунам передать на рассмотрение сената пункты их разногласия. Гракх ухватился за это предложение. Рассчитывая, что его законопроект встретит одобрение со стороны всех благомыслящих людей, он устремился к курии. Там, в небольшом кругу, богачи стали издеваться над ним. Тогда Гракх снова побежал на форум, где и заявил, что в следующее народное собрание он предложит на голосование и свой законопроект и вопрос о полномочиях Октавия: должен ли трибун, действующий не в интересах народа, продолжать оставаться в своей должности. Так Тиберий и поступил. Когда Октавий снова смело ополчился на него, Гракх сначала поставил на голосование вопрос о нем. Когда первая триба высказалась за отрешение Октавия от должности, Гракх, обратившись к нему, стал упрашивать переменить свое мнение о законопроекте. Так как Октавий отказался, Тиберий собрал голоса остальных триб. Их было тогда 35. Семнадцать первых триб высказались с гневом против предложения Тиберия, и восемнадцатая триба должна была решить все дело. Гракх снова, на виду у всего народа, стал горячо умолять Октавия, попавшего в критическое положение, не мешать делу, столь священному, столь полезному для всей Италии, не уничтожать столь великого рвения народа, для которого он, Октавий, по званию трибуна, если бы желал, то должен был бы

сделать еще кое-какие уступки; для Октавия же в случае осуждения его будет далеко не безразлично лишиться своей должности. С этими словами Гракх, призвав богов в свидетели, что он против воли подвергает своего товарища бесчестию, ожидающему его, коль скоро он не мог убедить его, продолжал голосование. И Октавий, тотчас же после того как голосование оказалось против него, стал частным человеком и незаметно скрылся. Вместо него трибуном был избран Квинт Муммий.

13. Итак, аграрный закон был утвержден. Для раздела земли были избраны: Гракх, автор законопроекта, одноименный брат его и тесть автора законопроекта, Аппий Клавдий. Народ все еще сильно опасался, что закон не будет приведен в исполнение, если Гракх со всей своей фамилией не положит начало осуществлению закона. А он, гордясь проведенным законом, был сопровождаем до дома народом, смотревшим на него как на устроителя не одного какого-либо города, не одного племени, но всех народов Италии. После этого одержавшие верх в собрании разошлись по своим землям, откуда они пришли для проведения закона; потерпевшие же поражение продолжали питать недовольство и говорить: не обрадуется Гракх, когда он сам станет частным человеком, Гракх, надругавшийся над священною и неприкосновенною должностью народного трибуна, Гракх, давший такой толчок к распрям в Италии.

14. Между тем наступило уже лето, когда должны были происходить выборы народных трибунов на предстоящий год. По мере приближения выборов становилось совершенно ясно, что богатые приложили все усилия к тому, чтобы провести в народные трибуны лиц, наиболее враждебно настроенных к Гракху. Он же, предвидя угрожавшую ему опасность и боясь, что не попадет в трибуны на следующий год, стал созывать на предстоявшее голосование поселян. Последние были заняты, так как время было летнее. Гракх, будучи стеснен коротким сроком, назначенным для производства выборов, обратился к плебеям, проживавшим в городе и, по частям обходя их, просил избрать его трибуном на предстоящий год, указывая, что из-за защиты их интересов ему грозит опасность. При голосовании две первые трибы подали голоса за Гракха. Тогда оптиматы стали указывать на то, что двоекратное, без перерыва, исправление должности одним и тем же лицом противозаконно. Так как трибун Рубрий, получивший по жребию председательство в избирательном народном собрании, колебался, как ему поступить, то Муммий, избранный трибуном на место Октавия, приказал Рубрию передать председательство в собрании ему, Муммию. Тот согласился, но остальные трибуны требовали, чтобы жребий был брошен снова, кому председательствовать: коль скоро Рубрий, избранный по жребию в председатели, отпадает жеребьевка должна быть произведена

вновь между всеми трибунами. По поводу всего этого произошли также большие споры. Гракх, боясь не получить большинства голосов в свою пользу, перенес голосование на следующий день. Отчаявшись во всем деле, он хотя и продолжал еще оставаться в должности, надел траурную одежду, ходил остальную часть дня по форуму со своим сыном, останавливался с ним около отдельных лиц, поручал его их попечению, так как самому ему суждено очень скоро погибнуть от своих недругов.

15. Тогда бедные начали очень горевать. С одной стороны, они думали о самих себе: не придется им впредь пользоваться одинаковыми правами с прочими гражданами, но предстоит им насильственно быть в рабстве у богатых. С другой стороны, думали они и о Гракхе, который боится теперь за себя и который столько вытерпел из-за них. Вечером бедные пошли провожать с плачем Гракха до его дома, убеждали его смело встретить грядущий день. Гракх ободрился, собрал еще ночью своих приверженцев, дал им пароль на случай, если дело дойдет до драки, и захватил храм на Капитолии, где должно было происходить голосование, а также центр того места, где собиралось народное собрание. Выведенный из себя трибунами, не позволявшими ставить на голосование его кандидатуру, Гракх дал условленный пароль. Внезапно поднялся крик среди его приверженцев, и с этого момента пошла рукопашная. Часть приверженцев Гракха охраняла его как своего рода телохранители, другие, подпоясав свои тоги, вырвали из рук прислужников жезлы и палки, разломали их на части и стали выгонять богатых из собрания. Поднялось такое смятение, нанесено было столько ран, что даже трибуны в страхе оставили свои места, а жрецы заперли храмы. В свою очередь многие бросились в беспорядке искать спасения в бегстве, причем стали распространяться недостоверные слухи, будто Гракх отрешил от должности всех остальных трибунов; такое предположение создалось на основании того, что трибунов не было видно, или что сам Гракх назначил себя, без голосования, трибуном на ближайший год. 16. В это время сенат собрался в храме богини Верности. Меня удивляет следующее обстоятельство: столько раз в подобных же опасных случаях сенат спасал положение дела предоставлением одному лицу диктаторских полномочий, тогда же никому и в голову не пришло назначить диктатора; большинство ни тогда, ни позже даже не вспомнило об этом испытанном средстве, оказавшемся очень полезным в прежние времена. Сенат с принятым им решением отправился на Капитолий. Шествие возглавлял Корнелий Сципион Назика, верховный понтифик. Он громко кричал: «Кто хочет спасти отечество, пусть следует за мною». При этом Назика накинул на свою голову край тоги, для того ли, чтобы этою приметою привлечь большинство следовать за ним, или

чтобы видели, что этим самым он как бы надел на себя шлем в знак предстоящей войны, или, наконец, чтобы скрыть от богов то, что он собирался сделать. Вступив в храм, Назика наткнулся на приверженцев Гракха; последние уступили ему дорогу из уважения к лицу, занимавшему такой видный пост, а также и потому, что они заметили сенаторов, следующих за Назикой. Последние стали вырывать из рук приверженцев Гракха куски дерева, скамейки и другие предметы, которыми они запаслись, собираясь итти в народное собрание, били ими приверженцев Гракха, преследовали их и сталкивали с обрывов Капитолия вниз. Во время этого смятения погибли многие из приверженцев Гракха. Сам он, оттесненный к храму, был убит около дверей его, у статуй царей. Трупы всех погибших были брошены ночью в Тибр.

17. Так убит был на Капитолии, состоя еще в звании трибуна, Гракх, сын Гракха, бывшего два раза консулом, и Корнелии, дочери Сципиона, лишившего карфагенян их военного превосходства. Гракха погубил составленный им превосходный план, потому что Гракх для осуществления его прибег к насильственным мерам. Гнусное дело, случившееся в первый раз в народном собрании, потом неоднократно повторялось от времени до времени и применялось к другим подобным Гракху лицам. А из-за убийства Гракха Рим поделился надвое: одна часть печалилась, другая радовалась. Одни сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали кулачное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли исполнения всех своих желаний. Все эти события происходили в то время, когда Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти.

132 г. и сл. 18. После убийства Гракха и смерти Аппия Клавдия для раздела земли в противовес младшему Гракху были поставлены Фульвий Флакк и Папирий Карбон. Так как крупные собственники не торопились записывать за себя приходившиеся на их долю участки, то триумвиры для раздела земли стали привлекать их к судебной ответственности. В скором времени началось много сложных судебных процессов. Дело в том, что все другие, соседившие с наделом земли в том случае, если они были проданы или поделены между совладельцами, должны были подвергнуться обследованию, чтобы соблюсти установленную меру надела, а именно — нужно было установить, как земля была продана и как она была поделена. Между тем далеко не у всех сохранились заключенные при продаже и покупке договорные документы, касающиеся раздела на участки. То же, что и можно было отыскать, возбуждало сомнения. При новом обмере земли одни должны были переселяться с участков, засаженных садовыми культурами, покрытых строениями, на участки, лишенные растительности; другие —

из участков обработанных на необработанные, либо на болота, на глинистую почву. Так как владельцы жили на участках, полученных в результате завоевания, то они и не могли точно указать свой первоначальный участок. Равным образом и государственное объявление — всякий желающий может обрабатывать не подвергшуюся разделу землю — побуждало многих обрабатывавших соседние участки придавать участкам одинаковый вид. К тому же и время изменило вид участков. Таким образом, несправедливые действия богатых, хотя они были и значительны, с трудом могли быть доказаны. В результате сдвинулись со своих участков все те, кто из прежних своих владений был снят и переселен в чужие.

19. Италийцы, не желая примириться со всем этим, равно 129 г.
как и с нажимом, который делали на них судьи, просили защитить их от чинимых им несправедливостей Корнелия Сципиона, разрушившего Карфаген. Сципион, которому в свое время оказали большую помощь италийцы во время его военных походов, не решился оставить без внимания их просьбы. Выступив в сенате, Сципион не стал порицать закон Гракха, очевидно, не желая раздражать народ, но, убедившись в трудности проведения закона в жизнь, он просил поручить разбирать спорные вопросы не тем, кто производил раздел земли, так как тяжущиеся относились к ним с подозрением, но передать это дело другим лицам. Своими доводами, казавшимися справедливыми, он вполне убедил сенат. Право судебного разбирательства было предоставлено тогдашнему консулу Тудитану. Занявшись этим делом и увидев всю его трудность, Тудитан отправился в поход в Иллирию и свой отъезд выставил как предлог избавиться от судебных разбирательств. Производившие раздел земли бездействовали, так как никто не обращался к ним за разрешением спорных вопросов. Все это послужило источником ненависти и негодования народа против Сципиона, которого народ ревниво любил, много боролся за него против оптиматов, вопреки закону два раза выбирал его консулом. Теперь народ видел, что Сципион противодействует народу в угоду италийцам. Враги Сципиона, заметив это, стали вопить: Сципион решил совершенно аннулировать закон Гракха и собирается затем устроить вооруженную бойню. 20. Народ, слыша все это, пришел в ужас. Между тем Сципион, вечером положивший около себя письменную дощечку, на которой ночью он собирался набросать речь, предназначенную им для произнесения в народном собрании, найден был мертвым без следов нанесения ран. Это было делом рук Корнелии, матери Гракха, с целью воспрепятствовать отмене проведенного им закона; она действовала в данном случае при помощи своей дочери Корнелии Семпронии, бывшей замужем за Сципионом; она была некрасива и бесплодна и не пользовалась его любовью, да и сама не любила его. По

мнению некоторых, Сципион покончил самоубийством, чувствуя, что не будет в состоянии сдержать данные им обещания. Наконец, некоторые утверждали, будто рабы во время пытки заявили, что Сципиона задушили ночью иноземцы, проникшие к нему через помещение, находившееся в задней части того дома, где он жил; рабы добавляли, что они, узнав об этом, побоялись донести, так как народ был сердит еще на Сципиона и радовался его смерти.

Итак, умер Сципион, оказавший такие услуги упрочению римского могущества; он не был удостоен даже погребения на государственный счет. До такой степени минутное раздражение одержало верх над благодарностью за прежние его заслуги. И это обстоятельство, чрезвычайно важное само по себе, послужило как бы добавлением к распре, поднятой Гракхом.

21. Между тем владельцы земельных участков под различными предлогами все откладывали и откладывали на долгий срок раздел их. Некоторые предлагали даровать права римского гражданства всем союзникам, всего более сопротивлявшимся разделу земли. Италийцы с удовольствием приняли это предложение, предпочитая полям римское гражданство. Фульвий Флакк, консул и вместе с тем член комиссии по разделу
125 г. земли, в особенности хлопотал за италийцев. Однако сенат был
недоволен тем, что римские подданные получат одинаковые права с римскими гражданами. Таким образом, и эта попытка не имела успеха. А народ, до тех пор все еще надеявшийся получить землю, приходил в уныние. При таких обстоятель-
124 г. ствах Гай Гракх, младший брат Гракха, автора закона о раз-
деле земли, бывший членом комиссии, которой поручено было это дело, охотно выставил свою кандидатуру в народные трибуны. В течение долгого времени Гай под влиянием неудачи, постигшей брата, оставался в бездействии. Но так как многие сенаторы относились к нему презрительно, он и выставил теперь свою кандидатуру в народные трибуны.

123 г. Блестяще избранный, Гракх тотчас же стал в оппозицию к
сенату. Он провел постановление о ежемесячном распределении продовольственных денег из общественных сумм каждому плебею; ничего подобного до тех пор не было. Одним этим актом, в проведении которого он имел помощником Фульвия Флакка, Гай быстро добился расположения народа к себе и благодаря этому немедленно был избран трибуном и на следующий год.

Дело в том, что тем временем был утвержден такой закон: если при выборах народного трибуна недостает кандидата, народ должен избирать его из всех граждан.

122 г. 22. Итак, Гай Гракх стал трибуном во второй раз. Подобно
тому как раньше он подкупал народ, так теперь он склонил на свою сторону и так называемых всадников, занимавших по

своему значению среднее положение между сенатом и плебеями. Воспользовался он при этом другим политическим маневром. Он передал суды, потерявшие свой престиж из-за допускавшегося в них взяточничества, от сенаторов всадникам. Первым он ставил в упрек преимущественно следующие, имевшие место незадолго до того случаи: Аврелий Котта, Салинатор и вслед за ним Маний Ацилий, завоевавший Малую Азию, несмотря на то, что они также были изобличены в явном взяточничестве, были, тем не менее, оправданы судьями, разбиравшими их дело. В Риме находились еще послы, выступавшие с обвинениями против указанных лиц и с горечью громогласно заявлявшие всем и каждому об их поступках. Сенат из-за большого стыда по поводу всего этого согласился на законопроект, предложенный Гаем, а народное собрание утвердило его. Таким образом суды перешли от сенаторов к всадникам. Говорят, Гай немедленно после того, как закон был принят, выразился так: я одним ударом уничтожил сенат. Эти слова Гракха оправдались еще ярче позднее, когда реформа, произведенная Гракхом, стала осуществляться на практике. Ибо предоставление всадникам судейских полномочий над римлянами, всеми италийцами и самими сенаторами, полномочие карать их любыми мерами воздействия, денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием — все это вознесло всадников, как магистратов над сенатом, а членов последнего сравняло со всадниками или даже поставило их в подчиненное положение. Как только всадники стали заодно с трибунами в вопросах голосования и в благодарность за это получили от трибунов все, чего бы они ни пожелали, сенаторам это начало внушать большие опасения. И скоро дело дошло до того, что самая основа государственного строя опрокинулась: сенат продолжал сохранять за собою лишь свой авторитет, вся же сила сосредоточилась в руках всадников. Продвигаясь в своем значении вперед, всадники не только стали заправлять всем в судах, но даже начали неприкрыто издеваться над сенаторами. Они переняли от последних свойственное им взяточничество и, получив вкус к наживе, еще более позорно и неумеренно пользовались возможностью служить ей. Против богатых всадники выдвигали подосланных обвинителей, процессы против взяточничества они совершенно отменили, столковавшись между собою или действуя друг против друга насилием. Обычай требовать отчет от должностных лиц вообще пришел в забвение, и судейский закон Гракха на долгое время повлек за собою распрю, не меньшую прежних.

23. Между тем Гракх стал проводить по Италии большие дороги, привлек на свою сторону массы подрядчиков и ремесленников, готовых исполнять все его приказания. Он вывел также много колоний. Латинов он побуждал требовать всех тех прав, какие имели римляне. Сенат не мог отказать в этом

латинам под каким-либо благовидным предлогом, так как они были в родстве с римлянами. Остальным союзникам, не имевшим права голоса при выборах римских магистратов, Гай с этого времени даровал это право, чтобы иметь и их, при голосовании, на своей стороне. Взбешенный преимущественно этим сенат заставил консулов обнародовать закон, что при предстоящем голосовании законопроекта Гая никто из не имеющих права голоса не может проживать в городе и приближаться к нему ближе 40 стадий. Другого трибуна, Ливия Друза, сенат убедил препятствовать проведению законопроектов Гракха, не объясняя народу причин, по которым он делает это. Такое право не объяснять причин дано было трибуну, выступавшему противником своего товарища по должности. Сенат дал полномочия Друзу, с целью задобрить народ, вывести 12 колоний. Это очень обрадовало народ, и он отнесся пренебрежительно к законопроекту Гракха.

24. Не добившись расположения к себе народа, Гракх отправился в Африку вместе с Фульвием Флакком, который после окончания своего консульства был избран для отправления туда. Послать же колонию в Африку было постановлено в виду плодородия ее почвы. Основателями колонии были избраны Гай и Флакк с той целью, чтобы во время их отсутствия сенат хотя бы на короткое время мог заглушить нерасположение, питаемое к сенату народом. Гай и Флакк выбрали то место для основания колонии, где некогда стоял Карфаген, нисколько не считаясь с тем, что Сципион, когда разрушал его, произнес заклятие, по которому карфагенская территория должна была на веки вечные представлять собою пастбище для скота. Гай и Флакк записали в число колонистов 6 000 человек, хотя в законе говорилось о меньшей цифре. Все это тоже делалось с целью расположить к себе народ. По возвращении в Рим они стали сзывать со всей Италии 6 000 человек. В то время когда Гай и Флакк проектировали основание города в Африке, пришло известие, что волки вытащили и разбросали пограничные столбы, поставленные Гракхом и Фульвием, и что авгуры истолковали это как дурное предзнаменование для будущей
121 г. колонии. Сенат созвал народное собрание, в котором закон о ней должен был быть аннулирован. Гракх и Фульвий, потерпев и здесь неудачу, словно обезумевшие, стали утверждать, что сенат введен в обман рассказом о волках. Самые смелые из плебеев встали на их сторону и с кинжалами явились на Капитолий, где должно было заседать народное собрание по вопросу о колонии.

25. Когда народ уже собрался и Фульвий начал свою речь, Гракх, охраняемый стражей из числа своих приверженцев, поднялся на Капитолий; он был обеспокоен сознанием того, что совещание идет по необычному вопросу, поэтому он уклонился от участия в собрании и направился в портик, выжидая, что

случится дальше. Находившегося в таком тревожном настроении Гракха увидел Антилл, плебей, совершавший жертвоприношение в портике, схватил его за руки и стал просить его пощадить родину; слышал ли о чем-либо Антилл, или подозревал что-нибудь, или что другое побудило его обратиться к Гракху, неизвестно. Гракх, пришедший в еще большее смущение и испугавшись, как если бы он уличен был в чем-нибудь, дико посмотрел на Антилла. Кто-то из присутствовавших при этом, хотя не было дано никакого ни сигнала, ни приказания, а только на основании дикого взгляда Гракха на Антилла вообразил, что уже пришла пора и, решив угодить чем-нибудь Гракху, первый принялся за дело: он извлек кинжал и поразил им Антилла. Поднялся крик, когда увидели его труп. Все бросились из храма в страхе пред такою бедою. Гракх, отправившись на форум, хотел там объяснить все случившееся. Но никто даже не остановился перед ним; все отступились от него как от человека, оскверненного убийством. Гракх и Флакк не знали, что делать. Они упустили удобный случай приступить к тому, о чем они решили говорить в собрании, и побежали к себе домой. Их сторонники собрались у них, а остальная толпа уже среди ночи, как если бы угрожала какая-нибудь беда, захватила форум. Консул Опимий, находившийся тогда в городе, дал приказ нескольким вооруженным лицам собраться рано утром на Капитолии и через глашатаев созвал туда сенат, а сам, выжидая, что произойдет дальше, находился в храме Диоскуров, расположенном в центре Капитолия. 26. Так было дело. Сенат пригласил Гракха и Флакка покинуть их дома и явиться в сенат для оправдания. Но они, вооруженные, бежали на Авентинский холм, в надежде, что, если они его займут, сенат скорее вступит с ними в переговоры. Во время бегства они сзывали рабов, обещая им свободу, но никто их не слушал. Гракх и Флакк со своими приверженцами заняли храм Дианы и укрепились в нем, сына же Флакка, Квинта, послали к сенату с просьбой заключить перемирие с тем, чтобы дальше жить с сенатом в согласии. Сенат приказал Гракху и Флакку сложить оружие, явиться в сенат и объявить о своем желании, никаких же иных послов больше к сенату не посылать. Так как Квинт все-таки был отправлен вторично, то консул Опимий, руководствуясь ранее сделанным объявлением, приказал арестовать его, так как Квинт не имел уже больше полномочий посла, против же Гракха и его приверженцев Опимий отправил вооруженный отряд. Тогда Гракх бежал по свайному мосту на другую сторону Тибра, в рощу, в сопровождении одного только раба. Он подставил рабу свое горло, когда он ожидал, что будет схвачен. Флакк бежал в мастерскую одного своего знакомого. Преследовавшие, не зная дома, где Флакк скрылся, грозили сжечь дома по всей улице. Знакомый Флакка, принявший его

к себе, не хотел донести на него, так как Флакк искал у него защиты, и приказал сделать это другому лицу. Флакк был тогда схвачен и убит. Головы Гракха и Флакка были принесены к Опимию, и последний дал принесшим столько золота, сколько весили головы. Народ бросился грабить их дома. Тех, кто принимал в этом участие, Опимий велел схватить, заключил в тюрьму и приказал их задушить. Квинту, сыну Флакка, Опимий предоставил умереть какою он захочет смертью. Затем Опимий совершил очищение города от скверны убийств. А сенат приказал Опимию воздвигнуть на форуме храм Согласия.

27. Так кончились смуты, связанные с выступлением второго Гракха. Его закон немного спустя был утвержден; владельцам спорных участков разрешено было продавать их, что со времени первого Гракха было запрещено. И немедленно богатые стали скупать участки у бедных, а иной раз под этим предлогом и насильно отнимали их. Положение бедных еще более ухудшилось, до тех пор пока народный трибун Спурий Торий внес законопроект, по которому земля не должна была более подлежать переделу, но принадлежать ее владельцам, которые обязаны были платить за нее народу налог, а получаемые с них деньги должны подлежать раздаче. Последнее несколько утешило неимущих, но пользы от этой меры, вследствие огромного их количества, не получилось никакой. После того как Гракхов закон, наилучший и суливший наибольшую пользу, если бы он мог быть осуществлен, вследствие этих ухищрений был аннулирован, немного спустя другой трибун отменил и налог, взимаемый с земли, и народ вместе с тем лишился всего. Вследствие этого стал ощущаться еще больший недостаток в гражданах и в военной силе, доходов с земли стало поступать меньше, уменьшились и раздачи, и законы — 15 лет спустя после реформы Гракха — при разборе дел в судах перестали применяться.

118 г. 28. В это же самое время консул Сципион приказал прекратить постройку театра, начатую Луцием Кассием и близившуюся уже к концу, или потому, что, по его мнению, театр этот после послужит началом междоусобных распрей другого
21 рода, или потому, что он вообще считал вредным приучать
102 г римлян к эллинским развлечениям. Тогда же цензор Квинт Цецилий Метелл хотел сместить с занимаемых ими должностей сенатора Главкию и прежнего народного трибуна Апулея Сатурнина, обоих за их порочное поведение. Но Метелл не мог привести свое намерение в исполнение, так как его сотоварищ по должности не согласился поддержать его. Немного спустя Апулей, собираясь отомстить Метеллу, выставил свою канди-
101 г. датуру в народные трибуны во второй раз, воспользовавшись тем, что Главкия был тогда претором и руководил голосованием при избрании народных трибунов. Однако трибуном был назначен Ноний, знатный человек, выступивший открыто

против Апулея и поносивший Главкию. Апулей и Главкия, испугавшись, как бы Ноний как народный трибун не стал мстить им, подослали против него, когда он выходил из народного собрания, шумевшую толпу народа, которая убила его в какой-то гостинице, куда он убежал. Когда обнаружилось это ужасное, прискорбное дело, сторонники Главкии, еще до тех пор как успел собраться народ, ранним утром выбрали в трибуны Апулея. Вследствие того, что трибуном стал Апулей, о происшествии с Нонием перестали говорить, уличить же Апулея побаивались.

29. Апулей и Главкия подвергли изгнанию Метелла, после 100 г.
того как они склонили на свою сторону Гая Мария, тайного врага Метелла, исправлявшего тогда в шестой раз консульскую должность. Составленный ими тремя план действий сводился к следующему. По внесенному Апулеем законопроекту должна была быть разделена земля, которая теперь у римлян называется Галлия и которую занимали в свое время кимвры, кельтское племя. Их незадолго до того прогнал Марий, и самую землю, как уже не принадлежащую галлам, приобщил к Риму. К законопроекту было добавлено: если народ его утвердит, сенат в течение пяти дней должен под клятвою обязаться привести законопроект в исполнение; кто из сенаторов такой клятвы не даст, не может оставаться в сенате и должен уплатить в пользу народа 20 талантов. Всем этим имелось в виду отомстить тем, кто настроен был против Апулея, в том числе и Метеллу, который по своему настроению не мог согласиться дать упомянутую клятву. Таков был законопроект Апулея. Он назначил день для его рассмотрения, причем разослал гонцов с уведомлением об этом сельских жителей, на которых всего более рассчитывал, так как они служили в армии под командой Мария. Римский народ относился к законопроекту с неодобрением, потому что он направлен был на пользу италийцам.

30. В назначенный для обсуждения законопроекта день возникло волнение, причем те из трибунов, которые противодействовали его проведению и потому подвергались со стороны Апулея оскорблениям, сошли с ораторской трибуны. Городская чернь стала кричать, что во время заседания народного собрания был слышен гром, а вследствие этого у римлян нельзя было выносить никаких решений. Сторонники Апулея тем не менее насильственно продолжали заседание. Тогда горожане подпоясали свои плащи, схватили попавшиеся им под руку дубины и прогнали сельчан. Последние, в свою очередь, по призыву Апулея, бросились с дубинами же на горожан и насильственно провели законопроект. После того как он был утвержден, Марий как консул обратился к сенату с предложением подумать о соблюдении данной ими клятвы. Зная, что Метелл — человек твердый в своем мнении и стойкий в своих

мыслях и словах, Марий с умыслом первый высказал свое мнение и заявил, что он лично никогда по доброй воле такой клятвы не принесет. После того как и Метелл высказался в таком же смысле и все прочие одобрили его и Мария, последний закрыл заседание сената. Затем на пятый день — это, по законопроекту Апулея, был последний срок для принесения клятвы — Марий около девятого часа поспешно созвал сенат и объявил, что он боится народа, который очень ревностно относится к проведению законопроекта; впрочем, он нашел такое изворотливое средство: принести клятву повиноваться этому закону, когда он будет законом. Тогда ожидавшие его утверждения сельчане разойдутся по своим селам, а потом нетрудно уже будет доказать, что не может считаться законом тот законопроект, который утвержден, вопреки отеческим постановлениям, насильственно и под раскаты грома. 31. После этих слов Марий не стал ожидать, чем дело кончится, и, в то время как от расставленной им ловушки и бесплодно потраченного времени все молчали в оцепенении, не дал им сроку обдумать все происшедшее и направился в храм Сатурна, где нужно было приносить клятву квесторам. Там Марий первый, а также его сторонники принесли клятву, принесли ее и все прочие, боясь каждый за самого себя. Один только Метелл не принес клятвы, но бесстрашно продолжал оставаться при своем первоначальном решении. На следующий день Апулей послал к Метеллу судебного пристава, который должен был удалить его из здания сената. Когда остальные трибуны стали его защищать, Главкия и Апулей бросились к сельчанам и начали говорить им, что не будет у них земли, не будет утвержден закон, если Метелл не будет изгнан. Тогда составили декрет об изгнании Метелла; консулы добавили к нему, что никто не должен допускать Метелла к пользованию ни огнем, ни водой, ни приютом, причем заранее назначили день, когда этот декрет должен подвергнуться обсуждению. Среди горожан поднялось страшное возмущение, и они стали все время сопровождать Метелла с кинжалами в руках. Метелл приветливо беседовал с ними, благодарил их за доброе к нему расположение, но сказал, что он не допустит, чтобы из-за него возникла какая-либо опасность для отечества. С этими словами Метелл и удалился из города. Апулей утвердил декрет, а Марий распубликовал его содержание.

32. Так Метелл, человек, пользовавшийся наилучшей репутацией, отправился в изгнание, Апулей после этого стал в третий раз трибуном. Вместе с ним трибуном был какой-то беглый раб; таковым его считали, хотя он выдавал себя за сына старшего Гракха. При голосовании народ из расположения к Гракху был на стороне этого беглого раба. При ближайшем избрании консулов на одно место был избран без возражений Марк Антоний, а на другое претендовали вышеупомянутый

Главкия и Меммий. Главкия и Апулей, опасаясь Меммия, пользовавшегося очень большою известностью, подослали к нему в день самых выборов каких-то людей с дубинами, которые избили его до смерти на виду у всех присутствующих. Народное собрание, приведенное этим в большое возмущение, было распущено, попраны были все законы, все судебные приговоры, забыт был всякий стыд. На следующий день народ сбежался в негодовании и гневе, чтобы покончить с Апулеем. Но Апулей собрал вокруг себя другую толпу народа из сельчан и вместе с Главкией и Гаем Сауфеем, квестором, захватил Капитолий. Сенат приговорил их к смертной казни, а Марий, как ему ни неприятно было это, должен был, правда с проволочкой, собрать кое-какую вооруженную силу. В то время как он медлил, был перерезан водопровод, шедший в храм Сатурна. Сауфей, погибавший от жажды, хотел поджечь храм. Главкия же и Апулей, понадеявшиеся, что их выручит Марий, сдались, сначала они, а за ними и Сауфей. Марий, в то время как все требовали немедленно же их казнить, заключил их в здании сената, чтобы, как он говорил, расправиться с ними, придерживаясь закона. Но народ, считая все это только уловкой, разобрал черепицу с крыши здания и бросал ее в сторонников Апулея до тех пор, пока не убил его самого, квестора, трибуна и претора, в то время когда все они еще были облечены знаками своей власти. 33. При этом волнении погибло и много другого народа, в том числе и второй трибун, тот, который считался сыном Гракха и который в тот день впервые исполнял свою трибунскую должность. Дело дошло до того, что никого уже больше не могли защитить ни свобода, ни демократический строй, ни законы, ни авторитет власти; поэтому и должность трибуна, священная и неприкосновенная, учрежденная для противодействия преступлениям и для охраны народа, подвергала насилию и испытывала его. После того как убиты были Апулей и его приверженцы, со стороны сената и народного собрания раздавались громкие голоса, требовавшие возвращения Метелла. Однако народный трибун Публий Фурий, бывший сыном не свободного гражданина, а вольноотпущенника, упорно сопротивлялся этому и остался непреклонен, не взирая на то, что его, в присутствии народа, со слезами и земными поклонами умолял Метелл, сын Метелла. За это он прозван был впоследствии благочестивым. В следующем году трибун Гай Капулей привлек Фурия по этому делу к суду, и народ, не выслушав его оправдания, растерзал 99 г.—97 г.
его. Таким образом, ежегодно на форуме совершалось преступление. Теперь Метеллу даровано было разрешение вернуться, и, по рассказам, ему нехватило дня, чтобы принять у ворот поздравления лиц, его встречавших. Дело Апулея, после обоих Гракхов, доставившее римлянам столько хлопот, является третьим эпизодом в истории гражданских войн.

34. При таком положении вещей началась так называемая Союзническая война, в которой принимали участие многие италийские племена. Она началась неожиданно, приняла вообще большие размеры, и страх перед нею потушил на долгое время междоусобные распри. Однако при ее окончании она породила другие смуты и выдвинула более сильных руководителей партий, которые в борьбе между собою прибегали не к внесению законопроекта, не даже к заискиванию пред народом, но к сплоченной военной силе. Я включил поэтому и Союзническую войну в настоящее сочинение, так как она началась из-за бывших в Риме волнений и привела к другой, еще худшей смуте. Началась война так.

125 г. Консул Фульвий Флакк был, строго говоря, первый, кто совершенно открыто стал подстрекать италийцев добиваться прав римского гражданства с тем, чтобы из подчиненных стать участниками в римском владычестве. Когда Флакк внес свое предложение и упорно настаивал на его осуществлении, сенат отправил его в какой-то военный поход. Во время этого похода истек срок консульской власти Флакка. Но он после окончания
123 г. консульских полномочий получил звание трибуна вместе с младшим Гракхом, который вносил такого же рода проект относительно италийцев. Когда оба они, как рассказано мною ранее, были убиты, италийцы пришли в очень большое возбуж-
121 г. дение. Они считали для себя недостойным числиться подданными вместо того, чтобы участвовать в управлении, они стыдились того, что Флакк и Гракх, действовавшие в их интересах, должны были испытать постигшую их участь.

91 г. 35. После Флакка и Гракха трибун Ливий Друз, человек очень знатного происхождения, также обещал, по просьбе италийцев, снова внести законопроект о даровании им гражданских прав. Это было главное пожелание италийцев, так как они рассчитывали, что этим способом они тотчас же станут, вместо подвластных, полновластными. Ливий, подготовляя к этому народ, приманивал его на свою сторону тем, что организовал много колоний в Италии и Сицилии, выведение которых хотя и было решено с давних пор, однако не было приведено в исполнение. Сенат и всадников, враждовавших тогда между собою, в особенности из-за судов, Ливий пытался примирить законопроектом, одинаково приемлемым для тех и для других. Не имея возможности открыто вернуть судейские должности сенату, он придумал следующую уловку. Из-за происходивших тогда распрей число сенаторов едва доходило до трехсот; Ливий предложил прибавить к ним столько же сенаторов из числа всадников, руководствуясь знатностью происхождения, так чтобы на будущее время суды состояли из совокупности всех этих 600 лиц. Ливий присоединил к своему законопроекту еще то, чтобы члены сената производили расследование по делам о взяточничестве, преступлении, по которому тогда почти со-

вершенно неизвестно было привлечение к суду, настолько взяточничество вошло в обычай и было беспрепятственно распространено. Ливий в своем законопроекте имел в виду и сенаторов и всадников, но случилось обратное тому, на что он рассчитывал. Сенат был в высшей степени раздражен тем, что в его состав войдет такое большое число членов из всадников, которые таким образом достигнут высшего звания в государстве; при этом сенат не без основания предполагал, что всадники, сделавшись сенаторами, будут с еще большей силой заводить распри с прежними сенаторами. В свою очередь, всадники подозревали, как бы при таком угодничестве Ливия суды не перешли на будущее время от всадников в ведение исключительно одного сената. Так как всадники хорошо нажились и пользовались большим влиянием, то они не без горького чувства выражали свое настроение. Многие из них к тому же и в своей среде были настроены подозрительно, должны были оказаться в затруднительном положении и относиться подозрительно друг к другу при мысли о том, кто же из их состава признан будет более достойным быть избранным в число трехсот. И зависть к более влиятельным из числа всадников овладела всеми прочими. Сверх всего этого они возбуждены были еще тем, что должны были снова всплыть обвинения во взяточничестве, которые, как они до сих пор были уверены, были уничтожены с корнем и притом в их интересах.

36. Таким образом, в ненависти против Друза сошлись в своем настроении и всадники и сенаторы, хотя и те и другие относились друг к другу враждебно; один лишь народ ликовал при мысли о выведении колоний. Но италийцы, ради которых Друз главным образом придумал все это, испугались закона о выведении колоний. Они боялись, как бы у них немедленно же не были отняты те общественные римские земли, которые не были еще поделены и которые одни из них возделывали, отчасти захватив их насильственным путем, отчасти скрытно; при этом италийцы сильно беспокоились и о своих собственных землях. Этруски и умбры, которые испытывали те же опасения, что и италийцы, и которые, как думали, были привлечены консулами в Рим под предлогом выступить с обвинениями против Друза, а на самом деле — с целью убить его, открыто поносили законопроект и поджидали только дня, когда он будет обсуждаться. Друз, обратив внимание на создавшееся напряженное положение, изредка выходил из дома, но все время занимался у себя, в слабо освещенном портике. Когда он однажды к вечеру отпускал от себя толпу народа, он внезапно вскрикнул: «я ранен», и с этими словами упал. Он был найден пронзенным в бедро сапожным ножом.

37. Таким образом, и Друз был убит во время исполнения им должности трибуна. Теперь всадники положили его политику в основу для доносов на своих противников. Они уговорили

трибуна Квинта Вария выступить с таким законопроектом: должны быть привлечены к ответу все те, кто явно или тайно помогает италийцам выступать против государства. Всадники надеялись таким образом немедленно подвести всех влиятельных лиц под ненавистное обвинение, суд над ними забрать в свои руки и после того, как они будут устранены, получить в государстве еще бо̀льшую силу. Когда другие трибуны отказывались дать ход этому законопроекту, всадники с обнаженными кинжалами окружили их и заставили утвердить законопроект. После его утверждения тотчас же началась запись лиц, желающих выступить обвинителями против самых видных сенаторов. Один из последних, Бестия, не дождавшись вызова в суд, удалился в изгнание, чтобы не отдаться в руки противников; другой сенатор, Котта, правда, выступил в суде, произнес внушительную речь о своем образе действий, открыто поносил при этом всадников, но и он удалился из Рима до голосования. Завоеватель Греции Муммий, позорно попавшись на удочку к всадникам, обещавшим оправдать его, приговорен был к изгнанию и провел остаток своей жизни на Делосе.

38. Так как преследования аристократии все более и более росли, народ стал выражать неудовольствие, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудившихся на пользу государства. Да и италийцы при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица подверглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для скрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римляне не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобные распри. Но когда римлянам все это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аускула в другой город, донес об этом управлявшему этими местами проконсулу Сервилию; повидимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы — эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан, но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аускул в то время, когда жители его справляли праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервилием был убит и Фонтей, его легат, — так называют римляне тех долж-

ностых лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников за правителями провинций.

После того как убиты были Сервилий и Фонтей, и остальным римлянам в Аускуле не было уже никакой пощады: на всех римлян, какие находились в Аускуле, жители его напали, перебили, а имущество их разграбили.

39. Лишь только разнеслась весть о восстании в Аускуле, все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, френтаны, гирпины, помпеяны, венузины, япиги, луканы, самниты. Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше — вообще все племена, обитавшие от реки Лириса, называемой теперь, кажется, Литерном, вплоть до углубления, образуемого Ионийским заливом, по сухому и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если они раскаиваются во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату — это непременное условие. Теперь у италийцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 000 пехоты и такого же количества конницы. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италийских племен. 90 г.

40. Римскою армиею командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий Рутилий Луп. Они оба отправились в путь как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима — ведь ему грозила опасность, или, по крайней мере, она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали вместе с консулами наилучших в то время легатов к ним: к Рутилию — Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цепиона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу, к Сексту Цезарю — Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Дидия, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали еще других лиц — такою важною представлялась им эта война. У италийцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченною властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнатий, Квинт Попедий, Гай Папий, Марк Лампоний, Гай Видацилий, Герий Азиний, Веттий Скатон. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских коман-

диров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач. Самое достопримечательное и в том и в другом отношениях сводится в общих чертах к следующему.

41. Веттий Скатон обратил в бегство Секста Юлия, вывел у него из строя 2 000 человек и оттеснил его к Эзернии, стоявшей на римской стороне. Луций Сципион и Луций Азиний, руководившие ее защитой, переоделись рабами и бежали, Эзерния была покорена временем и голодом; Марий Эгнатий, захвативший Венафр благодаря измене, истребил две римские когорты, стоявшие в нем. Публий Презентей, обратив в бегство Перпенну, командовавшего 10 000 войска, положил на месте 4 000 человек, а у большей части оставшихся в живых взял вооружение. Вследствие этого консул Рутилий отстранил Перпенну от командования и оставшуюся часть войска присоединил к армии Гая Мария. Марк Лампоний истребил до 8 000 человек из армии Лициния Красса, а оставшихся в живых преследовал до города Грумента. 42. Гай Папий взял Нолу благодаря измене и объявил двум тысячам римлян, находившихся в ней: если они перейдут на его сторону, он примет их в свое войско. Они перешли и служили под начальством Папия. Командиры их, не подчинившиеся приказанию, взяты были в плен, и Папий уморил их голодом. Папий захватил также Стабии, Минервий и Салерн, римскую колонию. Захваченных здесь пленных и рабов Папий присоединил к своему войску. Когда Папий предал пламени все окрестности Нуцерии, соседние города, напуганные этим, перешли на его сторону и по его требованию послали ему войско в количестве 10 000 пехоты и 1 000 конницы. С этими силами Папий осадил Ацерры. Когда Секст Цезарь, взяв с собою 10 000 галльских пехотинцев, а также нумидийских и мавританских всадников и пехотинцев, направился к Ацеррам, Папий привел из Венузии сына бывшего нумидийского царя Югурты Оксинту, которого римляне держали под арестом в Венузии, облек его в царскую порфиру и часто показывал его нумидийцам, бывшим с Цезарем. Многие из них стали перебегать к Оксинте как своему царю. Тогда Цезарь отнесся с подозрением к прочим нумидийцам и отправил их в Африку. Теперь к нему приблизился надменно Папий и успел уже разрушить часть римского вала. Цезарь послал против Папия через другие ворота всадников и истребил из его отряда до 6 000 человек, после чего отошел от Ацерр. Тем временем Канузий, Венузия и многие другие города в Апулии перешли на сторону Видацилия. Города, оказавшие ему неповиновение, он завоевал после осады и находившихся в них знатных римлян перебил, а простых граждан и рабов присоединил к своему войску.

43. Консул Рутилий и Гай Марий разрушили находившиеся недалеко от них мосты через реку Лирис, служившие для переправы. Против них, ближе к мосту Мария, расположился лагерем Веттий Скатон. Ночью тайно устроил он засаду в ущельях,

находившихся около моста Рутилия. На рассвете он пропустил его пройти по мосту, а затем выступил с находившимися в засаде, многих из римлян перебил на берегу, многих сбросил в реку. Сам Рутилий, раненый во время этого дела стрелою в голову, спустя немного времени умер. Марий, находившийся у другого моста, по трупам, несшимся по течению, догадался о случившемся, оттеснил тех, кто мешал ему, переправился через реку и захватил охраняемый немногими вал Скатона, так что последний лишь переночевал на том месте, где он одержал победу, а затем, из-за недостатка в продовольствии, на рассвете должен был отступить. Тело Рутилия и многих других знатных римлян перевезены были в Рим для погребения. Нерадостно было при виде убитых консула и такого количества других лиц, и в течение многих дней по этому случаю в Риме был траур. После этого сенат решил хоронить убитых на войне там, где они погибли, чтобы зрелище похорон в Риме не отвращало других от военной службы. Враги, узнав об этом распоряжении сената, вынесли со своей стороны такое же постановление.

44. На остающуюся часть года преемника Рутилию не было, так как Секст Цезарь не имел времени отправиться в Рим на выборы и вернуться обратно. Сенат передал армию Рутилия Гаю Марию и Квинту Цепиону. К последнему перешел, под видом перебежчика, неприятельский полководец Квинт Попедий и дал ему в качестве залога двух привезенных им молодых рабов, которых он выдавал за своих сыновей, а потому и одел их в отороченные пурпуром одежды. В залог он посылал также позолоченные и посеребренные свинцовые круглые пластинки. Попедий настаивал на том, чтобы Цепион как можно скорее следовал со своим войском и захватил лагерь Попедия, оставшийся без начальника. Цепион дал себя уговорить и выступил. Тогда Попедий, очутившись вблизи устроенной им засады, взбежал на какой-то холм с целью якобы высмотреть, где враги, и с холма дал им сигнал. Неприятели быстро явились и уничтожили Цепиона и многих бывших с ним. Оставшуюся часть войска Цепиона сенат присоединил к армии Мария.

45. Секст Цезарь с 30 000 пехоты и 15 000 конницы проходил по какому-то обрывистому ущелью, как вдруг напал на него Марий Эгнатий. Секст был отброшен в ущелье и спасся; его, так как он был болен, несли на ложе к одной реке, где был всего один мост. Здесь он потерял большую часть войска, у оставшихся в живых погибло вооружение. С трудом добравшись до Теана, Секст вооружил тут, по мере возможности, тех, кто еще оставался у него. Когда к нему поспешно подошел другой отряд войска, он вернулся к Ацеррам, все еще осаждаемым Папием. Неприятельские войска расположились лагерем друг против друга, но ни то, ни другое войско не осмеливалось итти в атаку.

46. Корнелий Сулла и Гай Марий энергично преследовали на-

павших на них марсов, пока они не наткнулись на изгородь из виноградных лоз. Марсы с большим трудом переходили через эту изгородь, но Марий и Сулла решили не преследовать их дальше. Корнелий Сулла, расположившись лагерем по ту сторону виноградников, узнав о происшедшем, выступил навстречу бегущим марсам и многих из них перебил. Вообще в тот день было убито более 6 000 человек, и еще большее количество вооружения было захвачено римлянами. Раздраженные, подобно диким зверям, понесенным ими поражением марсы снова стали вооружаться и готовиться к нападению на римлян, причем последние не осмеливались предупредить их и первыми начать бой. Дело в том, что марсы — народ очень воинственный; говорят, над ними и состоялся только один триумф после упомянутого их поражения, а раньше говорили: ни над марсами, ни без марсов не было триумфа.

47. Около Фалернской горы Видацилий, Тит Лафрений и Публий Веттий, соединившись друг с другом, обратили в бегство Гнея Помпея и преследовали его до города Фирма. Они отправились теперь в другие места, за исключением Лафрения, который осадил Помпея, запертого в Фирме. Но последний, тотчас же вооружив оставшееся у него войско, не вступил в битву; после же того, как к нему подошло другое войско, послав Сульпиция в тыл Лафрению, сам напал на него с фронта. В возгоревшейся рукопашной схватке обе стороны терпели урон. Сульпиций поджег неприятельский лагерь. Враги, заметив это, бежали в Аускул в беспорядке и без командира — Лафрений погиб во время битвы. Помпей пошел тогда против Аускула и приступил к его осаде. 48. Аускул был родиной Видацилия. Опасаясь за город, Видацилий поспешил к нему на выручку с 8 когортами. Жителям Аускула через вестника он приказал поступить так: когда они заметят, что он издали подходит, сделать вылазку против осаждавших город, так чтобы враги с обеих сторон завязали бой. Но жители Аускула не решились на это. Тогда Видацилий прорвался в город через строй врагов и с силами, какие он мог собрать, обрушился на жителей Аускула за их трусость и неповиновение. Не надеясь отстоять город, Видацилий перебил всех своих врагов, которые и раньше жили с ним не в ладах и в то время, из-за нерасположения к Видацилию, отговорили народ исполнить его приказание. Затем в храме был сооружен костер, и на нем поставлено было ложе. Видацилий устроил, в компании своих друзей, пир; во время питья из круговой чаши он принял яд, и возлегши на костер, велел друзьям поджечь его. Таким образом Видацилий, сочтя своею честью умереть за родину, покончил с собою. Секст Цезарь по истечении срока его должности был избран сенатом в проконсулы; он напал на двадцатитысячный отряд врагов в то время, когда они меняли стоянку, перебил из них до 8 000 человек и захватил еще гораздо больше вооруже-

ния. Он умер от болезни во время затянувшейся осады Аускула и назначил своим заместителем по командованию Гая Бебия.

49. Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племен. Сенат в страхе, как бы не оказаться в беззащитном положении в том случае, если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима — тогда впервые вольноотпущенники, из-за недостатка в живой силе, зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем италийцам, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все италийцы. Это решение сената было распространено по Этрурии, и ее жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников еще более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину. Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или италийцы довольны были вообще новым своим положением; но впоследствии, когда поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распре.

50. Союзники, жившие у Ионийского моря, не зная еще об 89 г.
изменившемся настроении этрусков, отправили в Этрурию по длинным и непроходимым дорогам на помощь 15 000 войска. Гней Помпей, ставший в то время консулом, напал на него и истребил около 5 000. Половина оставшихся в живых, возвращаясь на родину по трудно проходимой территории, в суровую зиму, была вынуждена питаться желудями и также погибла. В ту же зиму Порций Катон, сотоварищ Помпея по консульству, во время войны с марсами был убит. Луций Клуенций с большою неустрашимостью расположился лагерем в трех стадиях от Суллы, стоявшего лагерем около Помпейских гор. Сулла, не будучи в состоянии пережить такой заносчивости Клуенция, напал на него, не дожидаясь даже возвращения своих фуражиров. И тогда Сулла потерпел поражение и бежал. Затем он присоединил к своему отряду фуражиров и обратил в бегство Клуенция. Тот тотчас же переместился со своим лагерем дальше, а когда к нему пришли на помощь галлы, снова приблизился к лагерю Суллы. Когда войска сошлись, один галл

огромного роста выступил вперед и стал вызывать кого-либо из римлян на бой. Выступил один мавританец маленького роста и убил галла. Галлы в страхе немедленно обратились в бегство. Когда боевой строй распался, остальное войско Клуенция не могло уже оставаться на месте, но в беспорядке направилось бежать в Нолу. Сулла бросился за ним вдогонку и истребил во время бегства до 30 000 человек. А когда жители Нолы согласились пропустить их только через одни ворота из опасения, как бы вместе с ними не вторглись и враги, Сулла около укреплений Нолы истребил еще до 20 000. Клуенций погиб во время сражения. 51. Сулла перенес тогда свой лагерь на территорию другого племени, гирпинов, и подступил к Эклану. Жители его поджидали в тот же день помощи от луканов. Поэтому они просили Суллу дать им время на размышление. Сулла, поняв их уловку, дал им всего один час. Тем временем он обложил деревянную стену Эклана хворостом и по прошествии часа поджег ее. Жители Эклана испугались и сдали город. Его Сулла отдал на разграбление, так как он перешел на римскую сторону не из благорасположения к римлянам, а в силу нужды, остальные же города, переходившие на римскую сторону, Сулла щадил, пока не подчинил все племя. Затем Сулла повернул в Самниум, но не в том месте, где предводитель самнитов, Мотил, сторожил проходы, а в обход по другой дороге, чего самниты не ожидали. При внезапном нападении Сулла многих перебил. Из оставшихся в живых, бросившихся врассыпную, Мотил, раненый, спасся с немногими в Эзернию. Сулла, захватив его лагерь, пошел на Бовиан, где пребывал общий совет всех отпавших. В городе было три цитадели. В то время как жители Бовиана обратились против Суллы, последний послал в обход отряд с приказанием захватить, если возможно, одну из цитаделей и подать знак об этом дымом. Лишь только дым показался, Сулла напал с фронта и после трехчасовой жестокой битвы овладел городом. Вот какие удачи за это лето выпали на долю Суллы. 52. С наступлением зимы он вернулся в Рим, чтобы там выставить свою кандидатуру в консулы. Тем временем Гней Помпей привел к покорности марсов, марруцинов, вестинов. Другой римский командир, Гай Косконий, подступил к Салапии и сжег ее, захватил Канны и, осадив Канузий, энергично сопротивлялся пришедшим на помощь самнитам до тех пор, пока с обеих сторон не началась страшная резня, и Косконий, терпя урон, отступил в Канны. Предводитель самнитов Требаций — его и Коскония разделяла река — приказал сказать ему: или он должен, переправившись через реку, вступить с ним в битву, или отступить, чтобы мог переправиться он, Требаций. Косконий отступил и во время переправы Требация напал на него и одолел его в битве. Во время бегства врагов к реке Косконий истребил 15 000 человек. Остальные, вместе с Требацием, бежали в Канузий. Косконий, опустошив

территорию ларинатов, венузийцев и эскуланов, вторгся на территорию педикулов и в два дня присоединил это племя. 53. Его преемник по командованию, Цецилий Метелл, вторгся в Япигию и одолел в битве япигов. При этом пал другой предводитель повстанцев, Попедий. Остальные предводители их постепенно один за другим бежали к Цецилию. 88 г.

Таковы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все италийцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самниум не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с тою целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего многолюдства.

54. В то же время в Риме возникли волнения между должниками и заимодавцами. 89 г. Последние стали требовать уплаты долгов с процентами, несмотря на то, что по одному старинному закону воспрещалось давать деньги в долг под проценты, причем виновный в этом должен был платить штраф. Мне кажется, древние римляне, подобно грекам, гнушались займов под проценты как барышничества, тягостного для неимущих, дававшего удобный повод для споров и вражды. На этом же основании и у персов ссуда денег считалась чем-то ведущим к обману и лжи. По долголетнему обычаю укрепилось взимание процентов. Поэтому и теперь заимодавцы стали требовать уплаты процентов, должники же оттягивали, ссылаясь на войны и на внутренние волнения. Были и такие, кто стал грозить давшим ссуды штрафом, и претор Азеллион, в ведении которого было разбирательство этих дел, после неудачной попытки склонить стороны на мировую предоставил им обратиться в судебные инстанции, чтобы судьи разобрались в создавшемся противоречии между законом и обычаем. Заимодавцы были очень недовольны тем, что Азеллион возобновляет старый закон, и убили его при следующих обстоятельствах. Азеллион совершал жертвоприношение Диоскурам на форуме, и его окружала толпа, присутствовавшая при жертвоприношении. Кто-то сначала бросил в Азеллиона камень. Тогда он бросил чашу и бегом устремился в храм Весты. Но толпа захватила храм раньше, не допустила в него Азеллиона и заколола его в то время, когда он забежал в какую-то гостиницу. Многие из преследовавших Азеллиона, думая, что он убежал к весталкам, ворвались туда, куда мужчинам вход был воспрещен. Так-то и Азеллион в то время, когда он исправлял должность претора, совершал возлияние, одет был в священную, отороченную золотом одежду, был убит около второго часа дня среди форума, около храма. Сенат издал объявление: кто изобличит убийцу Азеллиона, тот, свободнорожденный, полу-

чит денежную награду, раб — свободу, соучастник в преступлении — прощение. Тем не менее никто не нашелся, кто сделал бы донос: так старательно заимодавцы скрыли это преступление.

55. Все эти убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже друг против друга как на войне, при помощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом. Начало и повод к этому тотчас же вслед за Союзнической войной дали такие обстоятельства.

Когда Мифридат, царь Понта и других племен, вторгся в Вифинию, Фригию и в соседившие с ними части Малой Азии, как у меня рассказано об этом в предшествующей книге, Сулла, бывший тогда консулом, получил по жребию командование в эту войну над малоазийской армией. Он находился еще в Риме. Марий, считая предстоящую войну легкой и прибыльной и желая получить командование, склонил на свою сторону многими обещаниями трибуна Публия Сульпиция помочь ему. Вместе с тем Марий обнадежил новых граждан из числа италийцев, составляющих при голосовании меньшинство, что он распределит их по всем трибам. При этом Марий ничего не говорил им еще наперед о той помощи, которую он рассчитывал получить от них для себя, но, разумеется, хотел воспользоваться ими, как готовыми на все прислужниками. Сообразуясь со всем этим, Сульпиций тотчас же внес законо-
88 г. проект. Если бы он был утвержден, осуществилось бы все, чего желали Марий и Сульпиций, так как новые граждане давали значительный перевес в сравнении со старыми. Последние это понимали и оказывали энергичное сопротивление новым гражданам. С той и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни. Беда росла. Консулы боялись приближающегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни неприсутственными в течение зимнего срока, как это бывало во время праздников. Этою мерою консулы рассчитывали отсрочить голосование законопроекта и ожидаемого в связи с ним бедствия. 56. Сульпиций, однако, не дождавшись окончания неприсутственных дней, приказал своей партии явиться на форум со спрятанными кинжалами и пустить их в дело, когда придет надобность, причем, если будет нужно, не давать пощады и консулам. Когда все было готово, Сульпиций заявил протест против объявления неприсутственных дней как противозаконного и требовал, чтобы консулы Корнелий Сулла и Квинт Помпей немедленно же отменили их и чтобы обсуждение законопроекта поставлено было в порядок дня. Поднялся шум. Подготовленные Сульпицием люди обнажили кинжалы и стали грозить убить сопротивлявшихся консулов, пока Помпею не удалось тайно убежать, а Сулла ушел, как бы собираясь обсудить создавшееся положение. В это время

сторонники Сульпиция убили сына Помпея, приходившегося свойственником Суллы, за то, что он в своей речи говорил слишком свободно. Сулла вернулся и отменил неприсутственные дни. Сам он спешил в Капую к стоявшему там войску, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию на войну против Мифридата. Он тогда не подозревал, что против него велись интриги. Сульпиций же, после того как неприсутственные дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Мифридата был избран Марий. 57. Когда об этом узнал Сулла, он счел необходимым решить дело вооруженной силой. Он созвал собрание своего войска, которое также стремилось в поход против Мифридата, смотря на поход как на выгодное предприятие и думая, что теперь Марий наберет вместо них другое войско. На собрании Сулла говорил о наглом в отношении его поступке Сульпиция и Мария, не распространяясь ясно о всем прочем: он не решался еще говорить о предстоящей войне против них, а убеждал лишь войско быть готовым к исполнению его приказаний. Воины понимали, что у Суллы было на уме, и, боясь за самих себя, как бы им не пришлось потерять поход, сами открыли намерения Суллы и требовали от него вести их смело на Рим. Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов. Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, убежали в Рим. На пути Суллу встретили послы оттуда и спросили его: почему он с вооруженной силой идет на родину. Сулла отвечал им: освободить ее от тиранов. То же самое он дважды и трижды повторил другим послам, явившимся к нему, прибавив все-таки, что, если они хотят, то пусть соберут на Марсово поле сенат вместе с Марием и Сульпицием, и он тогда поступит согласно вынесенному решению. Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и предоставляя себя всецело в его распоряжение. Марий и Сульпиций, которым нужен был еще некоторый срок для подготовки к борьбе, послали новых послов к Сулле, как бы по поручению сената. Послы просили Суллу не располагаться лагерем ближе 40 стадий от Рима, пока сенат не обсудит создавшегося положения. Сулла и Помпей, хорошо поняв намерения Мария и Сульпиция, обещали так поступить, но лишь только послы удалились, последовали за ними. 58. Сулла занял с одним легионом Эсквилинские ворота и укрепления, расположенные около них; с другим легионом Помпей занял Коллинские ворота. Третий легион направился к деревянному мосту, четвертый оставался пред укреплениями в качестве резерва. С остальными двумя легионами Сулла вошел в город как враг и в мыслях и на деле. По-

этому окрестные жители, защищаясь от него, бросали в него сверху что попало и делали это до тех пор, пока он не пригрозил им спалить их дома. Тогда они остановились. Марий и Сульпиций встретили Суллу у Эсквилинского форума с теми силами, какие успели вооружить. И тут произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю. До такого бедствия довели междоусобные распри, на которые своевременно не было обращено внимания. Когда воины Суллы готовы были обратиться в бегство, он, схватив знамя, бросился вперед в бой. Из почтения перед вождем, из страха пред позором потерять знамя воины тотчас же остановились в своем бегстве. Сулла вызвал свежие силы из состава войска, послал других по так называемой Субурской дороге в обход врага, где они должны были ударить в тыл врага и окружить его. Отряд Мария плохо сражался с напавшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным шедшими в обход его. Стали сзывать на бой всех прочих граждан, остававшихся еще в домах, обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же убежали из города и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними.

59. Сулла повернул затем на так называемую Священную дорогу. Там он тотчас же приказал подвергнуть наказанию на виду у всех некоторых из числа своих воинов, которые попутно занимались мародерством. После этого Сулла поставил во всех частях Рима караулы, обходил их в течение всей ночи сам вместе с Помпеем с тою целью, чтобы не произошло какого-либо насилия ни со стороны напуганных граждан, ни со стороны победителей. При наступлении дня Сулла и Помпей созвали народное собрание и в нем печаловались на то, что государство с давнего времени находится в руках лиц, гоняющихся за приобретением расположения народа, и что они вынуждены были предпринять все происшедшее. Сулла и Помпей внесли вместе с тем предложение не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате, как это принято было с давних пор, но давно уже нарушалось; голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь Тулл Гостилий, по центуриям. Этими двумя мерами Сулла и Помпей рассчитывали устроить так, чтобы ни один законопроект не вносим был в народное собрание, прежде чем он не будет обсужден в сенате, чтобы голосование было в руках не неимущих и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом. Этим надеялись пресечь в дальнейшем поводы к междоусобным распрям. Лишив трибунов, власть которых приняла по преимуществу тираннический характер, многих прерогатив их власти,

Сулла и Помпей зачислили в сенат, бывший тогда очень малолюдным и к тому же не пользовавшийся никаким влиянием, сразу 300 наиболее знатных людей. Все распоряжения Сульпиция, изданные консулами за время после объявления неприсутственных дней, были отменены как незаконные.

60. Таким образом междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в родную землю как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилием пропало всякое уважение к закону, государству, родине. Тогда удалены были из Рима в изгнание Сульпиций, бывший еще трибуном, и вместе с ним Марий, шесть раз отправлявший консульскую должность, сын Мария, Публий Цетег, Юний Брут, Гней и Квинт Граний, Публий Албинован, Марк Леторий и другие, всего 12 человек. Всем им поставлено было в вину то, что они возбудили волнения, вели войну против консулов, объявили рабам свободу, чтобы побудить их к отложению. Все они объявлены были врагами римлян, и всякий встречный мог безнаказанно убить их или отвести к консулам. Имущество их было конфисковано. Против них посланы были сыщики, которые и захватили Сульпиция и убили его.

61. Марий бежал от них в Минтурны, один, без слуги и раба, и там нашел прибежище в одном не бросавшемся в глаза доме. Минтурнские власти, бывшие в страхе пред объявлением, охраняли человека, бывшего шесть раз консулом и совершившего много блестящих подвигов, и не захотели убить его сами. Они подослали к нему с мечом проживавшего в Минтурнах галла. Говорят, что галл, когда он подошел к Марию, лежавшему в темноте на соломе, испугался его; ему показалось, что глаза Мария блестят и горят как огонь. А когда Марий, приподнявшись со своего ложа, во всю мочь крикнул ему — Как? Ты смеешь поднять руку на Мария? — галл стремглав выбежал из дома, словно сумасшедший, и вопил: — Не могу я убить Гая Мария! — После этого и на минтурнские власти, и раньше медлившие решиться покончить с Марием, напал какой-то непонятный страх: им вспомнилось предсказание, данное Марию в его детстве, что он будет семь раз консулом. В самом деле, рассказывают, будто на грудь мальчика Мария упали семь орлят, и тогда предсказатели объявили, что он будет семь раз занимать высшую должность. 62. Припомнив это и решив, что и галл вдохновлен был какою-то божественною силою и потому испугался, минтурнские власти тотчас же выслали Мария из города туда, где он мог бы спастись. Марий знал, что Сулла ищет его, что конные солдаты гонятся

за ним; он пробирался по непроходимым дорогам к морю и, встретив на пути хижину, расположился там на ночлег и набросал на свое тело листья, а заслышав шум, скрывался под ними. Когда шум стал слышен еще более, он вскочил в лодку одного старого рыбака и заставил старика, несмотря на бурю, отчалить, причем разрубил канат, расправил парус и предоставил судьбе нести его. Лодку пригнало к какому-то острову. Там Марий нашел корабль, принадлежавший знакомым ему людям, и на нем переправился в Африку. Так как правитель Африки Секстилий воспрепятствовал Марию как врагу высадиться на берег, он зимовал на море, недалеко за пределами Африки, у границ Нумидии. При известии о том, что Марий пребывает на море, к нему приплыли осужденные вместе с ним Цетег, Граний, Альбинован, Леторий и другие, в том числе и сын Мария. Все они скрылись из Рима к правителю Нумидии Гиемпсалу, откуда потом убежали, подозревая, что последний их выдаст. Они, по примеру Суллы, замышляли насильственные действия против родины, но так как у них не было войска, они только следили за дальнейшим ходом событий.

63. Между тем в Риме Сулла, несмотря на то, что он как первый, захвативший город при помощи вооруженной силы, мог бы, пожалуй, стать единоличным владыкою, добровольно отказался от применения насилия, после того как отомстил своим врагам. Отослав войско в Капую, Сулла снова стал управлять как консул. С своей стороны, сторонники изгнанных, в особенности принадлежавшие к числу зажиточных, а также многие богатые женщины, придя в себя от страха пред вооруженными действиями, возбужденно добивались возвращения изгнанников. Они этого добивались всеми средствами, не останавливаясь ни перед какими затратами, ни перед злоумышлениями на жизнь консулов, зная, что, пока они живы, возвращение изгнанников невозможно. В распоряжении Суллы и после того, как истекло его консульство, было войско, врученное ему по декрету для войны с Мифридатом, и оно охраняло его. Другого консула, Квинта Помпея, народ из жалости к опасному положению, в каком он был, назначил правителем Италии и командиром другой армии, которая должна была защищать ее и которая находилась тогда под командою Гнея Помпея. Последний, узнав о назначении на его место Квинта Помпея, был этим недоволен; однако, когда Квинт прибыл в его ставку, он принял его и на следующий день во время делового разговора показал вид, что он, как частный человек, готов уступить ему место. Но в это время окружавшие их в большом числе люди, делавшие вид, что они слушают беседу Квинта и Гнея, убили консула. Когда прочие бросились бежать, Гней вышел к ним выразил свое негодование по поводу смерти противозаконно убитого консула, но,

излив свой гнев, все же тотчас принял командование. 64. Когда весть о смерти Помпея дошла до Рима, Сулла, испугавшись за свою жизнь, тотчас отовсюду собрал вокруг себя своих друзей и ночью держал их при себе. Немного спустя он затем уехал в Капую к своей армии и оттуда переправился в Малую Азию. Тогда друзья изгнанников, рассчитывая на Цинну, ставшего преемником Суллы по консульству, начали подстрекать новых граждан, указывая им, что они, согласно намерению Мария, должны настаивать на зачислении их во все трибы — иначе голоса их, как подаваемые после всех, потеряют свое значение. Это послужило прелюдией к возвращению Мария и его сторонников. Когда старые трибы со всею энергиею восстали против допущения в их состав новых граждан, Цинна оказался на стороне последних, получив, как думают, взятку в 300 талантов. На защиту старых триб встал другой консул, Октавий. Сторонники Цинны заняли форум, имея при себе спрятанные кинжалы, и с криком требовали допущения новых граждан во все трибы. Лучшая часть народа, также со скрытыми кинжалами, примкнула к Октавию. Пока он дома у себя обдумывал предстоящее, разнеслось известие: большая часть трибунов налагает свое veto на все совершающееся, новые граждане волнуются и, обнажив свои кинжалы уже во время пути, теперь вскочили на ораторские кафедры и угрожают противящимся трибунам. Узнав об этом, Октавий направился по Священной дороге в сопровождении достаточно большой толпы к форуму, вбежал на него, словно разлившийся поток, проложил дорогу среди сплоченной массы и разделил ее. Напугав ее, Октавий пошел в храм Диоскуров, уклоняясь от встречи с Цинной. Спутники Октавия, без всякого приказания с его стороны, бросились на новых граждан, многих из них перебили, других обратили в бегство и преследовали их до ворот.

87 г.

65. Цинна, понадеявшись на толпу новых граждан и рассчитывая, что ему удастся одержать верх силою, вопреки ожиданиям увидел, что находившиеся в меньшем числе благодаря своему смелому образу действий одерживают верх, пустился бегом по городу и стал сзывать к себе рабов, обещая им свободу. Но ни один раб к нему не присоединился. Тогда Цинна устремился в близлежащие города, незадолго до того получившие права гражданства, в Тибур, Пренесте и в прочие, вплоть до Нолы. Всех их он подстрекал отложиться от римлян и при этом собирал деньги на войну. В то время как Цинна был занят этим, к нему прибежали некоторые сенаторы, разделявшие его образ мыслей, Гай Милоний, Квинт Серторий, Гай Марий второй. Сенат постановил отрешить Цинну от консульства, лишить его гражданских прав за то, что он, будучи консулом, оставил город, находившийся в опасном положении, и объявил свободу рабам. Вместо Цинны

консулом был избран Луций Мерула, жрец Юпитера. Этот жрец называется фламином, и только он один постоянно ходит в головном уборе, в то время как остальные жрецы носят его лишь при священнодействии. Цинна добрался до Капуи, где стояла другая римская армия. Там он стал ухаживать за ее командирами и за проживавшими там сенаторами, выступил как консул среди войска, сложил пред ними фасции в знак того, что он теперь частный человек. Со слезами говорил Цинна. — Граждане, от вас я принял эту власть — ведь народ избрал меня, а теперь сенат лишил меня этой власти без вашего на то согласия. Испытав это бедствие на самом себе, я все же негодую за вас. К чему нам теперь ублажать трибы при голосованиях? К чему вы нам? Какую власть вы будете иметь в народных собраниях, при голосованиях, при консульских выборах, коль скоро вы не обеспечите то, что даете, и не отнимите данное вами, когда сами это решите? 66. Эти слова вызвали возбуждение. Цинна, сильно разжалобив присутствующих своей участью, разорвал одежду, сбежал с кафедры, бросился в толпу и лежал там долгое время, до тех пор, пока она, тронутая всем этим, подняла его, посадила снова на кресло, подала ему фасции и убеждала его как консула быть смелым, а их вести на то, исполнение чего ему нужно. Этою переменою настроения воспользовались командиры войска, принесли Цинне воинскую присягу, и каждый из них привел к присяге свой отряд. Цинна же, обеспечив в Капуе безопасность своего положения, отправился по союзным городам, привел и их в возбуждение указанием на то, что из-за них главным образом на него обрушилось несчастье. Союзные города стали собирать для Цинны деньги и войско. К нему стало являться и много других влиятельных лиц из Рима, которым не нравился установившийся там порядок.

Так было дело с Цинной. Тем временем консулы Октавий и Мерула укрепляли город проведением рвов, ремонтировали укрепления, ставили боевые машины. За военною силою они послали в другие города, остававшиеся подчиненными Риму, и в близлежащую Галлию. Гнея Помпея, командовавшего в звании проконсула войском, стоявшим у Ионийского моря, консулы звали поспешно итти на помощь родине.

67. Он прибыл и расположился лагерем у Коллинских ворот. Цинна устремился против него и поместил свой лагерь около лагеря Помпея. Гай Марий, узнав обо всем этом, отплыл с бывшими при нем изгнанниками и с их рабами, явившимися к нему из Рима в числе до 500 человек, в Этрурию. Марий обходил этрусские города в грязной одежде, обросший волосами; жалко было смотреть на него. Он с гордостью указывал на выигранные им битвы, на свои кимврские трофеи, на свое шестикратное консульство. Он обещал жителям этрусских городов дать право голоса, чего они сильно желали. Так

как Марию верили, он собрал вокруг себя 6 000 этрусков. С ними он явился к Цинне, который радушно встретил его, так как в настоящее время их интересы совпадали. Когда Марий и Цинна объединились, они раскинули лагерь по реке Тибру, разделив войско на три части: Цинна и вместе с ним Карбон стояли против самого города, Серторий дальше, выше города, Марий — у моря. Серторий и Марий укрепились на обоих берегах реки при помощи настланного моста с намерением отрезать город от подвоза хлеба. Марий захватил и разграбил также Остию, Цинна послал отряд против Аримина и овладел им с целью не допустить в город никакого войска из подвластной Риму Галлии. 68. Консулы были в страхе: они нуждались в добавочных военных силах. Суллу они не могли вызвать, так как он переправился уже в Малую Азию. Поэтому они послали приказ Цецилию Метеллу, заканчивавшему Союзническую войну против самнитов, чтобы тот, поскольку это возможно, заключил с ними почетный мир и поспешил на помощь к находившемуся в осаде отечеству. Тем временем Марий, узнав, что Метелл не сошелся с самнитами в предъявляемых ими требованиях, заключил с ними союз на условии выполнить все то, что самниты требовали от Метелла. Таким образом, и самниты стали союзниками Мария. Римский холм, называемый Яникулом, охранял военный трибун Аппий Клавдий. Ему Марий напомнил об оказанном им некогда благодеянии и с его помощью вошел на рассвете в город через открытые трибуном ворота и ввел в него также и Цинну. Но Октавий и Помпей бросились на них и тотчас же их вытеснили. В это время в лагерь Помпея ударила во многих местах молния, и тут погибли как другие знатные люди, так среди них и Помпей.

69. После того как подвоз в Рим с моря и далее вверх по реке был отрезан Марием, он стал разъезжать по городам, расположенным вблизи Рима, где сосредоточены были для него хлебные запасы. Неожиданно он делал нападения на тех, кто эти запасы хранил, занял Анций, Арицию, Ланувий и другие города, причем были и такие, которые были захвачены вследствие измены. Когда Марий захватил в свои руки подвоз съестных припасов в Рим и по сухому пути, он смело двинулся тотчас же на Рим по так называемой Аппиевой дороге, прежде чем могли быть подвезены в город припасы из другого места. На расстоянии ста стадий от города расположились лагерем сам Марий, Цинна и служившие у них командирами Карбон и Серторий; Октавий, Красс и Метелл стали против них лагерем у Албанской горы и там ожидали дальнейшего хода событий. Хотя они считали, что превосходят врагов храбростью и численностью войска, все же они не решались одной битвой подвергнуть риску судьбу. Между тем Цинна послал в Рим глашатаев и обещал даровать свободу тем рабам,

которые перебегут на их сторону. Тотчас же перебежало большое количество рабов. Сенат пришел в замешательство, ожидая со стороны народа больших эксцессов, если будет продолжаться далее недостаток в продовольствии. Поэтому сенат переменил свое решение и отправил к Цинне послов для заключения перемирия. Цинна спросил послов: К кому они явились? к консулу ли? к частному человеку? Те не знали, что ответить, и вернулись в Рим. Тогда и многие свободнорожденные массами стали устремляться к Цинне, одни из страха перед голодом, другие потому, что они и раньше стояли на его стороне и только ожидали, как сложатся обстоятельства. 70. Между тем Цинна уже с полным презрением к врагам приближался к городским укреплениям и расположился лагерем в расстоянии полета стрелы. В это время Октавий и его сторонники из-за происходивших перебежек и посольств к Цинне все еще не знали, что делать, пребывали в страхе и не решались что-либо предпринять. Сенат находился в очень затруднительном положении. Ему было тяжело отрешить от должности жреца Юпитера, Луция Мерулу, состоявшего консулом вместо Цинны и ни в чем не провинившегося. Скрепя сердце, в виду грозивших несчастий сенат снова отправил к Цинне послов как к консулу. Не ожидая ничего хорошего, послы просили только об одном: пусть Цинна поклянется не производить резни. Принести клятву Цинна счел ниже своего достоинства, а обещал только, что по своей воле он не будет виновен в убийстве хотя бы одного человека. Октавию же, который по обходным дорогам чрез другие ворота вошел в город, Цинна рекомендовал не попадаться ему на глаза, чтобы с ним не случилось чего-либо против воли Цинны. Вот какой ответ дал послам Цинна, стоявший, как консул, на высокой кафедре. Марий, стоявший около кресла Цинны, держал себя спокойно, но по насупленному выражению его лица видно было, какая ожидается резня. Сенат принял условия Цинны и приглашал его и Мария войти в город. Сенат понимал, что это дело рук Мария, а Цинна только подписался под его условиями. Марий иронически заметил, что для изгнанников нет входа в город. И тотчас же трибуны постановили аннулировать изгнание Мария и всех прочих, изгнанных в консульство Суллы.

71. Лишь тогда Марий и Цинна вступили в город. Все встречали их со страхом. И прежде всего стало подвергаться беспрепятственному разграблению имущество тех лиц, которые, по мнению Мария и Цинны, были их противниками. Октавию они еще раньше послали клятвенное ручательство в его безопасности, а жрецы и предсказатели предвещали Октавию, что с ним ничего худого не произойдет. Однако друзья его советовали ему скрыться. Но Октавий, объявив, что он как консул никогда не покинет города, оставив его центральную

часть, прошел со знатнейшими лицами и с частью войск на Яникул и там сел в консульском одеянии на кресло, имея по сторонам как консул ликторов с фасциями. Когда к Октавию устремился с несколькими всадниками Цензорин, когда снова друзья Октавия и стоявшее около него войско убеждало его бежать и даже привели к нему коня, Октавий и тогда не двинулся с места и ожидал смерти. Цензорин отрубил ему голову и принес ее Цинне. Впервые голова консула была повешена на форуме пред ораторской трибуной. Потом и головы всех прочих убитых стали вешать там же. И эта гнусность, начавшаяся с Октавия, не прекратилась и позже применялась в отношении всех тех, кто был убит их врагами. Тотчас же рассыпались во все стороны сыщики и стали искать врагов Мария и Цинны из числа сенаторов и так называемых всадников. Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись пред ораторской трибуной. Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и, в конце концов выставляли жертвы напоказ, чтобы устрашить, запугать других или просто чтобы показать безнравственное зрелище.

72. Гай Юлий и Луций Юлий, родные братья, Ацилий Серран, Публий Лентул, Гай Нумиторий, Марк Бебий были убиты, будучи захвачены на пути. Красс, преследуемый вместе с сыном, во время преследования успел убить сына, сам же был убит преследователями. Оратор Марк Антоний укрылся в поместьи. Землевладелец спрятал его и радушно принял. Но так как он чаще обыкновенного посылал раба на постоялый двор купить там вина, то продавец спросил, почему он так часто к нему заходит. Раб сказал продавцу на ухо почему и, купив вина, вернулся домой. Продавец тотчас же побежал к Марию, чтобы сделать донос. Марий, услышав, подскочил от радости и бросился сам расправляться с Антонием. Так как друзья удерживали Мария, был послан с отрядом войска в дом, где находился Антоний, военный трибун. Антоний, мастер говорить, зачаровал их длинною речью, причем долго и на всякие лады распространялся обо всем и возбудил к себе сожаление. Наконец, трибун, не понимая в чем дело, сам вбежал в помещение, занимаемое Антонием, и нашел своих солдат слушающими его. Трибун убил Антония посреди его речи и голову его отослал Марию. 73. Корнута, спрятавшегося в одной хижине, рабы спасли при помощи хитрости. Они отыскали какой-то труп и положили его на костер. Когда пришли сыщики, они подожгли костер и сказали, что это горит их господин, который задушил себя. Так Корнут спасся благодаря своим слу-

гам. Квинт Анхарий подстерегал Мария в то время, когда тот собирался приносить жертву на Капитолии. Анхарий надеялся, что храм послужит ему местом примирения его с Марием. Но последний, начав жертвоприношение, приказал стоявшим около него умертвить тотчас же на Капитолии Анхария, когда тот подходил к нему и собирался его приветствовать; головы Анхария, оратора Антония, всех прочих, кто был или консулом или претором, были выставлены на форуме. Никому не разрешено было предавать погребению кого-либо из числа убитых; тела их растерзали птицы и псы. Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие подвергнуты были изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, четвертые были смещены с занимаемых ими должностей. Законы, изданные при Сулле, были отменены. Все друзья его предавались смерти, дома их отдавались на разрушение, имущество конфисковывалось, владельцы его объявлялись врагами отечества. Искали даже жену и детей Суллы, но они успели бежать. Вообще недостатка в многочисленных и разнообразных бедствиях не было.

74. Помимо всего этого, Марий и Цинна после стольких убийств, совершенных без судебного разбирательства, пожелали еще придать своей власти видимость законности и выдвинули обвинителей против жреца Юпитера Мерулы, будучи разгневаны на него за то, что он, хотя и с соблюдением законного порядка, был преемником Цинны по консульству. То же самое сделали они в отношении Лутация Катула, бывшего сотоварищем Мария по консульству во время войны с кимврами и спасенного им в свое время. Дело в том, что Катул проявил в отношении Мария неблагодарность и самым решительным образом стоял за его изгнание. И Мерула и Катул содержались под тайным арестом, а когда наступил назначенный день, вызваны были в суд, — обвиненные могли быть привлечены к суду лишь после четырехкратного объявления и в законом установленные сроки. Мерула вскрыл себе артерии, оставив записку, в которой он писал, что, вскрывая себе артерию, он снял свой головной убор — не дозволено было в нем умирать жрецу. Катул в только что просмоленном и сыром еще помещении разогрел уголья и добровольно задохся. Так погибли они оба. Рабы же, перебежавшие к Цинне, согласно его объявлению получившие свободу и служившие теперь в войске Цинны, вторгались в дома, грабили их и убивали всех, кто попадался им под руку. Некоторые из рабов расправлялись преимущественно с своими бывшими господами. Цинна неоднократно запрещал им делать это, но они его не слушались. Тогда Цинна в одну ночь, когда рабы спали, окружил их отрядом, состоящим из галлов, которые всех рабов и перебили. Так рабы получили должное возмездие за проявленное ими неоднократно нарушение верности к своим господам.

75. На следующий год консулами были избраны Цинна во второй раз, Марий — в седьмой. Таким образом исполнилось предсказание о семи орлятах после изгнания и осуждения Мария на смерть как врага отечества. Однако Марий умер в первый же месяц своего консульства, в то время когда он строил всякого рода жестокие планы против Суллы. Избранного на место Мария Валерия Флакка Цинна откомандировал в Малую Азию, а после смерти его взял в товарищи по консульству Карбона. 86 г.

76. Тем временем Сулла спешил вернуться в Рим и обратиться на своих врагов, быстро покончив, как мною рассказано, с Мифридатовой войной; в течение менее трех лет он истребил 160 000 людей, подчинил римлянам Грецию, Македонию, Ионию, Малую Азию и многие другие народы, принадлежавшие ранее Мифридату, самого царя лишил всего его флота и ограничил его власть обладанием исключительно только его отцовским наследием. Сулла возратился с большим преданным ему войском, хорошо вышколенным, гордящимся его подвигами; он имел при себе также много кораблей, денег, замечательное вообще снаряжение. Враги Суллы настолько боялись его, что Карбон и Цинна, в страхе перед ним, отправили людей по всей Италии собирать деньги, войска, хлеб. Вместе с тем они привлекли в число своих сторонников знатных, а в италийских городах возбуждали в особенности новых граждан, указывая на то, что из-за них они попали в такую передрягу. Были отремонтированы суда, созван флот, стоявший в Сицилии. Он охранял морское побережье. Таким образом, и со стороны Цинны и Карбона, отчасти из страха, не было недостатка в быстрых и энергичных подготовительных действиях. 85 г.

77. Тем временем Сулла, полный горделивых чувств, отправил в сенат послание, в котором перечислял, что он совершил, будучи еще квестором, в Африке против Югурты нумидийца, что, в качестве легата, в Кимврийскую войну, что, как претор, в Киликии, что, как консул, в Союзническую войну. Всего же более он гордился своими недавними подвигами против Мифридата, причем перечислял подробно те народы, подвластные ранее последнему, которые он присоединил теперь к римлянам. Нисколько не менее гордился он и тем, что приютил у себя находившихся в бедственном положении бежавших к нему лиц, изгнанных из Рима Цинною, несчастия которых он облегчил. В награду за все это, писал Сулла, партийные недруги объявили его врагом отечества, разрушили его дом, убили его друзей; его жена и дети с трудом спаслись к нему. Теперь он немедленно же явится на помощь Риму и отомстит врагам за все ими содеянное. Всем прочим гражданам, в том числе и новым, Сулла обещал наперед полное прощение. Когда послание Суллы было прочитано, всех обуял страх. Были отправлены к нему послы, которые должны были постараться

примирить его с его врагами и объявить: если он нуждается в обеспечении своей личной безопасности, пусть как можно скорее известит об этом сенат. Цинне и его сторонникам было запрещено набирать войско, пока не придет от Суллы ответ. Они обещали исполнить это. Но лишь только уехали послы, Цинна и Карбон тотчас же сами назначили себя консулами и на следующий год, чтобы из-за выборов не спешить с возвращением. Вместе с тем Цинна и Карбон объезжали Италию, осматривали войско и переправляли его по частям на кораблях в Либурнию, чтобы оттуда выступить против Суллы.

84 г. 78. Первый отряд войска благополучно переправился. А когда переправляли следующий отряд, поднялась буря, и те солдаты, которые успели спастись на сушу, немедленно же разбежались по своим городам под предлогом, что по доброй воле они не желают итти сражаться с гражданами. Тогда все прочие, узнав это, объявили, что они вовсе не желают отправляться в Либурнию. В гневе Цинна созвал их на собрание, чтобы там им пригрозить. Но солдаты явились тоже не с добрыми чувствами и собирались себя защищать. В это время один из ликторов, шедший пред Цинною, ударил одного попавшегося ему на глаза солдата. Тогда другой солдат ударил ликтора. Цинна приказал его схватить. Поднялся всеобщий крик, в Цинну полетели камни. Стоявшие близко к Цинне обнажили кинжалы и закололи его. Так и Цинна умер в бытность свою консулом. Карбон стал звать итти на Рим переправившихся из Либурнии, но сам, боясь всего происшедшего, не входил в Рим, несмотря на то, что народные трибуны очень звали его на выборы сотоварища по должности. Лишь после того как трибуны пригрозили Карбону объявить его частным человеком, он вернулся в Рим и назначил консульские выборы. Но в этот день были неблагоприятные знамения, и Карбон назначил другой день. Но и тогда молния ударила в храм Луны и Цереры, и авгуры перенесли выборы на летнее солнцестояние. Консулом остался один Карбон.

79. Послам, явившимся к Сулле от сената, он дал такой ответ: никогда он не будет другом людей, совершивших такие преступления, однако он не имеет ничего против, если сам город предоставит им возможность спастись; безопасность же в будущем как им, так и нашедшим у него приют он имеет возможность доставить в большей степени, имея на своей стороне преданное войско. Из одного этого ответа становилось совершенно ясно, что Сулла не собирается распустить свою армию и что он помышляет уже о тирании. Вместе с тем Сулла потребовал от послов возвратить ему принадлежащее ему звание, его имущество, должность жреца, все привилегии, какими он раньше пользовался, — все полностью. Для переговоров об этом Сулла вместе с послами отправил своих людей. Они тотчас же, как только узнали, что Цинна умер и что в Риме нет пра-

вительства, вернулись из Брундизия к Сулле без всякого результата. Сулла с пятью италийскими легионами, 6 000 конницы, присоединив отряды из Пелопоннеса и Македонии, — в общей сложности с сорокатысячной армией двинулся из Пирея в Патры, а из Патр в Брундизий на 1 600 судах. Брундизий впустил Суллу без боя; за это он даровал городу позже освобождение от податей, которым он пользуется и по сие время. Из Брундизия Сулла двинулся с войском вперед. 80. По собственному почину вышел к нему навстречу с отрядом союзного войска бывший тогда еще проконсулом Цецилий Метелл Пий; он давно уже был избран для окончания Союзнической войны, но не возвращался в Рим из-за господства там Цинны и Мария, а ожидал исхода событий в Лигурии. Лица, избранные в проконсулы, сохраняли свои полномочия до своего возращения в Рим. Вслед за Метеллом явился к Сулле Гней Помпей, вскоре получивший прозвище Великого, сын Помпея, убитого молнией и не считавшегося в числе лиц, благорасположенных к Сулле. Помпей-сын, чтобы не возбудить против себя никаких подозрений, прибыл во главе легиона, набранного им в Пицене, где отец его снискал себе очень высокую репутацию. Вскоре после того Помпей-сын набрал и еще два легиона и оказался в высокой степени полезным Сулле. Поэтому-то он относился к Помпею, несмотря на его молодость, с почтением, так что, говорят, когда Помпей являлся к Сулле, последний только перед ним одним вставал. По окончании войны Сулла послал Помпея в Африку прогнать оттуда сторонников Карбона и водворить на царском престоле Гиемпсала, выгнанного нумидийцами. Сулла разрешил Помпею получить триумф над нумидийцами. Помпей тогда был еще молодым человеком и принадлежал только к сословию всадников. С тех пор Помпей пошел сильно в гору, послан был в Испанию против Сертория и позднее в Понт против Мифридата. К Сулле явился и Цетег, прежде злейший его противник из партии Цинны и Мария, изгнанный вместе с ними из Рима. Теперь Цетег пришел к Сулле в качестве умоляющего о защите и предоставлял свои услуги на все, чего Сулла ни пожелает. 81. Обладая большим войском, имея на своей стороне многих друзей из числа знати и пользуясь ими в качестве подначальных по командованию лиц, Сулла и Метелл, оба в звании проконсулов, двинулись вперед. Сулла, получивший звание проконсула в войне с Мифридатом, решил не слагать с себя этой должности, хотя Цинна и объявил его врагом отечества. Сулла шел в Рим, питая жесточайшую, хотя и скрываемую, вражду против свои врагов. Римляне, остававшиеся в городе, хорошо знавшие нрав Суллы и помнившие его прежний штурм и захват Рима, были в страхе при мысли об изданных против Суллы декретах, о разрушении его дома, о конфискации его имущества, об убийстве его друзей, о случайном спа-

83 г.

сении его потомства. Они считали, что средины для них нет — либо победа, либо окончательная гибель. Поэтому в страхе они примкнули к консулам против Суллы, послали в Италию за войском, продовольствием, деньгами; как бывает всегда во время крайней опасности, была проявлена тут большая энергия, огромное рвение. 82. Гай Норбан и Луций Сципион, бывшие тогда консулами, вместе с ними Карбон, бывший консулом в прошлом году, одинаково с прочими враждебно были настроены к Сулле, но они испытывали большой страх при мысли о том, что они натворили. Норбан, Сципион и Карбон собрали в Риме армию, какую могли, присоединили к нему войско, набранное из Италии, и двинулись против Суллы, каждый в отдельности. Их армия состояла сначала из 200 когорт, по 500 человек в каждой, позже силы их увеличились. Общественное настроение было скорее в пользу консулов, чем на стороне Суллы, шедшего против родины, что создавало ему репутацию врага, тогда как консулы, хотя они и действовали в своих личных интересах, выступали все же на защиту отечества. К тому же большинство граждан в Риме чувствовало себя соучастниками во всех преступлениях, совершенных консулами, но стояло на их стороне из страха. Они хорошо знали, что Сулла думает не о наказании их либо об их исправлении, либо об их устрашении, но что у него в мыслях всеобщая гибель, смертные приговоры, конфискации, убийства. И в своих предположениях они не ошиблись. Война уничтожила все. Зачастую в одной битве гибло 10 000—20 000 человек, а в окрестностях Рима с обеих сторон погибло 50 000. В отношении каждого из оставшихся в живых, в отношении городов Сулла не останавливался ни перед какими жестокостями до тех пор, пока он не объявил себя единоличным владыкою всего римского государства на тот срок, который представлялся ему желательным и нужным.

83. Само божество, казалось, предсказало все это для теперешней войны. Необъяснимые ужасные явления наблюдаемы были многими, и отдельными лицами и массами, по всей Италии. Стали вспоминать об ужасных старинных предсказаниях. Было много чудес: мул разрешился от бремени, беременная женщина родила змею вместо ребенка, бог послал сильное землетрясение, в Риме рухнули некоторые храмы. Все это римляне воспринимали с тяжелым настроением. Капитолийский храм, построенный почти за 400 лет до того, сгорел, причем никто не знал причины пожара. Все это воспринималось массою как указания на предстоящую гибель Италии и самих римлян, как на завоевание самого города и ниспровержение существующего государственного строя.

84. Война началась с того момента, как Сулла в 174-ю олимпиаду высадился в Брундизии. Ее продолжительность в сравнении с значительностью всех происшедших событий, которые быстро следовали друг за другом, подгоняемые личной нена-

вистью к врагам, была незначительна. Поэтому и самые страдания, вызванные этим быстрым ходом событий, оказались более сильными, более острыми. И, тем не менее, война по всей Италии тянулась третий год, пока Сулла достиг господства. В Испании война продолжалась долгое время после смерти Суллы. Велико было число битв, перестрелок, осад городов и прочих разнообразных видов военных действий, в которых принимали участие полководцы, и все эти военные действия были замечательны. Наиболее же важные и достойные упоминания в общем были следующие.

Первая битва проконсулов с Норбаном была около Канузия. У Норбана погибло 6 000, у Суллы 70 человек, много было раненых. Норбан отступил после этого в Капую. 85. Против Суллы и Метелла, стоявших около Теана, выступил Луций Сципион с другим войском, вялым и желавшим мира. Узнав об этом, Сулла отправил к Сципиону послов с предложением заключить мир, не столько потому, что он надеялся добиться его или нуждался в нем, сколько потому, что он рассчитывал на волнения среди войска. Это и произошло. Сципион получил в результате состоявшегося свидания заложников, спустился на равнину; так как с обеих сторон в переговорах участвовало только трое, то нельзя было узнать содержание их. Повидимому, Сципион отложил окончательный ответ и послал насчет условий переговоров к своему сотоварищу по должности, Норбану, вестника Сертория, войска же противников оставались в бездействии, ожидая ответа Норбана. Серторий на пути захватил Суессу, бывшую на стороне Суллы. Сулла выразил за это претензию Сципиону, а последний, или потому, что он знал о том, что произошло с Суессой, или потому, что он не получил еще ответа от Норбана, — образ действия Сертория, действительно, был неожиданным, — отослал Сулле заложников. Немедленно после этого армия Сципиона, обвинявшая консулов в беспричинном захвате Суессы во время перемирия и в отсылке заложников, чего никто не требовал, тайно согласилась перейти на сторону Суллы, когда он подойдет ближе. После того как это произошло, тотчас же все войско Сципиона перешло на сторону Суллы, так что последний захватил консула Сципиона и его сына Луция, которые оставались одни из всего войска в шатре и были в большом затруднении. Мне кажется, это несчастье Сципиона обнаружило недостаток в нем способности командовать, коль скоро все его войско без его ведома могло заключить столь важный договор.

86. Сципиона и его сына, не будучи в состоянии их переубедить, Сулла отослал обратно, не причинив им никакого вреда. К Норбану в Капую он отправил для ведения мирных переговоров других лиц из опасения, что бо́льшая часть Италии стоит еще на стороне консулов, или желая и в отношении Норбана, также как и в отношении Сципиона, действовать

хитростью. Потерпев тут неудачу, — Норбан даже не дал никакого ответа Сулле, так как он, повидимому, боялся, чтобы тот не поставил его в такое же незавидное положение пред войском, что и Сципиона, — Сулла снялся с лагеря и двинулся вперед, предавая всю вражескую территорию опустошению. Так же поступал на других дорогах Норбан. Карбон поспешил тем временем в Рим и вынес постановление считать врагами отечества Метелла и прочих сенаторов, примкнувших к Сулле. В это время сгорел Капитолийский храм. Болтали, что это дело рук или Карбона, или консулов, или кого-либо, подосланного Суллой. Точных сведений не было, и я не могу сообщить причины, почему храм сгорел. Серторий, давно уже избранный полководцем в Испанию, теперь, после взятия Суессы, бежал туда и, хотя прежние полководцы не хотели принять его, Серторий и в Испании причинил много хлопот римлянам. Между тем у консулов войско все прибывало и прибывало из большей части Италии, державшейся на их стороне, а также из соседившей с Эриданом Галлии. Не оставался в бездействии и Сулла. Он рассылал своих людей по Италии, куда только мог, и собирал войско, действуя дружелюбным обхождением, страхом, деньгами, обещаниями. В этих приготовлениях прошла остальная часть лета.

82 г. 87. На следующий год консулами стали Папирий Карбон во второй раз и Марий, которому было всего 27 лет, племянник знаменитого Мария. Зима и большая стужа парализовали с обеих сторон все предприятия. В начале весны у реки Эзина, к юго-востоку, возгорелась жестокая битва между Метеллом и Кариною, полководцем Карбона. Карина понес большие потери, был обращен в бегство, все же окрестные места от консулов перешли на сторону Метелла. Самого Метелла настиг Карбон, расположился лагерем вокруг него и не выпускал его до тех пор, пока Марий второй, консул, не потерпел поражения в большой битве у Пренесте. Узнав об этом, Карбон перенес свою ставку и вошел в Аримин. Карбона с тыла теснил Помпей. С поражением же у Пренесте дело обстояло так. Сулла захватил Сетий, после чего Марий, расположившийся лагерем вблизи него, подался немного назад. Прибыв к так называемой священной гавани, он выстроил войско в боевой порядок и дрался храбро. Когда левый фланг начал сдавать свои позиции, пять когорт пехоты и две турмы конницы не устояли и дали сигнал к отступлению, побросали свои знамена и передались на сторону Суллы. Для Мария это тотчас же послужило началом несчастного поражения. Все войско под ударами врагов побежало в Пренесте, а Сулла скорым маршем преследовал его. Жители Пренесте приняли первых из числа бежавших, но так как Сулла напал на Пренесте, его жители заперли городские ворота, и Марий был поднят в город на веревках. После того последовала новая большая резня у городских стен, при-

чем Сулла захватил множество пленных; оказавшихся среди них самнитов, как бывших и всегда злыми врагами римлян, он велел всех перебить.

88. В те же самые дни Метелл одержал победу над другою армиею Карбона, причем Метеллу передались уцелевшие в битве пять когорт. Помпей победил Марция у города Сены и разграбил город. Сулла, заперев Мария в Пренесте, отрезал город от сообщения с остальным миром на большое расстояние посредством рва и укреплений, поручив исполнение всего этого дела Лукрецию Офелле; он хотел одолеть Мария уже не сражением, а голодом. Марий, не ожидая в дальнейшем ничего хорошего, поспешил прежде всего расправиться со своими личными врагами. Он послал приказ Бруту, бывшему претором в Риме, собрать под каким-нибудь предлогом сенат и уничтожить Публия Антистия, Папирия Карбона второго, Луция Домиция, Муция Сцеволу, исполнявшего в Риме высшую жреческую должность. Двое из поименованных лиц были, согласно приказанию Мария, умерщвлены в сенате, причем убийцы были допущены в самое помещение сената. Домиций был убит, когда он пустился бежать, выходя из сената, а недалеко от него убит был и Сцевола. Тела убитых были брошены в Тибр — уже вошло в обычай не хоронить их. Сулла вел свою армию, разделив ее на отряды, на Рим по различным дорогам, приказал ей захватить городские ворота, а в случае неудачи итти к Остии. Города, мимо которых проходило войско, в страхе принимали Суллу, а самый Рим при его приближении открыл перед ним ворота. Жителей его угнетал голод; к тому же они привыкли ожидать в будущем более сильные бедствия по сравнению с настоящим.

89. Сулла, узнав об этом, тотчас подступил к Риму и расположил войско перед его воротами на Марсовом поле, а сам вошел в город. Все его противники разбежались. Их имущество было тотчас же конфисковано и пущено в продажу. Сулла созвал народ на собрание. Там он выразил сожаление о неизбежности всего происходящего, но приказал крепиться, так как все это тотчас же прекратится, и государственный порядок должным образом наладится. Поспешно устроив все необходимое и поставив во главе города некоторых из своих сторонников, он двинулся к Клузию, где война была еще в полном разгаре. В это время к консулам присоединилась кельтиберская конница, посланная находившимися в Испании полководцами. При происшедшей у реки Глания кавалерийской битве Сулла уничтожил 50 всадников, 270 кельтиберов перебежало к нему, остальных перебил Карбон или из досады на то, что сородичи их перебежали к врагу, или из страха, как бы этого не случилось и с этими. В то же время Сулла с другим отрядом войска разбил врагов у Сатурнии, а Метелл, продвигаясь обходным маршем в окрестностях Равенны, занял территорию Урии, бога-

тую пшеницей равнину. Другие сторонники Суллы вошли посредством измены ночью в Неаполь, перебили всех жителей, кроме немногих успевших бежать, и захватили городские триремы. Между Суллою и Карбоном около Клузия шла жестокая битва с утра до вечера. Противники, оказавшиеся одинаково боеспособными, разошлись, когда стемнело. 90. На Сполетской равнине Помпей и Красс, полководцы Суллы, перебили до 3 000 человек из войска Карбона и приступили к осаде выступавшего против них Карины. Осада продолжалась до тех пор, пока Карбон не послал на подмогу Карине другое войско. Сулла, узнав об этом, устроил засаду и перебил до 2 000 человек из проходившего мимо него войска. Карина ночью, в темноте, когда шел большой дождь, бежал. Осаждавшие что-то заметили, но из-за дождя не обратили на это внимания. Карбон отправил к Пренесте Марию, своему сотоварищу по должности, Марция с 8 легионами, узнав, что Марий бедствует от голода. Помпей, устроив засаду в узком проходе, напал на эти легионы, обратил их в бегство, многих перебил, а остальных окружил на одном холме. Марций, не погасив сторожевых огней, бросился в бегство. Войско, поставив ему в вину то, что он попал в засаду, устроило большой бунт, и один легион целиком, со знаменами, не получив никакого приказания, вернулся в Аримин, а остальные по частям разошлись по своим родным городам, так что у полководца осталось всего лишь 7 когорт. Марций, потерпев такую неудачу, вернулся к Карбону. Тем временем Марк Лампоний из Лукании, Понтий Телесин из Самния, Гутта из Капуи с 70 000 человек спешили высвободить Мария из осады. Но Сулла в узком месте, через которое только и возможно было пробраться, отрезал им путь. Тогда Марий, отчаявшись откуда-нибудь получить помощь со стороны, воздвиг укрепление на большом открытом месте, свез туда боевые машины, собрал войско и пытался вооруженной силой одолеть Лукреция. Ничего не достигнув после многодневных и разнообразных попыток, Марий снова оказался запертым в Пренесте.

91. В те же самые дни Карбон и Норбан по пути к Фавенции подошли незадолго до вечера к лагерю Метелла и, несмотря на то, что оставался всего только один час дня, а кругом лежал частый виноградник, как бы совершенно потеряв рассудок и руководствуясь только раздражением, выстроили войска в боевой порядок, понадеявшись этим неожиданным маневром напугать Метелла. Они потерпели, конечно, поражение в местности, не пригодной для боя, к тому же в неурочное время и попали в гущу растений, причем потеряли много людей. Погибло около 10 000, перебежало к врагу до 6 000, остальные настолько были разобщены между собою, что лишь 1 000 в строевом порядке вернулась в Аримин. Другой легион луканцев, под предводительством Альбинована, узнав о поражении,

перешел, несмотря на раздражение Альбинована, к Метеллу. Сам Альбинован не был в состоянии воспрепятствовать их стремительному порыву и вернулся к Норбану, а по прошествии немногих дней вступил в тайные переговоры с Суллою. Получив от него заверение в своей безопасности, если он совершит что-либо замечательное, он пригласил в гости Норбана и бывших у него полководцев, Гая Антипатра и Флавия Фимбрию, брата того Фимбрии, который покончил с собою в Малой Азии, и всех других командиров из войска Карбона, которые тогда были налицо. Когда они все явились, за исключением Норбана, — он один только не пришел, — Альбинован всех их перебил в то время, когда они сидели за столом, а сам бежал к Сулле. Норбан, узнав, что после этого несчастья на сторону Суллы перешел Аримин и многие другие стоявшие поблизости войска, потерял всякое доверие к своим друзьям и уверенность в них — так всегда бывает при несчастьях, — сел на судно, принадлежавшее какому-то частному лицу, и отплыл на Родос. Когда позже Сулла стал требовать выдачи Норбана, а родосцы колебались, как им поступить, Норбан покончил с собою на городской площади.

92. Карбон послал Дамасиппа отвести два других легиона в Пренесте: он чрезвычайно спешил высвободить из осады Мария. Но и эти легионы не могли пройти через охраняемые Суллою узкие проходы. Вся часть Галлии, простирающаяся от Равенны до Альп, передалась целиком на сторону Метелла, а Лукулл одержал около Плаценции победу над другою частью войска Карбона. Узнав об этом, последний, хотя у него стояло еще 30 000 войска под Клузием, были два легиона Дамасиппа и другие два легиона Карины и Марция, хотя самниты сражались, — правда неудачно, — с рвением и с большими силами на его стороне около узких проходов, Карбон, несмотря на все это, потерял всякую надежду и по малодушию убежал с друзьями из Италии в Африку, будучи еще консулом; он намеревался укрепиться теперь вместо Италии в Африке. Оставшаяся часть войска Карбона, стоявшая под Клузием, вступила в битву с Помпеем и потеряла в ней до 20 000 человек. При этой очень чувствительной неудаче и остальная часть этой армии разбрелась по частям по разным городам. Карина, Марций и Дамасипп со всеми бывшими в их распоряжении военными силами отступили к узким проходам, чтобы совместно с самнитами с напряжением всех сил во что бы то ни стало прорваться через проходы. Когда это не удалось, они двинулись против Рима, намереваясь овладеть городом, обезлюдевшим и лишенным продовольствия. В расстоянии ста стадий они раскинули лагерь на территории альбанцев.

93. Сулла, в тревоге за город, быстро отправил вперед конницу, чтобы преградить врагам путь, а сам, сосредоточив свои силы у Коллинских ворот, расположился в полдень лагерем

около храма Венеры в то время, когда враги уже раскинули лагерь у города. В происшедшей к вечеру битве Сулла одержал верх на правом фланге, левый же фланг, потерпевший неудачу, бежал к воротам. Старые солдаты, стоявшие на стенах, завидев, что враги вбегают вместе с солдатами левого фланга в ворота, захлопнули ворота при помощи машины; при этом погибло много солдат и много сенаторов, а все остальные от страха и в силу необходимости обратились против неприятеля. Сражение продолжалось всю ночь, и много народа было перебито. В числе убитых были командиры Телесин и Альбин, лагери которых были захвачены. Луканец Лампоний, Марций, Карина и все прочие бывшие с ними командиры из партии Карбона бежали. С обеих сторон в этом деле погибло, кажется, 50 000 человек. Пленных, число которых превышало 8 000 и большинство которых были самниты, Сулла приказал прикончить. Спустя день к нему были доставлены попавшие в плен Марций и Карина. И их обоих, хотя они и были римляне, Сулла не пощадил, а, убив, отослал их головы в Пренесте к Лукрецию, чтобы он пронес их вокруг стен города. 94. Жители его при виде этого и узнав, что вся армия Карбона погибла, что сам Норбан бежал из Италии, что вся прочая Италия и Рим добровольно подчинились Сулле, сдали Пренесте Лукрецию, Марий скрылся в подземный ров, где немного времени спустя и покончил с собою. Лукреций, отрубив его голову, отправил ее Сулле. Говорят, Сулла, положив ее на форуме пред рострами, надсмеялся над молодостью консула и сказал: «нужно сначала стать гребцом, а потом управлять рулем». Лукреций, одолев Пренесте, немедленно приказал казнить одних подначальных Марию командиров из числа сенаторов, других посадил под арест. Их убил прибывший затем в Пренесте Сулла. Всем жителям Пренесте Сулла приказал выйти вперед, без оружия, на равнину. Когда они вышли, Сулла отделил очень немногих, тех, которые были ему в чем-либо полезны, остальным приказал собраться в три отдельные друг от друга группы, состоявшие из римлян, самнитов и пренестинцев. Когда они так сгруппировались, он объявил римлянам: хотя их поступки и достойны смерти, он их все-таки прощает, зато всех других приказал перебить, но их жен и детей он отпустил, не причинив им никакого вреда. Самый город, бывший среди тогдашних городов очень богатым, Сулла отдал на разграбление. Таким образом, пал и Пренесте. Но другой город, Норба, все еще энергично сопротивлялся, пока Эмилий Лепид не проник в него ночью при содействии измены. Жители Норбы, разгневанные этою изменою, одни сами покончили с собой, другие по взаимному соглашению убивали друг друга, третьи умерщвляли себя через повешение, наконец, были и такие, которые запирали двери своих домов и поджигали их. Поднявшийся сильный ветер так истребил огнем город, что от него не оста-

лось никакой добычи. Так самоотверженно погибли жители Норбы.

95. Когда с войной в Италии было покончено мечом и огнем, полководцы Суллы стали объезжать города и в тех из них, которые возбуждали подозрение, ставили гарнизоны. Помпей был послан в Африку против Карбона и в Сицилию против тамошних его приверженцев. Сам Сулла созвал римлян в собрание, на котором он много и велеречиво говорил о себе, но вместе с тем наговорил и много ужасов для устрашения других. Он заявил, что улучшит положение народа, если его будут слушаться; зато по отношению к своим врагам он не будет знать никакой пощады вплоть до причинения им самых крайних бедствий; точно так же он жестоко расправится со всеми преторами, квесторами, военными трибунами, со всеми прочими, кто помогал его врагам с того дня, когда консул Сципион не сдержал заключенного с Суллою соглашения. Сразу же после этого Сулла присудил к смертной казни до 40 сенаторов и около 1 600 так называемых всадников. Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги — кто донесет, наказания — кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли,—в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросались к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел. Некоторых постигло изгнание, других — конфискация имущества. Бежавших из города всюду разыскивали сыщики и, кого хотели, предавали смерти. 96. Были убиты, подверглись изгнанию, конфискации имущества, многие из числа тех италийцев, которые повиновались Карбону, Норбану, Марию или их подначальным командирам. По всей Италии учреждены были над этими лицами жестокие суды, причем выдвигались против них разнообразные обвинения. Их обвиняли или в том, что они были командирами, или в том, что служили в войске, или в том, что вносили деньги или оказывали другие услуги, или вообще в том, что они подавали советы, направленные против Суллы. Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против лиц богатых. Когда единоличные обвинения были исчерпаны, Сулла обрушился на города и их подвергал наказанию, либо срывая их цитадели, либо разрушая их стены, или налагая на граждан штрафы, или истощая их самыми тяжелыми поборами. В бо́льшую часть городов Сулла отправил колонистов из служивших под его командою солдат, чтобы иметь по всей Италии свои гарнизоны; землю, принадлежавшую этим

городам, находившиеся в них жилые помещения Сулла делил между колонистами. Это снискало их расположение к нему и после его смерти. Так как они не могли считать свое положение прочным, пока не укрепятся распоряжения Суллы, то они боролись за дело Суллы и после его кончины.

Пока все это происходило в Италии, Карбон со многими знатными убежал из Ливии в Сицилию, а оттуда на остров Корсику, где он был схвачен посланным Помпеем отрядом. И всех прочих Помпей приказал сопровождавшим его лицам убивать, не приводя даже к нему. Карбона же, бывшего три раза консулом, он велел связанным привести к себе, поносил его при всем народе, а затем убил и голову его послал Сулле.

97. Когда Сулла расправился со своими врагами, как хотел, и когда у него оставался один только враг — Серторий, да и тот был далеко, он послал против него в Испанию Метелла. В Риме Сулла устроил все по своему желанию. Не было и речи о каких-либо законах или о голосованиях или о выборах по жребию: все от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали. Было постановлено признать прочно закрепленными и не подлежащими контролю все распоряжения Суллы, сделанные им в бытность его консулом и проконсулом. Ему воздвигли позолоченную конную статую перед рострами и сделали подпись: «Статуя Корнелия Суллы, счастливого императора». «Счастливым» называли его льстецы вследствие постоянно сопутствующего ему счастья в борьбе с врагами. И лесть эта закрепилась затем в прозвище, данном Сулле. Я встретил в одном сочинении, что Сулла был провозглашен «Эпафродитом» в этом постановлении, и это сообщение мне показалось не невероятным, так как он носил также прозвище «Фауст»; последнее прозвище по своему значению очень близко к «счастливый» и «изящный». Имеется и подтверждающее это предсказание оракула, данное некогда Сулле, когда он вопрошал о своем будущем:

«Римлянин, мне повинуйся! Киприда великую силу
Роду Энея дала. Бессмертным богам ежегодно
Первинки не забывай от плодов уделять и подарки
Богу Дельфийскому шли! У подножия снежного Тавра
Город обширный лежит, — он по имени назван Киприды,
В городе том обитают карийцы. Там сложишь секиру,
И осенит тебя власть своею широкою тенью».

Какое бы прозвище ни постановили даровать Сулле римляне, воздвигая его статую, мне кажется, они сделали это, либо желая скрыто подсмеяться над ним либо умилостивить его. Сам он послал в Дельфы золотой венок и золотую секиру с такою надписью:

«Сулла владычный дары посвящает тебе, Афродита,
Видел тебя он такою во сне, — ты в доспехах Ареса
Шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша!»

98. Сулла поистине был царем или тираном не по избранию,

а по силе и мощи. Ему, однако, нужна была хотя бы видимость того, что он избран, и он достиг этого следующим образом. Древние римские цари были царями в силу присущей им доблести. И когда кто-либо из них умирал, правили поочередно сенаторы в течение пяти дней, пока народ не ставил на царствование другого царя. Этого пятидневного правителя называли «междуцарем» — он был царем на пять дней. Потом при истечении срока консульства старые консулы всегда назначали выборы новых консулов; но если по какому-либо обстоятельству консула в данный момент не было налицо, то до выбора новых консулов назначался опять-таки междуцарь. Сулла ухватился за этот обычай. Консулов тогда не было: Карбон умер в Сицилии, Марий — в Пренесте. Сулла выехал недалеко от Рима и приказал сенату избрать так называемого междуцаря. Сенат избрал Валерия Флакка в надежде, что он внесет предложение устроить выборы консулов. Тогда Сулла поручил Флакку внести в народное собрание следующее предложение: по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно, чтобы в нем было диктаторское правление, хотя этот обычай прекратился 400 лет тому назад. Тот, кто будет избран, должен править не определенный срок, но до тех пор, пока Рим, Италия, вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепится. Это предложение имело в виду самого Суллу — в этом не было никакого сомнения. Сулла и сам не мог скрыть этого и в конце своего послания открыто заявлял, что, по его мнению, именно он в настоящее время будет полезен для Рима. 99. Вот какое послание отправил Сулла. Римляне понимали, что им не приходится уже производить выборы по доброй воле, по закону, что вообще не они являются господами положения. В таком затруднительном положении они готовы были приветствовать хотя бы тень выборов как показную видимость свободы. Поэтому они выбрали Суллу на срок, на какой он хочет, полномочным правителем-тираном. Правда, и диктаторская власть в старину была неограниченной тиранией, но она ограничивалась коротким сроком. Тогда же впервые, не будучи ограничена временем, она становилась вполне тиранией. Тем не менее для красного словца было прибавлено, что Сулла избирается диктатором для проведения законопроектов, которые он составит лично сам для упорядочения государственного строя. Так-то римляне, управлявшиеся царями в течение свыше 60 олимпиад, затем пользовавшиеся демократией и управлявшиеся консулами как годичными представителями государства в течение 100 олимпиад, снова испробовали царскую власть. Греки считали тогда 175-ю олимпиаду; впрочем, в Олимпии тогда не было никаких собраний, за исключением бега на стадии. Дело в том, что Сулла пригласил в Рим всех атлетов и устроил все прочие виды зрелищ во славу его подвигов в войне против Мифридата или в Ита-

лии. Предлогом для устройства всех этих торжеств было дать передохнуть народу от страданий и поднять его настроение.

81 г. 100. Чтобы сохранить видимость исконного государственного строя, Сулла допустил и назначение консулов. Консулами стали Марк Туллий и Корнелий Долабелла. Сам Сулла, как обладающий царской властью будучи диктатором, и стоял выше консулов. Пред ним, как пред диктаторами, носили 24 секиры, столько же, сколько носимо было и пред прежними царями. Многочисленные телохранители окружали Суллу.. Существующие законы он начал отменять и вместо них издавал другие. Так, например, он воспретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора; он воспретил занимать вновь ту же самую должность до истечения 10 лет. Должность народных трибунов он почти совершенно уничтожил, лишив ее всякого значения и законом воспретив народному трибуну занимать какую-либо другую должность. Следствием этого было то, что все дорожившие своей репутацией или происхождением стали уклоняться в последующее время от должности трибуна. Впрочем, я не могу наверное сказать, был ли Сулла инициатором существующего теперь порядка, по которому назначение народных трибунов было перенесено из народного собрания в сенат. К числу членов сената, совершенно обезлюдевшего из-за междоусобных распрей и войн, Сулла прибавил до 300 новых членов из наиболее знатных всадников, причем голосование каждого из них поручено было трибам. В состав народного собрания Сулла включил, даровав им свободу, свыше 10 000 наболее молодых и крепких рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам. Всех их Сулла объявил римскими гражданами, по своему имени назвав их Корнелиями, чтобы тем самым иметь возможность пользоваться голосами 10 000 таких членов народного собрания, которые готовы были исполнять все его приказания. То же самое он намеревался сделать и в отношении италийцев: он наделил служивших в его армии солдат 23 легионов, как об этом сказано мною ранее, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от городов.

101. Вообще Сулла был человек жестокий, крайне вспыльчивый. Квинт Лукреций Офелла, завоевавший для него Пренесте, одолевший путем осады консула Мария и тем самым завершивший победу Суллы, желал быть консулом, хотя он был еще только всадником и не отправлял ни квесторской, ни преторской должности. Лукреций претендовал на консульство, опираясь на старый обычай и основываясь на значительности всего им совершенного; он просил и граждан о поддержке его домогательства. Сулла стал препятствовать этому и старался удержать Лукреция, но не мог его убедить. Тогда он убил Лукреция на форуме. Созвав народ в собрание, Сулла сказал: «Вы,

граждане, знаете и услышите это теперь от меня: я убил Лукреция, так как он меня не послушался». И к этим словам присоединил такой рассказ: «Вши кусали земледельца в то время, как он пахал. Два раза он оставлял плуг, снимал свое исподнее платье и очищал его. А когда вши его снова начали кусать, он, чтобы часто не приходилось ему прерывать свою работу, сжег платье. И я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня». Такими речами Сулла запугал римлян и правил ими, как хотел. Он получил триумф за Мифридатову войну. По этому поводу некоторые называли его власть в шутку царскою властью, от которой он отрекается, так как он только скрывает имя царя. Другие говорили, что его действия доказывают обратное, и называли власть Суллы общепризнанной тиранией.

102. Такие горькие последствия имела эта война для Рима и для всей Италии. Последствия эти сказались и на всех народах за пределами Италии, которые еще ранее пострадали от войны с пиратами, с Мифридатом, с Суллою или изнемогали от больших налогов, так как римская казна из-за междоусобных распрей страдала недостатком денежных средств. Ведь все народы, все союзные с Римом цари, все города, не только обязанные платить дань, но и те, которые присоединились к Риму и связаны были с ним договорами, скрепленными клятвами, все города, которые благодаря союзу с Римом или за какие-либо другие свои добродетели пользовались автономией и были свободны от уплаты податей, — все они получили теперь приказание платить дань и повиноваться. Некоторые города лишились своих территорий и гаваней, предоставленных им по договору с Римом. Александр, сын бывшего египетского царя Александра, воспитывался на Косе, был выдан косцами Мифридату, бежал от него к Сулле и стал близким к нему человеком. Его Сулла назначил царем Александрии, руководствуясь тем, что там не было мужского представителя власти, а женщины, происходившие из царского рода, нуждались в родственнике мужчине. На самом деле Сулла рассчитывал хорошо поживиться с богатого царства. Молодой человек, опираясь на Суллу, стал править в Александрии слишком уж нехорошо. Поэтому после 19-дневного его управления александрийцы провели его из царского дворца в гимнасий и там убили. Так-то александрийцы, опираясь на силу своего государства и не испытав еще бедствий от внешнего врага, не боялись других.

103. В следующем году Сулла, хотя он был диктатором, притворно желая сохранить вид демократической власти, принял во второй раз консульство вместе с Метеллом Благочестивым. Может быть, поэтому и теперь еще римские императоры, назначая консулов в Риме, иногда объявляют самих себя таковыми, считая за что-то прекрасное соединить с верховною властью также и консульство. 80 г.

79 г. На следующий год народ, ублажая Суллу, снова избрал его консулом. Но Сулла не принял этого избрания, назначил консулом Сервилия Исаврика и Клавдия Пульхра, а сам добровольно сложил с себя свою большую власть, хотя никто его к этому не побуждал. И этот его поступок мне также представляется удивительным, именно, что один только Сулла, хотя никто на этом не настаивал, первый передал такую большую власть не своим детям, как это сделали Птолемей в Египте, Ариобарзан в Каппадокии, Селевк в Сирии, а тем, над кем он властвовал. Странно также и то, что Сулла добровольно сложил с себя ту власть, которой он овладел после того, как произвел для получения ее столько насилий, подвергся стольким опасностям. Не менее удивительно также и то, что он не побоялся сделать это после того, как в веденной им войне было истреблено более 100 000 цветущего населения, после того, как он убил и изгнал из числа своих врагов 90 сенаторов, до 15 консулов, 2 600 так называемых всадников (вместе с изгнанными), причем у многих из всех эти лиц имущество было конфисковано, тела многих из них выброшены без погребения. Сулла, не побоявшись ни оставшихся в Риме, ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег, привилегий, объявил себя частным человеком. 104. Столько было в этом человеке смелости, такое сопутствовало ему счастье! Говорят, когда Сулла сложил с себя власть, он прибавил на форуме, что, если кто-либо потребует, он готов дать ответ во всем происшедшем, что он отменил ликторов для себя, отставил своих телохранителей и в течение долгого времени один, лишь со своими друзьями, появлялся среди толпы, которая и теперь еще смотрела на него со страхом. Когда он возвращался домой, лишь один мальчик стал упрекать Суллу, и так как мальчика никто не сдерживал, он смело дошел с Суллой до его дома и на пути продолжал ругать его. И Сулла, распалявшийся гневом на высокопоставленных людей, на целые города, спокойно выносил ругань мальчика. Только при входе в дом он сознательно или случайно произнес пророческие слова о будущем: «этот мальчик послужит помехою для всякого другого человека, обладающего такою властью, какою обладал я, слагать ее». И действительно, прошло короткое время, и римляне поняли, как Сулла был прав: Гай Цезарь своей власти не сложил. Причина, почему Сулла пожелал стать из частного человека тираном и из тирана обратиться снова в частного человека и после этого проводить жизнь в сельском уединении, заключается, на мой взгляд, в том, что он за всякое дело брался с пылом и проводил его со всей энергией. Сулла переехал в свое поместье в Кумах, в Италии, и там в тишине развлекался рыбной ловлей и охотой, не потому, что он остерегался вести жизнь частного человека, проживая в городе, не потому, что он не чувствовал в себе достаточно силы для но-

вых предприятий. Он находился еще в цветущем возрасте и обладал полным здоровьем. В Италии к его услугам были 120 000 человек, недавно служивших под его начальством и теперь получивших от него большие подарки, обильные земельные наделы; в его распоряжении были в Риме 10 000 корнелиев и прочий народ, принадлежавший к числу его сторонников, преданный ему, страшный для других; все они как действовавшие раньше вместе с Суллой видели свою безопасность в том, чтобы он долго жил. Мне кажется, Сулла пресытился войнами, властью, Римом и после всего этого полюбил сельскую жизнь.

105. Лишь только Сулла удалился от дел, а римляне избавились от убийств и произвола, постепенно снова стали возгораться новые волнения. Назначенные консулы, Квинт Катул, из партии Суллы, и Эмилий Лепид, из противной ему партии, питали один к другому злейшую вражду, и между ними тотчас же началась размолвка. Ясно было, какие из всего этого произойдут беды. 78 г.

Сулла, проживая в своем поместьи, видел сон. Ему приснилось, что его уже зовет к себе его гений. Тотчас же, рассказав своим друзьям виденный им сон, он поспешно стал составлять завещание, окончил его в тот же день, приложил печать и к вечеру заболел лихорадкой, а ночью умер, будучи 60 лет. Это был, повидимому, как показало и его имя, счастливейший человек во всем до конца своей жизни, если считать счастьем для человека исполнение его желаний. В Риме смерть Суллы вызвала тотчас же междоусобную распрю. Одни требовали, чтобы тело Суллы было провезено торжественно по всей Италии, выставлено в Риме на форуме и погребено на государственный счет. Но Лепид и его сторонники воспротивились этому. Одержали верх, однако, Катул и сулланцы. Тело Суллы провезено было по всей Италии и доставлено в Рим. Оно покоилось в царском облачении на золотом ложе. За ложем следовало много трубачей, всадников и прочая вооруженная толпа пешком. Служившие под начальством Суллы отовсюду стекались на процессию в полном вооружении, и по мере того, как они приходили, они тотчас выстраивались в должном порядке. Сбежались и другие массы народа, свободные от работы. Пред телом Суллы несли знамена и секиры, которыми он был украшен еще при жизни, когда был правителем. 106. Наиболее пышный характер приняла процессия, когда она подошла к городским воротам и когда тело Суллы стали проносить через них. Тут несли больше 2 000 золотых венков, поспешно изготовленных, дары от городов и служивших под командою Суллы легионов, от его друзей. Невозможно исчислить другие роскошные дары, присланные на похороны. Тело Суллы, из страха перед собравшимся войском, сопровождали все жрецы и жрицы по отдельным коллегиям, весь сенат, все должностные лица с

отличительными знаками их власти. В пышном убранстве следовала толпа так называемых всадников и отдельными отрядами все войско, служившее под начальством Суллы. Оно все поспешно сбежалось, так как все солдаты торопились принять участие в печальной церемонии, со своими позолоченными знаменами, в посеребренном вооружении, какое и теперь еще обыкновенно употребляется в торжественных процессиях. Бесконечное количество было трубачей, игравших поочереди печальные похоронные песни. Громкие причитания произносили сначала поочереди сенаторы и всадники, далее войско, наконец, народ, одни истинно скорбя по Сулле, другие из страха перед ним — и тогда они не меньше, чем при его жизни, боялись и его войска и его трупа. Ибо при виде всего происходящего, при воспоминании о том, что Сулла сделал, они преисполнялись страхом и должны были согласиться с противниками, что он был действительно счастливейшим из мужей, но и мертвый — самым страшным противником для них. Когда труп Суллы был поставлен на кафедре на форуме, откуда произносятся речи, надгробную речь держал самый лучший из тогдашних ораторов, потому что сын Суллы, Фауст, был еще очень молод. После того наиболее сильные из сенаторов подняли труп на плечи и понесли его к Марсову полю, где хоронили только царей. Траурный костер был окружен всадниками и войском.

107. Таков был конец Суллы. Сразу же, возвращаясь от погребального костра, консулы стали пререкаться и ссориться между собою; горожане же были одни на стороне одного консула, другие — другого. Лепид, желая привлечь и италийцев на свою сторону, говорил, что он отдаст им землю, отнятую у них Суллою. Сенат был в страхе и обязал под присягою обоих консулов не решать дела войною. Лепид, получивший по жребию Трансальпийскую Галлию, не прибыл на выборы, намереваясь на следующий год, не взирая на данную им клятву, без стеснения начать войну против приверженцев Суллы; Лепид думал, что клятва с него взята только на год его консульства. Так как он не скрывал своих планов, то сенат решил отозвать его из Галлии. Лепид, хорошо зная, почему его отзывают, явился со всем своим войском, собираясь войти с ним в город. Когда это сделать Лепиду не дозволили, он через глашатая приказал взяться за оружие. То же самое, в противовес ему, сделал Катул. Недалеко от Марсова поля между ними произошла битва, Лепид потерпел поражение и, не будучи в силах дальше сопротивляться, отплыл в Сардинию, где и умер от чахотки. Его войско разошлось отдельными отрядами; наиболее сильную его часть Перпенна отвел в Испанию к Серторию.

80 г. 108. Из событий, связанных с эпохою Суллы, остается лишь война против Сертория. Она продолжалась восемь лет и была нелегкою для римлян, так как ее пришлось вести не только

против иберов, но также против римлян и Сертория. Уже раньше он был избран для управления Испанией, был союзником Карбона против Суллы, захватил Суессу во время перемирия, бежал и вернулся в назначенную ему провинцию. С войском из Италии, усиленным кельтиберами, Серторий прогнал из Испании бывших до него там начальников, которые, желая угодить Сулле, не передавали Серторию своих полномочий, и храбро сражался против Метелла, посланного Суллою. Славясь своею смелостью, Серторий собрал вокруг себя совет из 300 находившихся при нем его сторонников и говорил, что это римский совет, названный им в издевательство сенатом.

После смерти Суллы, а затем и Лепида Серторий с другим 77 г.
войском из италийцев, которое привел к нему полководец Лепида, Перпенна, намеревался, повидимому, итти походом на Италию. Это и случилось бы, если бы сенат, испуганный этим, не послал другое войско в Испанию, помимо там бывшего, и другого полководца, а именно Помпея, человека еще молодого, но прославившегося своими действиями при Сулле в Африке и в самой Италии. 109. Помпей смело перешел Альпы не по той трудной дороге, по которой шел в свое время Ганнибал. Он проложил другую дорогу около истоков Родана и Эридана, которые вытекают из Альпийских гор в недалеком расстоянии друг от друга. Одна протекает чрез область трансальпийских галлов и изливается в Тирренское море, другая изливается по сю сторону Альп в Ионийское море и меняет свое название на
Пад. Когда Помпей явился в Испанию, Серторий перебил весь 76 г.
его легион, вышедший за фуражом, со вьючными животными и обозной прислугой, разграбил и разрушил на глазах у самого Помпея город Лаврон. Во время штурма города одна женщина, когда какой-то солдат хотел изнасиловать ее, пальцами выколола себе глаза. Серторий, узнав б этом, приказал истребить всю когорту, которая, хотя бы в лице одного солдата, позволила
себе такой дикий поступок. 110. Наступившая зима положила 75 г.
конец военным действиям. Но с началом весны враждующие стороны выступили друг против друга: Метелл и Помпей с Пиренейских гор, где они зимовали, Серторий и Перпенна — из Лузитании. Стычка произошла около города Сукрона. При ясном небе слышался страшный гром, мелькали невиданные молнии, но враги, как опытные в военном деле, отнеслись к этому без всякого страха, и резня с обеих сторон была жестокая до тех пор, пока Метелл не обратил в бегство Перпенну и не подверг разграблению его лагерь, а Серторий одержал победу над Помпеем, причем последний был опасно ранен в бедро копьем. Это положило конец сражению. У Сертория была белая ручная, гулявшая на свободе лань. Когда она исчезла, Серторий, считая это для себя неблагоприятным предзнаменованием, был в дурном расположении духа и ничего не предпринимал, так что из-за этой лани враги даже стали под-

смеиваться над ним. Когда же она показалась и помчалась чрез густой лес, Серторий выбежал и тотчас же, как бы под ее предводительством, напал на неприятеля. Немного спустя он выдержал большой бой, от полудня до восхода звезд, около Сагунта. Сражаясь сам на коне, он одолел Помпея, убил из его войска до 6 000 человек, потеряв сам 3 000. Метелл и в этой битве истребил около 5 000 из армии Перпенны. На следующий день после этой битвы Серторий, прихватив большое количество туземцев, вечером неожиданно напал на лагерь Метелла, смело намереваясь отрезать его рвом. Но когда на него повел наступление Помпей, Серторий отказался от своего смелого плана. Таковы были военные действия в течение лета. Зима снова разъединила врагов.

74 г. 111. В следующем году, в 170-ю олимпиаду, к римлянам по завещанию присоединились две области: Вифиния, которую им оставил Никомед, и Кирена, принадлежавшая царю Птолемею, потомку Лага, носившему прозвище Апион. Военные действия были в полном разгаре. Война с Серторием в Испании, война с Мифридатом на востоке, война с пиратами повсеместно на море, война на Крите против критян, война с гладиаторами в Италии, возникшая внезапно и оказавшаяся для римлян очень тяжелой. Вынужденные разделить на столько частей свои военные силы, римляне все-таки послали в Испанию два новых легиона. С ними и со всем старым войском Метелл и Помпей снова спустились с Пиренейских гор к Иберу. Серторий и Перпенна вышли к ним навстречу из Лузитании. В это время многие из войска Сертория стали перебегать к Метеллу.

112. Разгневанный этим Серторий жестоко и по-варварски поносил перебежчиков и этим навлек на себя ненависть. Всего же более обвиняло Сертория войско в том, что он вместо римлян повсеместно стал привлекать на службу в качестве копьеносцев кельтиберов, поручал им должности телохранителей, отстранив римлян. Упреки в неверности были для войска невыносимы, коль скоро ему приходилось служить под начальством римских врагов. Задевало солдат всего более и то, что они из-за Сертория, как оказывалось, нарушили верность своей родине, а между тем сам же Серторий обвинял их в неверности. Они считали оскорбительным для себя и то, что оставшиеся при Сертории подвергались осуждению из-за попадавшихся среди них перебежчиков. Между тем и кельтиберы, придравшись к этому, надругались над римлянами как над лицами, потерявшими доверие. При всем этом римляне все-таки не уходили окончательно, нуждаясь в Сертории: не было в то время человека более воинственного, более удачливого, чем он. Поэтому-то и кельтиберы называли Сертория за быстроту его действий вторым Ганнибалом, которого они считали из всех бывших у них полководцев самым смелым и самым хитрым.

Таково было настроение в войске Сертория. Тем временем войско Метелла делало набеги на многие города, находившиеся во власти Сертория, и мужское население их приводило в подчиненные Метеллу места. Когда Помпей осаждал Палланцию и подвел к деревянным стенам ее колодки, прибывший Серторий освободил город от осады, но Помпей успел все-таки поджечь стены, после чего возвратился к Метеллу. Серторий восстановил упавшие стены и, напав около местечка Калачур на римский лагерь, убил 3 000 человек. Вот это происходило в Испании в этом году.

113. В следующем году римские полководцы, набравшись 73 г.
еще больше смелости и презрения к врагам, стали нападать на города, находившиеся во власти Сертория, многие из них привлекли на свою сторону и стали подступать к другим городам, ободренные успехом своих предприятий. Однако до большой битвы дело нигде не дошло, но снова..., до тех пор, пока в следующем году они снова не стали продолжать военные дей- 72 г.
ствия с все более и более возраставшим презрением к врагу. Серторий же, по божьему попущению, ни с того, ни с сего перестал заниматься делами, обставил себя роскошью, проводил время в обществе женщин, в пирах и попойках. Поэтому он терпел неоднократные поражения. Разного рода подозрения сделали Сертория чрезвычайно раздражительным и жестоким в применении карательных мер. Серторий стал подозревать всех, так что и Перпенна, пришедший к нему по своей воле с большим войском после междоусобной распри Эмилия, стал опасаться за себя и вместе с 10 другими лицами составил заговор против Сертория. После того как некоторые из заговорщиков были изобличены и одни из них понесли наказания, другие успели скрыться, Перпенна, неожиданно оставшийся неизобличенным, еще более стал торопиться с исполнением своего замысла. Так как Серторий нигде не отпускал от себя телохранителей, то Перпенна пригласил его на угощение, напоил допьяна его и окружавшую его стражу и всех их перебил во время пира.
114. Войско тотчас же с большим шумом и гневом восстало против Перпенны — ненависть к Серторию немедленно перешла в преданность к нему. У всех утихает гнев к мертвым, коль скоро причинявший огорчение сошел с пути, и все начинают жалеть его и вспоминать о его доблестях. Ко всему этому войско Перпенны стало обдумывать и свое настоящее положение. Конечно, оно относилось к Перпенне с презрением, как к обыкновенному человеку, одна только храбрость Сертория, думало войско, могла бы спасти его. Поэтому-то было настроено враждебно к Перпенне также и туземное ополчение, в особенности лузитанцы, услугами которых всего более пользовался Серторий. Когда было вскрыто завещание Сертория, где Перпенна назначен был его наследником, всеобщий гнев и ненависть к Перпенне усилились еще больше за то, что он совершил

такую гнусность не только в отношении своего начальника и полководца, но и в отношении своего друга и благодетеля. Дело дошло бы до кулачной расправы, если бы Перпенна не обошел солдат, одних склонив на свою сторону подарками, других обещаниями, третьим пригрозив, а кое с кем и расправившись, чтобы дать острастку другим. При этом Перпенна объезжал туземные племена, созывал собрания, освобождал узников, закованных Серторием в кандалы, возвращал иберам данных ими заложников. Прельщенные всем этим, они стали повиноваться Перпенне как полководцу — это звание он носил после смерти Сертория. Тем не менее враждебное настроение к Перпенне все-таки проявлялось. Дело в том, что он тотчас же, осмелев, начал проявлять большую жестокость в применении карательных мер; так, он приказал убить трех знатных лиц, бежавших к нему из Рима, а также своего племянника.

115. Между тем Метелл направился в другие места Испании. Он полагал, что справиться с Перпенной будет нетрудно и одному Помпею. В течение нескольких дней у Помпея с Перпенной происходили небольшие пробные стычки, причем они не приводили в действие все свои войска, но на десятый день дело разразилось большим сражением: одним ударом решили они все покончить: Помпей потому, что он относился с презрением к полководческому таланту Перпенны, последний потому, что он не очень-то полагался на свое войско. Поэтому-то Перпенна и вступил в бой почти со всем своим войском. Скоро Помпей одержал верх над Перпенной, не бывшим выдающимся полководцем, не располагавшим преданным войском. При начавшемся общем бегстве Перпенна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили Перпенну и поволекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перпенна вопил, что он много расскажет Помпею о междоусобной распре в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перпенну, прежде чем он к нему явится. Он боялся, как бы Перпенна вдруг не открыл ему чего-нибудь неожиданного, что могло бы дать толчок к другим бедствиям в Риме. Оказалось, что в данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы. Таким образом, со смертью Сертория окончилась война в Испании. Повидимому, она не окончилась бы так скоро и так легко, если бы Серторий оставался в живых.

73—71 гг. 116. В это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около

семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, — римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом, — то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбежалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. 117. Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда — к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы итти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пицене консулы снова попытались оказать ему противодействие. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменил решение итти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

71 г. 118. Третий уже год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Лициний Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того, как все легионы были соединены вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого легионера, нисколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4 000. Но как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, где-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его рвом, валами и палисадом. 119. Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самниум, Красс на заре уничтожил около 6 000 человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее уверенность в победе. Спартак же, поджидая всадников, кое откуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака дело тягостное и серьезное. 120. Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот с презрением отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск, и так как у него уже было достаточно всадников, бросился

со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Мифридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса с большой и тогда своей армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около 1 000 человек. Тело Спартака не было найдено. Большое число спартаковцев еще укрылось в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались пока не погибли все, за исключением 6 000, которые были схвачены и повешены вдоль дороги из Капуи в Рим.

121. Красс, покончивший гладиаторскую войну в шесть месяцев, немедленно же стал после этого соперником Помпея по славе. Он не распустил своего войска, потому что этого не сделал и Помпей. Свою кандидатуру на консульство выставили они оба: Красс в виду того, что он, согласно закону Суллы, был претором, Помпей же не был ни претором, ни квестором и имел в это время 34 года. Зато он обещал народным трибунам снова вернуть многие прежние прерогативы их власти. Когда Помпей и Красс были избраны консулами, они не распустили своих армий, но держали их поблизости от Рима; каждый выставлял такой предлог: Помпей говорил, что он ожидает возвращения Метелла, чтобы справить испанский триумф, Красс же указывал на то, что предварительно должен распустить свое войско Помпей. Народ, видя, что начинается новая распря, боясь двух армий, расположенных около Рима, просил консулов в заседании, происходившем на форуме, покончить дело миром. Сначала Помпей и Красс отказались. После того как некоторые предсказатели стали предвещать наступление многих ужасов в том случае, если консулы не примирятся, народ снова с плачем и унижением просил их примириться, ссылаясь на бедствия, бывшие при Сулле и Марии. Тогда Красс первый сошел со своего кресла, направился к Помпею и протянул ему руку в знак примирения. Помпей встал в свою очередь и подбежал к Крассу. Когда они подали друг другу руки, посыпались на них всякого рода благопожелания, и народ оставил собрание лишь после того, как оба консула объявили, что они распускают свои армии. Так-то спокойно разрешилась размолвка между консулами, которая, повидимому, могла повести к большой междоусобной распре.

Эта часть «Гражданских войн» пала на год, отстоявший от убийства Тиберия Гракха приблизительно на 60 лет.

КНИГА ВТОРАЯ

1. После самодержавия Суллы и того, что затем совершили в Испании Серторий и Перпенна, возникла у римлян другая гражданская война. Гай Цезарь и Помпей Великий сражались друг с другом, и Цезарь уничтожил Помпея, а Цезаря убили в сенате заговорщики за то, что он держался монархических приемов правления. Как все это произошло и как погибли Помпей и Гай, рассказывается во второй книге «Гражданских войн».

64 г. Помпей, только что очистив море от шаек пиратов, дерзость которых дошла тогда всюду до крайней степени, и низвергнув царя Понта Мифридата, занимался устройством его царства и других провинций, которые он присоединил на Востоке. Цезарь был тогда еще молод. Прекрасный оратор и искусный политик, не останавливающийся ни перед чем, питающий большие надежды на будущее, не по средствам щедрый тогда, когда вопрос касался его честолюбия, он еще в бытность эдилом и претором завяз по уши в долгах. Зато Цезарь был чрезвычайно популярен, так как народ всегда хвалит щедрых людей.

2. В то время Гай Катилина, известный своей громкой репутацией и знатным происхождением, отличался крайним легкомыслием. Говорили, что он когда-то убил своего сына из-за любви к Аврелии Орестилле, которая не соглашалась выйти замуж за человека, имевшего ребенка. Катилина был другом и ревностным сторонником Суллы, но теперь, вследствие мотовства, быстро катился к нищете, хотя пока еще оставался в фаворе у разных влиятельных мужчин и женщин. Этот-то Катилина стал домогаться консульства, чтобы таким путем захватить тиранническую власть. Хотя он очень надеялся быть избранным, однако его кандидатура потерпела неудачу из-за
63 г. подозрительности по отношению к нему. Вместо него консулом был избран выдающийся оратор Цицерон, который отличался необычайным даром речи. Катилина, желая оскорбить лиц, избравших Цицерона, издевался над ним и, намекая на незнатность его происхождения, называл его «новым», как именуют людей, добившихся известности собственными заслугами, а не заслугами предков. А так как Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его «инквилином»,

как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах. Сам Катилина с того времени совершенно отошел от государственной деятельности, так как, по его мнению, она не ведет быстро и верно к единодержавию, но полна раздоров и интриг. Получая большие суммы от многих женщин, которые надеялись во время восстания отделаться от своих мужей, Катилина вошел в соглашение с некоторыми из сенаторов и так называемых всадников, собирал простонародье, чужеземцев и рабов. Главарями всего этого народа были тогдашние преторы Корнелий Лентул и Цетег. По Италии Катилина рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растратили все те барыши, что они получили в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям. В этрусккские Фезулы Катилина послал Гая Манлия, в Пицен в Апулию — других людей, которые тайком собирали для него войско.

3. Обо всем этом — о чем тогда еще ничего не знали — донесла Цицерону одна знатная женщина, по имени Фульвия. Влюбленный в нее Квинт Курий, изгнанный из сената за его многие неблаговидные поступки и удостоенный поэтому чести войти в союз с Катилиной, с большим легкомыслием рассказывал своей возлюбленной о заговоре и хвастался, что скоро он приобретет большую силу. Ходили уже слухи и о том, что творилось в Италии. Поэтому Цицерон расставил в различных пунктах города караулы и разослал во все подозрительные места многих лиц из числа знати наблюдать за всем происходящим. Катилина, хотя никто еще не осмеливался его арестовать, так как ничего не было точно известно, тем не менее был в страхе. Считая, что чем дальше он будет тянуть время, тем больше явится против него подозрений, он решил действовать быстро. Поэтому Катилина послал предварительно деньги в Фезулы и поручил заговорщикам убить Цицерона и поджечь Рим одновременно во многих пунктах в одну и ту же ночь, а сам отправился к Гаю Манлию. Он намеревался, собрав войско, напасть на город во время пожара. Со свойственным ему легкомыслием, имея перед собой фасции — как если бы он был проконсулом — Катилина отправился к Манлию набирать войско. Лентул же и остальные заговорщики составили следующий план. Как только они узнают, что Катилина находится в Фезулах, сам Лентул и Цетег на заре будут караулить у дверей Цицерона со спрятанными под одеждой кинжалами. Они надеялись, что им будет позволено войти в дом благодаря их служебному положению. Разговаривая и прохаживаясь, они протянут время и убьют Цицерона, отвлекши его от других посетителей. А народный трибун Луций Бестия тотчас созовет через глашатая народное собрание и обвинит Цицерона в том, что он трус, всегда затевает раздоры и будоражит город, когда нет никакой опасности. Сразу после речи Бестии, когда стемнеет, другие заго-

ворщики в двенадцати местах подожгут город и станут грабить и убивать именитых людей.

4. Так было решено Лентулом, Цетегом, Статилием и Кассием, главарями заговора, и они только ждали удобного момента. В это время прибыли в Рим послы аллоброгов с жалобой на своих правителей... Этих послов склонили вступить в заговор Лентула с тем, чтобы поднять против римлян Галлию. Лентул послал вместе с ними к Катилине кротонца Волтурция с неподписанным письмом. Но аллоброги находились в нерешительности и рассказали обо всем Фабрицию Санге, своему патрону, — у каждого государства есть в Риме патрон. Цицерон, узнав об этом от Санги, приказал схватить уезжавших аллоброгов вместе с Волтурцием и тотчас привести их в сенат. Они признались, что вошли в соглашение с группой Лентула, а затем, когда их уводили, рассказали, как Корнелий Лентул часто говорил, что трем Корнелиям суждено быть римскими самодержцами, двое из них — Цинна и Сулла — уже были ими.

5. После того как это было сказано, сенат отрешил Лентула от должности, а Цицерон, отведя каждого заговорщика в помещение преторов, тотчас вернулся обратно и приступил к проведению относительно заговорщиков голосования. Вокруг здания сената стоял шум, так как в точности еще ничего не было известно, и страх охватил соучастников заговора. Рабы и вольноотпущенники самого Лентула и Цетега собрав много ремесленников, пробрались окольными путями и окружили помещение преторов, чтобы освободить своих господ. Цицерон, узнав об этом, выбежал из сената; поставив стражу в нужных местах, он возвратился обратно и стал торопить сенат принять решение. Первым начал говорить Силан, избранный консулом на предстоящий год, — у римлян будущий консул высказывает мнение первым потому, я думаю, что ему самому придется в будущем приводить в исполнение многие постановления и в силу этого он будет судить обо всем благоразумнее и осторожнее. Многие соглашались с Силаном, полагавшим, что этих людей следует подвергнуть высшей мере наказания. Но когда дошла очередь до Нерона, он сказал, что считал бы более правильным держать их под стражей до тех пор, пока не изгонят вооруженной силой Катилину и не расследуют детально все дело.

6. Тогда выступил Гай Цезарь, который не был свободен от подозрения в сообществе с заговорщиками, но с которым Цицерон не решился начать борьбу, так как Цезарь пользовался большой популярностью у народа. Цезарь прибавил, что Цицерону должно разместить заговорщиков в городах Италии — там, где он сам найдет удобным, — до тех пор, пока они не будут преданы суду. По мнению Цезаря, это нужно сделать после того, как Катилина будет побежден военной

силой; таким образом, до суда и следствия не будет совершено ничего непоправимого в отношении весьма известных людей. Так как это мнение показалось правильным и было встречено с сочувствием, большинство сената готово было слишком поспешно переменить свою точку зрения. Тогда Катон, уже совершенно ясно говоря о тяготеющем над Цезарем подозрении, и Цицерон, опасаясь в виду наступающей ночи, как бы соучастники заговорщиков, еще бродившие по форуму и боящиеся за самих себя и за них, не совершили бы каких-нибудь эксцессов, — убедили сенат вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления. Цицерон, пока еще сенат не был распущен, немедленно приказал перевести арестованных из помещения, где они содержались, в тюрьму и умертвить их на его глазах, в то время как толпа ничего об этом не знала, а затем, проходя мимо находившихся на форуме, он объявил об их смерти. Бывшие на форуме в ужасе стали расходиться, радуясь тому, что их участие в заговоре осталось нераскрытым. Таким образом, город вздохнул свободно после сильного страха, охватившего его в этот день.

7. Катилина же, у которого собралось около 2 000 человек, вооружил уже четвертую часть их и направился в Галлию для дальнейшей подготовки к действиям. Но второй консул, Антоний, настиг его у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки. Ни Катилина, ни другой кто из его наиболее известных товарищей не сочли достойным себя искать спасения в бегстве, но погибли, бросившись в самую гущу врагов. 62 г.

Так окончилось восстание Катилины, чуть-чуть не приведшее государство на край гибели. Цицерон, который раньше был всем известен благодаря только силе слова, теперь прославился и своими делами. Бесспорно, он казался спасителем гибнущего отечества. Велико было расположение к нему народа и разнообразны знаки величайшего к нему уважения. Когда Катон назвал его отцом отечества, народ приветствовал это криками; некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров. Ибо, хотя они и царствуют, но титул отца отечества дается им не сразу вместе с другими титулами, но лишь с течением времени и с большим трудом, как высшее признание их подвигов.

8. Цезаря, который был назначен претором в Испанию, некоторое время не пускали из Рима ростовщики, так как долги, в которые он попал из-за своего мотовства, во много раз превышали его состояние. Передавали, что, по его собственным словам, ему нужно было 25 миллионов сестерциев, чтобы расплатиться со всеми долгами. Кое-как успокоив приставвших 61 г.

к нему заимодавцев, Цезарь уехал в Испанию. Там он не думал вступать в сношения с городами, решать судебные дела и т. п., считая это не приносящим ему пользы. Собрав войско, Цезарь нападал на еще не подвластных Риму иберов, пока не объявил всю Испанию подчиненной римлянам, причем послал в римское государственное казначейство много денег. За это сенат разрешил ему отпраздновать триумф.

60 г. В то время как Цезарь в предместьях Рима занимался подготовкой пышного триумфа, в городе происходили выборы консулов, и домогавшимся этой должности необходимо было там присутствовать. Но тот, кто вступил в город, уже не мог принять участие в триумфе. Поэтому Цезарь, жадно стремясь к власти и не имея возможности заранее подготовить триумф, обратился к сенату с просьбой разрешить ему принять участие в домогательстве консульского звания заочно, через друзей. Цезарь знал, что это незаконно, однако так поступали и другие. Но так как Катон высказался против него и так как последний день предвыборной борьбы тратился на прения в сенате, Цезарь решил отказаться от триумфа, спешно прибыл в Рим и, выставив свою кандидатуру в консулы, ожидал исхода голосования.

9. В это время Помпей, который приобрел большую славу и влияние после похода против Мифридата, потребовал, чтобы сенат утвердил те раздачи, которые он сделал царям, династам и городам. Из зависти к Помпею большинство сената высказывалось против этого, особенно Лукулл, который воевал с Мифридатом еще до Помпея и, по его словам, оставил Помпею Мифридата совершенно обессиленным и считал эту войну своей собственной заслугой. Лукулла поддерживал Красс. Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название «Треглавие». Сенат относился к Цезарю, Помпею и Крассу с недоверием и, чтобы противодействовать Цезарю, утвердил товарищем его по должности Луция Бибула.

59 г. 10. Тотчас между триумвирами начались раздоры, и каждый из них стал готовиться к войне против другого. Но Цезарь, большой мастер притворяться, произносил в сенате речи о необходимости единодушия, направляя их по адресу Бибула: триумвиры-де своими раздорами обеспокоят всю республику. Убедив Бибула, что он действительно так думает, Цезарь добился того, что Бибул стал поступать неосторожно, ни к чему не готовился и ни о чем не догадывался. Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а луч-

шую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для оккупации, предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким путем Цезарь создал себе огромное число приверженцев, ибо одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20 000. Так как многие сенаторы высказывались против предложений Цезаря, то он, притворившись разгневанным их несправедливостью, ушел из сената и целый год не созывал его, а говорил народу с ростры. Здесь он публично запрашивал мнения Помпея и Красса относительно своих законопроектов. Они одобряли их, народ же приходил на голосование со спрятанными под одеждой короткими мечами.

11. Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря; однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путем он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении. Убежденный сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь еще произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооруженные кинжалами, ломали фасции и знаки консульского достоинства Бибула; некоторые из окружавших его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело: «Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, — кричал он, — то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление». Друзья отвели его насильно в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, — его никто уже не слушал, — грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провел свои законопроекты. 12. Он взял клятву с народа, что их будут признавать на вечные времена, и потребовал, чтобы и сенат в этом поклялся. Но так как многие, в том числе и Катон, противодействовали закону, то Цезарь внес в народное собрание предложение, что тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни. Это предложение было принято. Народные трибуны и все остальные в испуге тотчас дали требуемую клятву: было бесполезно возражать, когда закон был принят народом.

В это время один простолюдин, по имени Веттий, ворвавшись в середину толпы с обнаженным кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катоном убить Цезаря и Помпея и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Дело было весьма темное, но Цезарь воспользовался им, чтобы

подстрекать толпу. Допрос Веттия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме. О случившемся шли самые различные догадки и предположения, и Цезарь не преминул этим воспользоваться, говоря, что Веттия убили те, кто боялся его показаний. В конце концов он добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней. Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку, не выходил из дома и не занимался государственными делами. 13. А Цезарь и сам еще не принимался за расследование дела Веттия, хотя он обладал всей полнотой государственной власти. Он проводил новые законы, тем самым привлекая к себе народ. Цезарь также утвердил все то, что сделал Помпей, как он ему и обещал.

Так называемые всадники по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями, и владели массой надежнейших в этом отношении рабов. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость — даже больше того, что они просили, — начали боготворить Цезаря. Таким образом у него, благодаря ловкому политическому ходу, прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками. За это Цезарю дали в управление Цизальпинскую и Трансальпинскую Галлии на пять лет и предоставили под начальство четыре легиона войска.

14. Цезарь давно предвидел, что предстоящее ему отсутствие будет длительным, и зависть станет тем больше, что он пользовался большими льготами. Он выдал свою дочь за Помпея, хотя она и была обручена с Цепионом. Цезарь боялся, что Помпей станет завидовать ему, даже находясь с ним в дружбе. Наиболее энергичных из своих сторонников он провел в магистраты на будущий год. Консулом Цезарь объявил своего друга Авла Габиния, а сам женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, который должен был занять место второго консула. По этому поводу Катон кричал, что власть достается посредством брачных союзов. Трибунами Цезарь выбрал Ватиния и Клодия, по прозвищу Прекрасный. Это Клодий когда-то во время женской праздничной церемонии навлек на себя некрасивое подозрение из-за Юлии, жены самого Цезаря. Но Цезарь не стал преследовать судом Клодия, пользовавшегося большой популярностью у толпы, хотя и удалил

от себя жену. Однако Клодий все-таки был привлечен к суду другими лицами по обвинению в безбожии, так как дело происходило во время религиозной церемонии. Цицерон представлял интересы обвинителей. Цезарь, вызванный в свидетели, не выдал Клодия, но тогда же назначил его трибуном на зло Цицерону, который распускал клевету на триумвиров, обвиняя их в единодержавии. Таким образом, Цезарь в силу необходимости стал выше личной обиды и оказал благодеяние одному врагу ради мщения другому. Кажется, и Клодий со своей стороны отблагодарил Цезаря, помогая ему получить в управление Галлию.

15. Такие дела совершил Цезарь во время своего консуль- 58 г.
ства и, оставив одну власть ради другой, уехал. А Клодий обвинил Цицерона в нарушении законов, так как он казнил до суда группу Лентула и Цетега. Цицерон, выступая в том деле с величайшей смелостью, оказался весьма слабым в собственном судебном процессе. Одетый в бедную одежду, грязный, он приставал ко всякому, кого он встречал на узких улицах, и не стыдился надоедать тем, кто не был в курсе дела, так что вследствие непристойности его поведения сострадание к нему сменилось насмешками. В такую трусость из-за одного только собственного процесса впал тот, кто всю жизнь блестяще выступал в чужих судебных делах. Подобно этому, говорят, и афинянин Демосфен не принял собственного процесса и бежал до суда. Когда Клодий нахально положил конец приставаниям Цицерона в переулках, он отчаялся во всем и удалился в добровольное изгнание. Много друзей удалилось вместе с ним, а сенат рекомендовал его городам, царям и династам. Клодий же разрушил городской дом и виллы Цицерона. Гордясь этим, он сравнивал себя уже с Помпеем, имевшим величайшую силу в государстве.

16. Помпей готовился к борьбе с Клодием и подавал надежду на консульство Милону, который получил власть вместе с Клодием и был еще нахальнее его. Помпей натравил его на Клодия и предложил дать амнистию Цицерону, надеясь, что тот, помня все им испытанное, по возвращении не станет уже больше говорить о существующих государственных порядках, но выступит против Клодия. Цицерон, изгнанный с по- 57 г.
мощью Помпея, возвратился также с его помощью, проведя в изгнании около 16 месяцев. Дом его и виллы были восстановлены на государственный счет. Все торжественно его встречали у городских ворот, причем, говорят, на встречу был затрачен целый день, подобно тому, как это случилось при возвращении Демосфена.

17. Цезарь, совершив много славных подвигов, о чем мною 56 г.
рассказано в истории галлов, пришел с большими богатствами в смежную с Италией Галлию, расположенную по реке Эридану. Он намеревался на короткое время дать войску отдых

от непрерывных войн. Отсюда Цезарь посылал в Рим много денег различным лицам. В Галлию к нему приезжали поочередно магистраты и просто знатные лица, отправлявшиеся для управления в провинции или в походы, так что иногда вокруг него бывало до 120 фасций и больше 200 сенаторов. Одни приезжали, чтобы поблагодарить за прошлое, другие — чтобы получить деньги, третьи — чтобы устроить что-нибудь для себя в таком же роде. Поэтому Цезарь мог уже все делать, опираясь на большую армию, могущество денег и благодаря любезному вниманию ко всем. Также прибыли к нему и его сотоварищи по власти, Помпей и Красс. Посоветовавшись друг с другом, они решили, чтобы Помпей и Красс снова были избраны консулами, а Цезарю было продлено командование на второе пятилетие.

Так разошлись триумвиры. Противником Помпея по избранию в консулы выступил Домиций Аэнобарб. В назначенный для голосования день оба они еще с ночи пришли на собрание. Между их сторонниками началась распря, перешедшая в свалку. Кто-то ударил мечом факелоносца Домиция, и тогда все разбежались. Домицкий сам с трудом спасся домой, а окровавленную одежду Помпея принесли домой другие. Такой опасности подверглись они оба.

55 г. 18. Итак, консулами были избраны Красс и Помпей. Цезарю же, как было условлено, продлили командование на второе пятилетие. Провинции и войска в них были распределены по жребию между Помпеем и Крассом. Помпей получил Испанию и Африку. Послав туда для управления своих друзей, сам он оставался в Риме. Крассу досталась Сирия и соседние с ней области; он хотел начать войну с парфянами, войну, как он полагал, легкую, славную и выгодную. Но при его отъезде из Рима случились многие дурные предзнаменования, да и народные трибуны налагали свое veto на войну с парфянами, так как те не совершили ничего несправедливого по отношению римлян. Трибуны призвали общественное проклятие на
53 г. голову того, кто им в этом не повинуется. Но Красс не придал этому значения и погиб вместе со своим одноименным сыном и самим войском: из стотысячной римской армии бежало из Сирии неполных десять тысяч. Но о поражении Красса будет рассказано в сочинении о Парфии.

Римляне же, теснимые голодом, дали Помпею неограниченные полномочия по снабжению города съестными припасами и, как раньше, при ликвидации пиратов, дали ему двадцать легатов из числа сенаторов. Помпей, распределив их по провинциям, производил объезды и скоро доставил в Рим большое количество продовольствия. Благодаря этому он приобрел еще бо́льшую славу и силу,

54 г. 19. В это время умерла дочь Цезаря, беременная от Помпея. Когда расстроился этот брак, всех охватил страх. Боялись,

что Цезарь и Помпей, обладавшие большими военными силами, начнут враждовать друг с другом, и это в то время, когда государство было чрезвычайно дезорганизовано и с давних пор находилось в тяжелом состоянии. Ведь магистраты назначались среди раздоров и взяточничества, при всякого рода злоупотреблениях, с помощью камней и мечей. Тогда бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным. Иногда случалось, что плата за эпонимные магистратуры достигала 800 талантов. Случалось, что консулы теряли надежду отправиться в поход и воевать, связанные правлением триумвиров. Худшие из них вместо военных походов извлекали барыши из государственных сумм и из выборов себе преемников. Порядочные люди вследствие этого вовсе перестали занимать государственные должности, так что из-за такой анархии государство однажды в течение восьми месяцев оставалось без магистратур. 53 г.

20. Помпей сознательно допускал такой беспорядок, чтобы ощущалась необходимость назначения диктатора. Среди многих шла болтовня о том, что единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть; что нужно выбрать человека сильного и вместе с тем милостивого; указывали на Помпея, который имел в своем распоряжении достаточно войска, как кажется, любил народ и уважал сенат, был воздержан в жизни и благоразумен, легко доступен для просьб, — было неважно, таков ли он или только таким казался. Помпей на словах сердился по поводу всех этих предположений, на деле же тайно все делал для их осуществления и нарочно допускал беспорядок и анархию в государственном управлении.

Так как Милон помогал Помпею в борьбе против Клодия 52 г.
и благодаря возвращению Цицерона пользовался большой популярностью, то он во время царившей тогда анархии начал домогаться консульства, как бы при нормальных условиях. Помпей тянул с выборами, и Милон, недовольный Помпеем, который и по отношению к нему оказался неверным, поехал на свою родину, в Ланувий. Говорят, что Диомед, скитавшийся после разрушения Илиона, основал там первый город в Италии.

21. Ланувий отстоит от Рима на 150 стадий. Клодий в это время возвращался верхом из своих имений и встретился с Милоном около Бовилл. Сами они не обратили внимания друг на друга, так как находились в враждебных отношениях, и проехали мимо. Но раб Милона бросился на Клодия и ударил его кинжалом в спину. Трудно сказать, действовал ли он по приказанию или хотел убить его как врага своего господина. Конюх перенес истекающего кровью Клодия в ближайшую гостиницу. Милон явился туда с рабами и прикончил умирающего, или Клодий, быть может, был уже мертв. Он

изображал дело так, что вовсе не собирался его убить и не давал такого приказания; но, подвергаясь со всех сторон опасности, полагал, что раз начатое дело нужно докончить. Когда известие об этом несчастьи было принесено в Рим, пораженный народ провел ночь на форуме, а с наступлением дня выставил тело Клодия на ростре. Затем некоторые из народных трибунов, а также друзья Клодия, окруженные толпой, перенесли его труп в курию. Это было сделано для того, чтобы оказать Клодию посмертные почести, так как он принадлежал к сенаторскому сословию, или, быть может, для того, чтобы выразить порицание сенату, пренебрегающему происшедшим. Те из присутствующих, кто был посмелее, снесли в одно место скамьи и сиденья сенаторов и подожгли их, отчего и курия и много соседних домов сгорели вместе с телом Клодия.

22. Наглость же Милона дошла до того, что он не столько боялся ответственности за убийство Клодия, сколько негодовал на то, что Клодию оказали такую честь на похоронах. Собрав толпу рабов и сельчан, раздавая деньги народу и подкупив народного трибуна Марка Целия, Милон дерзко вернулся в Рим. Как только он вступил в город, Целий тотчас повлек его на форум, где были заранее собраны подкупленные им люди. Дело изображалось так, что он в негодовании ведет Милона в народное собрание, чтобы немедленно предать его суду. Целий надеялся, что если Милона оправдает присутствующая в этот момент на форуме толпа, он ускользнет от более справедливого наказания. Милон выступил с речью, утверждая, что он не замышлял всего этого дела: он не пошел бы на него с багажом и женой. Остальную часть своей речи он направил против Клодия, изображая его человеком чрезвычайно наглым, другом тех негодяев, которые сожгли, вместе с его телом, курию. В то время когда он говорил, остальные народные трибуны и неподкупленная часть народа, вооруженные, ворвались на форум. Целий и Милон, переодевшись рабами, убежали. Однако начались массовые убийства других, так как искали уже не друзей Милона, но убивали кого придется, граждан и иностранцев, а в особенности тех, кто выделялся одеждой или золотыми перстнями. Как бывает в моменты государственной анархии, беспорядками воспользовались рабы. Они предались грабежам, так как их было большинство и они действовали оружием против безоружных. Они не гнушались никаким преступлением: бросались в дома и, обходя их, на словах разыскивали друзей Милона, а на деле — все, что можно было взять. В течение многих дней Милон служил им предлогом и для поджогов, и для избиений камнями, и для других дел такожо же рода.

23. Сенат собирался со страхом и взирал на Помпея как на

будущего диктатора. Сенаторы полагали, что положение дел требует диктатуры. По совету Катона, они выбрали Помпея консулом без товарища по должности. Это они сделали для того, что он, управляя единолично, фактически был диктатором и вместе с тем был бы подотчетен сенату как консул. Помпей первый из консулов имел в своих руках две большие провинции, войско, средства и самодержавную власть в государстве, будучи единственным консулом. С тою целью, чтобы Катон не беспокоил его, оставаясь в Риме, Помпей провел постановление, предписывающее Катону отнять Кипр у царя Птолемея. Это постановление было принято еще Клодием, так как Птолемей, когда Клодий однажды был захвачен пиратами, послал ему для выкупа из-за своей скаредности только два таланта. Катон начал устраивать дела на Крите, а Птолемей, узнав о состоявшемся постановлении сената, бросил свои сокровища в море, себя же лишил жизни.

Помпей тем временем начал процессы против различных злоупотреблений, в особенности взяточничества и подкупа. Ему казалось, что именно в государстве тогда это и было главным недугом и что от искоренения этого последует быстрое исцеление. Он провел закон, что всякий желающий может требовать от магистрата отчета, начиная с его, Помпея, первого консульства и вплоть до настоящего времени. С тех пор прошло немногим меньше двадцати лет; в течение этого срока и Цезарь сделался консулом. Друзья последнего подозревали Помпея в том, что он взял такой большой срок, желая нанести оскорбление Цезарю по злобе на него. Поэтому они советовали Помпею лучше заняться исправлением настоящего, чем докучать за прошлое столь достойным людям. В числе других они называли и Цезаря. Но Помпей выразил негодование по поводу упоминания о Цезаре, как будто тот выше подозрений: ведь он и свое второе консульство включает в этот период. Он берет такой большой срок для радикального исправления государственного устройства, издавна подвергающегося порче.

24. В соответствии с такими словами Помпей издал закон, и тотчас возникло огромное количество самых разнообразных процессов. Чтобы судьи не боялись, Помпей сам наблюдал за ними, окружив их военной охраной. Первыми были заочно осуждены Милон за убийство Клодия и Габиний за беззаконие и безбожие, так как он, без постановления народного собрания и вопреки запрещению Сивиллиных книг, вторгся с войском в Египет. Были осуждены также Гипсей, Меммий, Секст и другие, в большинстве случаев за взятки и подкуп народа. Скавра Помпей вызвал через глашатая в суд, хотя толпа умоляла его о прощении. Когда затем народ снова начал приставать к обвинителям, прибежавшие солдаты Помпея начали резню. Тогда народ замолчал, и Скавр был осужден. Всех присудили к изгнанию, а Габиния, кроме этого, и к кон-

фискации имущества. Сенат, громко восхваляя деятельность Помпея, продлил ему наместничество в обеих провинциях на следующий срок. Меммий, осужденный за подкуп, обвинил в подобном же преступлении тестя Помпея Луция Сципиона, так как Помпей издал закон, согласно которому тот, кто донесет на другого, освобождается от наказания. Тогда Помпей сам оделся в одежды подсудимых, что делали и многие из судей. Меммий, оплакивая государственные порядки, прекратил дело.

25. Уже как бы установив все, для чего была необходима единоличная власть, Помпей назначил Сципиона вторым консулом на остальную часть года. Хотя после этого и другие лица назначались консулами, но Помпей внимательно наблюдал за ними и фактически держал власть в своих руках. Он был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства его ни во что не ставил; Помпей же, по их мнению, быстро исцелил бы государство от его болезни без того, чтобы досаждать кому-либо во время отправления своей должности или вызывать недовольство.

Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его. Цезарь успокаивал их и хвалил Помпея, а народных трибунов уговорил провести ему разрешение домогаться второго консульства, находясь в отсутствии. Это и было проведено еще во время консульства Помпея и без всякого протеста с его стороны. Но Цезарь подозревал, что се-
51 г. нат будет ему противодействовать, и боялся по проискам своих врагов снова превратиться в частного человека. Он пускался на все хитрости, чтобы остаться у власти до тех пор, пока не будет назначен консулом, и требовал от сената некоторого продления срока своего командования в Галлии или в части ее. Так как Марцелл, бывший консулом после Помпея, препятствовал этому, то, как передают, Цезарь, ударив по рукоятке меча, сказал тому лицу, которое ему об этом донесло: «Вот он мне даст».

26. Цезарь основал в Верхней Италии город Новумкомум, даровав ему латинское право; тот из его жителей, кто в течение года занимал высшую должность, становился римским гражданином, — таково значение латинского права. Марцелл, с целью оскорбить Цезаря приказал высечь розгами одного из новумкомцев, занимавшего у себя городскую магистратуру и потому считавшегося римским гражданином, чего нельзя было сделать с лицом, обладавшим правами римского гражданства. Марцелл по своей пылкости открыл свою мысль: удары служат признаком негражданства. Поэтому он приказал высечь этого человека и рубцы показать Цезарю. Дерзость Марцелла дошла до того, что он предлагал до окончания срока

послать Цезарю преемников по наместничеству. Но Помпей воспрепятствовал этому под тем лицемерным предлогом, что из-за остающегося краткого срока не следует оскорблять такого блестящего мужа как Цезарь, принесшего столько пользы отечеству. Тем самым Помпей показал, что по истечении срока Цезаря должно лишить власти.

Затем были выбраны консулы, наиболее враждебные Цезарю, Эмилий Павел и Клавдий Марцелл, двоюродный брат первого Марцелла, а также в народные трибуны Курион, весьма враждебно настроенный к Цезарю. Он чрезвычайно заискивал перед народом и обладал прекрасными ораторскими способностями. Цезарь не смог соблазнить Клавдия деньгами, но Павла он подкупил за 1 500 талантов, чтобы тот не выступал ни за, ни против него; а от Куриона, зная, что он страдает от огромного количества долгов, Цезарь, дав ему еще бо́льшую сумму, добился прямого содействия. Павел на эти деньги построил римлянам так называемую Павлову базилику, очень красивое здание. 27. Курион же, чтобы не казалось, что он сразу переменил свое отношение к Цезарю, внес проект весьма сложной постройки и починки большого количества мостов и предложил поставить во главе этого дела себя самого на пять лет. Он знал, что ничего из этого не выйдет, так как надеялся, что друзья Помпея станут этому противодействовать и у него с Помпеем выйдет какое-нибудь столкновение. Все случилось так, как предполагал Курион. Сам он делал вид, что является врагом Цезаря. Клавдий предлагал послать Цезарю преемников в Галлию, ибо срок его истекал. Павел молчал. Курион, которого считали противником и Цезаря и Помпея, одобрял предложение Клавдия, но в дополнение к нему предложил, чтобы и Помпей, вместе с Цезарем, отказался от наместничества и войска. Ибо, говорил он, таким путем в государстве будет достигнуто прочное и безопасное положение. Многие возражали, что эта мера является несправедливой, так как срок полномочий Помпея еще не истек. Поэтому Курион формулировал свое предложение яснее и резче, говоря, что не следует посылать преемников Цезарю, если не дать их и Помпею. Так как они относятся с недоверием друг к другу, то в государстве не наступит спокойствия, пока оба они не превратятся в частных людей. Курион предлагал все это, зная, что Помпей не откажется от власти. С другой стороны, он видел, что народ уже несколько охладел к Помпею из-за процессов о подкупе. Так как предложение Куриона было весьма приемлемым, то народ хвалил его как единственного человека, который, действуя достойно города Рима, навлек враждебное отношение к себе обоих. Однажды толпа даже сопровождала Куриона, осыпая цветами, как великого борца в трудном состязании. Ибо ничто тогда не казалось страшнее, чем размолвка с Помпеем.

50 г.

28. Последний же, лечившийся где-то в Италии, в послании в сенат хитро восхвалял подвиги Цезаря, но также перечислял и свои собственные, восходя к их началу. В частности Помпей указывал, что он не домогался ни третьего консульства, ни наместничества, связанного с ним, ни предоставления ему войска: будучи призван на исцеление государства, он считал это для себя честью. То, что он взял на себя против воли, писал Помпей, он добровольно передает всякому желающему, не дожидаясь установленного срока. Ловкость, с которой было написано послание, бросало хороший свет на Помпея, а вместе с тем оно содержало вызов по отношению к Цезарю, не отказавшемуся от власти даже в установленный для нее срок. Лично прибыв в сенат, Помпей наговорил сенаторам много всяких вещей подобного рода, подтверждая свое обещание отказаться от власти. Как друг и зять Цезаря он утверждал, что и тот с большим удовольствием откажется от власти: ведь у Цезаря была продолжительная и тяжелая война против очень воинственных народов. Многое приобретя для отечества, он охотно перейдет к почетным должностям, жертвоприношениям и отдыху. Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями. Курион же, угадывая его хитрость, заявлял, что одних обещаний мало; надо, чтобы он тотчас же сложил власть. Точно также не следует лишать Цезаря войска, прежде чем Помпей не станет частным человеком. Ибо это не принесет никакой пользы Цезарю в его личной вражде, да и римлянам едва ли будет выгодно в случае насилия над государством со стороны одного из них, если такая власть останется в руках одного человека; уж лучше сохранить возможность выставить одного против другого. Ничего не скрывая, Курион злословил о Помпее, утверждая, что он стремится к тираннии: если теперь, из страха перед Цезарем, он не сложит власти, то уже никогда не выпустит ее из своих рук. Курион требовал от сената, что если Цезарь и Помпей откажутся повиноваться, их нужно объявить врагами государства и собирать против них войска. Таким путем ему удалось окончательно скрыть, что он подкуплен Цезарем.

29. Помпей, гневаясь на Куриона и угрожая ему, в негодовании тайно уехал в предместья Рима. А сенат, хотя начал уже с подозрением относиться и к Помпею и к Цезарю, однако считал Помпея более демократичным и был недоволен Цезарем за его презрение к сенату во время консульства. Сенат, действительно, считал небезопасным лишить Помпея власти, пока от нее не откажется Цезарь, находившийся вне города и строивший широкие планы. Как раз обратное утверждал Курион, доказывая сенаторам, что им нужно иметь под рукою Цезаря против Помпея или одновременно лишить власти их обоих. Не будучи в состоянии убедить сенат в этом, Ку-

рион распустил его, не добившись ни в чем решения — трибун имел на это право. Вот тогда-то Помпей особенно пожалел, что он поднял на прежнюю высоту трибунат, доведенный до крайней степени бессилия Суллой. Однако, расходясь, сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей послали по одному легиону для охраны Сирии, что было необходимо вследствие поражения Красса. Помпей из хитрости потребовал у Цезаря назад один легион, который он недавно ему предоставил после поражения двух легатов Цезаря — Титурия и Котты. Этот легион, наградив каждого солдата 250 драхмами, Цезарь отослал в Рим и вместе с ним послал другой легион от себя. Но так как в Сирии ничего опасного не оказалось, то легионы остались зимовать в Капуе.

30. Посланные за ними Помпеем к Цезарю люди клеветали на Цезаря и заверяли Помпея, что солдаты Цезаря, изнуренные трудной и продолжительной службой и тоскующие по дому, станут на сторону Помпея, лишь только перейдут Альпы. Они говорили это либо по своей неосведомленности, либо будучи подкуплены Помпеем. А у Цезаря каждый человек был силен в ревности к службе и в бранных трудах, — из-за привычки к войне, частью же из-за выгод, которые она дает победителям, а также и из-за всего другого, что они получили от Цезаря, ибо он был щедр на подачки, желая использовать их для выполнения своих планов. Кое-кто понимал эти намерения, но оставался спокойно у него. Помпей же, опираясь на все эти сведения, не собирал войска и вообще не делал никаких приготовлений, необходимых для предстоявшего ему дела. Сенат потребовал от каждого сенатора высказаться по данном вопросу. Клавдий лукаво разделял сенаторов и выпытывал у них поочереди их мнения: послать ли Цезарю преемников, а Помпея лишить власти. Большинство не одобряло последнего, но послать Цезарю преемников решило. Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора, начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат, крича: «Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином».

31. Когда внезапно распространился ложный слух, будто Цезарь, перейдя Альпы, идет к Риму, поднялось большое смятение, и всех охватил страх. Клавдий предложил, чтобы войско, стоявшее в Капуе, выступило против Цезаря как врага. Когда Курион стал возражать против этого предложения, так как оно основано на ложных слухах, Клавдий сказал: «Если мне мешают общим постановлением устроить дело на пользу государства, то я буду устраивать его от своего имени как консул». Говоря это, он выбежал из сената и вместе с своим товарищем по должности отправился в предместья. Подавая

меч Помпею, Клавдий сказал: «Мы приказываем тебе — я и вот он — выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даем тебе войско, которое находится теперь в Капуе или в другом месте Италии, или то, которое тебе будет угодно набрать». Помпей повиновался приказанию консулов, однако прибавил: «Если нет ничего лучшего». И здесь Помпей обманывал или хитрил ради соблюдения приличия. У Куриона за чертою города не было никакой власти, ибо народным трибунам запрещено выходить за стены Рима. В народном собрании Курион сожалел о происшедшем и требовал от консулов постановления, чтобы никто не повиновался Помпею, набирающему войско. Не будучи в состоянии ничего добиться, боясь за себя и отчаявшись в чем-нибудь помочь Цезарю — к тому же у него оканчивался срок трибуната, — Курион поспешно отправился к Цезарю

32. Последний, переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5 000 пехотинцев и 300 всадников. Он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радушно приняв Куриона и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил отсюда за развертывающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и итти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать попытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других провинций и войск, кроме двух легионов и Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион, проехав в три дня 2 300 стадий, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот еще остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это как объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с 3 000 человек, вновь набранных. 33. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона, одобрили это. Сенат же, еще больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись какимнибудь оскорблением, хотя они и были народными трибунами. Тогда Антоний с громким криком, в гневе вскочил со своего

кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. Не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещая предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции, изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий ибо оказалось, что уже один отряд, посланный Помпеем, окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю, тайно, ночью, в наемной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют.

34. Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130 000 италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, то обратить на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего послал за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать страхом неожиданности и смелости, чем силой подготовки. Поэтому в столь великой войне он решил прежде всего напасть с 5 000 человек и своевременно занять выгодное положение в Италии. 35. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это — первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером, под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Сев в колесницу, он поехал в Аримин, в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикону, которая служит границею Италии, Цезарь остановился, глядя на ее течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут в будущем, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: «Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду — для всех людей». Сказав это, он, как вдохновенный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: «Пусть жребий будет брошен».

Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегство и переселения из всех мест в испуге, с плачем. Никто ничего не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском.

36. Узнав об этом, консулы не позволяли Помпею спокойно, как этого требовал его военный опыт, принять его план действий, но требовали от него напасть на Цезаря в Италии, для чего набирались войска, как если бы городу грозил немедленный захват. Но остальные сенаторы в виду того, что, против ожидания, нападение Цезаря было чрезвычайно стремительным, испугались, чувствуя себя совершенно неготовыми к борьбе с ним. В ужасе раскаивались в том, что не приняли предложений Цезаря. Теперь, когда страх изменил их воинственное настроение в сторону благоразумия, сенаторы начали думать, что предложения Цезаря были правильны.

А в Риме происходили многие чудеса, являлись небесные знамения. Говорили, что бог послал кровавый дождь; на статуях богов выступал пот; молния ударила во многие храмы, родил мул. Многие и другие несчастья предвещали окончательное уничтожение старого государственного строя и перемену его. Люди давали обеты, как во время страшных событий, и народ, помня несчастья эпохи Мария и Суллы, вопил, чтобы Цезарь и Помпей сложили с себя власть, как будто в этом одном заключалось средство предотвратить войну. Цицерон требовал, чтобы к Цезарю были посланы посредники.

37. Консулы во всем оказывали противодействие сенату. Фавоний, насмехаясь над фразой, брошенной когда-то Помпеем, приглашал его ударить ногой о землю и вывести из нее войска. Помпей же сказал: «Вы будете их иметь, если последуете за мной и не станете бояться оставить Рим и, если это потребуется, Италию. Не поместья и не жилища являются силою и славою для мужей, но мужи, где бы они ни были, имеют их вместе с собою. Сражаясь, они снова приобретут себе и жилища». Сказав это, он пригрозил упорствующим, если они, щадя свои поместья или имущество, оставят борьбу за отечество. Затем Помпей тотчас вышел из сената и выехал из города к капуанскому войску. Консулы последовали за ним. Других сенаторов долго удерживало сомнение, и они ночевали все вместе в здании сената. Однако на другой день бо́льшая часть их отправилась вслед за Помпеем.

38. Консул настигнул в Корфинии Луция Домиция, который был послан принять от него власть, имея с собою неполных 4 000 человек, и осадил его там. Жители Корфиния, захватив убегающего Домиция у городских ворот, привели его к Цезарю. Последний, чтобы показать пример другим, ласково принял войско Домиция, перешедшее на его сторону, самого

же Домиция, невредимого и со всем его имуществом, отпустил на все четыре стороны. Цезарь надеялся, что тот благодаря оказанному ему благодеянию, быть может, останется у него, но не препятствовал ему итти и к Помпею.

Так как все это произошло очень стремительно, то Помпей поспешил из Капуи в Нуцерию, а из Нуцерии в Брундизий, чтобы, переплыв через Ионийское море в Эпир, там заняться приготовлениями к войне. Он поспешно отправляет послания по всем провинциям, пишет царям, городам, полководцам и династам, чтобы они оказали помощь в войне, кто чем может. Все это произошло одновременно. Собственное войско Помпея находилось в Испании и было готово двинуться туда, куда будет нужно. Часть тех легионов, которые были при Помпее, он приказал консулам заранее отвести из Брундизия в Эпир.

39. Они немедленно благополучно переправились в Диррахий. Некоторые называют этот город Эпидамном по следующему недоразумению. Царь тамошних варваров, Эпидамн, основал город у моря и по своему имени назвал его Эпидамном. Сын его дочери, Диррах, которого считают происходящим от Посидона, основал для этого города гавань и назвал ее Диррахием. Этому Дирраху, который подвергся нападению со стороны братьев, помог за участок земли Геракл, придя из Эрифеи. Поэтому диррахийцы считали основателем колонии Геракла как имеющего надел. Они не отказывались от Дирраха, но больше гордились происхождением от Геракла как бога. Говорят, что в этой битве Гераклом по ошибке был убит Ионий, сын Дирраха, и Геракл, предав погребению его тело, бросил его в море, чтобы Ионий стал эпонимом последнего. Со временем этой страной и городом овладели бриги, пришедшие из Фригии, и за ними иллирийское племя тавлантии, а за тавлантиями другой иллирийский народ, либурны, которые грабили окрестности на своих быстрых кораблях. Отсюда римляне называют либурнидами быстроходные корабли, с которыми они впервые познакомились у либурнов. Изгнанные из Диррахия либурны призвали на помощь керкирян, господствующих на море, и изгнали либурнов. К диррахийцам керкиряне примешали своих поселенцев, почему порт кажется греческим. Название же его, как несчастливое, керкиряне переменили и стали называть порт Эпидамном, по имени вышележащего города. И Фукидид его так называет. Однако прежнее имя одержало верх, и порт называют теперь попрежнему Диррахием.

40. Часть войска с консулами переправилась в Диррахий, а Помпей, отведя остальную часть в Брундизий, ожидал там возвращения кораблей, перевозивших консулов. Со стен города он отражал подошедшего тем временем Цезаря и окружал город рвом, пока не вернулся флот. Тогда Помпей вечером отплыл, оставив на стенах наиболее храбрых из своих

воинов. Они с наступлением ночи отплыли из Брундизия с попутным ветром. Таким образом Помпей со всем войском, оставив Италию, перешел в Эпир. А Цезарь находился в затруднении, куда направиться и откуда начать войну, видя, что к Помпею стремятся все отовсюду. Он боялся его испанского войска, большого и опытного, как бы оно не очутилось у него в тылу, когда он станет преследовать Помпея. Поэтому Цезарь решил, отправившись в Испанию, предварительно уничтожить тамошнее войско Помпея. Свои силы он разделил на пять частей: одну оставил в Брундизии, другую в Гидрунте, третью в Таренте, чтобы они охраняли Италию. Других Цезарь послал вместе с Квинтом Валерием занять хлебородный остров Сардинию, которую они и захватили. Азиний Поллион был послан в Сицилию, которой управлял тогда Катон. Когда последний спросил Поллиона, на каком основании он вторгся в чужую провинцию, по постановлению ли сената или решению народа, то тот ответил следующее: «Тот, кто правит Италией, послал меня для этого». И Катон, заявив, что, щадя подвластное ему население, не станет здесь с ним сражаться, переплыл на Керкиру, а оттуда отправился к Помпею.

41. Цезарь, спеша в Рим, всевозможными посулами и обещаниями старался привлечь на свою сторону город, который трепетал от ужаса при воспоминании о бедствиях, бывших при Сулле и Марии. По отношению же к своим врагам Цезарь обнаруживал великодушие, заявляя, что даже Луция Домиция, попавшего ему в руки, он отпустил на свободу со всем имуществом. Цезарь приказал взломать запоры государственного казначейства и грозил смертью Метеллу, единственному из народных трибунов, который этому препятствовал. Он начал расходовать неприкосновенные суммы, на которые, говорят, при галльском нашествии встарину наложено было публичное заклятие ни на что не тратить их, за исключением новой войны с галлами. Но Цезарь заявил, что он сам снял с города заклятие, сделав галлов безопасными. Над Римом он поставил Лепида Эмилия, а над Италией и италийскими войсками — народного трибуна Марка Антония. Вне Италии Цезарь назначил Куриона управлять Сицилией вместо Катона, Квинта — Сардинией, в Иллирию послал Гая Антония, а Цизальпийскую Галлию поручил Лицинию Крассу. Для Ионийского и Тирренского морей он приказал быстро сформировать две эскадры. Командующими над ними, еще пока они формировались, Цезарь назначил Гортензия и Долабеллу.

42. Укрепив таким образом Италию и сделав ее неприступной для Помпея, Цезарь отправился в Испанию. Там он вступил в борьбу с Петреем и Афранием, полководцами Помпея, и на первых порах терпел поражения. Но затем они стали воевать почти с равным успехом около города Илерты. Разбив лагерь на крутизнах, Цезарь получал продовольствие по мо-

стам через реку Сикорис. Когда бурным течением реки мост был внезапно разрушен, воины Петрея истребили большое количество людей Цезаря, отрезанных на другом берегу. И сам Цезарь с оставшимся войском сильно страдал от неудобной местности, голода, наступившей зимы и от неприятеля. Он почти находился в положении осаждаемого, пока не наступило лето, а Афраний и Петрей начали отступать во внутреннюю Испанию, чтобы там набрать новое войско. Цезарь же все время опережал противника, перерезал рвом проходы и помешал неприятелю итти дальше. Часть противника, посланную вперед для занятия лагеря, Цезарь окружил. Воины покрыли головы щитами, что служит признаком сдачи. Цезарь, повсюду добиваясь популярности у неприятеля, запретил переколоть сдавшихся воинов или взять их в плен, а отослал их невредимыми к войску Афрания. Поэтому между вражескими лагерями начались постоянные сношения и шли разговоры о мире среди солдатской массы.

43. Афраний и другие вожди уже решили уступить Цезарю Испанию с тем, чтобы он отпустил их невредимыми к Помпею. Но Петрей противился этому и, рыская по лагерю, убивал тех из солдат, кого он заставал в сношениях с воинами Цезаря. Даже кого-то из своих командиров, противившихся ему, он умертвил собственной рукою. Вот почему, негодуя на суровость Петрея, его люди все больше и больше обращались мыслями к гуманному Цезарю. Когда, вдобавок ко всему, Цезарь отрезал их еще и от воды, беспомощный Петрей вместе с Афранием вступил с ним в переговоры под наблюдением войска с той и другой стороны. Было решено, что они уступят Цезарю Испанию, а Цезарь отведет их невредимыми к реке Вару и оттуда отпустит к Помпею. Придя к этой реке, Цезарь собрал тех из воинов Петрея и Афрания, которые были из Рима и Италии, поместил их на такое место, откуда можно было слушать, и сказал им следующее: «Из вас, враги (пользуясь пока этим словом, я сделаю мою мысль яснее для вас), я не приказал никого убивать: ни тех, которые были посланы вперед для занятия лагеря и сдались мне, ни остальное ваше войско, когда я отрезал ему воду, и это несмотря на то, что до того Петрей убил тех из моих воинов, которые были захвачены за рекой Сикорис. Если вы чувствуете ко мне какую-нибудь благодарность, расскажите об этом всем солдатам Помпея». Сказав это, он отпустил их невредимыми и заявил, что Испанией будет управлять Кассий Квинт.

44. Таково было положение дел у Цезаря. В Африке у Помпея командовал Вар Аттий; Юба, царь мавританских номадов, был с ним в союзе. Курион в интересах Цезаря напал на них из Сицилии с двумя легионами, двенадцатью большими военными кораблями и многими грузовыми судами. Он пристал к Утике и в небольшом конном сражении около нее обратил в

бегство нескольких всадников из номадов. Войску, стоящему еще под оружием, Курион позволил провозгласить себя императором. Это почетное имя дается полководцу воинами, которые тем самым как бы свидетельствуют, что он достоин быть их повелителем. Встарину полководцы принимали эту почесть в награду за всякие великие дела, теперь же, как я узнаю, чтобы заслужить ее, необходимо уложить 10 000 человек.

Еще когда Курион плыл из Сицилии, африканцы предполагали, что он из честолюбия разобьет лагерь возле вала Сципиона, привлеченный славой его подвигов, и отравили там воду. Они не ошиблись в расчете. Курион устроил здесь стоянку, и войско тотчас заболело. У тех, кто пил воду, зрение становилось неясным, как в тумане, наступал глубокий обморок, а после него разнообразные извержения пищи и судороги во всем теле. Вследствие этого Курион начал переносить лагерь к самой Утике, ведя войско, ослабевшее от болезни, через большое и длинное болото. Когда же до них дошла весть о победе Цезаря в Испании, они снова ободрились и построились к битве у моря в небольшом укреплении. В происшедшем сильном сражении у Куриона пал один человек, у Вара же шестьсот; еще больше было ранено.

45. Когда подходил Юба, появился ложный слух, что он повернул назад около реки Баграда, отстоявшей недалеко оттуда, так как-де его царство опустошалось соседями. Рассказывали, что он оставил на реке полководца Сабурру с небольшим только отрядом. Доверяя этой ложной молве, Курион, жарким летом, около третьего часа дня, песчаной и безводной дорогой повел свои главные силы на Сабурру. Ибо если и оставалась кое-какая зимняя влага, она была высушена жаром солнца, а реку же занимал Сабурра и сам царь, который находился там же. Введенный в заблуждение, Курион поднялся на холмы с войском, измученным усталостью, зноем и жаждой. Когда враги увидели его в таком состоянии, они начали переходить реку в полной боевой готовности. А Курион с весьма неразумной смелостью начал спускаться с холмов, ведя совершенно ослабевшее войско. Когда его окружили всадники номадов, он на некоторое время отступил и стянул войско. Но теснимый врагом, Курион снова отступил на холмы. Азиний Поллион в начале несчастья бежал с немногими людьми к лагерю в Утике, чтобы Вар как-нибудь не напал на него при известии о поражении Куриона. Последний, храбро сражаясь, пал вместе со всем наличным войском, так что за Поллионом никто не вернулся в Утику. Таков оказался р зультат битвы на реке Баграде. Отрезанная голова Куриона была доставлена Юбе.

46. Когда о несчастьи стало известно в лагере у Утики, командующий флотом Фламма немедленно бежал с флотом, прежде чем успел принять к себе кого-нибудь из находящихся

на берегу. Азиний, переправившись на легкой лодке к стоящим на море купцам, просил их подплыть к берегу и взять войско. Некоторые действительно подплыли ради этого ночью к берегу; но когда солдаты все вместе поднялись на корабли, те начали тонуть. Тогда купцы большую часть солдат, успевших выехать в море и имевших деньги, побросали в воду, прельстившись их деньгами. Вот что случилось с теми, которые взошли на корабли. С оставшимися же на берегу еще ночью произошло иное, хотя и нечто подобное. Днем они сдались Вару, а когда прибыл Юба, он поставил их около стены и приказал их переколоть как остатки своей победы. Юба сделал это без согласия Вара и ни о чем не подумав. Таким образом погибло два римских легиона, прибывших с Курионом в Африку, погибли все всадники, легковооруженные и обозная прислуга. А Юба вернулся домой, считая все это дело большой заслугой перед Помпеем.

47. В эти же дни близ Иллирии Антоний потерпел поражение от Октавия, действовавшего на стороне Помпея против Долабеллы. Другое войско Цезаря, стоявшее в Плаценции, возмутилось и обвиняло своих командиров: «Мы мешкаем на походе, — кричали они, — и не получаем тех пяти мин, которые в качестве подарка Цезарь обещал нам еще в Брундизии». Когда Цезарь узнал об этом, он быстро отправился из Массилии в Плаценцию и, прибыв к еще бунтовавшим солдатам, сказал следующее: «Вы хорошо знаете сами, с какой быстротой я действую в каждом деле. Война затягивается не по нашей вине, а потому, что враги избегают нас. Вы же, которые получили в Галлии так много выгод под моим начальством и дали клятву служить мне в течение всей войны, а не только части ее, — вы бросаете нас в середине дела, восстаете против начальников и считаете возможным приказывать тем, от кого вам должно получать приказания. Выступая сам как свидетель, я торжественно заявляю о неизменной щедрости к вам; а теперь я поступлю с вами на основании отеческих законов и прикажу казнить по жребию десятую часть девятого легиона, так как он в особенности был зачинщиком мятежа». Поднялся вопль всего легиона, и командиры его, упав на колени, умоляли Цезаря о пощаде. Цезарь с трудом сдавался и, наконец, согласился подвергнуть жеребьевке только 120 человек, которые считались главными зачинщиками. Из них должно было казнить 12 человек. Но из этих двенадцати кто-то один отсутствовал, когда вспыхнул мятеж. Поэтому Цезарь приказал казнить показавшего на него центуриона.

48. Так окончилось восстание в Плаценции. Цезарь прибыл в Рим, и испуганный народ без постановления сената и предварительного назначения консула выбрал его диктатором. Но, как думают некоторые, Цезарь занимал эту должность только 11 дней, либо избегая власти, возбуждающей нена-

вить, либо не нуждаясь в ней. После этого он объявил консулом на следующий год себя и Публия Исаврика. Полководцев в провинции он назначал и сменял по собственному произволу. В Испанию Цезарь послал Марка Лепида, в Сицилию — Авла Альбина, в Сардинию — Секста Педуцея и в только что занятую Галлию — Децима Брута. Голодающему населению он выдал хлеб. Так как народ просил его вернуть изгнанников, то он дал разрешение вернуться всем, кроме Милона. Но когда у Цезаря стали просить сложения долгов, ссылаясь на войны, мятежи и создавшиеся вследствие этого дешевые цены, разорительные для продавцов, он в этом отказал. Однако Цезарь назначил собственных оценщиков тех рыночных товаров, которыми вместо денег должники должны были расплачиваться с заимодавцами. Устроив эти дела, Цезарь около зимнего солнцеворота послал войско в Брундизий, а сам выехал в декабре месяце по римскому календарю, не дождавшись даже ради своей должности наступающего нового года. Народ провожал его при отъезде просьбами примириться с Помпеем, ибо не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии.

49. Итак, Цезарь двигался со всей возможной скоростью, Помпей же во все это время приготовлял корабли, стягивал все больше и больше войск и средств и, захватив на Ионийском море сорок кораблей Цезаря, караулил его переправу. С войском он производил упражнения, сам участвуя в беге, езде верхом, и везде был первым, несмотря даже на возраст. И этим Помпей легко снискал к себе такое расположение, что на его упражнения все сбегались, как на зрелище. У Цезаря к этому времени было 10 легионов пехоты и 10 000 галльской конницы, у Помпея — 5 легионов из Италии, с которыми он переплыл Ионийское море, и относящиеся к ним конные части — два парфянских легиона, остаток от войска, воевавшего под начальством Красса, и некоторое число из отправившихся вместе с Габинием в Египет — всего 11 легионов италийцев и 7 000 конницы. Союзники у Помпея были из Ионии, Македонии, Пелопоннеса, Беотии, критские стрелки, фракийские пращники, пользующиеся метательными орудиями войны из припонтийских областей, некоторые галльские всадники и другие из восточной Галатии, коммагены, посланные Антиохом, киликийцы, каппадокийцы, некоторые из Малой Армении, памфилийцы и писидийцы. Всеми этими союзниками Помпей не полагал пользоваться для сражения, но частью для гарнизонной службы, рытья окопов и всякого другого обслуживания италийского войска, чтобы из самих италийцев никто не был отвлечен от самой войны. Так обстояло у Помпея с сухопутным войском. Кораблей же военных с полным людским составом было 600, из них считавшихся наиболее выдающимися около 100 с римскими моряками; было также великое

множество грузовых и обозных судов. Командиров было много, соответственно частям, а над ними всеми во главе стоял Марк Бибул.

50. Когда все было готово, Помпей, собрав в одно место, откуда было хорошо слышно, всех лиц из сенаторского сословия и так называемых всадников, а также все войско, сказал следующее: «Мужи, некогда и афиняне оставили свой город, сражаясь за свободу с нападавшими на них, полагая, что не дома составляют город, а мужи. И поступив так, они скоро вернули себе свой город обратно и сделали его еще более прославленным. И наши собственные предки, когда на них напали галлы, оставили город, и Камилл, двинувшись из Ардел, его вновь возвратил. Все, кто мыслит здраво, считают, где бы они ни оказались, отечеством самую свободу. Воодушевленные приплыли и мы сюда, не бросив отечества, но для того, чтобы отлично вооружиться для него и здесь защитить его от человека, издавна на него злоумышляющего и внезапно, с помощью подкупов, захватившего Италию. Вы провозгласили его врагом римского народа, а он посылает начальников во все наши страны и назначает их и в Риме и в Италии: с такой наглостью отнимает он верховную власть у народа. И если так поступает он во время войны, когда он еще под страхом, что ему, может быть, придется дать ответ — да поможет бог! — то каких следует от него ожидать жестокостей и насилий, когда он победит? Но к поступающему так со своим отечеством все же присоединяются некоторые лица, подкупленные теми средствами, которые он раздобыл для себя в вашей же Галлии, и предпочитают быть у этого человека в рабстве, чем в равных с нами правах. 51. Что касается меня, я не прекращал борьбы вместе с вами и за вас и самого себя отдаю в ваше распоряжение как воина и как вождя, и если есть у меня какая-нибудь опытность в военном деле и счастье человека, до сих пор еще никогда не побежденного, то я молю богов, чтобы они и в настоящее время способствовали мне, сражаясь за отечество, находящееся в опасности, быть столь же счастливым, каким я был ранее, увеличивая его могущество. Следует надеяться на богов и черпать храбрость из смысла самой войны, к которой нас побуждает прекрасное и справедливое стремление к сохранению отеческой формы правления. Кроме того, следует полагаться и на обилие снаряжения, имеющегося у нас и на суше и на море, продолжающего непрерывно расти и которое еще возрастет, когда мы примемся за дело. Ибо можно сказать, что все народы на востоке и у Евксинского моря, как эллинские, так и варварские, примыкают к нам. И цари, которые с римлянами и со мной состоят в дружбе, на свой счет доставят нам и войска, и стрелы, и провиант, и всякое другое снаряжение. Приступите же к делу соответственно достоинству отече-

ства, вас самих и меня и, памятуя о беззаконии Цезаря, быстро выполняйте то, что приказывается».

52. Так говорил Помпей. Все войско, все сенаторы, окружавшие его, и великое множество знатных, все вместе приветствовали его и призывали повести их на все, на что он найдет нужным. Помпей же, полагая, что вследствие неблагоприятного для плавания времени года и отсутствия пристаней Цезарь предпримет плавание после зимы, а пока займется организацией своей консульской власти, приказал адмиралам охранять море, войско же распределил по зимним стоянкам, разместив его по всей Фессалии и Македонии.

Так беспечно рассуждал Помпей о предстоящем; Цезарь же, как мной уже было сказано, во время зимнего солнцеворота спешил в Брундизий, полагая, что неожиданностью он сильнее всего поразит врагов. И еще не имея в Брундизии ни съестных припасов, ни снаряжения, ни полностью всего своего войска, он, тем не менее, созвал всех имевшихся у него в наличности людей на собрание и сказал им следующее:

53. «О мужи, вы, которые мне помогаете в величайших делах, знайте, что ни бурность погоды, ни запоздание некоторых войсковых частей, ни недостаток соответствующего снаряжения не удерживают меня от движения вперед, ибо я полагаю, что быстрота в действиях мне будет полезнее всего этого и что мы первые, которые прежде других сюда прибыли, должны, полагаю я, оставить здесь на месте рабов, обоз и все снаряжение, чтобы имеющиеся в наличности корабли могли вместить нас самих, самим же, немедленно отправившись на судах, испытать, не удастся ли, укрывшись от врагов, противопоставить бурным непогодам доброе счастье, малочисленности — смелость, нашей бедности — изобилие у врагов, которым мы должны овладеть, как только выйдем на сушу, ибо мы знаем, что если мы их не победим, то у нас своего собственного ничего нет. Итак, мы пойдем за рабами, снаряжением и съестными припасами врагов, пока они находятся под кровлей зимних стоянок. Пойдем, пока Помпей полагает, что и я стою на зимней стоянке и предаюсь «помпам» и консульским жертвоприношениям. Вам, хотя вы сами это знаете, я скажу, что самое важное в военном деле — это неожиданность; честь нам доставит слава и первой целью для нас является стяжать славу в будущих сражениях и уготовить все для безопасности тех, кто за нами туда последует. Я же сам и в настоящее время предпочел бы скорее тратить время на плаванье, чем на разговоры, чтобы Помпей увидел меня тогда, когда, по его расчетам, я еще занимаюсь организацией власти в Риме. Хотя я знаю вашу покорность, все же я жду ответа».

54. Когда все войско с воодушевлением стало кричать,

чтобы он их вел, Цезарь тут же, с трибуны, повел их — пять
легионов пехоты и 600 отборных всадников — к морю. Так
как буря приводила суда в беспорядок, он с ними стал в от-
крытом море на якорях. Это было время зимнего солнцево-
рота, и ветер, к досаде и огорчению Цезаря, заставил его пер- 48
вый день года провести в Брундизии. Тем временем прибыли
еще два легиона, и Цезарь отправил их сквозь бурю на грузо-
вых судах. Военных кораблей у него было немного, и они
охраняли Сардинию и Сицилию. Так как бури его отнесли к
Керавнским горам, то он тотчас отправил туда в Брундизий
за остальным войском, а сам отправился ночью к городу
Орику по узкой и каменистой тропе, при этом из-за неудоб-
ства местности войско разделилось на множество частей, так
что оно могло легко подвергнуться нападению, если бы это
кто-нибудь заметил. К утру все это множество к нему с тру-
дом стеклось, и гарнизонный начальник Орика, после того
как находившиеся с ним внутри города заявили, что не будут
сопротивляться идущему на них римскому консулу, передал
ключи города Цезарю и остался при нем, удостоившись от
него почестей. Лукреций же и Муниций охраняли на дру-
гой стороне Орика на 18 военных кораблях хлеб, находя-
щийся на судах. Последние, чтобы Цезарь ими не овладел,
они потопили и убежали в Диррахий. Из Орика Цезарь по-
спешил в Аполлонию. Аполлонийцы его приняли, начальник
же гарнизона Стаберий город покинул. 55. И Цезарь, собрав
свое войско, напомнил им, что благодаря быстроте в дей-
ствиях они счастливо преодолели и бурю и без кораблей
овладели морем, а также взяли без боя Орик и Аполлонию и
владеют теперь тем, что принадлежало врагам, и все это так,
как он им и сказал: в то время, как Помпей об этом еще не
знает. «Если, — сказал он, — мы еще захватим и Диррахий,
эту кладовую запасов Помпея, то нашим станет все то, что
было ими заготовлено в течение целого лета». Так сказав, он
быстро повел их по большой дороге в Диррахай, не отды-
хая ни днем, ни ночью. Но Помпей, об этом предупрежденный,
также в свою очередь двинулся из Македонии с великой по-
спешностью и, чтобы затруднить Цезарю продвижение, из-
рубал по пути лес, разрушал мосты на реках и сжигал все
встречавшееся по пути продовольствие, полагая, как оно и
в действительности было, делом величайшей важности со-
хранить свои запасы. Каждый раз когда кто-нибудь из них
обоих, Цезарь или Помпей, издали видел пыль, огонь или
дым, думал, что это противник, и они как бы состязались в
беге. И ни пище, ни сну они не уделяли времени. Такая была
быстрота, напряжение и крики тех, кто их вел при свете фа-
келов, что по мере того как враги все более друг к другу при-
ближались, увеличивались страх и смятение. Некоторые от
усталости сбрасывали с себя то, что несли, или, прячась в

ущельях, отставали, готовые ради немедленного отдыха примириться и со страхом перед врагом.

56. Такие бедствия терпели обе стороны. Однако Помпей достиг Диррахия прежде Цезаря и расположился при городе лагерем, затем, послав флот в Орик, снова занял его и принялся охранять море более надежными караулами. Цезарь же, наметив границей между собой и Помпеем реку Алор, расположился лагерем по ту сторону, при этом некоторые части конницы с той и другой стороны, переходя реку, вступали друг с другом в бой. Все же войско в целом не вступало в бой, так как Помпей еще производил упражнения с новобранцами, а Цезарь ожидал тех, которых оставил в Брундизии. Он полагал, что если они на судах поплывут весной, то не останутся незамеченными триремами Помпея, которые часто выплывали на стражу; если же они отважатся плыть зимой, когда враги сторожат на островах, то они, может быть, пройдут незамеченными или одолеют врагов благодаря величине кораблей и ветру; поэтому-то он и послал поспешно за ними. Так как они не выезжали, он решил сам тайно отправиться к войску; ведь кому-нибудь другому, помимо него, их привести было бы нелегко. Скрыв свое намерение, он послал трех рабов к реке, отстоящей на расстоянии 12 стадий, чтобы они приготовили быстроходную лодку и наилучшего рулевого якобы для посланца Цезаря. 57. Цезарь же, под предлогом болезненного состояния удалившись с обеда, предложил друзьям продолжать его, а сам, одевшись в одежду частного человека и сев на повозку, тотчас отправился к судну как посланец Цезаря. Он и в дальнейшем отдавал все приказания через рабов, сам оставаясь закрытым и в течение ночи неузнанным. Когда наступила буря, рабы увещевали кормчего быть храбрым, указывая, что благодаря буре им скорее удастся проплыть незамеченными со стороны врагов, которые находятся поблизости. Кормчий плыл по реке, гребя изо всей силы. Когда лодка приплыла к устью и море с бурей и ветром задержало течение, рабы Цезаря погоняли кормчего, а когда кормчий, ничего не добившись, утомился и пришел в отчаяние, Цезарь, открывшись, крикнул ему: «Смелей направляйся навстречу буре. Ты везешь Цезаря и его счастье». Гребцы и кормчий были поражены, всеми овладело усердие, и судно благодаря усилиям кормчего выплыло из реки. Ветер и волны открытого моря подгоняли их к берегу, так что они стали опасаться, как бы с наступлением утра они при свете не были обнаружены врагами. Цезарь, негодуя на божество, как бы с недоброжелательством к нему относящееся, разрешил корабль направить обратно. Подталкиваемый быстрым ветром, корабль вновь вплыл в реку. 58. Что касается Цезаря, то одни удивлялись его смелости, другие упрекали, что он предпринял дело, подобающее солдату, но не военачаль-

нику. Цезарь, уже не надеясь впредь сам сделать это незаметно, приказал вместо себя плыть Постумию и велел Габинию привести немедленно войско морским путем. Если же Габиний ослушался бы, то поручить это Антонию, если и этот откажется, то — Калену. На тот же случай, если все трое не решатся, Цезарь написал письмо к самому войску, не пожелает ли кто из воинов последовать за Постумием на суда, и чтобы те, которые отправятся, пристали в то место, куда их пригонит ветер. Кораблей не жалеть, ибо не в кораблях нуждается Цезарь, а в людях.

Таким образом, Цезарь больше доверялся удаче, чем расчету. Помпей же, спеша опередить противника, выступил, подготовившись к сражению. И случилось, что когда двое из воинов Помпея исследовали середину реки, чтобы знать, где она более всего проходима, в это время кто-то из войска Цезаря, подбежав, убил обоих. Помпей, считая это дурным предзнаменованием, снялся с лагеря. По мнению всех, это была ошибка со стороны Помпея, так как он упустил самое удобное время.

59. Когда Постумий прибыл в Брундизий, Габиний, не подчинившись приказу Цезаря, повел всех желающих через Иллирию, нигде не делая привала. Они почти все были уничтожены иллирийцами, Цезарь вынужден был это перетерпеть, так как был занят. Антоний же, посадив других на корабли, поплыл мимо Аполлонии под парусами при попутном ветре. Когда к полудню ветер ослабел, 20 кораблей Помпея, направленные на обследование моря, заметили врагов и стали их преследовать. Ими, так как на море было безветрие, овладел сильный страх, чтобы военные корабли не пробуравили их своими медными носами и не потопили. И корабли Помпея уже должным образом приготовились, уже стали направлять камни из пращей и стрелы. Но вдруг налетел ветер сильнее прежнего, и они, развернув немедленно большие паруса, встретили неожиданный ветер и поплыли уже без страха. Суда вражеские отстали, жестоко претерпевая от бури, ветра и высоких волн, и с трудом прорвались к каменистой и лишенной пристаней суше, захватив из кораблей Цезаря всего два, застрявших в болоте. Антоний со всеми остальными причалил в так называемый Нимфей.

60. Войско Цезаря было уже все в наличности, так же как и у Помпея. То и другое расположились лагерем друг против друга на множестве укреплений на холмах. Обе стороны предпринимали частые стычки вокруг каждого укрепления, проводили вокруг него рвы, осаждая взаимно друг друга, то подвергая противника, то сами попадая в затруднительное положение. В одном из таких сражений войско Цезаря, как оказалось, уступило войску Помпея. Один центурион, по имени Сцева, совершивший много блестящих дел и раненный в глаз

стрелой, выступил вперед и сделал знак рукой, что желает что-то сказать. Когда наступило молчание, он крикнул известному своим мужеством центуриону Помпея: «Спаси человека, равного тебе, спаси друга, пришли мне людей, которые бы вывели меня за руки, так как я ранен». Когда к нему как к перебежчику подбежали два человека, он одного из них убил, другому пробил плечо. Так поступил он, когда уже перестал надеяться на свое спасение и на спасение укрепления; но тем самым он внушил всем другим стыд и воодушевление, и укрепление было спасено, несмотря на то, что сам начальник укрепления, Минуций, сильно пострадал и был, как говорят, сто двадцать раз уязвлен в щит, имел шесть ран на теле и лишился, как и Сцева, глаза. Цезарь почтил героев многими наградами, а сам, так как кто-то из Диррахия подготовлял предательскую сдачу города, отправился с немногими людьми, как было условлено, к воротам Диррахия и святилищу Артемиды. В эту же зиму зять Цезаря вел ему еще войска из Сирии. Гай Кальвизий, столкнувшись с ним в Македонии, был им побежден, и из целого легиона у него в этой битве осталось только 800 человек.

61. К Цезарю совершенно ничего не поступало со стороны моря, так как Помпей держал его в своей власти. Войско Цезаря голодало и делало хлеб из травы. Перебежчики, желая порадовать Помпея, принесли ему этот «хлеб», но Помпей не обрадовался, а сказал: «С какими зверями мы сражаемся». Цезарь по необходимости собрал все свое войско, чтобы этим вынудить и Помпея, вопреки его воле, к сражению. Но Помпей, заняв большинство укреплений, оставленных Цезарем, больше ничего не предпринимал. И Цезарь, в великой досаде, занялся делом трудным и рискованным — окружить со стороны моря весь лагерь Помпея сплошной стеной, предприятие, которое, как он полагал, ему должно принести великую славу по одному лишь смелому замыслу, даже если оно и не увенчается успехом. Длина стены были 1 200 стадий. Таким делом занялся Цезарь; Помпей проводил рвы, направленные против Цезаря, и возводил сооружения с своей стороны. Так они оба лишали смысла задуманное ими дело. В то время было между ними одно большое сражение, в котором Помпей блистательно обратил в бегство войско Цезаря и преследовал бегущих до самого лагеря, отняв у них много знамен. И даже «орла», самое главное знамя у римлян, тот, кто его нес, едва успел перебросить через вал к тем, что находились внутри. 62. Когда поражение Цезаря стало окончательным, Цезарь с другой стороны повел новую часть, но и этой овладел такой великий страх, что, когда вдали показался Помпей, они не смогли ни остановиться, будучи уже у самых ворот, ни войти в них в боевом порядке, ни подчиниться приказаниям, но каждый бежал, где кому случилось, без оглядки, не внемля никаким приказам, лишившись стыда и разума. И не-

смотря на то, что Цезарь всюду поспешал, усовещевая своих воинов и указывая, что Помпей находится еще далеко, они на виду у него самого одни бросали знамена и убегали, другие от стыда склоняли головы, ничего не предпринимая, до такой степени ими овладел страх. А один из воинов, повернув знамя, направил заостренный конец в императора, но телохранители Цезаря его убили. Те же воины, которые входили, не организовали даже стражи, все было оставлено, и самый вал никем не охранялся, так что если бы Помпей совершил на него нападение, он и его мог бы взять своими силами и этим делом завершить всю войну, но Лабиен — такова была божья воля — убедил Помпея направить войска на бегущих. Помпей сам колебался: или потому, что, видя вал неохраненным, подозревал какую-то хитрость, или же потому, что пренебрегал этим делом, считая исход войны уже решенным. Поэтому Помпей, направив войска на бегущих вне лагеря, многих убил и взял в этот день в обоих сражениях 28 знамен, но упустил уже второй случай полного окончания войны. Передают, что Цезарь сказал: война могла бы быть в этот день закончена, если-бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать.

63. Помпей, правда, чрезмерно превознося свою победу, сообщил о ней всем царям и городам и надеялся, что войско Цезаря, побуждаемое голодом и напуганное поражением, немедленно перейдет на его сторону, а в особенности военачальники Цезаря, которым приходилось бояться за совершенные ими ошибки. Они же — бог привел их к раскаянию — устыдились за свои проступки, и когда Цезарь их с кротостью упрекал и даровал прощение, еще более вознегодовали на самих себя и — такова была неожиданная перемена — стали требовать, чтобы, согласно отечественному закону, десятая часть их была казнена. Когда Цезарь на это не согласился, они еще более устыдились и сознавали, что поступили незаконно по отношению к тому, кто этого совсем не заслужил, и стали требовать, чтоб он казнил хотя бы знаменосцев, так как, если бы те не повернули тыла прежде, они сами никогда не обратились бы в бегство. Когда Цезарь, и на это не соглашаясь, наказал лишь немногих, то всеми, благодаря его снисходительности, овладело такое воодушевление, что они потребовали, чтобы их тотчас повели на врагов. Они настаивали на этом весьма ревностно, призывая друг друга и обещая искупить свою вину блестящей победой. Целые отряды обращались друг к другу поочереди, они клялись в присутствии Цезаря, что придут с поля битвы не иначе, как победителями. 64. Поэтому друзья Цезаря увещевали его использовать эту перемену в настроении и воодушевление войска. Но он сказал войску, что поведет его на врагов при более благоприятных условиях, и призывал их не забывать своей готовности, а друзьям он добавил, что прежде надо избавить

войско от великого страха, порожденного поражением, а врагов лишить сознания, что их дела находятся в цветущем состоянии. Он признался, что раскаивается в том, что расположился лагерем у Диррахия, где у Помпея все припасы под рукой, и что необходимо было отвлечь его в какое-либо другое место, где враги были бы в равном с ними затруднительном положении.

Так сказав, он немедленно направился в Аполлонию, а оттуда ночью стал скрытно отступать в Фессалию. Он в гневе взял и предал своим воинам на разграбление небольшой город Гомфы, который его не принял. Воины вследствие голода разом наполнили свои утробы всякой снедью и непристойно опьянели, и наиболее из них забавными в пьяном состоянии оказались германцы, так что, казалось, явись Помпей в это время, он мог бы совершить нечто решающее, если бы только он из гордости совершенно не пренебрег их преследовать. Между тем Цезарь, в течение семи дней усиленно передвигаясь, расположился лагерем у Фарсала. Говорят, бедствия в Гомфах были необычны и что в лечебнице были обнаружены трупы знатных стариков без всяких ран, но с кубками, лежащими с ними рядом. Двадцать из них, как бы в опьянении, валялись на полу, а один восседал на стуле, без сомнения врач, который им всем дал яд.

65. После того как Цезарь снялся с лагеря, Помпей назначил заседание совета. Афраний высказал на нем мнение, что морские силы, которыми он далеко превосходит Цезаря, следует послать против Цезаря и, владея морем, тревожить его, блуждающего по разным путям и находящегося в затруднительном положении, сухопутные же силы поспешно повести самому Помпею в Италию, к нему благорасположенную и лишенную врагов, чтобы, овладев Италией, Галлией и Испанией, из родной и главенствующей земли вновь напасть на Цезаря. Но этими советами, которые были бы для него наилучшими, Помпей пренебрег и послушался тех, которые говорили, что войско Цезаря из-за голода перейдет на его сторону немедленно или что вообще немного останется делать после одержанной у Диррахия победы. Наоборот, было бы позором оставить бегущего Цезаря и, будучи победителем, бежать наравне с побежденным. Помпей присоединился к этому мнению, побуждаемый больше всего стыдом перед восточными народами, не спускавшими с него глаз, а также заботой о Луции Сципионе, как бы он чего не претерпел в Македонии, и в особенности тем, что хотел использовать в борьбе с Цезарем храбрость своего войска. Поэтому он продолжал поход и расположился лагерем у Фарсала против Цезаря. Друг от друга оба лагеря отстояли на 30 стадий. 66. Провиант Помпею доставлялся отовсюду, ибо у него были в такой степени заготовлены дороги, гавани и посты, что и с суши ему

постоянно все доставлялось и при любом ветре через море. Цезарь, напротив, имел только то, что с трудом отыскивал и добывал, испытывая при этом сильные затруднения. Однако и при таких обстоятельствах ни один из его воинов его не покинул, а все с каким-то демоническим рвением стремились вступить в бой с врагами, полагая, что, закаленные уже в течение 10 лет, они в битве будут во многих отношениях превосходить новобранцев, между тем как в рытье рвов, сооружении стен и наборе припасов они, вследствие своей старости, более слабы, и вообще, терпя страдания, они предпочитали что-нибудь делать, чем погибнуть без всякого дела от голода. Сознавая все это и зная, что ему противостоят люди, закаленные и доведенные до отчаяния, а также блестящее счастье, обычно сопровождающее Цезаря, Помпей полагал, что было бы рискованно подвергнуть опасности все предприятие из-за исхода одного сражения; более подходящим и безопасным будет нуждой истощать врагов, сидевших на бедной территории, не владеющих морем и не имеющих кораблей даже для того, чтобы быстро убежать. Так, полагаясь на самый верный расчет, Помпей решил всячески затягивать войну, доводя войска Цезаря в результате голода до болезни. 67. Вокруг Помпея находилось множество сенаторов, равных ему по сану, наиболее знаменитые из так называемых всадников и много царей и династов; все они, одни по неопытности, другие вследствие того, что чрезмерно расценивали успехи, добытые при Диррахии, а некоторые и потому, что количественно превосходили силы врагов, — были и такие, которые, утомленные вообще войной, стремились не столько к достойному, сколько к скорейшему ее исходу, — все эти люди побуждали Помпея к битве, постоянно указывая на то, что Цезарь готовится к бою и ведет себя вызывающе. Помпей, исходя как раз из этого, указывал им, что Цезарь в своем безвыходном положении нуждался в бое, им же именно потому более уместно сохранять спокойствие, и что Цезарь спешит под давлением необходимости. Однако, докучаемый со стороны всего войска, чрезмерно возгордившегося успехом, одержанным у Диррахия, а также подстрекаемый насмешками, затрагивавшими его достоинство, что он будто бы нарочно медлит, будучи одержим властолюбием начальствовать над таким количеством сенаторов, называемый за это «царем царей» и «Агамемноном», потому что и тот благодаря войне владел царской властью, — вот всем этим докучаемый, Помпей отказался от своих собственных расчетов и уступил, поврежденный в разуме божеством и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны. Став вопреки своей природе вялым и медлительным во всех делах, он, против своего желания, склонился к сражению на горе самому себе и тем, которые его к этому бою склоняли.

68. В ту ночь Цезарь послал три легиона для набора съест-

ных припасов. Одобряя Помпея за медлительность и полагая, что тот ни в коем случае не переменит своего решения, он послал в окрестности за фуражом. А узнав о приготовлениях Помпея, Цезарь обрадовался, догадавшись, что к этому Помпей был вынужден войском, и, быстро созвав всех своих, стал сам готовиться к битве. Принося в полночь жертву Марсу, он взывал и к своей прародительнице Венере (весь род Юлиев, полагал он, происходит от Энея и его сына Ила, слегка изменив его наименование) и дал обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-победительнице. Когда на небе сверкнул свет со стороны лагеря Цезаря и погас в месте расположения лагеря Помпея, те, которые находились при последнем, говорили, что им предстоит совершить нечто блестящее над врагом. Цезарь же толковал это знамение так: напав на Помпея, он затмит дела Помпея. У Помпея в эту ночь некоторые из убежавших жертвенных животных не были пойманы, а на алтаре расселся рой пчел, эмблема робости. Незадолго до рассвета на лагерь Помпея напало паническое состояние, и после того как Помпей обежал кругом весь лагерь и устранил панику, он впал в глубокий сон

69. Когда приближенные его разбудили, он сказал, что только что видел во сне, как посвящали в Риме храм Венере-победительнице. И этому-то, не зная обета Цезаря, обрадовались, когда узнали, друзья Помпея и все его войско; они в этом, как и во всем прочем, необдуманно, восторженно и пренебрежительно усматривали предстоящее дело, как уже свершившееся. Многие из них уже и палатки стали увенчивать лаврами, символом победы, а рабы готовили для них великолепные обеды. Были и такие, которые спорили между собой о понтификате Цезаря. Помпей, опытный в делах военных, не любил этих споров; но он скрывал свое негодование и вместе с тем молчал от нерешительности и страха, как будто бы уже был не начальником, а подчиненным и делал все по необходимости, а не по собственному решению. На человека великого, во всяком предприятии до этого дня бывшего наиудачливейшим, напало такое уныние, или потому, что, верно наметив полезное, он в этом не сумел убедить других, а как бы на игральную кость поставил и жизнь стольких людей и свою собственную славу, славу человека до сих пор непобедимого, или же при приближении бедствия его устрашало какое-то пророческое чувство, его, которому в настоящий день предстояло внезапно лишиться столь великой власти. Сказав своим друзьям, что этот день, кто бы из двух ни победил, послужит для римлян навсегда началом великих бедствий, он приготовился к бою. Некоторые, полагая, что от страха у Помпея вырвалось его тайное намерение, считали, что если бы Помпей тогда одержал победу, он не отрекся бы от единовластия.

70. Войско находилось в таком состоянии: многие писатели

дают об этом сомнительные сообщения, я же предпочитаю следовать за теми римскими писателями, которые дают наиболее достоверные сведения об италийцах, с которыми они больше всего считались; что касается союзных войск, то о них римские писатели сообщают сведения недостоверные и не учитывают их как силу чужеземную, присоединение которой мало имело значения. Цезарь имел до 22 000 человек, из них около тысячи конницы; у Помпея войска было больше в дза раза, в том числе около 7 000 конницы. Таковы мнения тех, чьи сообщения наиболее правдоподобны, а именно, что в битве столкнулись друг с другом 70 000 италийцев. Другие авторы считают, что их было меньше 60 000, а другие, чрезмерно преувеличивая, насчитывают 400 000. Из этого количества одни авторы считают, что у Помпея было в полтора раза больше войска, чем у Цезаря, другие считают, что у Помпея было около двух третей всего количества — в такой степени колеблются сведения относительно точного количества. Во всяком случае несомненно, что тот и другой вождь больше всего полагались на италийцев. Отряд союзников у Цезаря состоял из конницы из цизальпийских галлов [пропуск в тексте] и из некоторого количества трансальпийских. Из эллинов служили у него в качестве легковооруженных долопы, акарнаны, этолийцы. Таковы были военные союзники Цезаря. На стороне Помпея были представлены в громадном количестве все восточные народы: одни на конях, другие — пешими, а из Эллады — лаконцы, предводительствуемые своими собственными царями, и остальная часть Пелопоннеса, а с ними и беотийцы. Принимали участие в битве и афиняне, причем глашатаями обеих сторон было возвещено, чтобы войско не чинило афинянам никаких обид как лицам, посвященным культу богинь Фесмофор и принимающим только ради славы участие в битве, долженствующей решить судьбу римской гегемонии. 71. Кроме эллинов, в числе союзников были почти все народы, обитающие по морскому берегу в восточном направлении: фракийцы, геллеспонтийцы, вифинцы, фригийцы, ионяне, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, киликийцы, сирийцы, финикийцы, еврейское племя и с ними соседящие арабы, киприйцы, родосцы, критские пращники и другие островитяне. Были и цари и династы, приведшие свои войска: Дэиотар, тетрарх восточных галатов, Ариараф, царь каппадокийцев, стратег Таксил, который привел армян, живших по сю сторону Евфрата, Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата. Принимали участие в военных тяготах и другие незначительные династы. Говорят, и из Египта было прислано Помпею 60 кораблей от царствовавших тогда в Египте Клеопатры и ее брата, бывшего тогда еще ребенком, но эти корабли, как, впрочем, и весь остальной морской флот, в битве участия не принимали и остались в бездей-

ствии у острова Коркиры. И то обстоятельство, что Помпей пренебрег флотом, следует считать величайшей необдуманностью, ибо при помощи морских сил, которыми он на много превосходил противника, он имел возможность повсюду лишать врага привозимых для него провиантов, вступив же в бой на суше, ему пришлось сражаться с людьми, которые от долгих военных трудов были в себе уверены и в битве становились словно звери. Но, видно, Помпея, который остерегался их у Диррахия, прельстило божественное навождение, как нельзя более во-время послужившее в пользу Цезаря. Ибо благодаря этому войско Помпея весьма легкомысленно зазналось и, одержав верх над мнением своего военачальника, вступило в бой, не имея опыта в военном деле. Но так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все.

72. Каждый из обоих вождей, собрав войско, возбуждал его речью. Помпей при этом сказал следующее: «О, содружинники, вы сейчас скорее военачальники, чем воины. Ведь меня, желающего все больше и больше истощать Цезаря, вы призвали на этот бой. Поэтому и будьте распорядителями на этом состязании, обходитесь с врагами, как обычно обходятся гораздо более многочисленные с малочисленными, взирайте на них с презрением, как победители на побежденных, как молодые на стариков, как люди со свежими силами на сильно утомленных, сражайтесь как люди, у которых столь много сил и снаряжения и которые к тому еще сознают причины войны. Ибо мы сражаемся за свободу и отечество, опираясь на законы и добрую славу, имея стольких знатных мужей, сенаторов и всадников против сего одного человека, который желает присвоить себе верховную власть. Идите же, как вы о том и просили, с доброй надеждой, имея перед глазами то бегство врагов, которое произошло при Диррахии, то огромное количество знамен, которое мы, одержав победу, отняли в течение одного дня».

73. Так говорил Помпей. Цезарь своим воинам сказал следующее: «О, друзья, наиболее трудное мы уже одолели: вместо голода и нужды мы состязаемся теперь с людьми. Этот день решает все. Вспомните, что вы обещали мне при Диррахии и как вы на моих глазах клялись друг другу не возвращаться без победы. Это те самые люди, на которых мы идем от Геркулесовых столпов, которые убежали от нас из Италии, те самые, которые нас распустили без вознаграждения, триумфа и даров, нас, сражавшихся в течение десяти лет, нас, совершивших столько войн и одержавших бесчисленное множество побед, нас, приобретших для отечества 400 племен иберов, галлов и британцев. Хотя я их призывал к справедливости, они меня не послушались. И щедрость моя на них не подействовала. Вы знаете, что я некоторых отпустил, не причинив

им никакого вреда, надеясь, что ими все же будет оказана нам хотя некоторая справедливость. За все это в совокупности вы мне сегодня воздайте, за все о вас, если вы это сознаете, попечение, верность и щедрость в вознаграждении. 74. К тому же вам, войскам, во многих трудах испытанным, одержать верх над новобранцами тем более легко, что они склонны, как мальчишки, еще к недисциплинированности и непослушанию своему военачальнику, о котором я узнал, что он со страхом и вопреки своей воле выступает в бой, так как счастье его уже склонилось и он во всем стал вял и медлителен и не столько повелевает, сколько подчиняется. Все это я говорю только об италийцах; что же касается их союзников, то о них не думайте вовсе, не принимайте их в расчет и не сражайтесь с ними совершенно, ибо сирийцы, фригийцы и лидийцы — рабы и всегда готовы к бегству и рабству. Им, я это твердо знаю, и вы это сами скоро увидите, даже сам Помпей не поручит сражаться в боевых рядах. Следите только за италийцами, не обращая внимания на то, что союзники, наподобие собак, будут бежать вокруг вас и подымать шум. Но обратив врага в бегство, италийцев как своих единоплеменников щадите а союзников истребляйте, чтобы навести ужас на тех. Но прежде всего нужно, чтобы я видел, что вы помните свое обещание победить или умереть; поэтому разрушьте, выступая в бой, возведенные вами укрепления, засыпьте ров, чтобы у нас ничего не оставалось, если мы не победим, чтобы враги видели, что вы не имеете своего лагеря, и сознавали, что у вас нет иного выхода, как занять их лагерь».

75. Так сказал Цезарь и при этом послал все же для охраны палаток две тысячи совершенно престарелых людей. Остальные, выйдя в глубоком молчании, разрушили укрепления и свалили их в ров. Помпей, увидя это — некоторые полагали, что это подготовка к бегству, — осознал всю смелость противника и со стоном сказал себе, что им приходится тягаться со зверьми и что верное средство против зверей — это голод. Но теперь уже было поздно, положение же было критическое. Поэтому он, оставив 4 000 италийцев для охраны лагеря, сам выстроил остальных между городом Фарсалом и рекой Энипеем, там, где и Цезарь расположился напротив него. И тот и другой вождь выстроили и италийцев во фронт, разделив их на три части, отстоящие одна от другой на небольшом расстоянии, а конницу расположили на своих флангах, рассеяв повсюду между ними стрелков и пращников. Так выстроили они италийское войско, так как каждый из вождей больше всего полагался на эти силы. Союзников они выстроили отдельно, ведя их как бы только для показа. Особенно у Помпея это союзное войско было многошумное и многоязычное. И из них македонцев, пелопоннесцев, беотийцев и афинян, молчаливость и дисциплину которых Помпей одобрял, он вы-

строил на фланге италийцев, а всех остальных, как Цезарь и предполагал, оставил вне боевого строя по племенам, чтобы они, когда битва пойдет в рукопашную, окружили врагов и преследовали их, нанося им как можно больше вреда, и разграбили лагерь Цезаря, больше уже не защищенный рвом.

76. Предводителями у Помпея были: в центре фаланги — его шурин Сципион, на левом крыле — Домиций, на правом — Лентул; Афраний и Помпей охраняли лагерь. У Цезаря предводительствовали Сулла, Антоний и Домиций; сам он заблаговременно выстроился с десятым легионом, как это у него было в обычае. Увидев это, враги направили сюда лучших своих всадников, чтобы они, имея перевес в количестве, если смогут, окружили его. Поняв это, Цезарь устроил засаду из 3 000 наиболее смелых пехотинцев, которым приказал, когда заметят, что враги бегут вокруг них, выскочить из засады и прямо метать свои копья в лоб всадникам, которые, будучи неопытными и молодыми, дорожа своей наружностью, не вынесут опасности, направленной им прямо в лицо. Так замышляли вожди друг против друга, и каждый из них обходил своих, делал необходимые распоряжения, призывая к храбрости и назначая пароли: Цезарь — «Афродита Победоносная», а Помпей — «Геракл Непобедимый».

77. Когда уже все было готово, противники еще долгое время оставались неподвижно в глубоком молчании, все еще только собираясь и медля, и глядели друг на друга, которая из двух сторон первая начнет битву. Большинство было преисполнено жалости, ибо никогда еще до сих пор италийское войско в таком количестве не сталкивалось друг с другом, подвергаясь одной опасности, и, будучи избранными храбрецами обоих лагерей, они жалели друг друга, в особенности потому, что видели, что италийцы идут против италийцев. При приближении бедствия честолюбие, воспламеняющее и ослепляющее всех, погасло и перешло в страх; размышление очистило их от тщеславия, взвешивало опасность и вину, по которой два мужа спорили друг с другом из-за первенства и подвергали опасности свое счастье; два мужа, которые при поражении не смогут быть даже последними, подвергают опасности такое количество благородных мужей. Им пришло на ум, что они были до сих пор друзьями и родственниками и много друг другу содействовали в славе и силе, а теперь несут они мечи один против другого и ввергают подчиненные им войска в подобное же беззаконие, ведя друг на друга единоплеменников и граждан, соплеменников и сородичей, иногда даже и братьев. И это имело место в этой битве, ибо много противоестественного случилось, когда неожиданно столько тысяч из одного народа пришли в столкновение друг с другом. Каждый из вождей при этой мысли преисполнился раскаянием, которое, однако, при настоящем положении дела было бессильно;

и, сознавая, что этот день сделает одного из них или первым или последним на всей земле, они медлили приступить к такому рискованному шагу. Говорят, оба вождя даже прослезились.

78. Так, пока они еще медлили и взирали друг на друга, застиг их день. Все италийское войско продолжало стоять спокойно, в строгом молчании. Помпей же, видя, что союзники его в страхе от медлительности, из опасения, чтобы они не нарушили дисциплины еще до сражения, дал первый сигнал к битве. Тогда Цезарь дал сигнал со своей стороны. Тотчас трубы, которых было множество в таком огромном войске на той и на другой стороне, громкими звуками дали призыв, торопили и глашатаи и начальник, обегая войска. Воины торжественно, с изумлением и молчанием шли друг на друга, так как они были испытанные в таких боях бойцы. Когда они приблизились, началось метание стрел и камней; и как только конница несколько опередила пехоту, начались с той и другой стороны попытки перейти в атаку, причем части Помпея, имея преимущество, стали окружать десятый легион Цезаря. Цезарь тогда подал знак сидевшим в засаде, и те, выскочив, устремились на конницу, ударяя направленными вверх копьями прямо в лицо всадников, которые, не вынеся отчаянной атаки и ударов в рот и глаза, в беспорядке бежали. Войско Цезаря, только что боявшееся быть окруженным, теперь само окружило пехоту Помпея, лишенную прикрытия конницы.

79. Помпей, узнав об этом, запретил своим пехотинцам делать вылазки, выбегать вперед из фаланги и метать стрелы, но, стоя в вытянутых шеренгах с готовым к нападению копьем, защищаться в рукопашную против наступающих. Эту стратегию Помпея некоторые хвалят как наилучшую при окружении врагом, Цезарь же в своих письмах порицает, так как, по его мнению, удары, нанесенные сразмаха, имеют большую силу, да и храбрость людей возрастает от бега, при неподвижности же у войска дух падает, и для нападающих оно служит как бы прицелом. Так это случилось и на этот раз. Десятый легион с Цезарем окружил левое крыло войска Помпея, лишенное конницы, осыпал неподвижно стоящие части со всех сторон копьями, пока нападавшие не привели их в замешательство, и силой заставил обратиться в бегство. Это и было началом победы Цезаря. При этом множество было убитых и раненых, много было и разнообразных эпизодов. При этой схватке, однако, не было никакого крика от фаланги, никаких восклицаний ни убиваемых ни раненых; только слышались вздохи и стоны падающих с достоинством на том месте, где они были выстроены. Союзные войска, которые вели себя как зрители боевого состязания, были поражены выдержкой строя и от удивления не осмеливались окружить палатки Цезаря, хотя они охранялись людьми малочисленными и старыми, и

только оставались на месте, полные удивления. 80. Когда левое крыло Помпея стало отступать — отступало оно шаг за шагом, не переставая сражаться, — союзные войска, ничего не предприняв, обратились в безоглядное бегство с криками: «Мы побеждены», и опрокидывали, словно вражеские, свои собственные палатки и заграждения, уничтожая их и похищая при своем бегстве все, что только они могли унести. Уже и другое крыло италийских войск Помпея, узнав о поражении левого крыла, стало медленно отступать, вначале в полном порядке и по мере возможности обороняясь, а затем под натиском врагов, окрыляемых удачей, оно тоже обратилось в бегство. Чтобы части войска Помпея вновь не соединились и чтобы таким образом было выиграно не одно лишь сражение, а вся война, Цезарь с большой хитростью разослал глашатаев по всем своим частям, во все стороны, чтобы победители-италийцы оставили в неприкосновенности своих единоплеменников и наступали только на союзников. Глашатаи, приблизившись к побежденным, убеждали их остановиться, ничего для себя не опасаясь. Один от другого узнавая это воззвание, они останавливались. И «стоять без страха» стало как бы паролем войска Помпея, тогда как в остальном оно ничем не отличалось от войска Цезаря, нося, как италийцы, ту же одежду и говоря на том же языке. Пробегая сквозь их ряды, войско Цезаря уничтожало союзников Помпея, которые не могли противостоять им, и наибольшая резня произошла здесь.

81. Помпей, увидев бегство своего войска, словно обезумел и медленно удалился в лагерь. Подойдя к своей палатке, он сел там безмолвный, наподобие Аянта Теламонида, о котором рассказывают, что он подобное же претерпел в Илионе, когда был окружен врагами и когда божество помрачило ему ум. Из остальных лишь очень немногие последовали за Помпеем в лагерь: воззвание Цезаря остановило их на месте без страха, войско же Цезаря, обежав войска Помпея, разъединило их по частям. К концу дня Цезарь, неутомимо повсюду обегая войско, увещевал еще понатужиться, пока не возьмут лагерь Помпея, причем объяснял, что если враги снова соберутся с силами, они окажутся победителями одного дня, если же лагерь врагов будет захвачен, этим делом приведена будет к благополучному концу вся война. С этой мольбой протягивал к войску Цезарь руки и сам первый открыл преследование. Физически многие из войска Цезаря были утомлены, но дух их поддерживали эти рассуждения и сам полководец тем, что шел с ними вместе на врага. Побуждала их к тому удача всего происшедшего и надежда, что, захватив лагерь Помпея, они заберут в нем много добычи, — в надежде и при удачах люди меньше всего чувствуют усталость. В таком состоянии они снова устремились вперед и напали на лагерь, совершенно пренебрегая противящимися этому. Помпей, узнав это, очнулся из стран-

ного своего молчания и воскликнул: «Неужели и против нашего укрепления?», и, сказав это, переменил одежду, сел на лошадь и в сопровождении четырех друзей не останавливался в бегстве, пока в начале следующего дня не прибыл в Лариссу. Цезарь, согласно угрозе, высказанной, когда выстраивал свои войска в бой, остановился в укреплении Помпея и вкусил там сам пищу, приготовленную для Помпея, а все его войско — пищу врагов.

82. Убитых с обеих сторон италийцев (число убитых союзников не было установлено как из-за их многочисленности, так и из-за пренебрежения к ним) было в войске Цезаря тридцать центурионов и двести легионариев, а по другим историкам, тысяча двести, в войске Помпея — 10 сенаторов, среди них и Луций Домиций, посланный сенатом к Цезарю в Галлию в качестве его преемника, и около 40 так называемых всадников из знатных. Из остального войска — те писатели, которые склонны преувеличивать, называют цифру в 25 000, но Азиний Поллион, один из командиров Цезаря в этой битве, пишет, что трупов, принадлежавших сторонникам Помпея, было найдено 6 000.

Таков был конец знаменитой битвы при Фарсале. Первую и вторую боевые награды получил сам Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а с ним вместе и десятый легион. Третья боевая награда была присуждена центуриону Крассинию, который, будучи спрошен Цезарем, вышедшим в бой, о предстоящем исходе его, громко воскликнул: «Мы победим, Цезарь, и живого или мертвого, но меня ты сегодня похвалишь». Все войско свидетельствовало, что все время Крассиний, словно одержимый, беспрерывно обегал ряды, совершая много блестящих дел. После поисков он был найден среди трупов. Цезарь возложил на него боевую награду, похоронил его в особой могиле вблизи братского погребения.

83. Помпей, с прежней скоростью спеша из Ларисссы к морю, сел на маленькую лодку и, встретив проплывавший корабль, переправился в Митилену. Там он забрал свою жену Корнелию и на четырех кораблях, которые ему послали родосцы и тирийцы, отправился, оставив без внимания в тот момент Коркиру и Африку, где у него было другое многочисленное войско и невредимый флот, и устремился на восток, в Парфию, где собирался, опираясь на нее, восстановить утерянное. Намерение свое он долго скрывал, пока не рассказал о нем своим друзьям, будучи уже в Киликии. Они просили его остерегаться Парфии, против которой еще недавно строил свои планы Красс и которая еще воодушевлена его поражением, и просили не вести в страну необузданных варваров красавицу-жену, Корнелию, особенно как бывшую жену Красса. Когда он стал делать другие предложения относительно Египта и Юбы, то его друзья, отказавшись от последнего как от человека, ничем не

прославившегося, согласились с ним в отношении Египта, который и был близок и представлял обширное государство, а также и потому, что он был богат и могуществен кораблями, хлебом и деньгами. Цари же его, хотя еще были детьми, по своим родителям являлись друзьями Помпея.

84. По всем этим соображениям Помпей отплыл в Египет. Как раз незадолго до этого Клеопатра, которая управляла Египтом вместе с братом, убежав из Египта, набирала войско в Сирии; брат Клеопатры, Птолемей, охранял Египет у горы Касия от вторжения Клеопатры. Каким-то злым гением ветер отнес судно Помпея как раз к Кассию. Увидев на суше большое количество войска, Помпей остановил свой корабль, предположив, как оно и в самом деле было, что там находится царь, и, послав к нему, напомнил о себе и о дружбе к нему отца Птолемея. Птолемею было тогда еще только около 13 лет; он находился под опекой Ахиллы, который командовал войсками, и евнуха Пофина, который ведал финансами. Относительно Помпея они устроили предварительное совещание, и тут же присутствовавший ритор Феодот из Самоса, учитель Птолемея, предложил преступное дело — заманить Помпея в засаду и убить его, чтобы этим угодить Цезарю. Когда это мнение было принято, Помпею, под предлогом, что здесь море мелкое и неудобное для больших кораблей, была послана невзрачная лодка, в которую село несколько царских гребцов. Был на этой лодке и некий Семпроний, римлянин, в то время служивший в войске Птолемея, прежде же служивший у самого Помпея. Этот Семпроний приветствовал Помпея от имени царя и пригласил его плыть к юному правителю как к другу. В то же время и все войско, как бы из почтения к Помпею, выстроилось вдоль берега, а в центре войска выделялся одетый в пурпур царь.

85. Помпею все это показалось подозрительным: и расположение в боевом порядке войска, и качество судна, за ним посланного, и то, что за ним не приплыли ни сам царь, ни его наиболее видные приближенные. При этих обстоятельствах Помпей на память привел стихи Софокла: «Кто направляется к тирану, превращается в его раба, хоть если бы пришел к нему свободным», и сел в лодку. Во время плаванья, когда все вокруг него молчали, подозрение Помпея еще более усилилось. Потому ли, что Помпей узнал в Семпронии римлянина, вместе с ним сражавшегося, или потому что, видя все время его одного только стоящим, он предполагал, что он делал это согласно воинской дисциплине, по которой воин не смеет сесть в присутствии своего начальника, Помпей обратился к нему с вопросом: «Тебя ли я вижу, соратник?» Семпроний в ответ на это кивнул головой, и как только Помпей повернулся, нанес ему первый удар сам, а за ним и другие. Жена Помпея и его друзья, все это видевшие издалека, закричали и, простирая

руки к богам мстителям за вероломство, поспешно отплыли, как от вражеской страны.

86. Приближенные Пофина, отрубив голову Помпея, сохранили ее для передачи Цезарю, чтобы получить от него за это великую благодарность; на самом деле Цезарь их наказал достойно за вероломство, все же остальное тело кто-то похоронил на побережьи и насыпал на нем невзрачный холм, а кто-то написал следующую эпитафию: «Мелкий холмик покрывает здесь того, кто владел храмами». С течением времени вся могила целиком скрылась под песком, а бронзовые изображения, которые родственники Помпея впоследствии ему посвятили в ближайшем храме у Кассия, оказались поврежденными и снесенными в недоступную часть святилища. Там их, уже в мое время, римский император Адриан, проезжая по Египту, искал и, найдя, снова привел в порядок могилу Помпея, так что ее можно было узнать, и исправил изображения самого Помпея.

Таков был конец Помпея, завершившего великие войны и принесшего великую пользу римскому владычеству, за что он и был назван «Великим»; до того он никогда не был побежден, но с самой юности был непобедим и счастлив. И с 23 до 58 лет Помпей управлял Римом непрерывно, будучи по силе своей подобен монарху. Соперничая же с Цезарем, он считался демократическим правителем.

87. Луций Спицион, шурин Помпея, и другие наиболее знатные лица, спасшиеся в битве при Фарсале, спешно собрались все на Коркире у Катона, который был оставлен во главе еще одной армии и 300 кораблей. Они поступали более осмотрительно, чем Помпей. Наиболее знатные из них разделили между собой морские силы: Кассий отплыл в Понт к Фарнаку, чтобы поднять его против Цезаря, Сципион и Катон отплыли в Африку, надеясь на поддержку Вара и его войска и на Юбу, нумидийского царя, их союзника. Помпей, старший сын Помпея Великого, и с ним Лабиен и Скапула, отправились с частью армии в Испанию и, восстановив ее против Цезаря, набрали там новое войско из иберов, кельтиберов и рабов и, таким образом, оказались в еще большей боевой готовности, чем раньше. Такие огромные силы были еще в резерве у Помпея, а он, ни во что их не ставя, убежал, как одержимый некиим духом. Войска, которые находились в Африке, хотели, чтобы над ними начальствовал Катон, но он отказался, так как налицо имелись консулы, которые по сану своему стояли выше его: в Риме Катон был только претором. Начальником поэтому был сделан Луций Сципион. И здесь набиралось большое войско и занималось упражнениями. Эти-то две армии, в Африке и в Испании, наиболее достойные упоминания боевые силы, заготовлены были против Цезаря.

88. Сам Цезарь после победы два дня оставался в Фарсале,

совершая жертвоприношения и приводя в порядок войско после битвы. Затем он отпустил на свободу своих союзников фессалийцев, а афинян, просивших у него милости, он простил и сказал: «сколько раз вас, которые сами себя губите, еще спасет слава ваших предков!» На третий день, чтобы узнать, куда бежал Помпей, Цезарь направился на восток и, за неимением больших военных кораблей, переплыл Геллеспонт на маленьких челноках. Кассий, направлявшийся к Фарнаку, как раз показался с частью флота в то время, когда Цезарь находился в середине своей переправы. И, конечно, своими военными кораблями он одолел бы маленькие суда Цезаря, но от страха перед счастьем его, столь прославленным и внушающим ужас, Кассий, полагая, что Цезарь идет нарочно на него, протянул руки к нему (с кораблей к лодке!), попросил прощения и передал ему свой флот. Так велика была слава об успехах Цезаря. Ибо я не вижу никакой другой причины и не знаю никакого другого объяснения удачи Цезаря при столь неблагоприятных условиях, когда Кассий, будучи человеком весьма воинственным и владея 70 триремами, не решился вступить в бой с Цезарем, встретившимся с ним совершенно неподготовленным. Кассий из одного только страха перед проплывающим мимо него Цезарем так позорно сдался, а впоследствии он убил Цезаря, когда тот в Риме был уже полным властелином. Очевидно, Кассием овладел в свое время особенный страх перед удачливостью Цезаря, возвысившей последнего.

89. Так неожиданно спасшись, Цезарь переплыл Геллеспонт и простил ионийцев, эолийцев и все те племена, которые живут на большом полуострове, называемом Нижней Азией; прощение он передал через послов, которых они ему выслали с просьбой об этом. Узнав, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл к Родосу. Не дожидаясь там своего войска, которое прибывало частями, он со всеми наличными силами сел на триремы, взятые у Кассия и родосцев. Куда именно он направил плавание, он никому не открыл и, выведя корабли в море вечером, приказал кормчим всех следовавших за ним кораблей править ночью по свету, а днем по знамени с его собственного корабля. Кормчему же своего корабля он, далеко уже отплыв от земли, велел направиться к Александрии. По истечении трехдневного плавания он прибыл к Александрии. Царь Птолемей еще находился у Касия, и его опекуны приняли Цезаря радушно. Вначале Цезарь из-за малочисленности бывших с ним сил прикинулся беспечным, не преследующим никаких политических целей, дружески принимал всех, кто к нему обращался, и, обходя город, дивился его красоте и, стоя среди народа, прислушивался к философам. Благодаря такому образу действий он снискал благодарность и добрую славу со стороны александрийцев как человек, не вмешивающийся в их дела.

90. Когда же к нему приплыло войско, он за преступление по отношению к Помпею покарал смертью Пофина и Ахиллу, Феодота же, убежавшего, повесил впоследствии Кассий, отыскав его в Азии. Когда вследствие этого александрийцы заволновались и царское войско обратилось против Цезаря, произошли различные схватки вокруг царского дворца и на побережьи рядом с ним. Однажды даже пришлось Цезарю, убегая оттуда, прыгнуть в море и проплыть от берега на большое расстояние под водой; александрийцы, захватив его плащ, повесили его как трофей. Однако наконец у него произошел у Нила бой с царем. В этом бою Цезарь одержал большую победу. Так прошло 9 месяцев, пока вместо Птолемея он не объявил Клеопатру царицей Египта. С Клеопатрой же Цезарь, обозревая страну, плавал по Нилу на 400 кораблях, предаваясь и другим наслаждениям. Но обо всем этом с большой точностью и подробностью рассказано в сочинении о Египте. Голову Помпея, преподнесенную ему, Цезарь не взял, но приказал похоронить и воздвигнуть в честь нее недалеко от города святилище, которое было названо святилищем Немесиды. Это святилище в мое время, в царствование императора Траяна, когда он в Египте уничтожал иудеев, было срыто Траяном из военных соображений. 47 г.

91. Совершив все это в Александрии, Цезарь через Сирию устремился против Фарнака. Последний между тем успел совершить многое: он занял несколько римских селений и, столкнувшись в бою с претором Цезаря Домицием, одержал над ним блестящую победу, после которой, весьма возгордившись, обратил жителей города Амиса, на Понте, сочувствующего римлянам, в рабство и всех сыновей их оскопил. Когда Цезарь стал приближаться, Фарнак устрашился и раскаялся в своем поведении, и когда Цезарь был от него на расстоянии 200 стадиев, выслал к нему послов для заключения мира: послы поднесли Цезарю золотой венок и, по своей глупости, предложили ему обручиться с дочерью Фарнака. Цезарь, узнав об этом предложении, продвинулся со своим войском и шел сам впереди, беседуя с послами, пока не подошел к укреплению Фарнака. Тогда он воскликнул: «Неужели этот отцеубийца не получит своей кары немедленно?», вскочил на коня и уже при первой атаке обратил Фарнака в бегство и многих из его войска перебил, хотя у самого Цезаря было только около тысячи всадников, выбежавших первыми с ним в атаку. Тогда он, как передают, сказал: «О, счастливый Помпей! так, значит, за то тебя считали великим и прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Мифридате, отце этого человека!» В Рим Цезарь об этом сражении послал следующее донесение: «Пришел, увидел, победил».

92. Фарнак после этого поражения убежал в Боспорское царство, полученное им от Помпея. Цезарь, не задерживаясь на

мелочах, в то время как ему предстояли крупные войны, отправился в Азию. По пути он разбирал дела городов, чрезмерно обремененных откупщиками податей, но об этом мной уже рассказано в книге об Азии. В это же время, узнав, что в Риме произошло восстание и что Антоний, начальник его конницы, вынужден с войском охранять форум, Цезарь все бросил и поспешно направился к Риму. Когда он прибыл туда, гражданское волнение улеглось. Но вспыхнуло новое волнение уже в самих войсках из-за того, что им не выдали вознаграждений, которые были им обязаны выдать за победу при Фарсале, и из-за того, что они до сих пор еще, вопреки закону, продолжают оставаться на военной службе. Войска требовали, чтобы их всех распустили по домам. Цезарь и в самом деле им однажды обещал какие-то неопределенные награды в Фарсале и другой раз — по окончании войны в Африке. В ответ на все эти требования Цезарь послал к солдатам некоторых из начальников с обещанием выдать каждому воину еще по 1 000 драхм. Но войско ответило, что оно не хочет больше обещаний, а чтобы деньги были выданы тотчас. Саллюстий Крисп, посланный к ним по поводу этого, чуть не был убит; его спасло только бегство. Цезарь, узнав это, послал другой легион солдат, которые по приказанию Антония охраняли город, и велел караулить его дом и ворота Рима, опасаясь грабежа. Сам же, несмотря на то, что все боялись и увещевали его остерегаться нападения со стороны войска, в то время как войска еще продолжали волноваться, весьма храбро направился к ним на Марсово поле без всякого о том предуведомления и показался на трибуне.

93. Солдаты с шумом, но без оружия, сбежались и, как всегда, увидев внезапно перед собой своего императора, приветствовали его. Когда он их спросил, чего они хотят, они в его присутствии не осмелились говорить о вознаграждении, но кричали, считая требование, чтоб их уволили, более умеренным, надеясь лишь, что, нуждаясь в войске для предстоящих войн, Цезарь с ними будет говорить и о вознаграждениях. Цезарь же, к изумлению всех, нисколько не колеблясь, сказал: «Я вас увольняю». Когда они были еще более этим поражены и когда настала глубокая тишина, Цезарь добавил: «И выдам все обещанное, когда буду справлять триумф с другими войсками». Когда они услышали такое неожиданное для себя и одновременно милостивое заявление, ими овладел стыд, к которому присоединились расчет и жадность; они понимали, что если они оставят своего императора в середине войны, триумф будут справлять вместо них другие части войск, а для них будет потеряна вся добыча с Африки, которая, как они полагали, должна быть велика; к тому же, будучи до сих пор ненавистны врагам, они станут теперь ненавистны также и Цезарю. Беспокоясь и не зная, что предпринять, солдаты совсем при-

тихли, дожидая, что Цезарь им в чем-нибудь уступит и под давлением обстоятельств передумает. Цезарь со своей стороны тоже замолк, и когда приближенные стали увещевать его что-нибудь сказать еще и не говорить кратко и сурово, оставляя войско, с которым столь долго он вместе воевал, он в начале своего слова обратился к ним «Граждане» вместо «Солдаты»; это обращение служит знаком того, что солдаты уже уволены со службы и являются частными людьми. 94. Солдаты, не стерпев этого, крикнули, что они раскаиваются и просят его продолжать с ними войну. Когда же Цезарь отвернулся и сошел с трибуны, они с еще большей стремительностью и криками настаивали, чтобы он не уходил и наказал виновных из них. Он еще чуть-чуть задержался, не отвергая их просьбы и не возвращаясь на трибуну, показывая вид, что колеблется. Однако все же он взошел на трибуну и сказал, что наказывать из них он никого не хочет, но он огорчен, что и десятый легион, который он всегда предпочитал всем другим, принимал участие в мятеже. «Его одного, — сказал он, — я и увольняю из войска. Но и ему я отдам обещанное, когда вернусь из Африки. Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю». Рукоплескания и благодарность раздались от всех, и только десятый легион был в глубокой скорби, так как по отношению к нему одному Цезарь казался неумолимым. Солдаты этого легиона стали тогда просить метать между ними жребий и каждого десятого подвергнуть смерти. Цезарь при таком глубоком раскаянии не счел нужным их больше раздражать, примирился со всеми и тут же направил их на войну в Африку.

95. Совершив переправу из Регия в Мессену, Цезарь прибыл в Лилибей. Узнав, что Катон с частью морских и сухопутных сил охраняет снаряжение для войны в Утике вместе с теми 300, которые издавна были назначены военными советниками при нем под именем сената, а верховный начальник Луций Сципион с лучшими частями войск воюет в Гадрумете, Цезарь поплыл против Сципиона. Сципион как раз в это время, оказалось, направился к Юбе, и Цезарь приготовился к бою у лагеря Сципиона, считая, что выгодно сражаться с врагом в отсутствии его полководца. Ему противостали Лабиен и Петрей, помощники Сципиона, они одержали над Цезарем большую победу, обратив в бегство его войско и преследуя его с гордостью и презрением до тех пор, пока раненая в живот лошадь не сбросила Лабиена. Лабиена тотчас унесли его телохранители, стоявшие со щитами возле сражающегося. Петрей, полагая, что войско оказалось при испытании на высоте и что 46 г.

он сумеет одержать победу, когда захочет, не стал продолжать начатое преследование и сказал: «Не будем отнимать победу у нашего полководца Сципиона». Остальное было делом счастья Цезаря: когда враги, как казалось, могли победить, победители сами внезапно прекратили сражение. Передают, что во время бегства своего войска Цезарь приставал ко всем воинам, чтобы они повернулись, кого-то из несущих «орлов» — самые главные знамена у римлян — Цезарь повернул своей рукой и вновь направил вперед, пока Петрей не повернул обратно, а Цезарь охотно отступил. Таков был результат первого сражения Цезаря в Африке.

96. Когда немного спустя после этого стали ожидать прибытия самого Сципиона с 8 легионами пехоты, 20 000 конницы, среди которых было большинство ливийцев, со множеством легковооруженных солдат и до 30 слонов, а со Сципионом еще прибыл Юба с другими 30 000 пехотинцев и 20 000 нумидийской конницы, множеством копийщиков и 60 слонами, войско Цезаря охватил ужас, и оно было в замешательстве как от того испытания, которому оно уже подверглось, так и от славы наступавших и многочисленности и большого мужества особенно нумидийских всадников. Пугала и война против слонов, для них совершенно непривычная. В это самое время вождь мавританский Бокх захватил царскую резиденцию Юбы — Цирту, и Юба, извещенный об этом, поспешно со всем своим войском возвратился к себе, оставив Сципиону только 30 слонов. Вследствие этого войско Цезаря настолько приободрилось, что пятый легион даже попросил выстроить его против слонов и одержал над противником полную победу. И еще поныне этому легиону присвоен за это на знамени знак «слона».

97. Происшедшее сражение было значительным, упорным на всем своем протяжении, с переменным счастьем, но к вечеру одолел, хотя и с трудом, Цезарь, который для того, чтобы довести победу до конца, не прекратил победоносного сражения и при наступлении ночи и тотчас захватил лагерь Сципиона.

Враги по частям разбежались, кто куда мог, а сам Сципион с Афранием, бросив все, бежали морем с 12 невооруженными кораблями. Таким образом, и эта армия, состоявшая приблизительно из 80 тысяч человек, в течение долгого времени обученная, после первой битвы внушавшая храбрость и надежду, при втором столкновении полностью была уничтожена... О Цезаре между тем распространилась слава, что у него особая судьба быть непобедимым; никто из побежденных Цезарем не приписывал этого одной только доблести Цезаря, но и свои собственные ошибки они также приписывали счастью Цезаря. Ибо и эта война так быстро была проиграна из-за нерасчетливости полководцев, выступавших против Цезаря, которые, с одной стороны, не изнуряли его, когда он бывал в

затруднительных обстоятельствах в чужой стране, с другой стороны, не довели первую победу до конца.

98. Когда на третий день стало обо всем этом известно в Утике, а также и о том, что Цезарь направляется прямо туда, началось невольное общее бегство. Катон никого не удерживал, но всем из знатных, кто у него просил корабли, давал их. Сам он остался в совершенном спокойствии, и утикийцам, обещавшим ему, что будут за него ходатайствовать еще раньше, чем за себя, смеясь ответил, что он не нуждается в примирении с ним Цезаря. Он, Катон, убежден в том, что и Цезарь это прекрасно знает. Перечислив все свои склады и о каждом из них выдав документы утическим правителям, Катон к вечеру принял ванну и, сев за ужин, ел, как он привык с тех пор, как умер Помпей. Он ничего не изменил в своих привычках, не чаще и не реже, чем всегда, обращался к присутствующим, беседовал с ними относительно отплывших, расспрашивал насчет ветра — благоприятен ли он, о расстоянии, которое они уже отплыли, — опередят ли они прибытие Цезаря на Восток. И отправляясь ко сну, Катон также не изменил ничего из своих привычек, кроме того только, что сына своего обнял более сердечно. Не найдя у постели обычно там находящегося своего кинжала, он закричал, что его домашние предают его врагам, ибо чем другим, говорил он, сможет он воспользоваться, если враги придут ночью. Когда же его стали просить ничего против себя не замышлять и лечь спать без кинжала, он сказал весьма убедительно: «Разве, если я захочу, я не могу удушить себя одеждой или разбить голову о стену, или броситься вниз головой, или умереть, задержав дыхание?» Так говоря, убедил он своих близких выдать ему его кинжал. Когда он его получил, он попросил Платона и прочел его сочинение о душе. 99. Когда он окончил диалог Платона, то, полагая, что все, которые находились у его дверей, заснули, поразил себя кинжалом под сердце. Когда выпали его внутренности и послышался какой-то стон, вбежали те, которые находились у его дверей; еще целые внутренности Катона врачи опять вложили внутрь и сшили разорванные части. Он тотчас притворился ободренным, упрекал себя за слабость удара, выразил благодарность спасшим его и сказал, что хочет спать. Они взяли с собой его кинжал и закрыли двери для его спокойствия. Он же, представившись будто он спит, в молчании руками разорвал повязки и, раскрыв швы раны, как зверь разбередил свою рану и живот, расширяя раны ногтями и роясь в них пальцами и разбрасывая внутренности, пока не умер. Было ему тогда около 50 лет, и славу имел он человека самого непоколебимого в следовании тому, что он признавал правильным, а следовал он справедливому, должному и прекрасному не только в своем поведении, но и в помыслах выявляя исключительное величие души. Так, Марцию, дочь Филиппа, с которой он соче-

тался, когда она была девицей, и которую он очень любил и от которой имел детей, он тем не менее отдал одному из своих друзей, Гертензию, жаждавшему иметь детей и не имевшему их, так как был женат на бесплодной. Когда жена Катона забеременела и от друга, он вновь взял ее к себе в дом, как бы дав ее ему взаймы. Таков был Катон. Утикийцы пышно его похоронили. Цезарь по поводу его смерти сказал, что Катон из зависти лишил его возможности красивой демонстрации, а когда Цицерон в честь умершего составил похвальное слово под заглавием «Катон», Цезарь, со своей стороны, написал обвинительное слово и назвал его «Антикатон».

100. Юба и Петрей, узнав о всем происшедшем и не имея никаких средств ни к бегству, ни к спасению, во время обеда убили мечами друг друга. Цезарь объявил царство Юбы подданным Риму и во главе его назначил Салюстия Криспа. Утикийцам и сыну Катона он даровал прощение. Также и дочь Помпея Великого, с двумя ее детьми захваченную в Утике, он отослал невредимыми к Помпею (сыну Помпея Великого). Всех, кого он захватил из совета трехсот, он истребил. Главнокомандующий Луций Сципион в бурное время столкнулся на море с неприятельскими кораблями. Он вел себя доблестно; когда же его захватили, то он умертвил себя и был брошен в море.

101. Этим закончилась война Цезаря в Африке. Вернувшись в Рим, он справил зараз четыре триумфа: за победу над галлами, множество больших племен которых он покорил — одних впервые, других — отпавших от Рима; за победы над Фарнаком в Понте, за победы над ливийцами, союзниками Сципиона, в Африке. В последнем триумфе был выведен и сын Юбы, писатель, тогда еще ребенок. Он отпраздновал триумф по случаю победы флота на Ниле в Египте между триумфом над галлами и Фарнаком. За победу над римлянами Цезарь остерегся устроить себе триумф, так как эпизоды гражданской войны были не к лицу ему самому, а римлянам они казались бы постыдными и зловещими; однако все поражения своих врагов и действующих лиц он изобразил на различных статуях и картинах, за исключением одного только Помпея; его одного Цезарь воздержался показать, так как его все еще оплакивали. Народ, хотя и не без страха, все же издавал стоны при изображении злополучий своих сограждан, в особенности при виде Луция Сципиона, главнокомандующего, самого себя ранившего в живот и бросаемого в море, или Петрея, убивающего себя за обедом, или Катона, самого себя раздирающего как зверь. Народ радовался при виде гибели Ахиллы и Пофина, а при изображении бегства Фарнака смеялся.

102. Денег в этих триумфах, передают, было 65 000 талантов и 2 822 золотых венка, весивших около 20 414 фунтов. Из этих средств сейчас же после триумфа Цезарь стал расплачиваться с войском, превзойдя все свои обещания: каждому солдату дал

он 5 000 аттических драхм, центуриону — вдвое больше, трибуну, равно как и начальнику конницы, вдвое больше, чем центуриону. Кроме того, каждому плебею он дал по аттической мине. Дал он народу также и разнообразные зрелища с участием кавалерии и музыки; были даны представления боев тысячи пехотинцев против такого же количества противников, двухсот всадников против других двухсот, бой смешанный пехоты против конницы, бой с участием 20 слонов против других двадцати, морское сражение с 4 000 гребцов, в котором принимало участие по 1 000 бойцов с каждой стороны. Согласно своему обету, данному перед сражением в Фарсале, Цезарь воздвиг храм Прародительнице и устроил вокруг храма священный участок в качестве форума для римлян — не рынка, а места деловых встреч, вроде тех площадей у персов, где у них происходят судебные разбирательства. Рядом с богиней поставил он прекрасное изображение Клеопатры, которое и поныне там стоит. Была сделана в это время перепись населения, и оказалось что количество его составляет половину количества, бывшего до войны: в такой степени пострадал Рим от междоусобной войны.

103. Цезарь, уже в четвертый раз выбранный консулом, предпринял войну против молодого Помпея в Испании, последнюю свою междоусобную войну, которой, однако, не должен был пренебрегать. Ибо все же наиболее доблестные, которым удалось бежать из Африки, соединились в Испании. Одно войско, таким образом, состояло из тех, которые прибыли со своими начальниками из Африки и Фарсала, а другое из самих иберов и кельтиберов, народа крепкого и всегда готового воевать. Великое множество рабов сражалось на стороне Помпея. Уже четыре года это войско обучалось и готово было сражаться с отчаянием. Благодаря этому Помпей совершил большую ошибку, что не оттянул сражения, но вступил с Цезарем в столкновение, как только тот прибыл, хотя некоторые из старейших лиц, наученные горьким опытом Фарсала и в Африке, советовали Помпею томить Цезаря всякими оттяжками и довести его до безвыходного положения, используя то, что он находится в чужой стране. Путь от Рима до Испании Цезарь прошел в 27 дней, совершив огромный поход с весьма нагруженным войском. И небывалый страх напал на его войско, когда до него дошла весть о количестве войска, подготовленности и отчаянности противника. 104. Вследствие этого Цезарь и сам готов был медлить, пока к нему, раздумывающему, не приблизился Помпей и не упрекнул его в трусости. Тогда, не снеся обиды, Цезарь приказал своему войску выстроиться у города Кордубы, избрав паролем и на этот раз «Венера», Помпей же взял пароль «Благочестие». Когда войска пришли в столкновение, на армию Цезаря напал страх, а к страху присоедини-

45 г.

лась какая-то нерешительность. Цезарь умолял всех богов, простирая руки к небу, не пятнать этим одним сражением столько им совершенных блестящих подвигов, увещевал, обегая солдат, и, сняв шлем с головы, стыдил их в глаза, призывая их приостановить бегство. Но страх солдат нисколько не унимался, пока Цезарь сам, схватив щит одного из них и воскликнув вокруг него стоящим командирам: «Да станет это концом для меня — жизни, а для вас — походов», выбежал вперед из боевого строя навстречу врагам настолько далеко, что находился от них на расстоянии 10 футов. До 200 копий было в него брошено, но от одних он отклонился, другие отразил щитом. Тут уже каждый из его полководцев, подбегая, становился рядом с ним, и все войско бросилось в бой с ожесточением, сражалось весь день с переменным успехом, но к вечеру, наконец, одолело. Как передают, Цезарь сказал, что ему приходилось вести много битв за победу, но в этот день он вел битву за жизнь. 105. Когда резня достигла предела и войско Помпея бежало к Кордубе, Цезарь приказал войску соорудить стену вокруг города, чтобы бежавшие враги вновь не приготовились к сражению. Солдаты, хотя и утомленные свершившимся, стали нагромождать одно на другое тела и вооружение убитых и, прибив их копьями к земле, стояли у этой стены, как на бивуаке, всю ночь. К утру город был взят. Из полководцев Помпея Скапул, соорудив костер, бросился в него, головы же Вара, Лабиена и других знатных были принесены Цезарю. Что касается Помпея, то он после поражения бежал с 50 всадниками в Карфею, где у него стоял флот, и был на носилках принесен на верфь инкогнито, как частное лицо. Увидев, что и здесь люди в отчаянии, он испугался, что будет выдан Цезарю, и спустился в лодку, чтобы снова бежать. Но нога его при этом зацепилась за канат, и кто-то, пытаясь его отрубить мечом, попал вместо каната ему в ногу. Он отплыл в какое-то место и стал там лечиться. Однако, разыскиваемый и там, он снова бежал по заросшей колючим кустарником дороге, пока, чрезмерно измученный своей раной, не присел на отдых под деревом; когда сюда пришли искавшие его, он, защищаясь от них, не дешево отдал свою жизнь. Когда его голова была доставлена Цезарю, он велел кому-то похоронить ее. Таким образом, и на сей раз война, вопреки ожиданию, была окончена одним сражением. Спасшихся противников Цезаря вновь собрал около себя младший брат покойного Помпея, тоже по имени Помпей и по личному имени Секст. Этот Помпей, пока еще скрываясь сам и убегая, занимался грабежом.

106. Цезарь, закончив вполне эти гражданские войны, поспешил в Рим, внушив к себе такой страх и славу о себе, какую не имел никогда никто до него. Вот отчего и угождали ему так безмерно, и были оказаны ему все почести, даже сверх-

человеческие: во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в честь его воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе. Над его изображениями делались разнообразные украшения; на некоторых из них был венок из дубовой листвы как спасителю отечества, символ, которым издревле чтили спасенные своих защитников. Его нарекли отцом отечества и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятий государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Июлий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество храмов, и один из них общий Цезарю и Благосклонности, причем обе фигуры протягивали друг другу руки.

107. Так они его боялись как неограниченного владыку, но молились вместе с тем, чтобы он был к ним благосклонен. Были и такие, которые предполагали дать ему титул царя, покуда он, узнав об этом, не отверг это предложение. Он угрожал даже сторонникам этой мысли, считая этот титул нечестивым вследствие тяготеющего над ним проклятия со стороны предков. Преторские когорты, которые охраняли его с самой войны, он теперь уволил от стражи и появлялся в сопровождении одних лишь народных ликторов. И ему, так умеренно себя держащему, в то время когда он занимался делами, сенат во главе с консулами, — при этом каждый шел в подобающем ему порядке, — преподнес постановление о вышеуказанных почестях. Он их приветствовал, однако не встал ни тогда, когда они к нему приближались, ни тогда, когда около него стояли; этим он подал новый повод для тех, кто обвинял его в том, что он замышляет стать царем. Цезарь все предложенные титулы принял, кроме десятилетнего консульства, назначив консулами на ближайший год себя и Антония, начальника своей конницы, на место же Антония поставил начальником над конницей Лепида, правителя Испании. Лепид, однако, должность выполнял не сам, а через своих друзей. Затем Цезарь возвратил всех беглецов из Рима, кроме тех, кто убежал из-за какого-нибудь неизгладимого преступления, простил своим врагам и многим из тех, кто против него воевал, дал или годовые магистратуры в городе или управление в провинции или в армии. Благодаря такому поведению Цезаря народ стал надеяться, что он вернет и демократическое

правление, как это сделал Сулла, неограниченно господствовавший подобно Цезарю. Но в этом-то народ заблуждался.

44 г. 108. Кто-то из тех, кто особенно поддерживал слух о вождении Цезаря быть царем, украсил его изображение лавровым венком, обвитым белой лентой, Трибуны Марул и Цезетий разыскали этого человека и арестовали его под тем предлогом, что они делают этим угодное и Цезарю, который прежде сам угрожал тем, кто будет говорить о нем как о царе. Цезарь перенес этот случай спокойно. В другой раз группа людей, встретив его у ворот Рима, когда он откуда-то шел, приветствовала его как царя, но народ при этом зароптал. Тогда Цезарь очень хитро сказал приветствовавшим его: «Я — не Рекс (царь), я — Цезарь», как будто они ошиблись в его собственном имени. Друзья Марула и другие его сторонники открыли и главаря этой группы и приказали общественным служителям представить его перед судом трибунала. Цезарь, потеряв терпение, выступил перед сенатом с обвинением против группы Марула, указывая, что они коварно набрасывают на него обвинение в стремлении быть тираном, и прибавил при этом, что считает их заслуживающими смерти, однако ограничивается только лишением их должности и изгнанием из сената. Этим поступком Цезарь больше всего сам себя обвинил в том, что он стремился к этому титулу, что от него самого идут все эти попытки и что он стал вообще тираном: ведь причиной наказания трибунов оказалось то, что они боролись против наименования Цезаря царем, власть же трибунов была и по закону и по присяге, соблюдаемой издревле, священной и неприкосновенной; кроме того, он еще обострил против себя негодование тем, что не дождался конца их служебного срока. 109. Цезарь и сам сознавал свою ошибку и раскаивался. И это было первым тяжким и неподобающим поступком, а именно, что он сделал все это, стоя во главе правления и в обстановке уже не военного, а вполне мирного времени. Передают, что он предложил своим друзьям охранять его, так как он дал врагам, ищущим повод предпринять враждебные действия против него, прекрасную к тому возможность. Когда же друзья спросили его, не призвать ли опять испанские когорты для его охраны, он ответил: «Ничего нет хуже продолжительной охраны: это примета того, кто находится в постоянном страхе». Испытания его, однако, в отношении склонности к царской власти нисколько не прекратились, и однажды, когда Цезарь сидел на форуме на золотом кресле перед рострами, чтобы смотреть оттуда на Луперкалии, Антоний, товарищ его по консульству, подбежал обнаженный и умащенный маслом, как обычно ходят жрецы на этом празднестве, к рострам и увенчал голову Цезаря диадемой. При этом со стороны немногих зрителей этой сцены раздались рукоплескания, но большинство застонало. Тогда Цезарь сбросил

диадему. Антоний снова ее возложил, и Цезарь опять ее сбросил. И в то время как Цезарь и Антоний между собой как будто спорили, народ оставался еще спокойным, наблюдая, чем кончится все происходящее. Но когда взял верх Цезарь, народ радостно закричал и одобрял его за отказ.

110. Цезарь же, потому ли, что он сам не знал как быть, или потому, что он устал и хотел отклонить эти не то искушения, не то обвинения, или из-за своих врагов желал удалиться из города, или задумал лечиться от эпилепсии и конвульсий, которым он часто внезапно, особенно во время отсутствия деятельности, подвергался, — неизвестно по той или другой из причин задумал большой поход на гетов и парфян, сперва на гетов, племя суровое, воинственное и обитавшее по соседству, а затем на парфян, чтоб отомстить им за нарушение мирного договора с Крассом. Он уже ранее этого послал через Ионийское море войско, состоявшее из 16 легионов пехоты и 10 000 конницы. При этом опять распространился слух, что Сивиллины книги предсказывают: парфяне не раньше будут побеждены римлянами, как против них будет воевать царь. И опять в связи с этим некоторые осмелились говорить, что Цезаря необходимо провозгласить, как это на самом деле и было, диктатором и императором римлян и дать ему всякие иные прозвища, которыми римляне пользуются вместо титула царя, и чтобы народы, подчиненные Риму, называли его царем. Но Цезарь все это отверг, торопил приготовлениями к походу, вызывая к себе в городе недовольство.

111. Осталось всего четыре дня до отбытия, когда враги убили его в сенате из за зависти ли к счастью Цезаря и его силе, возросшей свыше всякой меры, или, как они сами говорили, из-за попечения о восстановлении государственного строя отцов. Ведь они хорошо знали Цезаря и опасались, что, когда он покорит и те народы, против которых он собирался итти, он станет царем беспрекословно. Я полагаю, что поводом к убийству Цезаря послужило это прозвище, ибо между «царем» и «диктатором» есть лишь разница в названии, на деле же, будучи диктатором, Цезарь был как бы царем. Составили этот заговор главным образом двое: Марк Брут, по прозвищу Цепион, сын Брута, погибшего при диктатуре Суллы, перебежавший к Цезарю при Фарсале, и Гай Кассий, передавшийся Цезарю с триерами на Геллеспонте. Оба они были сторонники Помпея; к ним присоединился еще из наиболее близких Цезарю лиц Децим Брут Альбин. Все они пользовались у Цезаря почетом и доверием. Им он давал и самые значительные поручения: так, отправившись на войну в Африку, он передал им командование войском и управление Галлией: Трансальпинской — Дециму, Цизальпинской — Бруту.

112. В то время как раз Брут и Кассий, собираясь стать преторами, спорили между собой о так называемой городской

претуре, которой отдается предпочтение перед другими претурами; может быть, они действительно спорили из-за честолюбия, а может быть, это была просто игра, чтобы не считалось, будто они друг с другом во всем согласны. Цезарь, выбранный ими в судьи, говорят, сказал своим друзьям, что более правым оказывается Кассий, но Бруту он уступает из-за расположения к нему. Так во всем Цезарь оказывал ему благоволение и почет. Некоторые даже полагали, что Брут приходится Цезарю сыном, так как, когда Брут родился, у Цезаря была связь с Сервилией, сестрой Катона. Вот почему, говорят, и при победе при Фарсале Цезарь приказал своим полководцам все усилия приложить для спасения Брута. Но Брут или потому, что был неблагодарен, или потому, что о проступке своей матери не знал или не верил этому или стыдился, или же потому, что слишком любил свободу и предпочитал отечество отцу, или потому, что, будучи потомком Брута, изгнавшего в древности царей, он был подстрекаем и возбуждаем больше других со стороны народа — ибо на статуях Брута Древнего, на судейском кресле самого Брута появились надписи вроде: «Брут, ты подкуплен? Брут — ты труп?», или «почему не ты живешь теперь», или «ты — не его потомок», — так или иначе, но многим воспламенялся юноша на дело, которое он считал делом, завещанным от предков.

113. Как раз в то время, когда слух о замыслах Цезаря стать царем был еще в силе, назначено было ближайшее заседание сената. Кассий положил свою руку на плечо Брута и спросил: «Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря внесут предложение объявить его царем»? На это Брут ответил, что он совсем не пойдет в сенат. Кассий снова его спросил: «А что мы сделаем, славный Брут, если нас туда позовут в качестве преторов?» — «Я, — ответил Брут, — буду защищать отечество до своей смерти». Тогда Кассий, обняв его, сказал: «Кто из знатных при подобном образе мыслей не присоединится к тебе? Кто, полагаешь ты, исписывает твое судейское кресло тайно надписями: ремесленники, лавочники или же те из благородных римлян, которые от других своих преторов требуют зрелищ, конских бегов и состязаний зверей, а от тебя — свою свободу как дело, завещанное тебе и твоим предком?» Это был первый раз, когда они друг другу открыли то, что обдумывали уже долгое время, и каждый из них стал испытывать как собственных друзей, так и друзей самого Цезаря, тех, кого они признавали наиболее смелыми. Из их друзей к ним присоединились два брата, Цецилий и Буколиан, также Рубрий Рекс, Квинт Лигарий, Марк Спурий, Сервилий Гальба, Секстий Назон и Понтий Аквила из друзей Цезаря они привлекли: Децима Брута, о котором я уже упоминал, Гая Кассия, Требония, Тиллия, Цимбра, Минуция и Басила.

114. Когда Брут и Кассий сочли, что число их достаточно,

и не считали нужным никого больше привлекать, они заключили между собой договор без клятв и жертвоприношений, и, однако, ни один из них не отступил и не оказался предателем. Все искали только подходящего времени и места. Они вынуждены были спешить, так как через четыре дня Цезарь собирался отправиться в поход, и тогда возле него будет немедленно большая военная охрана. Что касается места, то они выбрали сенат для того, чтобы сенаторы, хотя заранее о том и не знали, увидев дело, присоединились, подобно тому, как это, по преданию, было с Ромулом, когда он из царя превратился в тирана. Они полагали, что их дело, как и дело с Ромулом, совершенное к тому же в сенате, будет принято не как злодеяние, но как подвиг за отечество, предпринятый для общего блага, гарантирует их безопасность со стороны войска Цезаря, и честь останется за ними, так как всем будет известно, что они были зачинателями всего дела. Вот почему все согласно выбрали сенат местом для совершения своего дела. В подробностях были расхождения. Одни считали нужным убить и Антония, так как он был консулом вместе с Цезарем, сильнейшим из его друзей и наиболее популярным человеком у войска. Брут однако, возражал, что, убивая Цезаря, они получат славу тираноубийц, так как убивают царя, за убийство же друзей Цезаря их сочтут просто врагами их, как сторонников Помпея.

115. Убежденные этим доводом, они только ждали предстоящего собрания сената. Накануне дня этого заседания Цезарь отправился на пир к начальнику своей конницы Лепиду и взял с собой туда и Децима Брута Альбина. За чашею зашел разговор о том, какая смерть для человека всего лучше. Каждый говорил разное, и только Цезарь сказал, что лучшая смерть — неожиданная. Так он напророчил самому себе и вел беседу о том, чему предстояло случиться на утро. После попойки тело его ночью стало вялым, и жена его Кальпурния, видя во сне, что он сильно истекает кровью, отговаривала его итти в сенат. При жертвоприношении, что он делал часто, приметы оказались неблагоприятными, и он уже собирался было послать Антония отменить заседание. Но Децим, присутствовавший тут же, убедил его не подавать повода для обвинения в высокомерии и просил, чтобы он сам отправился распустить сенат. Цезарь отправился для этой цели на носилках. В этот день происходили зрелища в театре Помпея, и сенат, согласно обычному в дни игр порядку, должен был заседать в одном из портиков Помпея. Приближенные Брута отправились уже с утра в портик при театре и занимались там с большой выдержкой своими преторскими обязанностями. Узнав о неблагоприятных приметах при жертвоприношениях Цезаря и об отсрочке заседания, они были весьма смущены. Когда они были в состоянии смущения, кто-то, взяв Каску за руку, сказал: «Ты от меня, друга,

скрываешь, а Брут мне донес». И Каска, сознавал свою вину, пришел в смущение. Тот же, смеясь, продолжал: «Откуда у тебя будут деньги, необходимые для должности эдила?» Тогда Каска пришел в себя. Бруту и Кассию, задумчиво о чем-то друг с другом договаривающимся, один из сенаторов, Попилий Лена, отозвав их в сторону, сказал, что он желает успеха тому, что они замыслили, и увещевал их торопиться. Они испугались и от испуга молчали.

116. В то время как Цезаря уже несли на носилках в сенат, кто-то из его домашних, узнав о заговоре, прибежал донести то, о чем он узнал. Он пришел к Кальпурнии и сказал ей лишь то, что у него к Цезарю важные дела, и ждал, пока тот вернется из сената, так как он не все до конца знал о заговоре. Другой человек, Артемидор, книдский уроженец, бывший гостем Цезаря, побежав в сенат, нашел его уже убитым. Третий вручил Цезарю, в то время как он совершал жертвоприношение и как раз при входе в сенат, письмо с изложением заговора, письмо, которое было потом найдено в руках убитого. Едва Цезарь сошел с носилок, как Лена, тот самый, который недавно пожелал успеха друзьям Кассия, пресек ему дорогу и завел с ним серьезный разговор о каком-то личном деле. При виде того, что происходило, и при длительности беседы заговорщики испугались и уже готовились даже дать друг другу знак убить самих себя прежде, чем их схватят. Но видя, что в продолжении разговора Лена выглядит скорее просящим и умоляющим о чем-то, чем доносящим, они оправились, а когда увидели, что Лена по окончании разговора попрощался с Цезарем, снова осмелели. Был обычай, что консулы при входе в сенат совершают жертвоприношения, прежде чем войти. И жертвоприношения были опять-таки неблагоприятны для Цезаря: первое животное оказалось без сердца, а, как другие говорят, внутренности его были лишены головки. И прорицатель сказал, что это признак смерти. Цезарь сказал, смеясь, что нечто подобное с ним случилось в Испании во время войны с Помпеем. На это прорицатель ответил, что Цезарь и тогда был в большой опасности и что теперь примета еще более показательна для смерти. Цезарь тогда приказал совершить новое жертвоприношение. Но когда ни одно не давало благоприятной приметы, Цезарь, стесняясь перед сенаторами за свое опоздание и побуждаемый как будто бы друзьями, на самом деле своими недругами, пошел, пренебрегши показаниями жертвоприношений. Ибо то, что с Цезарем случилось, должно было случиться.

117. Перед входом в сенат заговорщики оставили из своей среды Требония, чтоб он разговором задержал Антония, Цезаря же, когда он сел на своем кресле, они, словно друзья, обступили со всех сторон, имея скрытые кинжалы. И из них Тиллий Цимбр, став перед Цезарем, стал просить его о воз-

вращении своего изгнанного брата. Когда Цезарь сперва откладывал решение, а затем совершенно отказал, Цимбр взял Цезаря за пурпуровый плащ, как бы еще прося его, и, подняв это одеяние до шеи его, потянул и вскрикнул: «Что вы медлите, друзья?» Каска, стоявший у головы Цезаря, направил ему первый удар меча в горло, но, поскользнувшись, попал ему в грудь. Цезарь вырвал свой плащ у Цимбра и, вскочив с кресла, схватил Каску за руку и потянул его с большой силой. В это время другой заговорщик поразил его мечом в бок, который был вследствие поворота Цезаря к Кассию доступен удару, Кассий ударил его в лицо, Брут — в бедро, Буколиан — между лопатками. Цезарь с гневом и криком, как дикий зверь, поворачивался в сторону каждого из них. Но после удара Брута, ... или потому что Цезарь уже пришел в совершенное отчаяние, он закрылся со всех сторон плащом и упал, сохранив благопристойный вид, перед статуей Помпея. Заговорщики превзошли всякую меру и в отношении к падшему и нанесли ему до 23 ран. Многие в суматохе ранили мечами друг друга.

118. Когда убийцами злодеяние было совершено в священном месте и над особой священной и неприкосновенной, началось бегство по сенату и по всему городу; в этом смятении некоторые из сенаторов были ранены, другие убиты. Погибли и многие из горожан и иностранцев, не потому, что это стояло в плане заговорщиков, но из-за всеобщей сумятицы в городе и незнания, кто, собственно, нападает. Гладиаторы, которые еще с утра были вооружены для показа зрелища, теперь прибежали из театра к ограде сената, а самый театр опустел, так как зрителей охватил страх и ужас, и все пустились в бегство. Все товары были расхищены. Все закрывали двери и готовились защищаться с крыш. Антоний, полагая, что и над ним было замышлено убийство вместе с Цезарем, забаррикадировался в своем доме. А Лепид, начальник конницы, узнав о случившемся в то время, как он был на форуме, убежал на остров на реке Тибре, где у него стоял легион солдат, и привел их на Марсово поле, чтобы быть более готовым к выполнению приказа Антония. Дело в том, что Лепид стоял ниже Антония, который был и более близким человеком к Цезарю и консулом. Когда Лепид и Антоний стали раздумывать о положении дел, у них было стремление тотчас же отомстить за Цезаря, за то, чему он подвергся, но они боялись, как бы сенат не оказался на стороне убийц, и решили выждать событий. У самого Цезаря войска не было, ибо он телохранителей не любил и довольствовался только общественными прислужниками. Большинство должностных лиц и большая толпа горожан и приезжих, множество рабов и вольноотпущенных провожали его обычно из дома в сенат. Из всех их теперь осталось только трое, так как все остальные разбежались; они положили тело

Цезаря на носилки и понесли, но иначе, чем это обыкновенно бывало: только трое домой понесли того, кто еще так недавно был владыкой всего мира.

119. Убийцы Цезаря предполагали сказать в сенате речь, но никого там не осталось. Тогда, обернув свои плащи, как щиты, на левую руку, они с мечами, еще хранившими следы крови, побежали по Риму с криками, что убили царя и тирана. Один из них навесил на копье войлочную шляпу как знак свободы. Убийцы призывали восстановить отцовский образ правления, напоминали о древнем Бруте и древних римлянах, которые тоже составили заговор против древних царей. С ними бежали вместе некоторые с занятыми у других мечами, из числа тех, которые не принимали никакого участия в заговоре, но предполагали разделить его славу: Лентул Спинфер, Фавоний, Аквин, Долабелла, Мурк и Патиск. Славы с заговорщиками они не разделили, но зато наказание получили вместе с виновниками. Когда народ за заговорщиками не последовал, они были приведены в замешательство и испугались; они надеялись на сенат, хотя он и разбежался вследствие неосведомленности и страха, так как сенаторы были с ними в родстве и дружбе и одинаково с ними были обременены тиранией Цезаря. Заговорщики не доверяли народу и ветеранам Цезаря, находившимся тогда в городе в большом числе: одни — недавно уволенные от службы после войны и распределенные по новым земельным наделам, другие — уже получившие наделы раньше и прибывшие для проводов отъезжающего в поход Цезаря. Заговорщики боялись и Лепида и войска, находящегося под его начальством в городе, а также консула Антония, как бы он, созвав вместо сената только народное собрание, не предпринял бы чего-нибудь для них опасного.

120. Находясь в таком состоянии, заговорщики вместе с гладиаторами побежали на Капитолий. Здесь посовещавшись, они решили раздать народу деньги, в надежде, что когда одни начнут хвалить случившееся, то и другие, увлеченные сознанием свободы и стремлением к древней форме правления, присоединятся к ним. Они полагали, что теперешний народ — подлинно римский, такой еще, каким, они знали, он был при древнем Бруте, уничтожившем царскую власть. Но они не сознавали, что им приходилось рассчитывать на два друг другу противоположных настроения, т. е. чтобы окружающие их любили свободу и, одновременно, за плату служили их интересам. Последнее было более осуществимо, так как нравы гражданские были тогда сильно испорчены. Исконный римский народ перемешался с иностранцами, вольноотпущенник стал равноправным гражданином, и у раба был тот же вид, что и у господина; ибо, если исключить сенаторскую одежду, все прочее облачение было у них и у рабов одинаковое. Кроме того, обычай, имевший место только в Риме, — публичные раз-

дачи хлеба неимущим, — привлекал в Рим бездельников, попрошаек и плутов из всей Италии. Народ, отслуживший военную службу, не отпускался, как в древности, каждый в отдельности на свою родину, так как можно было опасаться, что некоторые из них затеют несправедливые войны; их всех вместе выводили в колонии, наделяя их, вопреки всякой законности, чужими владениями земли и жилищ. Как раз тогда они во множестве проживали в святилищах и на храмовых участках под одним знаменем и при одном начальнике колонии, будучи после продажи своего имущества готовыми к отправке и согласными продаться всякому, кто их наймет.

121. Вот почему из стольких по количеству и таких по качеству людей сторонникам Кассия было нетрудно набрать множество людей и повести их тотчас на форум. Они хотя и были наняты, однако не осмелились одобрять происшедшее, питая страх перед славой Цезаря и тем, что может постигнуть их в будущем со стороны других граждан; они с криком требовали мира как всеобщего блага, настойчиво требовали его от должностных лиц, полагая, что это средство послужит ко спасению убийц Цезаря, ибо не могло быть мира без амнистии их. Перед находящимися в таком состоянии людьми первым появился претор Цинна. Он приходился родственником Цезарю по жене, но, явившись неожиданно к толпе, сорвал с себя одежду претора, как бы из презрения к сану, данному ему тираном, назвал Цезаря тираном, а его убийц тираноубийцами, все содеянное ими восхвалял как подобное тому, что содеяно было их предками, и предложил этих людей как благодетелей пригласить из Капитолия и вознаградить их. Так говорил Цинна. Сторонники заговорщиков, видя, что неподкупленная часть толпы не присоединяется к ним, не вызвали их из Капитолия и снова кричали только о мире. 122. Затем Долабелла, молодой человек из знатной фамилии, выбранный самим Цезарем быть консулом на конец года, когда сам Цезарь собирался в поход, и уже носивший одежды консула и имевший знаки консульской власти, стал поносить давшего ему все это. Долабелла прикидывался, будто он был в полном единомыслии с замыслившими убийство Цезаря и только невольно не принимал физического участия в заговоре (некоторые утверждают, что Долабелла предложил праздновать этот день, как день рождения города). Нанятая толпа, видя, что на их стороне и претор и консул, расхрабрилась и послала в Капитолий за сторонниками Кассия. Они были рады Долабелле и думали, что этот человек, молодой и знатный, в сане консула, будет на их стороне противостоять Антонию. Из Капитолия пришли только Кассий и Брут, еще с окровавленными руками, ибо они нанесли Цезарю удар одновременно. Когда они прибыли к толпе, не было произнесено ни одного низкого или недостойного слова, но как бы после всеми признанного прекрасного поступка все хвалили

друг друга и поздравляли государство и говорили больше всего о том, что Децим предоставил им в нужный срок гладиаторов. Кассий и Брут обратились к народу с речью, призывая их поступать подобно своим предкам, изгнавшим царей, не управлявших путем насилия, как Цезарь, но выбранных по закону. Они также предложили вызвать Секста Помпея, сына Помпея Великого, воевавшего за демократию, которой в Испании сам еще продолжал отбиваться от полководцев Цезаря. Они предложили, сверх того, восстановить в должности смещенных Цезарем трибунов Цесетия и Марула, находившихся в изгнании.

123. Так говорили сторонники Кассия и после того снова ушли на Капитолий. Они не чувствовали еще себя надежно при создавшемся положении вещей. Но теперь по крайней мере их близкие и родственники могли притти к ним в Капитолий; из них они выбрали некоторых лиц послами к Лепиду и Антонию для переговоров о том, чтобы притти к соглашению и принять меры к сохранению свободы в государстве и избежать всех тех бедствий, какие произойдут в отечестве, если они не придут друг с другом к соглашению. Посланные просили обо всем этом, не одобряя происшедшего — в присутствии друзей Цезаря они на это не осмеливались, — но говорили, что нужно с снисходительностью перенести происшедшее, так как все сделано было не из ненависти, а из любви к отечеству, и отнестись с жалостью к городу Риму, уже опустошенному непрерывной гражданской войной, иначе новая гражданская война погубит оставшихся добрых граждан. Будет преступно, указывали послы, продолжать вражду к отдельным лицам при таком опасном положении государства; гораздо лучше вместе с государственными неурядицами уладить и личные, или, если это невозможно, отложить в настоящий момент личные конфликты. 124. Антоний и Лепид хотели отомстить за Цезаря, как я уже сказал, или из-за дружбы с ним или из-за связывавшей их присяги, или из-за стремления к власти, считая, что им все будет доступно, если они устранят сразу стольких важных людей. Однако они сомневались насчет их друзей и близких и той части сената, которая тяготела к их противникам, и больше всего — насчет Децима Брута, который был назначен Цезарем правителем Трансальпинской Галлии и имел в своем распоряжении большое войско. Поэтому они решили выжидать будущего и изыскать способы, нельзя ли будет привлечь на свою сторону войско Децима, уставшее от беспрерывных трудов. Таковы были их намерения. На словах Антоний дал послам такой ответ: «Мы ничего не предпримем из-за личной ненависти; но из-за греха и нашего клятвенного обещания Цезарю, что мы будем его телохранителями и мстителями, если он что-либо претерпит, будет благочестивым изгнать скверну и лучше жить вместе с немногими

чистыми, чем всем быть под проклятием клятвопреступления. В силу такого нашего мнения мы еще обсудим с вами все это в сенате и будем считать благом для Рима те решения, которые будут приняты сообща». 125. Так ответил им определенно Антоний. Послы выразили ему благодарность и ушли в твердой надежде, что все уладится: они были убеждены, что сенат им будет во всем содействовать. Антоний же приказал всем должностным лицам в течение ночи охранять город, расположившись по центру на известных расстояниях, как днем. Всю ночь по городу горели костры. Сквозь них перебегали в течение этой ночи близкие родные заговорщиков в дома сенаторов, прося за них и за возвращение прежней формы правления. С другой стороны, бежали также и вожди колонистов и высказывали угрозы, если им не сохранят данных им наделов или если они не получат обещанных. Между тем наиболее здоровая часть населения, убедившись в малочисленности заговорщиков, почувствовала себя смелее, вспомнила о Цезаре, хотя в мнениях и были расхождения. В эту же ночь были снесены в дом Антония сокровища Цезаря и записки о его правлении; сделано это было или потому, что жена Цезаря хотела перенести все это из своего тогда ненадежного дома в более надежный дом Антония, или по приказанию самого Антония.

126. Между тем ночью было прочитано распоряжение Антония о созыве сената еще до наступления дня в храм Земли, очень близко находящийся от дома Антония: он не осмелился созвать сенат в обычное место его заседаний, так как оно лежало у подножия Капитолия, где находились гладиаторы, стоявшие на стороне заговорщиков, и вместе с тем Антоний не хотел внести и смятение в город, введя в него войска. Лепид, однако, свои войска ввел. Когда приблизилось утро, то среди других сбежавшихся сенаторов прибежал в храм Земли и претор Цинна, снова одетый в одежды претора, которые он вчера, как данные ему тиранном, с себя сбросил. Когда его увидели некоторые из неподкупных сторонников и ветеранов Цезаря, они в гневе на то, что он первый поносил Цезаря открыто, хотя и был его родственником, начали в него бросать камни и гнаться за ним. Когда Цинна убежал в какой-то дом, они принесли дрова и собрались сжечь дом, что и сделали бы, если бы Лепид, придя с войском, им не помешал. Это было первое свободное проявление расположения к Цезарю, и это встревожило как тех, кто действовал по найму, так и самих убийц.

127. В сенате людей, которые были свободны от стремления к насилию и негодовали на случившееся, было немного; большинство самыми разнообразными способами помогали убийцам Цезаря. И прежде всего сенаторы стали требовать, чтобы убийцы Цезаря как люди благонадежные прибыли в сенат и приняли участие в заседании, превращая их таким образом из подсудимых в судей. Против этого Антоний не возражал,

зная, что они все равно не придут. И они, действительно, не пришли. Затем, чтоб испытать мнение сената, одни весьма решительно и открыто одобряли совершенное, называли убийц Цезаря тираноубийцами и предлагали их вознаградить. Другие ораторы награды отвергали, так как убийцы Цезаря в них не нуждаются и не для наград они все это сделали, но считали правильным, чтоб им дали прозвание «благодетелей». Третьи говорили, что и этого не нужно, и считали правильным только, чтоб жизнь их была пощажена. Одни пускались на такие хитрости: выжидали, какое из предложений окажется более всего приемлемым для сената, чтобы он в дальнейшем мало-по-малу стал более уступчивым. Более же нравственные сенаторы отвергали этот поступок как тяжкое преступление, хотя из уважения к знатности фамилий, к которым принадлежат убийцы, не возражали против того, чтоб их пощадили, но с негодованием отвергли предложение титуловать их благодетелями. На это им возражали другие, что если уже спасти их, то не нужно после этого скупиться и на добавочные почести, служащие гарантией. Кто-то указал, что подобное чествование убийц явится бесчестием для Цезаря; на это ему возразили, что не следует предпочитать мертвого живым. Один, наконец, решительно сказал, что нужно выбрать одно из двух: или провозгласить Цезаря тиранном или ограничиться только пощадой убийц. Ухватившись за это предложение, другие потребовали приступить к голосованию относительно Цезаря, обещая клятвенно, что если голосующие будут судить честно, то никто не будет взирать на прежние о Цезаре голосования сената, когда он был уже у власти, ибо это были голосования вынужденные, а не добровольные, из страха за свою собственную жизнь, после того как были убиты Помпей и за Помпеем столь многие другие.

128. Антоний, внимательно следя за прениями и видя, что внесенные предложения становятся конкретными и определенными, решил уничтожить выявившиеся намерения и внушить выступавшим страх за самих себя. Зная, что большое число сенаторов получило от Цезаря назначения на будущее время, так как, отправляясь в длительный поход, Цезарь выбрал должностных лиц на пять лет как на административные должности в городе, так и на сан жреческий или на управление в провинции или в войске. Водворив, как консул, молчание, Антоний сказал: «Требующим голосования относительно Цезаря надо знать предварительно то, что все в государстве совершившееся и всякая данная власть сохраняют силу, если мы признаем, что Цезарь был законным и нами избранным правителем; если же мы признаем, что он был тиранном, правящим силой, то и тело его должно быть без погребения оставлено и выброшено за пределы отечества, а все же им сделанное аннулировано, а это, чтоб указать границу, как я полагаю, простирается на весь мир. Большая часть из сделанного Цезарем останется независимо от

нашей воли, но об этом я скажу немного спустя. Сперва же я предложу то, что зависит от нас и касается нас самих, чтоб на более простом случае получить представление о более сложных обстоятельствах. Почти все мы или в свое время выполняли должности под начальством Цезаря или сейчас еще выполняем должности по его назначению, а некоторые утверждены им в своих должностях на будущее время. Вы ведь знаете, что между нами распределены на пятилетний срок и городские и ежегодные провинциальные и военные должности. Готовы ли вы от всего этого добровольно отказаться — это от вас зависит, — вот что прежде всего я считаю нужным вам обсудить. Об остальном речь будет дальше». 129. С этими словами Антоний умолк. Он воспламенил их в отношении не Цезаря, а их самих. Они все вскочили со своих мест и кричали, что не требуют производить новые выборы в народном собрании, но предпочитают, чтобы каждый остался в той должности, которую он получил. Среди кричавших особенно горячились те, кто были помоложе, кто получили назначение вопреки принятому обычаю. Во главе этих лиц был сам консул Долабелла: по закону ему не оказалось бы никакой возможности получить консульство, так как ему было только 25 лет. Вчера еще он спешил утверждать, что он принимал участие в заговоре, теперь резко переменился: накидывался с бранью на многих, спрашивая, не хотят ли они, желая оказать почести убийцам, обесчестить свое начальство, лишь бы придать лучший предлог для спасения убийц. Сторонники Антония обнадежили Долабеллу и других тем, что, получив одобрение от народа, они объявят их кандидатами немедленно и что не будет никакой смены властей, а только более законное их утверждение, чем их единоличное назначение Цезарем, что им доставит честь видеть себя предпочтенными для занятия одной и той же должности и монархической и народной властью. Пока они так говорили, некоторые из преторов сбросили с себя должностное одеяние, чтобы обмануть возражавших, как будто бы и они вместе с другими хотели это одеяние получить более законным путем. Этот замысел их, однако, был ясен остальным, которые вовсе не надеялись при новом голосовании сохранить свою власть. 130. Покуда шел спор, Антоний и Лепид вышли из сената. И некоторые граждане, сбежавшиеся уже давно, их вызывали. Когда граждане увидели, что Антоний и Лепид поднялись на возвышенное место, крик сменился наконец молчанием, и один из толпы, или по собственному разумению или заранее к этому подготовленный, крикнул: «Берегитесь, чтобы и вас не постигла участь Цезаря». На что Антоний, распахнув свою тунику, показал под ней панцырь, как бы возбуждая зрителей тем, что безоружным невозможно ожидать спасения, даже если они и консулы. В то время как одни кричали, что совершенное преступление должно быть

отомщено, большинство настаивало на мире. Последним Антоний сказал: «Мы о том совещаемся, как бы водворить мир и мир длительный. Но очень трудно наладить прочный мир, поскольку и Цезарю не помогли данные ему клятвы и вызываемые их нарушением проклятия». Обратившись вновь к тем, которые призывали к мести, он их одобрил, как ставящих выше всего соблюдение клятв и благочестие, и при этом сказал: «Я сам присоединился бы к вам и первый кричал бы то же, что и вы, не будь я консулом, которому должно больше заботиться о том, что считается общим благом, чем о справедливости. Это нам рекомендуют и те, которые находятся внутри этого здания. Так, вероятно, поступил бы и сам Цезарь, который, захватив в плен граждан, оставил их для блага города в живых и погиб от них же». 131. Так ловко отвечал Антоний поочереди каждой стороне. Те же, которые хотели мщения за все происшедшее, требовали, чтобы за это дело взялся Лепид. Когда он хотел что-то сказать, стоявшие впереди потребовали, чтобы он отправился на форум, где его могли слышать все сразу. Лепид тотчас пошел, полагая, что народ уже склонился на его сторону. Когда он взошел на трибуну, он принялся стонать и плакать на виду у всего народа довольно долго, наконец, сдержавшись, сказал: «Здесь недавно мы стояли с Цезарем, здесь, где теперь я вынужден узнавать, каковы ваши пожелания в связи с его убийством». Когда многие закричали: «Мстить за Цезаря», то подкупленные заговорщиками кричали, напротив: «Мир городу». На последнее требование Лепид сказал: «Этого и мы хотим. Но о каком мире может итти речь и какими клятвами можно его упрочить? Ведь мы присягали Цезарю по всем отеческим обычаям, и, однако, эту присягу растоптали мы же, считающиеся лучшими гражданами из всех, кто клялся». К тем же, которые требовали мести, Лепид, повернувшись, сказал: «Цезарь от нас ушел; это был, действительно, священный, уважаемый муж, но мы боимся, как бы город не лишился остальных», и прибавил: «Этот вопрос сейчас обсуждают сенаторы, и большинство держится этого мнения». Когда опять раздался крик: «Мсти хотя бы ты один», Лепид сказал: «Я и хочу, и это для меня значит соблюдать клятву, даже если я один буду действовать, но ни мне, ни вам одним этот вопрос не следует решать, как не следует и нам одним сопротивляться». 132. Лепид так обольстил своими словами, что и нанятые заговорщиками, зная его честолюбие, одобряли его речь и предложили его назначить верховным жрецом на место Цезаря. «Вспомните меня для этого впоследствии, если я вам кажусь достойным», сказал им на это Лепид, которого объяла радость. Когда подкупленные, опираясь на его верховное жречество, более смело стали настаивать на соблюдении мира, он сказал: «Правда, это неблагочестиво и незаконно, однако я поступлю так, как вы хотите». Сказав это, Лепид от-

правился спешно в сенат, в котором все это время Долабелла вел себя недостойно, настаивая на сохранении своей власти. Антоний, ожидавший одновременно известий о том, что произошло в народном собрании, слушал его с улыбкой — они были противниками. Но когда он вдоволь ко всему пригляделся, а в народном собрании настроение оказалось умеренным, он понял, что необходимо оставить убийц Цезаря без наказания, однако эту необходимость он скрыл и представился, что это он делает с тяжелым сердцем, зато все сделанное Цезарем, говорил Антоний, нужно сохранить и все принятые им решения выполнить до конца. Потребовав вновь спокойствия, Антоний сказал: 133. «Сенаторы, вы обсуждали вопрос о преступно действовавших гражданах, а я вам не прекословил. Однако, когда вы потребовали решения не относительно заговорщиков, но относительно Цезаря, я из всех распоряжений Цезаря пока выдвинул только одно, и оно, совершенно естественно, возбудило столько споров. Ибо если бы мы все отказались от своих должностей, мы, столь многие и столь выдающиеся, мы бы этим признали, что получили эти должности незаслуженно. Но посмотрите сами и сосчитайте по городам, провинциям, царствам и династам все остальное, что от нашей воли даже не зависит. Все то, можно смело сказать, что Цезарь нам покорил, от востока до запада, силой и мощью, все это он организовал, скрепив законами, лаской и милостью. Как вы думаете, кто из них удовлетворится, если у них отнимут то, что они получили? Или вы хотите весь мир наполнить войнами, вы, которые городу из-за его слабости готовы даже сохранить преступников? Все дальнейшее, чему не угрожают пока еще непосредственно ужасы и страхи, я оставлю в стороне. Буду касаться тех опасностей, которые не только близки, но как бы живут вместе с нами в самой Италии: я имею в виду тех солдат, которые получили награду за победу и во всей своей массе, вместе с оружием, в том же порядке, в котором они участвовали в походах, все вместе поселены в колониях Цезарем. Многими тысячами бродят они в настоящее время по городу. Что, полагаете вы, они предпримут, если вы их лишите тех городов и мест, которые они уже получили или еще ожидают получить? Прошедшая ночь вам дала об этом ясное представление: когда вы просили за преступников, эти солдаты выступали с угрозой. 134. А когда тело Цезаря будут волочить и позорить и, наконец, бросят без погребения, как, вы думаете, отнесутся к этому ветераны Цезаря, равнодушно? Ведь именно так должно быть, согласно законам, поступлено с тиранном. Будут ли воины, которые получили наделы в Галлии и Британии, считать, что они прочно будут владеть своей землей, когда тот, кто им дал землю, подвергается такому поруганию? А что предпримет при этом сам народ? А как поведут себя италийцы? И какую ненависть вы вызовете к себе со

стороны богов и людей, когда обесчестите того, кто распространил ваше владычество вплоть до океана, в доселе никому неведомые страны? И не станут ли еще большими вина и преступление, если мы поступим так неправильно, если тех, которые убили консула в сенате, священное лицо и в священном месте, во время заседания сената, как бы в присутствии самих богов, если таких людей мы сочтем достойными почитания и обесчестим того, кто за свою доблесть почитается даже самими врагами? От всего этого, как преступного и к тому же находящегося в нашей власти, я предлагаю совершенно отказаться и вношу предложение, что все Цезарем сделанное и решенное остается в силе; что касается его убийц, то одобрению их действия не подлежат никоим образом, ибо они являются нарушением и религии и закона, а также находятся в противоречии с признанием незыблемости всех деяний Цезаря; однако можно сохранить им жизнь, если хотите, из жалости, ради их родных и друзей, если, впрочем, последние от их имени заявят, что принимают это как милость».

135. Едва Антоний, говоривший с большим подъемом и порывом, кончил свою речь, было принято постановление, всех успокоившее и приведшее в удовлетворение; оно гласило, что возмездию убийство Цезаря не подлежит, но что все решения и постановления Цезаря остаются в силе, «так как это полезно для государства». Последнее добавление для большей гарантии выдвинули сторонники спасаемых, желая этим пояснить, что постановления Цезаря сохраняются не в силу справедливости, а по необходимости. Антоний им в этом уступил. Когда это постановление было проголосовано, вожди военнопоселенцев после этого общего постановления просили вынести другое решение, специально о них, гарантирующее им владение наделами в колониях. Антоний согласился и с этим, указывая сенату на эти опасения, испытываемые поселенцами. И это было сделано. Такое же голосование было проведено вторично по отношению к назначенным к отправке в колонии.

По окончании заседания сената некоторые лица окружили Луция Пизона, которому Цезарь передал свое завещание, убеждали его не оглашать этого завещания и не хоронить Цезаря публично, дабы из-за этого не возникли еще какие-нибудь волнения. Когда же Пизон с ними не согласился, они стали угрожать ему, что они привлекут его к судебной ответственности, так как он таким образом лишает народ достояния, которое принадлежит всему государству, намекая опять на тираннию. 136. Тогда Пизон, закричав как можно громче и прося, чтобы консулы вновь собрали еще не разошедшихся сенаторов, сказал: «Эти люди, утверждающие, что они убили тиранна, вместо одного все вместе проявляют себя тираннами; они не дают мне хоронить верховного жреца, угрожают мне, если я оглашу его завещание, и хотят конфисковать его частное

имущество как принадлежащее тиранну. Все другие распоряжения, касающиеся их, они признают законными, а распоряжение, которое он оставил относительно самого себя, они признают незаконным. И кто это они? Не Брут, не Кассий, а те, которые их толкнули к гибели. Что касается погребения Цезаря, то здесь хозяева вы; что же касается завещания Цезаря, то тут хозяин я. И никогда я не предам того, что мне доверено, прежде чем меня самого не убьют». При этих словах шум и негодование поднялись со всех сторон, особенно со стороны тех, кто надеялся, что и им что-нибудь перепадет по завещанию. Постановили завещание Цезаря огласить публично и хоронить его всенародно. С этим решением сенат разошелся.

137. Брут и Кассий, узнав о всем происшедшем в сенате, послали своих людей созвать народ к себе на Капитолий. Когда народ во множестве быстро сбежался, Брут сказал: «Мы здесь обращаемся к вам с просьбой, граждане, мы, которые обращались к вам недавно на форуме. Но мы здесь находимся не как беглецы, нашедшие приют в храме, — мы преступлений не совершали, — и не потому, что это место трудно доступно — мы полагаемся в своей защите всецело на вас. Мы обращаемся к вам потому, что к этому нас побудило резкое и безумное отношение, которое испытал на себе Цинна. Мы знаем, что враги наши обвиняют нас в клятвопреступлении, что невозможно-де из-за этого сохранять прочный мир. Но то, что мы имеем на это возразить, мы скажем на вашем, граждане, собрании, с которым мы и все прочее будем делать совместно, восстановив демократическую форму правления. Когда Гай Цезарь из Галлии отправился как вооруженный враг на свою родину, и Помпей, самый демократический гражданин среди нас, претерпел то, что вам известно, а вслед за ним такое множество достойных граждан погибло, будучи послано в Африку и Испанию, мы ему дали амнистию, когда он о ней просил, так как он, по вполне понятным причинам, боялся за себя, а тираннию прочно держал в своих руках. Мы и клятвенно подтвердили амнистию; но если бы он нас заставил поклясться, чтобы мы не только, сдержав себя, перенесли то, что относится к прошлому, но и в том, что мы охотно будем служить ему рабами в будущем, как поступили бы тогда те, кто сейчас против нас выступает? Думаю, что римляне предпочтут многократно умереть, чем стать присяжными рабами. 138. И если бы Цезарь после ничего не предпринимал, чтобы нас обратить в рабство, мы дали бы и ложную клятву. Но Цезарь не предоставлял нам власти ни в Риме, ни в провинциях, ни в войске, ни в культе, ни в распределении колоний, ни в чем-либо другом; и ни о чем сенат предварительно не высказывался, и народ не утверждал его решений; все был сам Цезарь в одном лице по своему же приказу; и он нисколько своим гнусным поведением

не пресыщался, как это было с Суллой, который, покончив со своими врагами, вернул нам нашу прежнюю форму правления. А этот, отправляясь в долгий новый поход, лишил нас возможности избрать должностных лиц на пятилетие. Какая же это свобода, в которой даже нет надежды на будущее? Что для него значили народные трибуны Цесетий и Марул? Не подверг ли он их нагло изгнанию — их, занимавших пост священный и неприкосновенный? Законы предков и клятвы не разрешают привлекать трибунов к суду, покуда не окончились их полномочия. Но Цезарь их изгнал даже без привлечения к суду. Поэтому с чьей стороны совершено преступление в нарушении неприкосновенности? Священна и неприкосновенна особа Цезаря, которому мы эти прерогативы дали не добровольно, но по принуждению, после того как он явился в отечество с войском, после того как он столько и столь доблестных граждан убил, а власть народных трибунов, которой наши предки в свободной республике без всякого принуждения присягнули и объявили ее под заклятием навсегда, эта должность разве не священна и не неприкосновенна? Куда девались все подати, поступавшие от наших подданных, и где отчеты за них? Кто, вопреки вашей воле, открыл государственные сокровища и пустил в расход фонд неприкосновенный и священный, а когда народный трибун этому воспротивился, то угрожал ему смертью?

139. Но, — продолжал Брут, — какая же клятва может быть еще дана для обеспечения мира? Если никто не присвоит себе власть тиранна, клятв не потребуется. Наши отцы в ней не нуждались никогда. Если же кто-либо другой будет стремиться к тираннии, — римлянин не может быть верным по отношению к тиранну, не может ему и присягать. Это мы заявляем, находясь еще в опасности, и об этом мы в интересах отечества будем заявлять и впредь: ведь когда мы находились у Цезаря в почете и безопасности, мы тоже предпочитали отечество собственному почету.

На нас, стремясь вас возбудить против нас, возводится еще клевета по поводу колоний. Если кто-нибудь из тех, кто уже поселен в колониях, или из тех, кому предстоит еще поселиться, присутствует здесь, сделайте одолжение, откликнитесь».

140. Когда откликнулись многие, он продолжал: «Правильно вы поступили, что собрались сюда вместе с другими. Если вас справедливо чтит и ценит ваше отечество, то вы должны ответить ему таким же уважением, когда оно вас выселяет в колонии. Вас выделил народ Цезарю на войну против галлов и британцев, и вы должны были стяжать почести и награды, раз вы совершали подвиги. А он, заручившись наперед вашей присягой, повел вас против Рима, хотя вы этого совсем и не желали, повел вас, хотя бы опять-таки и этого вы не хотели, про-

тив лучших граждан в Африку. Если бы только в этом заключались ваши подвиги, вы, пожалуй, не решились бы требовать за них награду; но так как никакая зависть, никакое время, никакое человеческое забвенье не уничтожит ваших подвигов против галлов и британцев, вам подобает награда именно за них. Так поступал народ и с теми, кто встарину отправлялся на войну, но он никогда не отнимал у своих или у ни в чем не повинных землю и не отдавал одним то, что принадлежало другим, не считал возможным отплачивать несправедливостью. Когда он побеждал врагов, он и у них не отбирал всю землю, а делил ее и на одной части этой земли устраивал своих солдат, чтобы они были стражами в земле бывших врагов. И если иногда нехватало завоеванной оружием земли, он раздавал и государственную землю или покупал другую. Так вас организовал в поселения народ без обиды для всех. Сулла же и Цезарь, которые напали на отечество с оружием в руках, как на враждебную страну, нуждались в крепостях и охране в самом отечестве и не отпускали вас на родину, не покупали вам земли или распределяли между вами конфискованную и не платили за отнятую землю в утешение тем, у кого они ее взяли, несмотря на то, что у них много было денег из казны и много от конфискаций. Они у Италии, ни в чем не повинной, ни в чем не согрешившей, как враги и разбойники отбирали землю, дома, кладбища и святилища, которые мы не отбираем даже у иноплеменных врагов, налагая лишь контрибуцию на них в размере 10% урожая. 141. Сулла же и Цезарь раздали вам имущество ваших соплеменников, тех, которые послали вас с Цезарем против галлов, провожали на войну и давали обеты за ваши будущие победы. Они поселяли вас в колониях большими массами, со знаменами, в военном снаряжении, так что вы не знаете мирного покоя от тех, кто был прогнан. Обездоленный и лишенный своего имущества, прежний владелец должен был строить вам по многим причинам ловушки и выжидать для этого лишь удобного момента. Но этого-то как раз и хотели тиранны: не того, чтобы вы получили землю, которую они могли и в другом месте добыть и вам предоставить, а чтобы вы имели пред собою строящих козни врагов и всегда были бы надежными стражами той власти, которая в данном случае вместе с вами поступает несправедливо. Ведь симпатия к тираннам появляется у охранителей их в результате совместных нарушений права в силу общего страха. И, о боги, они называли «выведением колонии» то, что вызывало слезы единоплеменников и изгнание ни в чем не повинных. Они сделали вас нарочно врагами вашего народа ради собственного их благополучия, мы же, о которых нынешние правители отечества говорят, что они щадят нас из жалости, мы гарантируем вам землю, которой вы владеете, и будем ее гарантировать и в будущем, в чем и призываем бога в свидетели. Вам принад-

лежит и будет принадлежать то, что вы получили, и никто у вас этого не отнимет, ни Брут, ни все те, кто подвергались опасностям за вашу свободу. И то единственное, что в этом деле заслуживает упрека, мы исправим — это помирит вас в то же время и с вашим народом, и это теперь больше всего радует тех, кто об этом узнал: мы выплатим цену за вашу землю тем, кто ее лишился, из государственных средств, немедленно при первой возможности, чтобы вы не только в безопасности владели своей землей, но не возбуждали ни в ком зависти».

142. Когда Брут это говорил, слушавшие его, примиренные друг с другом, называли это вполне справедливым и изумлялись неустрашимости этих людей и любви их к народу. Проникшись расположением к ним, они решили на следующий день быть с ними заодно. Рано утром консулы созвали народ на собрание, и им было прочитано состоявшееся постановление, и Цицерон посвятил длинную хвалебную речь амнистии. Обрадованные, они вызывали из храмов сторонников Кассия. Те, однако, предложили им выслать в гарантию заложников. К ним послали детей Антония и Лепида. Когда увидели сторонников Брута, поднялся шум и крик, и когда консулы пожелали выступить с речью, это не было допущено и было предложено сначала их приветствовать и с ними помириться. Это и произошло. Консулов смущали страх или зависть, как бы эти люди и во всем остальном не оказались победителями в государстве.. 143. Было видно, как принесли завещание Цезаря, и народ сразу же потребовал, чтобы его огласили. По этому завещанию приемным сыном Цезаря был Октавий, внук его сестры, народу предоставлялись для прогулок сады Цезаря и каждому римлянину без исключения, находящемуся еще в городе, было назначено 75 аттических драхм. Народ снова пришел в ярость, так как до этого раздавались обвинения против Цезаря как тиранна, завещание же, оказалось, написано человеком, любившим город. Особенно казалось всем грустным, что из убийц Децим Брут был записан в числе наследников второй очереди. Дело в том, что у римлян существует такой обычай: наряду с прямыми наследниками указывать еще и других, на тот случай, если бы первые не получили наследства. Это очень возмущало их; они считали низостью и кощунством, что Децим злоумышлял против Цезаря, хотя он был указан в завещании как приемный его сын.

Когда Пизон принес тело Цезаря на площадь, сбежалась масса вооруженного народа для охраны его; с шумом и большой торжественностью тело Цезаря выставили на ростры; тут поднялся опять большой плач и рыдания, вооруженные ударяли в оружие и постепенно раскаялись в том, что приняли амнистию. Антоний, видя их настроение, не успокаивал их, но, будучи избран для произнесения надгробной речи как коллега по консульству, друг и родственник Цезаря — он приходился

ему родней со стороны матери, — он пустился опять на хитрость и сказал следующее: 144. «Недостойно, граждане, похвальную надгробную речь над телом такого человека говорить мне одному: ее должно было бы произнести все отечество. Что мы все в равной мере, и сенат и вместе с ним и народ, восхищаясь доблестью его, открыто высказывали еще при его жизни, я скажу в предстоящей речи не как своей, т. е. как речь Антония, а полагая, что она будет вашим голосом» Антоний читал свою речь с торжественным, грустным лицом и, голосом выражая эти настроения, он останавливался на том, как чествовали Цезаря в народном постановлении, называя его священным и неприкосновенным, отцом отечества, благодетелем и заступником, как никого другого не называли. При каждом этом названии Антоний взором и рукой обращался к телу Цезаря, как бы в подтверждение истины своего слова, указывая на действительность. При каждой из этих характеристик он слегка вскрикивал, смешивая плач с негодованием. Там, где народное постановление называло Цезаря отцом отечества, он прибавил: «это свидетельство справедливости». При словах о том, что Цезарь священен и неприкосновенен, Антоний добавил, что всякий прибегавший к нему находился в безопасности. «Не другой, — сказал он, — кто прибегал к нему, а он сам, неприкосновенный и священный, убит нами; не силой взял он, как тиран, эти почести, которых не просил. Мы — презренные рабы, если мы даруем их недостойным, когда они этого и не просят. Однако вы нас защищаете от упрека, что мы рабы, верные граждане, тем, что вы и теперь такой же почестью наделяете умершего». 145. И тогда Антоний прочитал клятву, что все всеми силами будут охранять Цезаря и тело его, и что уклоняющиеся от защиты его, если бы кто на него покусился, будут вне закона. Повысив голос и подняв руку по направлению к Капитолию, Антоний сказал: «я готов, Юпитер Отеческий и боги, мстить, как я клятвенно обещал. Так как сенаторы полагают, что состоявшееся решение будет полезным, я молю богов, чтоб оно действительно оказалось таковым». Тогда поднялся большой шум в сенате особенно потому, что это было направлено явно против него. Антоний, успокаивая сенат и как бы беря свои слова обратно, сказал: «Похоже на то, что случившееся не является делом рук человека, а какого-то демона. Следует заботиться больше о настоящем, чем о прошлом. Будущее сулит нам бо́льшие опасности, чем, пожалуй, даже настоящее; мы вернемся к старым восстаниям; все благородное, что есть в городе, будет уничтожено. Отдадим последние проводы этому святому в мир блаженный и запоем в память его установленное печальное песнопение».

146. Сказав это, Антоний поднял одежду, как одержимый, и, подпоясавшись, чтобы освободить руки, стоял у катафалка, как на сцене, припадая к нему и снова поднимаясь, воспевал

его сначала как небесного бога и в знак веры в рождение бога поднял руки, перечисляя при этом скороговоркой войны Цезаря, его сражения и победы, напоминая, сколько он присоединил к отечеству народов и сколько он прислал добычи, высказывал восхищение всем этим и непрерывно выкрикивал: «Он был один непобедим из всех, кто с ним сражался. Ты, единственный за триста лет, защищал поруганное отечество; когда единственный раз дикие народы напали на Рим и сожгли его, ты их поставил на колени». Еще много другого он сказал в своем священнословии и, перестроив свой голос с торжественного на грустный лад, оплакивал Цезаря как друга, потерпевшего несправедливости, поклялся, что желает отдать свою жизнь за жизнь Цезаря. Затем, легко перейдя в тон, выражающий скорбь, Антоний обнажил труп Цезаря и на кончике копья размахивал его одеждой, растерзанной ударами и обагренной его кровью. Тут народ вторил Антонию большим плачем, как хор, а излив скорбь, преисполнился опять гневом. Когда после этих слов, по обычаю отцов, хоры стали петь другие заплачки, посвященные ему, и перечислять снова деяния и страдания Цезаря, во время этого плача сам Цезарь, казалось, заговорил, упоминая поименно, сколько врагов своих он облагодетельствовал и, как бы удивившись, говорил о самих убийцах: «Зачем я спас своих будущих убийц?» Тогда народ больше не выдержал: он не мог понять, что все его убийцы, кроме одного Децима, будучи пленными после мятежа Помпея, вместо того чтобы понести наказания, были выдвинуты Цезарем на высокие должности и места начальников провинций и войск и, тем не менее, злоумышляли против него, а Децим был удостоен даже стать нареченным сыном его. 147. В таком состоянии, когда дело было близко к рукопашной, кто-то поднял над ложем сделанную из воска статую Цезаря: тела его, так как оно лежало на ложе, не было видно. При помощи механизма статуя поворачивалась во все стороны, и видны были 23 зверски нанесенные ему раны по всему телу и лицу. Этого зрелища народ не стерпел, так как это его удручало. Он вскричал и окружил сенат, где был убит Цезарь, и поджег его, а убийц, которые заранее бежали, искали, бегая повсюду. Народ был в таком исступлении от гнева и печали, что он бывшего трибуна Цинну, носившего одно имя с их претором Цинной, агитировавшим против Цезаря, не будучи в состоянии выслушать разъяснения об этом имени, зверски растерзал на части, причем не было найдено ни одной части его трупа, чтобы предать его погребению. Они хотели поджечь дома и других римлян, и лишь с трудом удалось их удержать от этого поджога, причем домовладельцы защищались, а соседи их упрашивали воздержаться от поджога. Тем не менее толпа угрожала, что на следующий день она придет с оружием в руках.

148. Убийцы тайком бежали из города. Народ, вернувшись

опять к ложу Цезаря, понес его на Капитолий, как святыню, для погребения в храме и для водворения его среди богов. Когда жрецы этому воспротивились, они поставили ложе опять на форуме, где издревле находится у римлян дворец царей, сложили в одно место деревянные предметы, скамейки, которых было множество на площади, и тому подобные предметы и, наложив на эту кучу роскошнейшее убранство — некоторые прибавляли от себя венки и многие дары, — зажгли костер и всю ночь пробыли все вместе около него; там был воздвигнут первый алтарь, теперь же там стоит храм обожествленного Цезаря. Приемный сын его, Октавий, переменившей свое имя на имя Цезаря и шедший по пятам своего нареченного отца при управлении государством, укрепил еще больше созданную Цезарем государственную власть, еще теперь полную сил. Он удостоил отца божественных почестей, которых удостаивают римляне и теперь еще, начиная с него первого, каждого обладавшего этой властью после смерти, если он не был тиранн и не навлек на себя упреков, — это те самые римляне, которые раньше не допускали, чтобы их при жизни называли царями.

149. Так скончался Гай Цезарь в день, который называется Мартовскими Идами, приблизительно в середине месяца Анфестериона, в день, который ему, по предсказанию прорицателя, не суждено было пережить. Цезарь, насмехаясь над предсказанием, сказал рано утром, на заре: «вот настали и Иды». Прорицатель, нисколько не смутившись, ответил: «да, но они еще не прошли». Цезарь же даже после таких прорицаний, сделанных ему прорицателем с такой уверенностью, пренебрег ими и другими предзнаменованиями, о которых я говорил раньше, вышел и умер в возрасте 56 лет, счастливейший человек во всех отношениях, гениальный, широкого размаха, справедливо сопоставляемый с Александром. Оба были весьма честолюбивы, воинственны, быстры в проведении своих решений, отважны в опасностях, не щадили своего здоровья и не столько полагались на стратегию, сколько на решимость и счастье. Из них один путешествовал по безводному долгому пути в знойное время к храму Аммона, чудесным образом перешел через Памфилийский залив, причем море расступилось, и божество сдерживало воды, пока он переправлялся, и послало дождь, когда он совершал свой путь. Он переехал через неизведанное море в Индию, первый поднялся на штурмовую лестницу, один вспрыгнул на вражескую стену, вынес тринадцать ранений. Всегда непобедимый, почти в два-три сражения заканчивал он каждую войну, захватив много варварских земель Европы и покорив эллинов, народ, не подчиняющийся власти, любящий свободу и никому не подчинявшийся до него, кроме Филиппа, власть которого он над собой признавал под почетным титулом гегемона во время войны, да и то короткое время. Азию же, можно сказать, Александр всю подверг на-

бегам, и, чтобы образно охарактеризовать жизненный путь и власть Александра, можно сказать, что он завладел всей землей, которую он видел, и умер, помышляя и мечтая об остальной.

150. Перед Цезарем сдалось Ионийское море, сделавшееся проходимым и спокойным посреди шторма. Он переплыл к британцам через западный океан, который еще никто до того не исследовал, а когда кормчие наталкивались на британские скалы, он велел им сломать корабли. С другой пучиной боролся он ночью один на маленькой лодке и велел кормчему поднять паруса и уповать на счастье Цезаря больше, чем на море. Против врагов он часто выступал вперед один, когда все боялись; 30 раз он выступал против одних галлов и покорил до 400 их племен, которые казались столь страшными для римлян, что в законе о непривлечении к военной службе жрецов и стариков было оговорено: «за исключением войны с галлами». Тогда и старики и жрецы выполняли военную службу. Сражаясь под Александрией, Цезарь, будучи оставлен один на мосту и находясь в затруднительном положении, сбросил тогу и спрыгнул в море; разыскиваемый врагами, он плыл долгое время незамеченный глубоко под водой и лишь изредка позволял себе должную передышку, пока не приблизился к дружественному кораблю, поднял руки, дал себя узнать и таким образом спасся. В гражданскую войну Цезарь был вовлечен или из страха, как он сам говорил, или из жажды власти. Он столкнулся с лучшими современными ему полководцами, со многими большими войсками, уже не варваров, а римлян, которые были на высоте счастья и удачи. И Цезарь в одно-два сражения всех побеждал, но у него войско не было непобедимым, как у Александра; галлы нанесли римлянам сильное поражение, когда их постигло большое несчастье под предводительством Котты и Титирия и когда в Испании их окружали Петрей и Афраний, как если бы они были осаждены. В Диррахии и Африке солдаты Цезаря в большом количестве бежали, в Испании они отступили в панике перед молодым Помпеем. Сам же Цезарь был неустрашим и непобедим до конца всей войны и мощь римлян, простиравшуюся уже над землей и морем от запада до реки Евфрата, он силой и милостью покорил себе более прочно и крепко, чем Сулла, и показал себя царем против их воли, хоть и не принял предложенного ему титула. Убит был Цезарь в то время, когда он замышлял другие войны.

151. Случилось так, что войска Александра и Цезаря относились к ним с одинаковой готовностью и благорасположением и в битвах походили на лютых зверей; однако часто они нарушали дисциплину и поднимали мятежи вследствие тяжких походов. После смерти своих полководцев они их одинаковым образом оплакивали, тосковали по ним и удостоили их боже-

ских почестей. Телом оба, и Александр и Цезарь, были хорошо сложены и прекрасны. Родом оба происходили от Зевса, один как потомок Эака и Геракла, другой как потомок Анхиза и Венеры. Будучи крайне честолюбивыми в борьбе с упорствующими противниками, они быстро мирились и прощали пленных и после прощения проявляли себя как благодетели, стремясь лишь к одной цели — одержать победу. На этом можно кончить сопоставление Александра и Цезаря. Они пришли к власти, правда, не при одинаковых предпосылках: один из них обладал уже царством, укрепленным Филиппом, а другой вышел из частного, хотя и знатного и знаменитого рода, но крайне бедного. 152. Оба презирали предзнаменования, предсказывавшие их судьбу, но нисколько не гневались на прорицателей, предсказывавших их кончину; к тому же и предзнаменования часто были сходными и указывали на одну и ту же судьбу обоих. Жертвенные животные оказывались у каждого дважды без одной из лопастей печени: в первый раз это означало для них неопределенную опасность: для Александра в области оксидраков, когда он поднялся на стену врагов во главе македонян и обломалась штурмовая лестница, а он остался наверху; спрыгнув в порыве отваги в самый город на врагов, он был тяжело ранен в грудь и шею тяжелой дубиной; Александр уже падал и едва-едва был спасен македонянами, взломавшими ворота из страха за его жизнь. С Цезарем в Испании было такое происшествие: войско в страхе не решалось выйти на битву с молодым Помпеем, Цезарь же выбежал вперед в самый центр сражения между обоими войсками; двести копий попало в его щит, пока и его не спасло войско, подбежавшее, гонимое и стыдом и страхом. Так первые безлопастные жертвенные животные предрекали смертельную опасность, а вторые — самую смерть. Аполлодор боялся Александра и Гефестиона; прорицатель Пифагор во время жертвоприношения успокоил его и сказал, что их скоро не будет. Когда вскоре же после этого умер Гефестион, Аполлодор опасался, как бы не случилось покушения на царя, и он рассказал ему о прорицаниях. Александр улыбнулся и спросил Пифагора о значении прорицаний. Пифагор заявил, что они имеют в виду смерть, Александр опять улыбнулся, но все же похвалил Аполлодора за преданность, а прорицателя за смелость. 153. Когда Цезарь входил в последний раз в сенат, как я немного раньше об этом уже упомянул, случились те же предзнаменования. Шутя он заметил, что то же самое случилось с ним в Испании. Прорицатель сказал, что он и тогда был в опасности, но что теперешнее предзнаменование более определенно предвещает смерть. Цезарь несколько уступил под влияним столь определенного указания и совершил жертвоприношение вторично: тут он рассердился, так как жертва долго не давала результата, пошел в сенат и там был убит. То же самое случилось

и с Александром. Когда он, возвращаясь из Индии в Вавилон со своим войском, подходил уже вплотную к городу, халдеи советовали ему в тот день воздержаться от въезда в город. Александр на этот совет ответил стихом: «Тот — лучший пророк, кто хорошо предвещает».[1] Халдеи вторично увещевали его не входить в город с войском лицом на запад, но обойти город и занять его лицом к востоку. Говорят, Александр уступил и принялся было обходить город, но, раздосадованный встретившимися в пути озером и болотом, он пренебрег и вторым предсказанием и вошел в город лицом к западу. Войдя в город и плывя вниз по Евфрату к реке Паллакотта, принимающей воды Евфрата, выносящей их в болота и озера и лишающей ассирийскую землю возможности орошения, Александр замыслил эту реку перегородить. Выехав для этого, он подтрунивал над халдеями, говоря, что он невредим, вошел в Вавилон и выезжает из него. Тем не менее ему было суждено немедленно по возвращении умереть в этом городе. Таким же образом подтрунивал и Цезарь над прорицателем. Когда тот предсказал ему день смерти, т. е. что он не переживет Иды марта, Цезарь, подсмеиваясь над прорицателем, сказал при наступлении этого дня, что Иды уже настали... и все же умер в этот день. Таким образом случилось, что и предзнаменования, касавшиеся их судьбы, Александр и Цезарь высмеяли одинаково, как они одинаковым образом и не гневались на прорицателей, толковавших эти предзнаменования. И все же оба стали жертвами предзнаменований. 154. Оба они стремились в одинаковой мере и к познанию добродетели как отечественной, так и греческой и чужой. Александр расспрашивал об Индии брахманов, которые из индусов считаются знатоками небесной мудрости и философии, все равно как маги у персов. Мудрость египтян выведывал Цезарь, когда он, прибыв в Египет, посадил на царство Клеопатру. Поэтому римляне и сумели ввести ряд улучшений в гражданскую жизнь. Так как календарный год у них был неравномерен и иногда в него вставлялись добавочные месяцы — у римлян календарь ведется по луне, — то Цезарь изменил его сообразно [пути] солнца, как это делали египтяне. С Цезарем случилось, что из участников покушения на него никто не спасся бегством, и все они были наказаны сыном его, также точно как Александром были наказаны убийцы Филиппа. Каким образом их постигла кара, покажут следующие книги.

[1] Из неизвестного произведения Еврипида.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Итак, Гай Цезарь, который, достигши верховной власти, большую пользу принес римлянам, был убит врагами и погребен народом. Каким образом самых видных из числа убийц его постигла кара — а наказаны они были все, — покажут эта и следующая книги, охватывающие и все другие гражданские войны, веденные римлянами.

2. Сенат обвинял Антония за его надгробную речь, произнесенную им в честь Цезаря. Больше всего этой речью был возбужден народ, причем до такой степени, что забыл о недавно постановленной амнистии и хотел поджечь дома убийц. Антоний таким мероприятием заставил народ сменить гнев на милость. Был некий Амаций, с фальшивым прозвищем Марий. Он прикидывался внуком Мария и из-за этого пользовался расположением народа. Состоя благодаря этому мнимому происхождению в родстве с Цезарем, Амаций выражал слишком непомерную скорбь по поводу его смерти: он соорудил алтарь на месте сожжения Цезаря, держал при себе отряд смельчаков и всегда наводил страх на убийц. Из последних одни бежали из города, а кто из них получил еще от самого Цезаря в управление провинцию, направился туда. Децим Брут — в граничащую с Италией Галлию, Требоний — в ионийскую часть Азии, Тиллий Кимбр — в Вифинию, Кассий и Марк Брут, в судьбе которых сенат был наиболее заинтересован, были Цезарем выделены для управления провинциями в предстоящем году: Кассий — в Сирию, Брут — в Македонию. Состоя городскими преторами, они поневоле должны были остаться в Риме. Путем соответствующих постановлений они проявляли заботы о колонистах. Помимо всего другого, они разрешали им продавать свои наделы, хотя закон запрещал такую продажу до истечения двадцати лет. 3. Рассказывают, что Амаций задумал устроить засаду против них при первой же с ними встрече. Опираясь на эти слухи, Антоний как консул арестовал и без судебного разбирательства вполне бесстрашно убил Амация. Сенат, смотря на такое дело как на крупное нарушение закона, однако с удовольствием извлекал из него то, что ему было полезно: сенаторы думали, что без этого смелого шага не удастся добиться устойчивого положения в деле Брута и Кассия. Приверженцы Амация и кроме них кое-кто из народа тосковали по

нем и негодовали на случившееся тем более, что Антоний совершил этот поступок, опираясь на симпатии к нему народа. Они не желали, чтобы дольше относились к ним с презрением. Заняв форум, они с криками поносили Антония и требовали от магистратов, чтобы они вместо Амация посвятили алтарь и первые принесли на нем жертву Цезарю. Теснимые солдатами, которых подослал Антоний на форум, они еще больше возмущались, кричали и показывали те места, где некогда стояли статуи Цезаря, впоследствии убранные. Когда им кто-то обещал показать мастерскую, где эти статуи подвергались переделке, они сразу же последовали за ним, и, увидев мастерскую, подожгли ее, пока Антоний не подослал еще солдат. Одни, отбиваясь, были убиты, другие были схвачены и повешены, если это были рабы, и если свободные — были сброшены со скалы.

4. Сумятица улеглась. Однако Антоний навлек на себя невыразимую ненависть народа вместо прежней несказанной к нему симпатии; сенат был этому рад, так как иначе он не мог бы избавиться от опасений, которые ему внушало дело Брута. Когда Антоний внес предложение вызвать из Испании Секста Помпея, сына оплакиваемого и тогда еще Помпея Великого, где с ним все еще воевали полководцы Цезаря, выдать ему в возмещение конфискованного имущества отца из государственных средств 50 миллионов аттических драхм, сделать его командующим флотом, каковым был и его отец, и предоставить ему право пользоваться кораблями, где бы они ни находились, смотря по требованию момента, сенат, удивленный всем этим, охотно принял это предложение и восхвалял Антония в течение всего этого дня. Дело в том, что, по мнению сенаторов, никто не был более демократичным, нежели Помпей Великий, и поэтому они никого не оплакивали больше, чем его. Кассий и Брут, оба из партии Помпея Великого, наиболее видные тогда деятели, полагали, что они в этом случае достигнут полной безопасности для себя и осуществления того, к чему они стремились. Кроме того, они полагали установить демократию, если восторжествует их партия. И Цицерон хвалил за это постоянно Антония. Сенат понял, что народ против Антония из-за сената и разрешил ему иметь личную охрану, вербуя ее из находившихся в городе ветеранов. 5. Подстроил ли Антоний все это нарочно, чтобы добиться такой охраны, или он воспользовался удачным стечением обстоятельств, во всяком случае, набирая охрану, он все время увеличивал ее, пока не довел до 6 000. Набирал же он не из бывших легионеров, которых, по его мнению, в случае надобности можно было получить и другим путем, но исключительно из центурионов, имевших привычку к командованию и обладавших военным опытом, да к тому же знакомых ему по походу под начальством Цезаря. Поставив над ними начальников отрядов из их же среды для поддержания подобающей дисцип-

лины, он окружил их почетом и делал их участниками своих официальных решений. У сената количество и подбор ветеранов вызвали подозрение, и он предложил Антонию уменьшить до необходимого минимума охрану, вызывавшую недовольство. Антоний обещал это сделать, когда уляжется мятежное настроение народа. Имелось решение, что все, совершенное Цезарем, сохраняет силу, а все, что Цезарем было постановлено, подлежит выполнению; протоколы этих постановлений были у Антония; ему во всем повиновался и секретарь Цезаря, Фаберий, так как Цезарь, отправляясь в поход, обычно прошения по этим вопросам передавал Антонию. Поэтому Антоний многое прибавил к этим документам от себя в угоду ряду лиц, делал подарки городам, династам и только-что упомянутой охране. На все это распространял Антоний оставленные Цезарем инструкции, получатели же были за это ему благодарны. Таким же способом Антоний многих ввел в сенат, да и в других отношениях он стремился угождать сенату, лишь бы охрана его больше не вызывала недовольства.

6. Так поступал Антоний. Когда ни со стороны народа, ни со стороны вернувшихся с похода не последовало и признака примирения, Брут и Кассий не имели уверенности, что козни, которые строил Амаций, не могли готовиться и другими лицами; к тому же они не без опасения относились к непостоянству Антония, который теперь имел в своем распоряжении уже и войско. И демократия, как они видели, не укреплялась на деле, в чем они тоже усматривали дело рук Антония. Они больше всех доверяли Дециму, имевшему под руками три легиона.Тайком они послали к Требонию в Азию и к Тиллию в Вифинию поручение собрать незаметно деньги и позаботиться о войске. Сами они поспешили взяться за управление провинциями, которые им дал Цезарь. Время года им этого не позволило сделать, и они полагали неудобным для себя не закончить срок претуры и тем навлечь на себя обвинение в стремлении к власти над провинциями. Все же они под давлением обстоятельств предпочли оставшееся до переезда в провинции время провести в качестве частных лиц, нежели выполнять функции претора в городе. Ведь им приходилось постоянно быть в страхе, да и благодарности за то, что они сделали в интересах государства, они не получали. Видя это их положение, сенат, знавший их намерения, поручил им снабжение города хлебом из любой страны, откуда представлялось возможным, пока не наступит для них время заняться управлением провинций. Это сенат делал, чтобы Брут и Кассий не оказались в изгнании. Таковы были и заботы сената о них и уважение к ним, да к тому же ради них оказывалась помощь и другим убийцам. 7. Когда приверженцы Брута покинули город, Антоний, обладавший уже единоличной властью, высматривал для себя и провинцию и войско. Больше

всего стремился он в Сирию; он не мог, однако, не знать, какое подозрение он на себя навлекает, подозрение, которое увеличится, лишь только он для себя что-нибудь потребует. Сенат тайно толкал на конкуренцию с ним другого консула, Долабеллу, который всегда был противником Антония. Зная его молодость и честолюбие, Антоний уговорил Долабеллу выпросить Сирию себе вместо Кассия, а также и собранное против парфян войско, но просить это не у сената, чего и нельзя было делать, а у народа, по закону. Обрадованный этим Долабелла немедленно внес законопроект, а когда сенат обвинил его в нарушении постановления Цезаря, он ответил, что Цезарь никому не поручал войны против парфян, что Кассий, удостоенный провинции Сирии, сам еще раньше кое в чем изменял постановления Цезаря, когда он разрешил продавать наделы еще до истечения двадцати лет, установленных законом. Сам он считает себя обиженным, что не удостоили Сирии его, Долабеллу, а предпочли ему Кассия. Тогда они подговорили одного из трибунов, по имени Аспрена, чтобы он во время выборов солгал о предзнаменованиях; они рассчитывали и на помощь со стороны Антония, который был консулом и авгуром. Да к тому же он считался врагом Долабеллы. Когда во время выборов Аспрена сообщил, что предзнаменования неблагоприятны, хотя обычай требовал, чтобы не он, а другие лица наблюдали за этим, Антоний рассердился на Аспрену за его ложь и велел трибам продолжить голосование за Долабеллу.

8. Таким образом Долабелла сделался правителем Сирии, полководцем в войне против парфян и начальником войск, набранных для этой войны еще Цезарем и отправившихся раньше него в Македонию. Тогда впервые поняли, что Антоний заодно с Долабеллой. Когда все это произошло в народном собрании, Антоний просил у сената Македонию, хорошо понимая, что ему не посмеют отказать в Македонии, раз Сирия отдана Долабелле, тем более что Македония оказывалась лишенной войска. Сенат дал Антонию Македонию неохотно, удивляясь при этом, почему Антоний находившееся там войско уступил Долабелле. Все же сенаторы были скорее довольны, что войско было у Долабеллы, а не у Антония. Пользуясь этим случаем, они со своей стороны попросили у Антония другие провинции для Кассия и его приверженцев. Им даны были Кирена и Крит. Другие полагают, что обе эти провинции достались Кассию, Вифиния же — Бруту.

9. Таковы были события в Риме. Октавий, внук сестры Цезаря, был один год начальником конницы у Цезаря. После этого Цезарь отдал эту должность своим друзьям и назначил для нее годичный срок. Октавий был еще юношей, когда Цезарь послал его в Аполлонию, что на Ионийском море, для воспитания и обучения в военном деле с тем, чтобы Октавий

сопровождал его на войне. В обучении его принимали участие прибывшие из Македонии эскадроны всадников; командиры войска посещали его часто как родственника Цезаря. Благодаря этому его знало и любило войско, и он принимал всех милостиво. Октавий пробыл шесть месяцев в Аполлонии, когда ему как-то вечером было сообщено, что Цезарь убит в сенате самыми близкими и пользовавшимися в его глазах авторитетом людьми. Так как ему дополнительно ничего не было известно, его объял страх, и он находился в неведении, является ли это делом всего сената или частным преступлением тех, кто совершил убийство, постигла ли участников народная кара, или они находились все там же и пользовались одобрением народа. 10. Римские друзья Октавия предлагали ему ради безопасности скрыться в войске, находящемся в Македонии, и когда он узнает, что убийство Цезаря не есть дело всего сената, смело отомстить за Цезаря его врагам. Вызывались и некоторые военачальники охранять его, если он к ним прибудет. Мать Октавия и Филипп, ее супруг, написали ему из Рима, чтобы он не зазнавался и не рисковал, памятуя, что Цезарь, победивший всех врагов, больше всего пострадал от рук лучших друзей. Они советовали Октавию избрать жизнь частного человека как менее опасную при данных обстоятельствах, поспешить к ним в Рим со всей осторожностью. Октавий послушался их совета, так как он не знал еще событий, последовавших за смертью Цезаря. Он простился с военачальниками и переправился через Ионийское море не в Брундизий, так как еще не знал о настроении находившегося там войска и остерегался всего, но в другой город, находящийся неподалеку от Брундизия и лежащий в стороне от обычной дороги. Этот город назывался Лупии. Там он остановился. 11. Когда Октавий узнал подробности об убийстве, об общенародном трауре и получил копии завещания Цезаря и постановлений сената, его мать и отчим еще более стали просить его остерегаться врагов Цезаря, так как он был и приемным сыном и наследником его. Они советовали ему отказаться и от наследства и от усыновления. А он считал и это и отказ от мести за Цезаря для себя постыдным и отправился в Брундизий. Впереди себя он послал разведчиков, чтобы установить, не устроил ли кто-нибудь из убийц засаду. Когда же тамошнее войско вышло к нему навстречу и приветствовало его как сына Цезаря, он воспрянул духом, совершил жертвоприношение. Он принял сразу же имя Цезаря. У римлян в обычае, что приемные сыновья принимают имена тех, кто их усыновил, в дополнение к своему. Октавий не присоединил имя Цезаря к своему, но изменил как свое имя, так и имя отца: вместо Октавия, сына Октавия, он стал Цезарем, сыном Цезаря, и так продолжал называться всю жизнь. Сразу же на него стали смотреть как на сына Цезаря, и к нему стекалась отовсюду масса народу, одни из круга друзей Це-

заря, другие из числа вольноотпущенников и рабов его, третьи, наконец, из числа солдат. Одни перевозили свое военное снаряжение и деньги в Македонию, другие свозили деньги и подати, поступавшие из других провинций, в Брундизий. 12. Уповая на множество прибывающего к нему народа, на славу самого Цезаря и расположение всех к последнему, Октавий направился в Рим. Вместе с ним шла и значительная толпа, с каждым днем как горный поток все выраставшая. Открытого покушения он не боялся из-за множества окружавшего его народа, но какой-нибудь ловушки из среды этого народа он опасался, так как почти всех он знал лишь с недавнего времени. Отношения остальных городов отнюдь не всюду были к нему одинаковые. Бывшие солдаты Цезаря и расселенные по наделам сбегались из колоний, чтобы приветствовать юношу; они оплакивали Цезаря, поносили Антония за то, что тот не отомстил за такое гнусное дело. А про себя они говорили, что будут сражаться, если их кто-нибудь поведет. Цезарь хвалил их, но, откладывая пока привлекать их к делу, отсылал обратно. Когда он находился близ Тарквиний — в 400 стадиях от Рима, — он узнал, что Кассия и Брута консулы лишили провинций Сирии и Македонии и что они в утешение получили другие, менее значительные, а именно — Кирену и Крит; ему сообщили и о возвращении некоторых изгнанников, о том, что был вызван Помпей и что на основании протоколов Цезаря в сенат были внесены иски против некоторых лиц и что случилось еще многое другое.

13. Когда Цезарь прибыл в город, мать, Филипп и другие его родственники опасались охлаждения сената к нему и последствий того постановления, которое запрещало привлекать за убийство в связи со смертью Цезаря старшего. Опасались они и пренебрежения к нему Антония, столь сильного в то время; он не пришел к сыну Цезаря при его прибытии и не отправил послов ему навстречу. Цезарь и здесь смягчал произведенное всем этим впечатление, указывая, что он сам выйдет к Антонию навстречу как более молодой к старшему и как частное лицо к консулу и что он к сенату будет относиться с должным уважением. Постановление же, по его словам, состоялось потому, что никто не поднял обвинения против убийц. Если же кто-нибудь смело подымет обвинение, тогда и народ это поддержит как дело законное, а сенат и боги — как справедливое, поддержит его равным образом и Антоний. Если же он, Октавий, не выставит свои права на наследство и усыновление, то он погрешит против Цезаря и лишит народ распределения денег. Закончил Октавий свою речь словами, что он считает для себя прекрасным не только подвергаться опасностям, но и умереть, если он, получивший такое предпочтение со стороны Цезаря, может оказаться достойным его, подвергавшегося так охотно опасностям. И он

обращался к матери со словами Ахилла как бы к Фетиде — эти слова тогда особенно часто ему вспоминались: «О, пусть умру я теперь же, когда не дано мне за друга павшего мстить!» (Илиада 18, 98). Он заявил при этом, что Ахиллу это изречение и его поступок больше всего заслужили вечную славу. А ведь он сам в лице Цезаря оплакивал не приятеля, не друга, а отца, не товарища по оружию, а императора, который притом пал не по закону войны, но был кощунственно убит в сенате.

14. После таких слов мать Октавия сменила страх на радость и приветствовала своего сына как единственного достойного Цезаря человека. Она удерживала его от дальнейших слов и побуждала его торопиться с выполнением того, что он в добрый час решил. Но она советовала ему пока еще действовать хитростью и скорее сносить обиды, чем проявлять открытую смелость. Цезарь согласился и обещал так поступать, но как только наступил вечер, он послал за друзьями, созывая их на утро на форум. Когда он там встретил Гая Антония, брата Антония, выполнявшего должность городского претора, он объяснил ему, что хочет принять усыновление Цезаря. У римлян был такой обычай, что усыновление детей совершалось при преторах в качестве свидетелей. Когда нотариусы записали его заявление, он сразу же с площади направился к Антонию. Антоний находился в садах, полученных в подарок от Цезаря, а раньше принадлежавших Помпею. Цезарю пришлось долго ждать у входа, и он усматривал и в этом признак натянутых отношений к нему Антония. Когда его попросили войти, они обменялись приветствиями и, как это было принято, расспрашивали друг друга о здоровьи. Когда настало время заговорить о том, что было необходимо, Цезарь сказал: 15. «Отец мой Антоний. Чтобы ты был мне отцом, этого требуют благодеяния Цезаря к тебе и твоя к нему благодарность. Одни из твоих поступков по отношению к нему я хвалю и благодарен тебе за них, другие приходится осуждать — пусть это будет высказано со всею откровенностью, к которой меня вынуждает мое горе. Когда происходило убийство, ты не присутствовал, так как убийцы тебя удерживали у входа, иначе или ты спас бы его или подвергся одинаковой с ним опасности. Если бы второму было суждено случиться, то хорошо, что ты не присутствовал. Когда некоторые лица вносили законопроект о награждении убийц как удаливших тирана, ты твердо возражал. И за это я тебе глубоко благодарен. Правда, ты узнал, что эти люди и тебя решили убить, не потому, что ты, как мы считаем, будешь мстить за смерть Цезаря, а потому, что, как они думают, ты являешься наследником его тираннии. Но они не были бы тиранноубийцами, если бы не совершили убийства. Поэтому они сбежались на Капитолий, как просители грешники или как враги спасаются на акрополь. И откуда взялась у них амнистия и решение о ненаказуемости за убийство, если

они не подкупили кого-нибудь из состава сената или народа? Но ты должен был считаться с мнением большинства, ведь ты был консул. Но если бы ты даже был другого мнения, ты мог бы, опираясь на служебный авторитет, отомстить за такой грех, переубедить ошибавшихся. А ты послал заложников в их безопасности из твоих домочадцев на Капитолий, к ним, к убийцам! Но, допустим, что подкупленные убийцами заставили тебя так поступить. Когда же по оглашении завещания и после твоей справедливой надгробной речи народ, ярко вспомнив Цезаря, собирался итти на них с огнем, но, из пощады к соседям, решил на следующий день взяться за оружие, почему ты тогда не был с народом? Почему ты не возглавил вооружившихся огнем и мечом? Почему ты тогда не привлек убийц по крайней мере к суду, если суд вообще еще необходим был для захваченных на месте преступления? И это ты, друг Цезаря, ты, консул, ты, Антоний!

16. Марий был убит по твоему приказанию, в силу занимаемой тобой высшей магистратуры, а этим убийцам ты дал возможность убежать, некоторые же из них разбежались по провинциям, которыми они управляют противозаконно, так как они убили того, кто вручил им эти провинции. Несмотря на восстановление порядка, консулы, т. е. вы с Долабеллой, отобрали Сирию и Македонию себе и поступили правильно. И за это я был бы тебе благодарен, если бы вы одновременно не постановили отдать им Кирену и Крит. Вы допустили, чтобы беглецы вооружились навсегда против меня в своих провинциях. Вы допустили, что Децим владеет соседней Галлией, Децим, который наравне с другими собственной рукой убил моего отца. Можно было бы сказать, что и это делалось на основании постановления сената. Но ты ведь голосовал, ты ведь председательствовал в сенате! Ты больше, чем кто бы то ни было, должен был ради самого себя возражать: добиваться амнистии — это дело тех, кто хотел им даровать жизнь, присуждение же им провинций и должностей — это дело тех, кто оскорбляет память Цезаря и кто лишает твое решение всякой силы.

Горе привело меня в такое возбуждение, которое, пожалуй, не к лицу моей молодости и несовместимо с моим к тебе уважением. Но все это сказано тебе как наиболее явному другу Цезаря, удостоенному им наибольшей почести и власти, тебе, который, может быть, сам стал бы приемным сыном его, если бы он знал, что ты предпочитаешь сделаться потомком Энея, а не Геракла. В этом вопросе он колебался, уделяя много внимания вопросу о своем преемнике. 17. Что касается будущего, то я заклинаю тебя, Антоний, и богами дружбы и самим Цезарем: измени то, что случилось, — ты ведь можешь это сделать, если захочешь, — или же обещай мне помощь и содействие, когда я буду мстить убийцам вместе с народом и этими

оставшимися мне верными друзьями моего отца. Если же тебя удерживает уважение к этим лицам или к сенату, не чини мне затруднений. Ты знаешь, как дела обстоят у меня дома; ты знаешь, какие требуются расходы на раздачи народу, порученные мне отцом, и как я стремлюсь выполнить его поручение. Я не хотел бы промедлением вызвать представление о неблагодарности и не желал бы, чтобы задерживались из-за меня те, кто намечены к отправке в колонии и ждут своего выезда в городе. Все имущество Цезаря, которое сразу после убийства было перенесено из дома, подвергавшегося опасности, к тебе для хранения его у тебя в надежном месте, все ценности и все убранство я прошу тебя принять от меня и все, что ты сверх этого пожелаешь. Отдай мне только для раздачи народу чеканное золото, что он собрал для войн, которые он имел в виду. Мне этого золота будет достаточно для раздачи 300 000 человек. Остальное, необходимое для расхода, я занял бы у тебя, если можно на тебя тут рассчитывать, или через тебя из государственных средств, если ты на это согласишься. Свои владения я сразу же продам».

18. Эта речь Цезаря поразила Антония. Ему казалось, что откровенность и смелость Цезаря превзошли всякие ожидания и не соответствуют его молодости. Его рассердила такая речь, в которой не содержалось необходимой в отношении его пристойности, особенно же его рассердило требование выдачи денег. Антоний ответил Цезарю крайне сурово такой речью: «Если бы Цезарь оставил тебе, юноша, вместе с своим наследством и именем и управление, ты справедливо мог бы требовать от меня отчетного доклада о государственных делах, и я должен был бы ответить. Но поскольку римляне никогда никому не передавали управления государством по наследству (это касается даже власти царской, при уничтожении которой римляне поклялись не потерпеть дольше другой царской власти, — а убийцы утверждают, что они убили твоего отца, обвиняя его именно в том, что он скорее царствовал, чем управлял), я не обязан давать тебе отчет о государстве и на том же основании освобождаю тебя от того, чтобы ты меня благодарил за управление им. Все делалось не ради тебя, а ради народа, за исключением одного дела, самого важного по отношению к Цезарю и тебе. Если бы я ради собственной безопасности и во избежание недовольства допустил бы присуждение убийцам почестей как тираноубийцам, то это было бы равносильно признанию Цезаря тиранном, который как таковой не мог бы претендовать ни на славу, ни на почести, ни на проведение в жизнь своих постановлений. Тогда не могло бы быть и речи о завещании, усыновлении, имуществе, да и труп его не был бы удостоен погребения, даже погребения частного. Ведь законы велят оставлять трупы тираннов без погребения за пределами отечества, предавать бесчестию память их и рас-

продавать их имущество. 19. Я этого всего опасался и боролся за Цезаря, за вечную его славу, за его похороны от имени государства, не без опасности для себя и не без того, чтобы возбудить недовольство; я боролся с людьми быстрыми в своих поступках и наполненных мыслями об убийстве, с людьми, которые, как ты знаешь, и против меня составили заговор; боролся и с сенатом, который гневался на твоего отца из-за его власти. Но я охотно предпочел все эти опасности и страдания, лишь бы не допустить, чтобы Цезарь лишился почетного погребения, он — лучший из деятелей своего времени и счастливейший во всех начинаниях, заслуживающий с моей стороны бóльшего уважения, чем кто-либо. Презрение к этим опасностям, угрожавшим мне, повело к тому, что тебе досталось все то блестящее, что ты имеешь от Цезаря: род, имя, положение и состояние. Было бы справедливее, чтобы ты, молодой человек, меня, значительно старшего, чем ты, за это благодарил, а не упрекал за уступки, сделанные мною, чтобы успокоить сенат или чтобы добиться того, что мне надо было, или по другим причинам и соображениям. Но достаточно для тебя и того, что я об этом сказал. Ты намекаешь, будто я стремлюсь к власти верховной, хотя я к этому не стремился, но я не думаю, что я этого недостоин; ты якобы огорчен тем, что завещание Цезаря не касается меня, а сам признаешь, что для меня достаточно и происхождение от рода Геракла.

20. Что касается твоих денежных затруднений, то я был бы склонен думать, что ты шутишь, когда выражаешь желание занять на покрытие их средства у государства, если бы я не был уверен, что ты еще не знаешь, что отец твой оставил государственную казну пустой. С тех пор как он пришел к власти, доходы вносились ему, а не в казну. Мы найдем эти доходы в имуществе Цезаря, когда постановим, что их следует отыскать, и в этом не было бы ничего несправедливого по отношению к Цезарю, которого нет уже более в живых. Он не находил бы несправедливым, если бы у него при жизни потребовали отчета. Ты увидишь, что тебе не удастся владеть этим имуществом без того, чтобы многие частные лица один за другим его у тебя не оспаривали. Тех денег, которые перенесли в мой дом, не так много, как ты полагаешь, да сейчас и нет у меня ничего: все, кто занимает должность и имеет власть, все, кроме Долабеллы и моих братьев, поделили все между собой немедленно как имущество тиранна. Благодаря этому мне удалось изменить их точку зрения и склонить принять решения в интересах Цезаря. Ведь и ты, если ты благоразумен, выдашь имеющиеся у тебя остатки имущества не народу, а тем, кто выражает свое недовольство, а они, если они заодно с тобой, отправят народ в колонии. Ты недавно изучал греческую литературу и знаешь, что народ непостоянен и

уподобляется движущейся волне в море: одна приходит, другая уходит. В этом смысле народ тех из нас, кто домогается его расположения, то возносит на недосягаемую высоту, то ставит на колени».

21. Разгневанный этими словами, из которых большинство было сказано, чтобы его обидеть, Цезарь удалился, часто призывая имя отца. Все имущество, доставшееся ему по завещанию, он немедленно предназначил на продажу, этим своим рвением добиваясь получить содействие народа. А когда по этой причине выявилась вражда Антония к Цезарю и сенат постановил немедленно потребовать государственные деньги, Цезарь стал возбуждать у большинства опасения из-за унаследованного им от отца расположения к солдатам и народу и вызванной нынешней его щедростью популярности и из-за богатства, которое ему досталось в таком большом количестве.

Большинству казалось, что это богатство выдвинет его из рамок частного человека. Относительно Антония возникли опасения, как бы он не привлек на свою сторону Цезаря, молодого, известного и богатого человека, не подчинил бы его себе и первый не захватил бы власть Цезаря. Другие были рады всем последним событиям, полагая, что эти два лица, Антоний и Цезарь, будут друг другу противодействовать и что богатство Цезаря вследствие требования отчета растает и что у них в силу этого наполнится государственная казна деньгами: они надеялись, что большинство государственных средств будет обнаружено у Цезаря. 22. Многие привлекали Цезаря к судебной ответственности из-за земельных участков, причем каждый выставлял в этом случае то один, то затем другой повод; большинство указывало на то, что земля была отнята при проскрипциях в результате происшедших конфискаций, изгнаний и казней.

Со всеми этими жалобами шли к самому Антонию или к Долабелле, другому консулу. Если же кто судился у другого магистрата, всюду обычно в угоду Антонию пришлось Цезарю уступать, хотя он и ссылался на то, что отец покупал государственную землю, а также на последнее решение сената, подтвердившее все то, что Цезарем-отцом было сделано. Во время процессов много пришлось Цезарю-сыну претерпевать оскорблений, сумма, причитающейся на его долю выплаты возрастала до бесконечности. Наконец Педий и Пинарий, которые получили половину наследства на основании завещания Цезаря, стали упрекать Антония за отношение его как к ним, так и к Цезарю, а именно, что с ними поступают несправедливо и против постановления сената. Они полагали, что Антоний должен отменить только то постановление Цезаря, которое ведет к нарушению справедливости, все же остальное, что Цезарем было сделано, должно остаться в силе. Антоний допускал, что поступки его кое в чем могут противоречить этим

постановлениям, а последние в своей редакции противоречить тому, что в свое время было принято. Решение ничего не изменять из того, что раньше проведено было в жизнь, запротоколировано было лишь вследствие амнистии, не ради соблюдения принципа и не по отношению ко всем, а скорее ради соблюдения приличия и для успокоения народа, которого волновали эти вопросы. Справедливее руководствоваться смыслом постановления, чем словесной формой, и не выступать против справедливости требований такого количества людей, потерявших во время мятежа имущество, приобретенное или унаследованное от предков, и все это в пользу молодого человека, получившего, против всякого ожидания, такое большое чужое богатство, к тому же принадлежавшее не частному лицу, человека, который пользуется своим счастьем непристойно и беззастенчиво. Антоний обещал им их пощадить, если они поделятся с Цезарем. Так отвечал Антоний Пинарию и его сторонникам. И они сразу же приступили к дележу, чтобы не потерять при судебной волоките хотя бы часть своего имущества; и они это делали не столько ради себя, сколько ради Цезаря, ибо они намеревались в скором времени предоставить ему все это в распоряжение.

23. Приближалось зрелище, которое Гай Антоний, брат Антония консула, хотел устроить в честь Брута претора. Гай Антоний ведал и всеми остальными делами по претуре в отсутствие Брута. Приготовления к этому зрелищу были богатые, и надеялись, что народ во время зрелища изменит свое мнение и вызовет обратно сторонников Брута. Цезарь со своей стороны обхаживал народ и велел трибунам раздавать подряд всем, кто первый случится, вырученные от продажи деньги. Он посещал места этой продажи и велел объявлять по возможности низкие цены тем, кто ведал продажей, еще и потому, что в связи с тяжбами многое вызывало споры и недовольство, и потому, что Цезарь спешил с этим. Все это возбудило к нему расположение народа и жалость, как незаслуженно испытывающему такие лишения. После раздачи наследства Цезарь вынес для продажи и собственное свое имущество, полученное от родного отца Октавия или от других, также и имущество своей матери и Филиппа. Для той же цели он попросил и ту часть наследства, которая досталась Пинарию и Педию, так как состояния самого Цезаря даже для одной намеченной им цели не было достаточно вследствие поведенных против него интриг. Народ, понимавший, что эта раздача идет уже не от первого Цезаря, а от него самого, стал очень его жалеть и прославлять за то, что он брал на себя такие лишения и так заботился о народе. Стало совершенно ясно, что народ не надолго допустит, чтобы Антоний издевался над Цезарем.

24. Они это и показали во время зрелищ, которые, кстати

сказать, были очень роскошны. Когда некоторые подкупленные зрители громкими криками стали требовать возвращения Брута и Кассия, а остальная часть посетителей театра под влиянием этой демагогии склонялась к жалости, вбежали толпы народа и стали задерживать зрелище, пока не стихли эти требования. Убедившись, что надежды, возлагавшиеся на зрелища, были разбиты Цезарем, Брут и Кассий решили отправиться в Сирию и Македонию и забрать их силой, так как эти провинции были им поручены еще до того, как их получили Антоний и Долабелла. Как только это стало известно, Долабелла поспешил в Сирию, а до Сирии в Малую Азию, чтобы и из нее выколотить деньги. Антоний полагал, что для предстоящих событий понадобится вооруженная сила, а войска, находившиеся в Македонии, считались принадлежавшими Долабелле, раз ему поручена Сирия и поход против парфян; ведь и Цезарь желал ими воспользоваться против парфян. Поэтому Антоний задумал эти войска взять себе, а они были лучшие как по храбрости, так и по численности. Их было 6 легионов тяжеловооруженных, а также стрелки и легковооруженные, присоединенные к ним, значительные кавалерийские части и полное снаряжение. Цезарь решил, что им будет близко переправиться через Ионийское море и что они сразу могут быть в Италии. 25. Вдруг распространились слухи, что геты, узнав о смерти Цезаря, стали нападать на Македонию и опустошать ее. Антоний просил у сената дать ему это войско будто бы для карательной экспедиции против гетов: он ссылался на то, что Цезарь в свое время отрядил его против гетов, когда еще не думал о походе против парфян. В настоящее же время парфяне держали себя спокойно. Сенат не доверял этим слухам и послал людей для проверки их. Чтобы рассеять опасения и подозрения сената, Антоний провел закон, запрещавший кому бы то ни было при любых обстоятельствах поднимать речь о диктатуре или присуждать ее кому-нибудь или принимать ее, когда ее предлагали. Нарушившего в какой-нибудь части это постановление разрешалось безнаказанно убить первому встречному. Этим предложением Антоний особенно подкупил собрание. Он обещал тем, кто действовал от имени Долабеллы, один легион, а сам был избран императором стоявших в Македонии войск. Так он добился того, чего он хотел. Своего брата он послал немедленно и спешно с этим постановлением к войскам. Посланные сенатом для проверки слуха заявили, что они гетов в Македонии не видели; но они прибавили — потому ли, что это соответствовало истине, или они были научены Антонием, — что есть опасение, как бы после перевода войск куда-либо геты не стали нападать на Македонию.

26. Так обстояли дела в Риме. Между тем Кассий и Брут собирали деньги и войско. Требоний, наместник Малой Азии,

укреплял для них города. Когда прибыл в Малую Азию Долабелла, Требоний его не пустил ни в Пергам, ни в Смирну, а предоставил ему только снабжение провиантом за пределами города как консулу. Разгневанный Долабелла пытался силой захватить укрепления, но безуспешно. Требоний обещал ему пустить его в Эфес. Долабелла немедленно отправился по направлению к этому городу, Требоний же послал людей, которые должны были следовать за ним в некотором расстоянии. Когда настала ночь и эти люди видели, что Долабелла уходит, они, ничего больше уже не подозревая, оставили из своей среды немногих для сопровождения Долабеллы, а сами вернулись в Смирну. Долабелла устроил для этих немногих ловушку, захватил их и убил. В ту же ночь он отправился к Смирне и, застав ее без охраны, занял ее при помощи штурмовых лестниц. Требоний, лежавший еще в постели, потребовал от арестовавших его, чтобы его повели к Долабелле, обещая, что последует за ними без сопротивления. Тогда один из центурионов высмеял его и сказал: «ты сам можешь итти, оставь только голову здесь; нам приказано не тебя вести к Долабелле, а только твою голову». И они тотчас же отрубили ему голову. Рано утром Долабелла велел ее выставить у трибунала претора, где Требоний принимал по делам провинции. Так как Требоний был соучастником в убийстве Цезаря и задерживал Антония у дверей сената беседой во время убийства, то разгневанное войско и вся масса рабов, окружавшая его, издевались всячески над его трупом, а голову его в шутку перебрасывали, как мяч, по вымощенному камнями городу и уничтожили ее. Так из убийц Цезаря первым был наказан Требоний.

27. Антоний тем временем задумал вести войско из Македонии на Италию. Так как у него никакого другого предлога не было, он просил сенат заменить ему Македонию Цизальпинской Галлией, которая управлялась Децимом Брутом Альбином. Он знал, что и Цезарь в свое время победил Помпея, отправляясь из этой Галлии. С другой стороны, рассчитывал он, это создаст впечатление, что он не против Италии, а против Галлии перебрасывает войско. Сенат смотрел на эту Галлию как на крепость, направленную против Италии, и был раздосадован этой просьбой Антония. Тогда сенат впервые почувствовал козни Антония и раскаивался, что ему была отдана Македония. Частным образом знать велела Дециму крепко держаться за свою власть, набирать еще войско и деньги, если со стороны Антония последуют репрессии. Так боялись они Антония и так гневались на него. А Антоний решил просить не у сената, а у народа Галлию по закону, т. е. таким же путем, как и Цезарь ее в свое время получил, а недавно Долабелла получил Сирию. Чтобы внушить страх сенату, он велел Гаю немедленно перевезти войско в Брундизий через Ионийское море.

28. Гай намеревался выполнить этот приказ. Но в это время должны были происходить зрелища, которые собирался организовать эдил Критоний. Цезарь готовил для этих зрелищ золотой трон и венок своему отцу в силу состоявшегося постановления, на основании которого во время всех зрелищ полагалось выставлять в его честь эти предметы. Критоний, протестуя, заявил, что он не допустит этих почестей для Цезаря, коль скоро он сам несет расходы по устройству зрелищ. Цезарь пожаловался на него Антонию как консулу. Антоний сказал, что следует это дело внести в сенат. Тогда Цезарь в гневе сказал: «Внеси, а я трон поставлю, пока состоявшееся постановление еще остается в силе». Антоний рассердился и не допустил этого. Он не допустил этих почестей и во время следующих зрелищ, что было еще более странно, так как сам Цезарь их устраивал и так как они были посвящены Венере Родительнице Цезарем-отцом, когда он посвятил ей находившийся на форуме храм и самый форум. Этим Антоний навлек на себя открытую ненависть всех, так как он не столько ссорился с Цезарем младшим, сколько неблагодарно издевался над Цезарем старшим. Цезарь-сын обхаживал народ, всех, кто был облагодетельствован его отцом, и бывших его солдат; будучи окружен толпой, как бы личной охраной, исполненный ненависти, он просил всех, чтобы они, не обращая внимания на то, что он по своей доброй воле терпит так много тяжких обид, выступили в защиту Цезаря, своего императора и благодетеля, подвергающегося теперь издевательствам со стороны Антония: этим они вместе с тем выступят и на собственную свою защиту, так как не будет прочным их достоянием то, что они получили от Цезаря, если то, что было постановлено для самого Цезаря, окажется непрочным. Взбираясь всюду на возвышенные места города, он выкрикивал против Антония: «Не гневайся из-за меня, Антоний, на Цезаря, не кощунствуй против него. Ведь он был больше всего твоим благодетелем, да притом в самой широкой мере. Меня ты можешь оскорблять как тебе угодно. С разграблением моего имущества повремени, пока граждане не получат причитающейся им раздачи. Все остальное можешь ты получить. Ведь мне будет достаточно, даже и в бедности, славы моего отца, если она останется непоколебленной, и производимой мною раздачи гражданам, если только ты не помешаешь ее выполнить».

29. После этого непрестанно и открыто поднимался всеобщий голос против Антония. А когда он высказал горькую угрозу против Цезаря и она стала широко известна, еще больше выросло возбуждение против Антония. Центурионы, состоявшие в личной охране Антония, ветераны старшего Цезаря, пользовавшиеся наибольшим почетом у Антония, просили его прекратить свои издевательства и ради них и ради самого себя, так как он служил в войсках под начальством

Цезаря, и все блага, которые имел, получил от него. Антоний уступил этим требованиям, так как они были справедливы, и из уважения к тем, кто их предъявлял. К тому же Антоний нуждался в Цезаре, чтобы добиться обмена провинциями. Антоний согласился на предъявленные к нему требования, дал клятву, заявляя, что всего этого он не хотел, изменил же свое решение из-за этого юноши, который, несмотря на свой ранний возраст, так невыносимо возгордился, не признавая ни уважения, ни скромности по отношению к старшим должностным лицам. Этому юноше необходимы воспитательные меры; но ради их просьб он готов побороть свой гнев и вернуться к прежним своим намерениям, если и Цезарь с своей стороны воздержится от неумеренных действий. 30. Центурионы были рады этому. Они свели обоих; Цезарь и Антоний, обменявшись упреками, заключили дружбу. О законопроекте по поводу Галлии немедленно было объявлено. Сенат был этим крайне встревожен и предполагал, в случае если Антоний внесет законопроект для предварительного обсуждения в сенат, не допускать обсуждения, если же он внесет его без предварительного обсуждения в народное собрание, подослать трибунов для того, чтобы задержать законопроект. Были и такие, которые предпочитали освободить всю Галлию от римского управления: до того они боялись находившейся поблизости Галлии. Антоний, с своей стороны, бросил им упрек, сказав: «не поручают ли они Дециму эту провинцию, потому что он убил Цезаря, ему же не доверяют, потому что он Цезаря, покорившего эту провинцию и поставившего ее на колени, не убивал?» Все это Антоний открыто бросал в лицо всем, видя их большую радость по поводу всего случившегося. Когда настал назначенный день, сенат считал нужным созвать центуриатские комиции; его противники же, еще ночью оцепив форум, созвали трибутские комиции, собравшиеся по договоренности. Народная толпа, недовольная Антонием, все же поддерживала его ради Цезаря, стоявшего за оцеплением и упрашивавшего народ. Главным образом Цезарь просил о том, чтобы не Деци́м, убийца его отца, управлял опасной для Рима страной и возглавлял там войско, а кроме того, за Антония, с которым он помирился. К тому же Цезарь надеялся кое-что получить за это и от Антония. Трибуны были подкуплены Антонием, и так как они безмолвствовали, то закон был проведен, войско же уже прибывало к Антонию под благовидным предлогом через Ионийское море.

31. Когда умер один из трибунов, Цезарь стал поддерживать кандидатуру Фламиния на новых выборах. Народ, полагая, что Цезарь сам стремится к этой должности, но не выставляет своей кандидатуры из-за своей молодости, решил во время выборов объявить трибуном Цезаря. Сенат, не сочувствуя такому усилению Цезаря, боялся, что Цезарь в качестве три-

буна привлечет к народному суду убийц старшего Цезаря. Антоний, не считаясь с недавно заключенной с Цезарем дружбой, объявил в качестве консула, — в угоду ли сенату, или для его успокоения по поводу закона о Галлии, или по личным соображениям, — что Цезарь не имеет права нарушать закон и применять насилие по отношению к кому-либо. В противном случае Антоний воспользуется против него всеми мерами данной ему власти. Это предостережение было неблагодарной выходкой Антония по отношению к Цезарю и издевательством по отношению к нему же и одновременно к народу. Народ решил поднять ссору во время выборов, Антоний испугался и отменил выборы, удовлетворяясь наличным составом трибунов. Цезарь же чувствовал себя явной мишенью для злоумышлений Антония и стал рассылать своих людей по колониям, устроенным его отцом, чтобы они сообщали о том, как с ним поступают, и чтобы узнать мнение отдельных поселенцев. Он посылал своих людей в лагеря Антония, кое-кого с провиантом, чтобы они, встречаясь с наиболее смелыми солдатами, подбрасывали незаметно прокламации в толпу.

32. Вот что делал Цезарь. Центурионы же выпросили у Антония уделить им время и сказали следующее: «Мы и все другие, кто вместе с тобой, Антоний, находились в войсках Цезаря, помогли ему установить свою верховную власть и продолжали в повседневной работе служить ей, знаем, что убийцы Цезаря ту же вражду и те же козни, что и против Цезаря, обратили против нас. Сенат склоняется в их сторону. Когда народ изгнал убийц, мы воспрянули духом, убедившись, что не все связанное с Цезарем впало в немилость и неблагодарно предано забвению. Гарантию для будущего мы видели в тебе, так как ты являешься другом Цезаря, после него обладаешь наилучшими качествами полководца, теперь управляешь нами и наиболее подходящий нам человек. Теперь, когда подымаются враги, дерзко врываются в Сирию и Македонию, собирают против нас деньги и войска, сенат на тебя натравливает Децима, ты же все свои заботы тратишь на ссору с Цезарем; мы справедливо опасаемся, как бы к предстоящей, пока еще не разгоревшейся войне не прибавились еще раздоры между вами и как бы враги не добились того, чего они желают. Мы просим тебя все это взвесить и ради святой памяти Цезаря и бережного отношения к нам, ни в чем не провинившимся перед тобой, прежде всего ради твоей собственной выгоды, поскольку это еще возможно, помочь Цезарю — и этого одного уже достаточно — наказать убийц. Тогда ты сразу опять можешь беззаботно властвовать, а мы с твоей помощью окажемся в безопасности, мы, опасавшиеся как за себя самих, так и за тебя».

33. На эти слова центурионов Антоний ответил следующее: «С какой любовью и с каким вниманием я относился к Цезарю.

когда он еще был жив, как я скорее всякого другого решался итти на любую опасность ради его интересов, все это вы хорошо знаете, так как вместе со мной служили в его войсках и были свидетелями всех событий. С какой милостью и с каким вниманием он постоянно относился ко мне, об этом говорить мне не подобает. О том и о другом знали убийцы и поэтому решили и меня убить вместе с Цезарем, так как если я останусь в живых, они не достигнут того, что они замышляют. И тот, кто побудил их изменить свое намерение, сделал это не ради моего благополучия, но ради того, чтобы придать тираноубийству более благопристойный вид, т. е. чтобы не казалось, что они многих убивают, которых считают личными врагами, а убили одного как тирана.

Кто мог бы поверить, что я забываю Цезаря, моего бывшего благодетеля, и выше ставлю его врагов, что я охотно прощаю убийство тем, кто против меня злоумышляет, как полагает молодой Цезарь? Кто предоставил им амнистию и провинции? В этом он хочет обвинить меня вместо сената. 34. Так слушайте же, как все это случилось. Когда Цезарь внезапно был убит в сенате, больше всех меня объял страх и в силу моей дружбы с Цезарем и в силу того, что я не знал точных обстоятельств, ибо я еще не видал договора между убийцами и не знал его условий. Народ бушевал, а убийцы с гладиаторами заняли Капитолий и укрылись на нем. Сенат был с ними заодно, что теперь стало еще более ясным, и постановил выдать убийцам награды за убийство тирана. Если бы Цезарь действительно был признан тираном, тогда нам всем предстояла гибель как друзьям тирана. И вот, находясь в таком состоянии, полный волнений, забот и страхов, когда нельзя было принять необдуманное решение или колебаться, я, как вы убедитесь, если внимательно всмотритесь, был смел, где требовалась отвага, хитер, где требовалось притворство. Первая моя забота, включавшая в себя все остальное, состояла в том, чтобы отнять у этих людей присужденные им награды. Решительно выступая против сената и убийц, я действовал с отчаянной смелостью, полагая, что мы, друзья Цезаря, лишь тогда будем в полной безопасности, когда Цезарь не будет больше считаться тираном. Тот же страх охватил и врагов моих и сенат, знавших, что если Цезарь не окажется тираном, им придется отвечать за убийство. Когда они из-за этого стали вести борьбу, я уступил после того, как почетные дары были заменены амнистией, чтобы за эту уступку получить все то, что мне было нужно. И что это значит и многого ли я добивался? — Чтобы не вычеркивалось имя Цезаря, которое я больше всего люблю, чтобы его состояние не было конфисковано, чтобы усыновление, которым теперь молодой Цезарь так хвастает, не было аннулировано, чтобы завещание сохранило свою силу, чтобы тело Цезаря было погребено с царскими по-

честями, чтобы присужденные ему когда-либо почести остались на вечные времена, чтобы все содеянное им сохранило силу и чтобы его сын и мы, его друзья, как полководцы, так и солдаты, находились в безопасности и вели славную жизнь вместо бесславной.

35. Как вам кажется, я потребовал от сената малые и незначительные уступки за амнистию? Или вы думаете, сенат дал бы это без амнистии? Было бы вполне достойно просто заплатить амнистией за перечисленные уступки и пощадить в прямом смысле этого слова убийц, если бы можно было приобрести вечную славу Цезарю и наше спасение. Но я сделал это не с таким намерением; я лишь отсрочил суд над убийцами. Когда я таким образом заставил сенат сделать то, что мне нужно было в первую очередь, а убийцы пребывали в беспечности, я вздохнул и отменил амнистию не решениями или постановлениями — это было невозможно, — а незаметно добиваясь благосклонности народа. Я вынес тело Цезаря под предлогом погребения на форум, обнажил его раны, показал их количество, окрававленную и разодранную одежду. Я многократно пред всеми с чувством восхвалял его доблести и любовь к народу. Я оплакивал его как убитого и одновременно призывал его как бога. Эти мои поступки и слова возбудили народ, они воспламенили огонь, несмотря на амнистию, и направили его на дома врагов, а людей изгнали из города. Вскоре обнаружилось, что все это делалось при противодействии сената и в огорчение ему; меня обвинили в заискивании перед народом, а убийц послали в провинции в качестве их правителей: Брута и Кассия в Сирию и Македонию с многочисленными войсками; им дан был совет спешить туда до наступления назначенного срока под предлогом заботы о продовольствии. Тогда меня объял еще больший страх, так как я не имел еще никакого войска. Я боялся, что придется выступить нам безоружными против такого количества вооруженных. К тому же еще мой коллега по консульству внушал подозрение: он всегда был против меня, прикидывался соучастником злоумышления против Цезаря и назначил день убийства днем рождения города.
36. В таком затруднительном положении я стремился обезоружить врагов, а их оружие отобрать для нас. И я убил Амация и вызвал Помпея, чтобы сенат, подкупленный этим, встал на мою сторону. Но я и теперь не доверял сенату и убедил Долабеллу, чтобы он Сирию требовал не у сената, а законодательным путем у народа. И я помогал при этом Долабелле, чтобы он из друга превратился в врага убийц и чтобы сенаторам неудобно было после Долабеллы отказать мне в Македонии. Но они мне и так не дали бы Македонии, даже после Долабеллы, из-за находившегося в Македонии войска, если бы я предварительно не уступил войско Долабелле, так как ему досталась Сирия и война против парфян. У Кассия и его сторонников

они не отняли бы ни Македонии, ни Сирии, если бы их не обеспечили другими провинциями. Дать им что-нибудь взамен было необходимо, а посмотрите, что они получили за то, что они отдали: лишенные всякой вооруженной силы Кирену и Крит. Этими странами пренебрегают даже наши враги как недостаточно надежными, а теперь они врываются силой в те провинции, которые у них отняты. Таким образом, и войско было передано Долабелле от врагов при помощи всяких хитростей, уловок и компенсаций. Так как оружие еще не было пущено в ход, приходилось действовать в согласии с законами.

37. При таком затруднительном положении, когда враги собрали войско, мне понадобилось войско из Македонии, но у меня не было достаточно повода вызвать его. Тогда был пущен слух, что геты разоряют Македонию. Но и этому не поверили, и были отправлены люди для проверки слухов. И вот я внес законопроект, запрещающий говорить о диктаторской власти, выносить решения или принимать эту власть, если она кому-либо будет присуждена. Только таким образом я сумел их обойти, и тогда они дали мне войско. Лишь теперь впервые я почувствовал себя равносильным противником своих врагов, не тех открытых врагов, о которых думает Цезарь, но тех врагов, которых больше, у которых большие силы и которые пока еще предпочитают оставаться неизвестными. Когда я этого добился, у меня остался другой убийца под боком, Децим Брут, и тот был управителем опасной провинции и обладал большим войском. Зная его большую смелость, я все же отнял у него Галлию, но обещал ему — чтобы придать пристойный облик своему поступку — в обмен Македонию, совершенно оголенную от войска. Сенат возмущался и понял ловушку. И вы знаете, что многие тогда переписывались с Децимом, знаете, что и сколько писалось. На меня натравливали уже моих преемников по консульству. Тогда я еще смелее решил взять провинцию не из рук сената, а от народа, путем законодательства. Войска я перебросил из Македонии в Брундизий с тем, чтобы ими воспользоваться в случае необходимости. И если богам угодно будет, мы ими воспользуемся, когда нас заставит нужда. 38. Так от большого страха, который нас до тех пор держал в своих руках, мы перешли к твердой уверенности относительно своего положения и смелости по отношению к врагам. Когда они появились, появилась у большинства и симпатия к врагам. Вы ведь видите, как они раскаиваются в принятых постановлениях, какие делаются усилия, чтобы отнять у меня Галлию, которая мне уже дана. Вы знаете, что они пишут Дециму и как они моих преемников по консульству убеждают изменить постановление о Галлии. Но с помощью отеческих богов, с благочестивой памятью о Цезаре, при вашем мужестве, с помощью чего побеждал и Цезарь, мы за него отомстим, добиваясь этого и телом и духом. Вот

что случилось со мной, друзья-солдаты; я хотел, чтобы это пока оставалось невысказанным, но оно стало фактом и стало вам известным, а вас я считаю участниками во всех моих делах и помыслах. Сообщите это и другим, если они этого еще не видят, кроме Цезаря, который к нам относится неблагодарно».

39. Так излагал все Антоний. Центурионам показалось, что все, что он сделал, было совершено с яркой ненавистью по отношению к убийцам и с хитростью к сенату. Они и теперь просили его помириться с Цезарем и уговорили их, а примирение состоялось на Капитолии. Немного позже Антоний привел к своим друзьям кое-кого из своих телохранителей, которые были якобы его помощниками, когда Цезарь злоумышлял против него. Неизвестно, была ли это клевета с его стороны, или он действительно так думал, или он узнал о посланных по лагерям и перевел на свою личность то, что было направлено против его дела. Как только эта весть обнаружилась, поднялся большой шум всюду, и произошло большое возмущение. Немногие более вдумчивые знали, что жизнь Антония полезна Цезарю, даже если он ему вредил, так как его боялись убийцы. Если бы он умер, им было бы менее опасно отважиться на все, так как они получали широкую поддержку сената. Так рассуждали более разумные. Большинство же, видя, как ежедневно Цезарь страдал от обид и какие лишения он нес, считали довольно вероятной эту клевету и считали, что грешно и невыносимо, чтобы жизнь Антония, консула, подвергалась опасностям. Цезарь, однако, выбежал к ним тогда, когда они были в таком настроении, с бешеным гневом и кричал, что он сам подвергается преследованиям со стороны Антония за свою дружбу к народу, которая все еще являлась единственным его достоянием. Подбежав к дверям Антония, Цезарь кричал то же самое, призывал богов в свидетели, произносил всякие клятвы, вызывал его на суд. Когда никто не вышел, он сказал: «Я готов судиться перед лицом твоих друзей», и с этими словами вбежал к нему. Когда его задержали, он кричал и бранил дверных сторожей, не допускавших, чтобы неправота Антония была доказана. Уходя, он призывал народ в свидетели, что если с ним что-нибудь случится, пусть знают, что он убит Антонием. Он сказал это с большой страстностью, и толпа изменила свое отношение к нему. Она раскаивалась в прежнем своем мнении. Некоторые и тогда отказывались доверять Цезарю и Антонию; другие подозревали, что все это одно притворство со стороны того и другого: они только что в храме пришли к соглашению, и это все инсценировали для того, чтобы обмануть врагов. Третьи полагали, что Антоний все это выдумывает, чтобы иметь повод для увеличения личной охраны и чтобы отвоевать у Цезаря колонии.

40. Цезарь узнал через посредство тайно отправленных упол-

номоченных, что войско в Брундизии и колонисты досадовали на Антония за то, что он забывал об убийстве Цезаря, и что они придут к нему на помощь, если это будет возможно. Антоний отправился по этой же причине в Брундизий, а Цезарь, опасаясь, что он вернется с войском и застанет его беззащитным, отправился с деньгами в Кампанию, чтобы склонить города, заселенные его отцом, сражаться на его стороне. И он склонил к этому сначала Калатию, а затем Казилин. Эти два города лежали по обеим сторонам Капуи. Цезарь дал каждому солдату 500 драхм и повел за собой 10 000 человек, которые не были вооружены полностью и не были разбиты на отряды, но были объединены, как бы для личной охраны Цезаря, под одним знаменем. В Риме боялись Антония, надвигавшегося с войском; когда же стало известно, что и Цезарь подходит с другим войском, страх удвоился. Иные были рады, что им удастся воспользоваться Цезарем против Антония. Третьи, видевшие в свое время их примирение на Капитолии, считали все происходившее простым притворством — компенсацией для Антония за верховную власть, а Цезарю за отмщение убийцам.

41. При таком общем беспокойстве к Цезарю пришел трибун Кануций, личный враг Антония и поэтому друг Цезаря. Он узнал план Цезаря и сообщил народу, что Цезарь наступает с открытыми враждебными действиями на Антония. Он объяснил, что тем, кто боится тирании Антония, необхходимо присоединиться к Цезарю, так как другого войска у них сейчас нет. Сказав это, Кануций ввел в город Цезаря, который расположился лагерем в храме Марса, в 15 стадиях от города. Когда они вошли в город, Цезарь подошел к храму Диоскуров, а солдаты его окружили храм, тайно вооружившись мечами; Кануций сначала выступил с речью перед народом против Антония, а Цезарь напомнил им о своем отце и о том, что ему приходится претерпевать от Антония, что это-то и явилось причиной, почему он собрал войско для своей охраны. Он заявил, что он всегда будет слугой отечества и послушным его гражданином, в настоящее же время он готов двинуться против Антония. 42. Сказав это, Цезарь распустил собрание. Войско думало, что оно, наоборот, прибыло для примирения Антония с Цезарем или хотя бы для охраны Цезаря и для отмщения убийцам, и возмущалось речью, направленной против Антония, который был их полководцем и консулом. Одни из них поэтому отпросились домой, чтобы вооружиться; они сказали, что не могут пользоваться чужим оружием, а только своим. Другие давали понять свое действительное настроение. Цезарь находился в недоумении; он очутился в положении, противоположном тому, которого ожидал. Но он надеялся справиться с ними скорее убеждением, чем силой, и согласился на их мнимые причины ухода: одних он послал за оружием, других попросту домой. Все же, скрывая свое огорчение, он

похвалил их за то, что они собрались, и одарил их еще дарами. Он обещал отблагодарить их еще более щедро, всегда в необходимых случаях пользуясь их услугами скорее в качестве друзей отца, чем солдат. Только одну или три тысячи он убедил остаться у него из десяти (о точной цифре источники расходятся). Остальные не ушли от него, но вспомнили сразу о тяготах сельских работ и о прибыли от похода, и о речи Цезаря, и о готовности его к тому, чего они хотели, о знаках милости, которые они получили и которые они еще рассчитывали получать. Как это свойственно непостоянной толпе, они изменили свою точку зрения и, пользуясь для приличия указанным предлогом, вооружились и вернулись к нему. Цезарь же с новыми денежными суммами объезжал Равенну и всю прилегающую к ней область, вербовал в войска все новые и новые массы и всех посылал в Арреций.

43. К Антонию в Брундизий прибыло четыре из находившихся в Македонии пяти легионов. Упрекая его в том, что он не мстит за убийство Цезаря, они его без обычного приветствия повели к трибуне с тем, чтобы он в первую очередь отчитался перед ними. Он не сдержался, а стал бранить их за неблагодарность: ведь он их вывел из Парфии в Италию! Упрекал он их в том, что они в то время, когда дерзкий мальчишка — так он называл Цезаря — подослал к ним людей, чтобы их подкупить, не выдали этих людей. Но он их сам найдет, а войско поведет в присужденную ему счастливую Галлию и каждому из присутствующих подарит 100 драхм. Они засмеялись над этим скромным обещанием, а когда он рассердился, они еще больше стали шуметь и разбежались. Антоний встал и сказал только следующее: «Вы научитесь повиноваться». Он узнал у военных трибунов имена мятежных солдат — в римских войсках всегда записывали нрав каждого отдельного солдата — и по военному закону бросил жребий; однако он не казнил целиком всю десятую часть войска, а только часть ее, полагая, что он их таким путем быстро устрашит. Но это вызвало в них не страх, а скорее гнев и ненависть.

44. Это заметили те, кого Цезарь послал, чтобы подкупить солдат Антония. Тогда они разбрасывали особенно много прокламаций по лагерю, указывая, чтобы солдаты, вместо скаредных обещаний Антония и его жестокости, вспомнили о первом Цезаре, о помощи теперешнего и о богатых его раздачах. Антоний разыскивал этих людей, обещая большие деньги за их выдачу, и угрожал тем, кто их укрывал. Когда же он никого не изловил, он рассердился, что все войско их покрывает. Сообщения о том, что делалось Цезарем в колониях и в Риме, взволновали его; он снова выступил перед войском и сказал ему, что он удручен всем случившимся, а именно, что пришлось под давлением военной необходимости применить казнь, но что казнены немногие вместо многих, которым полагалась

казнь по закону. Они ведь знают, что Антоний ни жесток, ни скареден. «Но прочь, — продолжал он, — всякое взаимное недовольство; пусть оно успокоится на этих преступлениях и наказаниях. 100 драхм я велел вам выдать не как награду — это ведь не соответствует удаче Антония, — а скорее как дар в честь первой нашей встречи. Необходимо подчиняться ему согласно закону отцов и военному закону, как в данном случае, так и во всех остальных». Таковы были его слова; но он ничего не прибавил к награде, чтобы не казалось, что он, полководец, уступает солдатам. Они же взяли деньги или потому, что передумали, или из страха. Антоний сменил их трибунов или потому, что все еще гневался на мятеж, или не доверял им по другим причинам. Остальных солдат он принимал по мере необходимости и отправлял одного за другим по побережью в Аримин. 45. Сам он набрал преторианскую когорту из лучших в физическом и нравственном отношении людей и направился в Рим, чтобы оттуда итти в Аримин. Свой въезд в Рим Антоний обставил пышно; когорту расположил лагерем перед городом, лиц, окружавших его, вооружил мечами, и они ночью охраняли его дом в полном вооружении. Им давались пароли, и вообще стража сменялась как в лагере. Антоний созвал сенат, чтобы высказать по адресу Цезаря упрек по поводу его поступков, но при входе в сенат он уже узнал, что из четырех легионов так называемый легион Марса в пути перешел на сторону Цезаря. А когда Антоний медлил с входом в сенат и растерялся, ему было сообщено, что и так называемый четвертый легион перешел к Цезарю совершенно так же, как и легион Марса. Потрясенный этим, Антоний вошел в сенат. Но там он говорил немного и повел свою речь так, как будто бы он их созвал для другой цели, и сразу же отправился к воротам, а от ворот направился в Альбу, чтобы уговорить отложившихся. Его встретили обстрелом со стены, и он должен был отправиться обратно, остальным же легионам послал по пятьсот драхм каждому солдату. Антоний пошел в Тибур с имевшимися у него легионами, снаряженный таким образом, как снаряжались обычно отправлявшиеся на войну. А война была уже явная, так как Децим не оставлял Галлии. 46. Когда Антоний был там, почти весь сенат и большинство из всадников прибыли, чтобы оказать ему почести; пришли и от народа виднейшие представители. Они застали его, когда он приводил к присяге присутствовавших солдат и собравшихся у него ветеранов — их было много. Последние охотно присоединились к присяге и поклялись в постоянной приверженности и верности ему, так что можно удивляться, кто же были те, кто еще так недавно на созванном Цезарем собрании поносил Антония.

С такою пышностью проводили его в Аримин, где начинается Галлия. Войско Антония насчитывало, кроме вновь набранных,

три легиона, вызванных из Македонии, к нему прибыла и остальная часть солдат — один легион ветеранов, которые, несмотря на возраст, казались вдвое лучше новобранцев. Таким образом у Антония оказалось четыре обученных легиона, да кроме того все те, кто в качестве вспомогательного войска обычно следует за легионами, личная его охрана и новобранцы. Лепид со своими четырьмя легионами был в Испании. Азиний Поллион с двумя легионами и Планк с тремя легионами в Трансальпийской Галлии; все эти силы, казалось, были готовы примкнуть к Антонию.

47. У Цезаря было два перешедших к нему от Антония легиона, равным образом заслуживавших наибольшего внимания: один — из новобранцев и два из выслуживших свой срок. Последние два легиона не были ни количественно, ни по снаряжению вполне укомплектованы, но были пополнены вновь набранными; стянув их всех к Альбе, Цезарь послал донесение сенату. Сенат выражал ему свою радость, так что и здесь можно было недоумевать, кто же были те, кто сопровождал Антония. Легионами сенаторы были недовольны за то, что они перешли к Цезарю, а не к сенату. Все же они одобряли как их, так и Цезаря и обещали вынести решение о том, что им надлежит делать, несколько позже, когда вновь избранный магистрат приступит к исполнению своих обязанностей. Было, однако, совершенно очевидно, что сенат их поведет против Антония. Но так как у сената не было еще ни одного своего легиона, а набор был невозможен без консулов, все было отсрочено до вступления в должность нового магистрата.

48. Солдаты привели к Цезарю ликторов с фасциями и просили его, чтобы он объявил себя пропретором и военачальником над теми, кто всегда подчинен был командирам. Цезарь хоть и выразил свое удовлетворение этими почестями, но все же передал это дело в сенат. Когда солдаты из-за этого хотели все вместе отправиться в Рим, он этого не допустил и удерживал делегатов, считая, что сенат сам вынесет свое постановление, тем более если он узнает о их готовности и о его в данном случае нерешительности. С трудом достигнуто было соглашение; а офицеры обвиняли Цезаря в надменности, он же защищался перед ними и утверждал, что сенат склоняется на его сторону не столько из-за сочувствия к нему, сколько из-за страха перед Антонием и из-за отсутствия у сената войска, «пока мы не уничтожим Антония, а все убийцы, родственники и друзья сената, соберут для него военную силу». «Чувствуя это, — говорил Цезарь, — я притворился послушным слугой сената. Не откроем ему наших карт преждевременно; если мы заручимся властью слишком рано, он нас обвинит в беззаконии и насилии. Если мы поведем себя скромнее по отношению к сенату, он ее, пожалуй, и сам нам даст, боясь, как бы я эту власть не получил от вас». После этих слов Цезарь устроил

военные упражнения для двух перешедших к нему от Антония легионов, которые, выстроившись один перед другим, выполняли все, что полагается на войне, не допуская только убийства. Удовлетворенный этим смотром и охотно воспользовавшись этим предлогом, Цезарь дополнительно выдал каждому по 500 драхм и обещал, если война окажется необходимой, в случае победы выдать им 5 000. Так Цезарь обеспечил за собою своих наемников при помощи щедрых подарков.

49. Вот что происходило в Италии. В Галлии Антоний приказал Дециму переправиться в Македонию согласно решению народа и в своих личных интересах. Децим переправил Антонию в ответ письмо, полученное им от сената, гласившее, что не столько ему надлежит уступить, повинуясь воле народа, сколько Антонию сделать это, повинуясь воле сената. Антоний назначил срок, после которого он обещал открыть военные действия; Децим рекомендовал ему назначить более отдаленный срок, чтобы не слишком скоро сделаться врагом сената. Антоний, который легко справился бы с Децимом, когда тот еще находился в открытом поле, решил двинуться на города, которые и приняли его. Децим в страхе, что ему не удастся вообще ни в один из них войти, выдумал будто бы полученное им письмо от сената, звавшее его вместе с войсками в Рим. Он снялся со стоянки и пошел по дороге, ведущей в Италию. Его принимали все, думая, что он уходит совсем, пока он не подошел к богатому городу Мутине. Он закрыл ворота, употребил все продовольствие Мутины на содержание войска, зарезал весь имевшийся у них вьючный скот и засолил его, опасаясь долговременной осады, в ожидании Антония. Войско у Децима состояло из множества гладиаторов и трех легионов тяжеловооруженных. Один легион состоял из недавно завербованных еще неопытных людей, два же легиона, служившие и раньше под его командой, были весьма надежны. Антоний двинулся на него, полный гнева, и отгородил Мутину рвами и стенами. Децим оказался осажденным в городе.

43 г. 50. В Риме 1-го числа нового года стали консулами Гирций и Панса. Они собрали сразу после жертвоприношения в Капитолийском храме сенат против Антония. Цицерон и его друзья считали уже, что его следует объявить врагом, так как он, против желания сената, ворвался с оружием в руках в Галлию, как угрожающее отечеству пограничное укрепление, а войско, которое он получил для действия против Фракии, перевел в Италию. Они упрекали его и в другом плане, как на это указывал и Цезарь, а именно, что он в городе открыто окружил себя телохранителями из большого количества центурионов, а дом свой обратил в крепость, применяя оружие и пользуясь военными паролями. Сверх того, и многие другие поступки Антония казались сенату более заносчивыми, чем можно было ожидать при всего одногодичной магистратуре. Луций

Пизон, управлявший делами Антония во время его отсутствия, принадлежавший к наиболее видным римским гражданам, и другие, примыкавшие к Пизону либо ради него самого либо ради Антония или по собственным убеждениям, решили, что Антония следовало бы вызвать в суд, так как, по их мнению, не соответствовало отеческим законам произносить приговор над не подвергавшимся суду и что это непристойно в отношении консула, только что окончившего свой срок и которого восхваляли много и беспрерывно и Цицерон и другие. Сенат колебался до ночи в своих решениях. Рано утром сенаторы собрались по тому же делу. Тогда перевес был на стороне сторонников Цицерона, и Антоний был бы объявлен врагом, если бы Сальвий, один из трибунов, не велел отложить решение на другой день, — голос того среди магистратов, кто возражает, всегда имеет больше веса. 51. Приверженцы Цицерона поносили и оскорбляли сильно Сальвия. Выбежав, они возбуждали народ против него и вызвали его в народное собрание. Сальвий собирался было туда без страха, как вдруг сенат его задержал. Сенат боялся, что Сальвий переубедит народ, напоминая об Антонии. Ведь они хорошо знали, что они выносят до суда приговор над видным человеком и что народ поручил ему Галлию. Но опасаясь за участь убийц, они досадовали на того, кто первый у них опять все взбудоражил после амнистии. Поэтому они и выдвинули заранее против Антония Цезаря. А Цезарь, хорошо понимая это, предпочел и без того устранить Антония. По всем этим соображениям сенат и гневался на Антония, решение же свое отсрочил согласно требованию трибуна. Вместе с тем сенат постановил похвалить Децима за то, что он не сдал Галлию Антонию; Цезарю поручено было отправиться в поход вместе с Гирцием и Пансой и с тем войском, какое у него тогда было, решили поставить позолоченную его статую и предоставить ему голосовать вместе с бывшими консулами, быть ему консулом десятью годами раньше законного срока; легионам, перешедшим к нему от Антония, было выдано из государственного казначейства столько, сколько Цезарь обещал им выдать за предстоящую победу. После этого постановления сенаторы разошлись, а Антоний из всего этого узнал, что он действительно объявлен врагом и что трибун против этого возражений не представил. Мать Антония, жена и сын его, еще подросток, и остальные домочадцы и друзья всю ночь бегали по домам влиятельных граждан, упрашивая их, а днем они приставали к тем, кто шел в сенат, кидаясь им в ноги с воплем и плачем, были в черной одежде, кричали у дверей. Их голоса и столь неожиданно происшедшая перемена переломили настроение. Испугавшись этого, Цицерон в сенате выступил с такой речью: 52. «То, что надо было постановить относительно Антония, было постановлено вчера. Теми почетными постановлениями,

которыми мы почтили его врагов, мы объявили его врагом. Сальвий, который один мешает, должен быть или умнее всех, или поступает так из дружбы, или по незнанию того, что произошло. Самое позорное для нас будет, если мы все окажемся глупее одного, а для самого Сальвия, если он предпочтет дружбу государству. Если он не знает настоящего положения дел, он должен был бы доверять консулам, вместо того чтобы доверять себе, доверять преторам и трибунам, одновременно с ним выполняющим должность, и другим сенаторам, нам, кто и по положению и по количеству составляет такую силу, а по возрасту и по опыту превосходит Сальвия: мы обвиняем Антония. Всегда право на стороне большинства, как при выборах, так и в судебных процессах. Если теперь ему нужно узнать побудившие нас причины, то я раскажу вкратце, чтобы об этом напомнить, про крупнейшие проступки Антония. Наши деньги после смерти Цезаря он присвоил себе. Получив от нас управление Македонией, он без нашего решения отправился в Галлию. Получив войско против Фракии, он повел его вместо Фракии против Италии. Испросив наше согласие на оба эти мероприятия с целью обмана и не получив согласия, он действовал самочинно. В Брундезии он издал приказ, чтобы его окружала царская когорта. И его охраняли открыто в городе вооруженные, да и ночью они его сторожили. Из Брундизия он повел и все остальное войско на Рим, быстрее добиваясь сделать то, что задумал делать Цезарь старший. Когда же молодой Цезарь с другим войском опередил его, он испугался и повернул в Галлию как удобную операционную базу против нас, ведь и Цезарь, исходя оттуда, царил над нами. 53. Войско он терроризовал так, чтобы оно ни перед чем не останавливалось, если он предпринимал что-нибудь противозаконное, и по жребию приговорил к смертной казни тех, кто ни поднял мятежа, ни покинул караула или военного строя. Только в таких случаях военный закон применяет столь жестокую кару, да и то немногие применяли ее в перечисленных случаях, даже во время крайней опасности, под давлением необходимости. А он за один крик или за раздавшийся смех осуждал на смерть граждан, да и то не тех, кого уличили в этих поступках, а тех, на кого падет жребий. Поэтому-то все, кто мог, отошли от него, и вы постановили вчера отложившихся наградить за то, что они правильно в этом случае поступили. А те, кто не мог убежать, из страха участвуют в беззакониях, как враги идут на вашу страну, осаждают ваше войско и вашего полководца. Вы пишете ему, чтобы он оставался в Галлии, а Антоний приказывает ему уйти оттуда. Объявляем ли мы Антония врагом или Антоний с нами уже воюет, этого и трибун наш еще не знает, пока не падет Децим, а большая страна и пограничная с нами, а с нею вместе и войско Децима присоединятся к Антонию для осуществления его надежд, направ-

ленных против нас. Тогда, пожалуй, и трибун его признает врагом, когда он станет сильнее нас».

54. Когда Цицерон это еще говорил, друзья его нескончаемым шумом не давали никому возражать, пока не вышел Пизон и остальная часть сената из уважения к этому человеку не умолкла, а приверженцы Цицерона не воздержались от выступлений. Пизон сказал: «Закон требует, чтобы обвиняемый сам слушал предъявленные ему обвинения, защищался и тогда лишь подвергался суду. Я призываю в свидетели этого обычая Цицерона, сильнейшего оратора. Так как он уклоняется произносить обвинение в присутствии Антония, а в его отсутствии высказал ряд очень якобы веских и неоспоримых упреков, я выступил с тем, чтобы доказать в кратких ответах, что это ложь. Цицерон говорит, что Антоний после смерти Цезаря присвоил себе государственные деньги; но закон не называет вора врагом, а наказывает определенным наказанием. Брут убил Цезаря в присутствии народа и высказал обвинение, что Цезарь расхитил имущество и оставил казну пустой, а Антоний постановил спустя некоторое время, чтобы это имущество розыскали; вы одобрили это постановление и дали ему законную силу и обещали десятую часть тем, кто укажет, где оно находится; мы удвоим эту сумму, если кто-нибудь в состоянии уличить Антония в похищении этих средств. Это относительно денег. 55. Галльскую провинцию не мы присудили Антонию, а он получил ее от народа в присутствии самого Цицерона в законодательном порядке, так же как народ часто давал Цезарю всякие другие провинции и эту самую. В этом законе заключено право Антония отправиться в данную ему провинцию, но Децим ее ему не уступает, и Антоний правомочен открыть против него военные действия; войска повести не против фракийцев, которые больше не проявляют враждебных действий, а в Галлию, против того, кто ему сопротивляется. Но Цицерон Децима не считает врагом, того Децима, который против закона взялся за оружие, а объявляет врагом Антония, отстаивающего закон. Если же он обвиняет сам закон, то он обвиняет тех, кто его принял. Их следовало бы переубедить, а не обижать после того, как он сам участвовал в законодательном акте, не следовало бы доверять страну Дециму, которого народ преследовал за убийство, а Антонию не доверять того, что народ ему дал. Не дело хороших советчиков противопоставлять себя народу в чрезвычайно тревожное время и забывать, что и само это право, т. е. решать вопросы о дружбе и вражде, являлось раньше правом народа. Ведь согласно древним законам лишь народ полновластен рассматривать вопросы о мире и войне. Это право нам народ никогда бы не передал и не имел бы оснований для гнева, если бы он имел своего руководителя. 56. Но Антоний убил кое-кого из солдат. На то он император; мы выбрали его таковым. Никогда еще ни

один император не отчитывался в таких действиях. Законы не считают полезным, чтобы начальник находился под отчетом у своих солдат.

Нет ничего хуже во время похода, чем непослушание: оно привело даже к убийству некоторых из числа одержавших победу, но никто не привлекал к ответственности тех, кто был убийцею. Высказывает упреки по поводу нынешнего положения вещей не родственник, не кто-либо из пострадавших, их высказывает Цицерон; выдвигая обвинения в убийстве, он, вместо установленных для убийц наказаний, предлагает назвать Антония общим врагом. Войско Антония имело плохую дисциплину, обращалось с ним заносчиво. Об этом свидетельствуют два перебежавших от него легиона. Вы постановили, чтобы они состояли под командой Антония; однако, когда они против всех воинских законов перебежали не к вам, а к Цезарю, Цицерон их похвалил и заплатил им недавно жалованье из государственных денег. Как бы этот пример не причинил вам когда-нибудь неприятностей! Вражда привела Цицерона к противоречиям: он обвиняет Антония в тирании и истязании солдат; между тем помышляющие о тирании всегда добиваются популярности у войска, а не наказывают его. Так как Цицерон не поколебался всю остальную деятельность Антония после смерти Цезаря назвать тиранией, рассмотрим все по порядку. 57. Кого убил он как тиран без суда, он, подвергающийся теперь опасности без суда? Кого он изгнал из города? Кого он в ваших глазах очернил? Или, может быть, он по отношению к отдельным лицам не был таким, а злоумышляет против всех вместе? Когда это было, Цицерон? Тогда ли, когда он провел закон об амнистии за все случившееся? Или когда он постановил не преследовать за убийство? Или когда он выдвинул закон о взыскании государственных средств? Или когда он вызвал Помпея, сына вашего Помпея, и вернул ему отцовское достояние из государственных средств? Или когда он захватил злоумышленника Лже-Мария и убил его? Вы все тогда хвалили его за все это, и только из-за вас Цицерон его в этом не упрекал. Или когда он принял решение, что никому не следует вносить законопроект о диктатуре или баллотировать этот законопроект и что внесший его может быть убит любым человеком безнаказанно? Таковы были действия Антония за те единственные два месяца после Цезаря, что он оставался в городе; тогда народ преследовал убийц, а вы боялись за будущее. Какого более благоприятного времени мог он ожидать, если у него были злые намерения? И тем не менее он не употребил своей власти для враждебных мероприятий. Как? Разве он не управлял один, когда Долабелла отправился в Сирию? Разве у него не было наготове войско в городе, которое он от нас получил? Разве он не охранял ночью город? Разве ночная стража не вызвана кознями вра-

гов? Разве у него не было повода — убийство Цезаря, друга и благодетеля города, пользовавшегося наибольшей популярностью у народа? Разве у него не было личного предлога, когда его жизнь преследовали эти люди? Он не убивал и не изгонял никого из них, а прощал, поскольку это возможно, а когда им поручались провинции, он не возражал против этих поручений. Вы видите, римляне, в чем состоят самые веские и неоспоримые обвинения, которые предъявляются Цицероном Антонию. 58. К этим обвинениям присоединяют еще догадки, будто Антоний имел намерение повести войско против города, но испугался, в виду того, что Цезарь еще до этого занял город другим войском. Как же вы не сочли врагом того, кто без соответствующего чина пошел на нас войной и расположился лагерем возле нас, если уже одно намерение Антония вы считаете признаком враждебности? Почему же Антоний, если он этого хотел, не пришел? Или он со своими регулярными войсками в 30 000 человек испугался нерегулярных, невооруженных 3 000 человек Цезаря, собравшихся вокруг Цезаря только для того, чтобы примирить его с Антонием, и оставивших его сразу же, когда они узнали, что он выбрал войну? Если он боялся явиться с тридцатью тысячами, как же он потом пришел с одной только тысячью? Когда он отправлялся по направлению к Тибуру, сколько нас провожало его? И сколько нас давало ему клятву, хотя ее никто от нас не требовал? Сколько расточал Цицерон похвал за его управление государством, за его доблесть? А если Антоний замышлял, то в чем его обвиняет Цицерон? Как же оставил он нам своих заложников, стоящих сейчас перед сенатом, — мать, жену и подростка сына? Они плачут и боятся не за поведение Антония, они боятся власти его врагов. 59. Я привел вам все это как образчик моей защиты Антония, как образчик перемены образа мыслей у Цицерона. Всем здравомыслящим я даю совет: не грешите ни против народа, ни против Антония, чтобы не навлекать опасностей и вражды на республику, когда государство еще болеет и не имеет того, кто может быстро его защитить. Соберите сначала силу, пока не подымаются волнения за пределами города, силу, которая могла бы быть достаточной: тогда следите зорко за всеми теми, кто вас утеснял, и осуждайте, кого хотите, раз вы в состоянии выполнить постановление, которое будет вынесено судом. Как же все это может быть осуществлено? Предоставим Антонию управлять Галлией, чтобы действительно или для видимости угодить народу; Децима же мы отзовем сюда с его тремя легионами, а когда он прибудет, отправим его в Македонию, легионы же задержим здесь. Если и отпавшие от Антония два легиона перешли к нам, как утверждает Цицерон, то призовем и их к себе в город. Тогда у нас будет 5 легионов, и мы можем выносить с достаточной уверенностью нужные нам постановле-

ния, не ставя наши надежды в зависимость от произвола какого-либо одного человека. 60. Все это я сказал тем, кто слушает меня без неприязни и стремления к спорам. Тем же, кто неосмотрительно и необдуманно возбуждает вас из личной вражды или любви к спорам, я советую не быть слишком быстрыми судьями и не поступать легкомысленно по отношению к значительным людям, имеющим к тому же в своем распоряжении достаточное войско, и не вызывать их против их воли к войне. Им следует вспомнить о Марции Кориолане и о том, что недавно было с Цезарем, который также возглавлял войско и предлагал нам соглашение, которое было бы для нас самым лучшим. А мы опрометчиво объявили его врагом и вынудили его на самом деле стать таковым. Далее, следует щадить также и народ, бросившийся недавно на убийц Цезаря, чтобы ему не казалось, что мы раздаем провинции для издевательства над ними или что Децима мы хвалим за то, что он нарушает закон, изданный народом, а Антония считаем врагом, потому что он получил Галлию из рук народа. Об этом следует думать тому, кто правильно рассуждает, в интересах тех, кто еще ошибается, консулы же и трибуны должны еще больше заботиться о государстве, находящемся в опасности».

61. Так защищал Пизон Антония, одновременно и упрекая и угрожая. Он был очевидным виновником того, что Антоний не был объявлен врагом. Но предложение, чтобы Антоний управлял Галлией, не прошло: друзья и родственники убийц помешали этому из боязни, что Антоний будет мстить им за убийство, когда война кончится и он примирится с Цезарем. Поэтому они делали все, чтобы Цезарь и Антоний вечно были во вражде. Они постановили сообщить Антонию, что ему досталась Македония вместо Галлии. Остальные поручения они или опрометчиво или нарочно велели изложить Цицерону и передать их послам. Он, искажая постановление, написал так, чтобы Антоний немедленно вышел из Мутины и передал Дециму Галлию, чтобы он явился по сию сторону Рубикона, являвшегося границей между Италией и Галлией, в определенный день и ждал дальнейших решений сената относительно себя. Так провоцировал Цицерон ссору и исказил в своем письме поручения, несмотря на то, что никакой особой вражды между Антонием и Цицероном не было; казалось, что божество толкало государство к перевороту и подготовляло беду для Цицерона. Когда в то же время были доставлены останки Требония и поступили более обстоятельные сведения о совершенном над ним насилии, сенат без сопротивления объявил Долабеллу врагом.

62. Отправленные к Антонию послы, стыдясь необычности данных им поручений, не прибавив ни одного слова, просто передали их ему. Антоний гневно высказался по адресу сената и Цицерона. Он выражал свое недоумение по поводу того, что

сенат считает Цезаря, так много сделавшего для упрочения римского могущества, тираном или царем, Цицерона же таковым не считает. Несмотря на то, что Цезарь взял в плен во время войны Цицерона, но не убил его, последний отдает теперь предпочтение убийцам Цезаря перед его друзьями; Децима, когда он был другом Цезаря, Цицерон ненавидел, а когда Децим стал убийцей Цезаря, Цицерон его полюбил. К человеку, который получил Галлию ни от кого иного, как от Цезаря, он благоволит, а тому, кто ее получил от народа, он чинит препятствия. «Из назначенных мне легионов, — продолжал Антоний, — награды получают те, которые перебежали, те же, которые остались верными, ничего не получили: этим он развращает солдат и вредит больше городу, чем мне. Убийцам он даровал амнистию, и я присоединился к этому ради двух заслуживающих уважения лиц, Антония же и Долабеллу он считает врагами, потому что мы держимся того, что нам дали. Вот где истинная причина: и если я откажусь от Галлии, я не буду считаться ни врагом, ни единоличным правителем. Будьте свидетелями, что я нарушу эту не пришедшуюся им по вкусу амнистию».

63. Сказав много в таком роде, Антоний написал в ответ на постановление сената, что он во всем повинуется ему как представителю его отечества; Цицерону же, составившему текст такого поручения, он дает следующий ответ: «Народ дал мне Галлию особым законом, и я накажу Децима, не повинующегося этому закону. Кару за убийство я возложу на одного за всех, чтобы очистить от греха сенат, оскверненный теперь присутствием Цицерона, поддерживающего Децима». Это сказал и это написал Антоний. Сенат немедленно объявил его врагом, равно войско его, если оно от него не откажется. Начальником Македонии, Иллирии и стоявших в обеих провинциях остальных войск был назначен Марк Брут до тех пор, пока в республике прежний строй не будет восстановлен. У Брута уже было свое войско, другое он получил от Апулея; у него были военные и транспортные суда, 16 000 талантов деньгами и много оружия, которое было давно уже заготовлено для Гая Цезаря в Димитриаде. Сенат постановил, чтобы он всем этим пользовался на благо отечества. Кроме того, было постановлено, что Кассий будет управлять Сирией и вести войну с Долабеллой. Всем же остальным, кто управлял какой-либо провинцией или римским войском от Ионийского моря по направлению на восток, было приказано подчиняться всем приказаниям Кассия или Брута.

64. Так сенат быстро и решительно создал авторитет Кассию и его партии. Цезарь при вести об этом недоумевал: амнистия, думал он, имела еще видимость человеколюбия и жалости к родственникам и людям сенаторского звания; представляя им небольшие провинции, желали гарантировать им

безопасность; подтверждая Дециму обладание Галлией, сенаторы создали представление, будто они находятся во вражде с Антонием из-за его стремления к единовластию, что должно было послужить предлогом к размолвке и его, Цезаря, с Антонием. С другой стороны, объявление Делабеллы врагом из-за убийства одного из убийц, замена Бруту и Кассию провинций, которыми они управляли, начальством над самыми большими провинциями, выделение для них больших войск и денег, назначение их полководцами над всеми полководцами, которые находятся по ту сторону Ионийского моря, — все это повышало значение партии Помпея и ослабляло значение партии Цезаря. Он задумывался и над той уловкой, которую они пустили в ход по отношению к нему, еще молодому человеку: правда, ему декретировали и статую и председательство, его назначили пропретором, на деле же выходило, что его лишали того войска, которое принадлежало ему. Ведь когда консулы командуют в армии, роль пропретора ничтожна. Он считал, что выдача наградных только тем солдатам, которые перебежали к нему от Антония, затронет честь его солдат. Да и вся война для него дело постыдное, и фактически сенат пользуется им против Антония до полного низвержения последнего.

65. Впрочем, Цезарь держал эти мысли про себя и во время жертвоприношения, совершенного по поводу получения новой должности, он сказал войску: «Все это я получил, соратники, от вас, не теперь, а с того момента, как вы дали мне власть. Ведь сенат дал мне ее из-за вас. Так что будьте уверены, за это я буду считать себя обязанным вам и, если боги дадут удачу, отплачу за все одновременно». Так Цезарь располагал к себе войско и привлекал его к себе. Из консулов панса набрал войско по всей Италии, Гирций поделил войско с Цезарем, а так как сенат провел для него набор тайно, он требовал части из двух легионов, которые отложились от Антония, зная, что это наиболее ценная часть войска. Цезарь со всем согласился. Поделив войско, они проводили зиму вместе. Когда она была на исходе, Децим уже страдал от голода, а Гирций и Цезарь отправились на Мутину, чтобы Антоний, воспользовавшись тем положением, в каком находилось войско Децима, не овладел им. Мутина зорко охранялась Антонием, а Гирций и Цезарь не выступали со всеми силами против Антония, поджидая Пансу. Тем временем происходили частые кавалерийские стычки. Правда, у Антония всадников было больше, но неудобство местности, прорезанной горными потоками, лишало большие части кавалерии всякого преимущества.

66. Так шли дела под Мутиной. В Риме в отсутствие консулов Цицерон действовал при помощи демагогии. Народные собрания происходили часто. Готовилось оружие, причем были мобилизованы все ремесленники без вознаграждения за работу, собирались деньги, и налагались тяжелые контрибуции

на друзей Антония. Они вносили все требуемое с большой готовностью, избавляя себя этим от всяких обвинений, до тех пор пока Публий Вентидий, товарищ по оружию Гая Цезаря и друг Антония, не перенеся гнета Цицерона, не убежал в колонии Цезаря и, как известный человек вновь набрав для Антония два легиона, не поспешил к Риму, чтобы захватить Цицерона. Поднялась большая тревога. Большинство, потеряв всякую надежду, незаметно удаляло детей и женщин из города, Цицерон же убежал из Рима. Узнав об этом, Вентидий направился к Антонию. Но он был отрезан Цезарем и Гирцием, зашел в область Пиценума, набрал еще один легион и стал выжидать, что будет. Когда Панса приближался с войском, свита Цезаря послала к нему Карсулея, который вел преторианскую когорту и Марсов легион для облегчения ему прохода через ущелья. Антоний, не придавая значения этому ущелью, считал его лишь пригодным для того, чтобы задержать в нем врага. Он горел, однако, желанием завязать сражение, но не мог блеснуть своей кавалерией, так как равнина была болотистая и окружена рвом; поэтому он спрятал два лучших легиона в болото с обеих сторон искусственно проложенной узкой дороги, заслонив их камышом. 67. Карсулей и Панса прошли ущелье ночью. Рано утром они с одними лишь когортами Марсова легиона и пятью другими взошли на искусственно проложенную дорогу, еще свободную от врагов. Они тщательно осматривали болото, лежавшее с обеих ее сторон. Камыш колебался, и это вызвало у них подозрение. Там и сям показывались уже щиты и шлемы, и вдруг и преторианская когорта Антония появилась перед ними. Солдаты Марсова легиона, окруженные со всех сторон, не видя возможности бежать, велели вновь набранным воинам не сражаться вместе с ними, чтобы по неопытности не внести беспорядка в их ряды. Против преторианской когорты Антония они выстроили преторианскую когорту Цезаря. Сами они вышли в болото, разделившись на две части; одну возглавлял Панса, другую Карсулей. Так как болот было два, то было и два сражения, разделенные проходом так, что одни не видали, что происходило у других, на проходе же между болотами преторианские когорты вели свое сражение сами по себе. Солдаты Антония собирались отомстить Марсову легиону за то, что они перешли к врагу и оказались изменниками по отношению к ним; Марсов легион хотел наказать их за равнодушное отношение к убитым в Брундизие. Зная, что они представляют самые сильные части в войске и Антония и Цезаря, они были уверены, что именно в этом бою решат исход войны. Одним, составлявшим два легиона, совестно было потерпеть поражение от одного легиона врага, а других воодушевляло честолюбие победить два легиона противника, несмотря на то, что они составляли только один легион.

68. Так они ринулись друг на друга, разгневанные, обуреваемые честолюбием, больше следуя собственной воле, чем приказу полководцев, считая эту битву своим личным делом. Наученные опытом, они воздержались от боевых криков, так как это никого бы не испугало; никто не издавал звука во время сражения, ни при победе, ни при поражении. Не будучи в состоянии ни обходить противника, ни бежать, так как они сражались на болотах и рвах, они крепко стояли, как вкопанные, друг против друга, никто не мог ударить другого мечом; они сцепились как в борьбе. Не было ни одного напрасного удара, поэтому много было ранений и убийств, и вместо крика раздавались стоны. Кто падал, того выносили сразу, и другой незаметно становился на его место. Увещеваний или приказаний не понадобилось, каждый руководился своим большим опытом. Когда противники уставали, они расходились на короткое время для передышки, как это бывает при состязаниях, а затем опять шли в бой. Вновь прибывшие новобранцы были поражены, видя такие проявления доблести, совершавшиеся в образцовом порядке и в полной тишине.

69. Когда все таким образом с нечеловеческими усилиями сражались, преторианская когорта Цезаря была полностью уничтожена. Из Марсова легиона часть, находившаяся под командой Карсулея, брала верх над противниками, не бросившимися в постыдное бегство, а слегка отступавшими; армии, возглавляемой Пансой, также приходилось туго. Все же обе стороны держались с успехом, пока Панса не был ранен копьем в пах и отвезен в Бононию. Тогда только его часть стала отступать, сначала шаг за шагом, затем они повернули и ускоряли отступление, превратившееся в конце концов в бегство. Новобранцы, видя это, также побежали с криком, в беспорядке до укрепления, которое возвел для них квестор Торкват, еще во время битвы подозревая, что оно пригодится. Новобранцы столпились в укреплении беспорядочно, хотя они были так же италийцами, как и солдаты Марсова легиона, — доказательство того, какие преимущества дает тренировка, даже при одинаковости племенного происхождения. Марсов легион, напротив, постыдился и не вошел в палисады, но остановился около них: несмотря на чрезмерную усталость, легион все же горел желанием биться до неизбежного конца, если бы кто-нибудь на него напал. Антоний воздержался от стычки с Марсовым легионом, считая это делом слишком трудным, а напал на новобранцев и довел дело тут до большой резни.

70. Гирций узнал о сражении в Мутине, находящейся в 60 стадиях от поля битвы. Быстрым шагом он спешил туда с другим легионом, отпавшим от Антония. Был уже поздний вечер, и победоносные части Антония возвращались с пением победных песен. Тогда появился Гирций перед ними, шедшими вне боевого строя, с нетронутым и невредимым легионом в полном

строю. Они, правда, снова выстроились тогда под давлением необходимости и проявляли много подвигов и по отношению к новым врагам, но, будучи изнурены, не устояли против свежих сил, и большинство из них было убито именно в сражении с Гирцием. Он их, правда, не преследовал, опасаясь болота. Когда стало совсем темно, он от них отстал. Болото на большое пространство было покрыто оружием, трупами, полумертвыми людьми, ранеными; однако и здоровые настолько устали, что перестали заботиться о себе. Всадники, ближайшие помощники Антония, посланные им, подобрали их и сажали некоторых из них вместо себя, а некоторых вместе с собой на коней или велели им, держась за хвосты лошадей, бежать рядом с ними и тем содействовать своему спасению. Так после прекрасного сражения наступление Гирция уничтожило силы Антония. Ночь они провели в не имевшем укреплений селении, у самой равнины, где происходило сражение. Это селение называется Торжище галлов. Из общего количества войск на обеих сторонах пало около половины; преторианская когорта Цезаря погибла целиком, из солдат Гирция — немногие.

71. На следующий день все вернулись в лагеря под Мутиной. Антоний решил после такой неудачи не рисковать больше крупными сражениями с врагами и не вступать с ними в бой в случае их нападения, но только ежедневно беспокоить их кавалерийскими набегами до тех пор, пока не сдастся Децим, изнуренный уже голодом до крайних пределов. Гирций и Цезарь именно по этой причине решили, наоборот, спешить дать бой. Когда они выступили к бою, Антоний же не вывел своих войск, они пошли другой стороной от Мутины, стороной, которая в силу неблагоприятного положения не подвергалась такой строгой осаде; они хотели прорваться в город с большим войском. Антоний напал на них и тогда с одной своей кавалерией. Когда и они стали обороняться при помощи только кавалерии, а другая часть войска спокойно шла своей дорогою, Антоний, испугавшись за судьбу Мутины, вывел два легиона. Они обрадовались, повернулись и вступили с ними в бой. Тогда Антоний вызвал из других лагерей другие легионы. Но они подходили медленно, будучи вызваны неожиданно; к тому же им пришлось итти издалека, так что тут войско Цезаря выиграло сражение. Гирций ворвался даже в лагерь Антония и пал, сражаясь у палатки полководца. Цезарь, вбежав в лагерь, подобрал его труп и захватил лагерь, пока вскоре же не был вытеснен оттуда Антонием. Оба войска провели ночь в полном вооружении. 72. Антоний после второго нанесенного ему поражения сразу же после битвы устроил совещание со своими друзьями. Они считали правильным, чтобы Антоний держался прежнего плана, т. е. чтобы он продолжал осаду Мутины и не принимал боя. Они указывали на

то, что обе стороны в одинаковой мере пострадали, что Гирций убит, Панса ранен, они же превосходят противника кавалерией. С другой же стороны, указывали они, Мутина голодом доведена до крайности и скоро сдастся. Так решили друзья, и это было лучшее. Антоний под злым влиянием божества боялся, как бы Цезарь не попытался, как накануне, ворваться в Мутину или окружить его укреплениями, так как у него больше было технической силы. «Тогда и кавалерия не принесет пользы, — сказал он, — а Лепид и Планк будут меня презирать, раз я потерплю поражение. Если я сниму осаду с Мутины, Вентидий немедленно присоединится к нам с тремя легионами из Пиценской области, и тогда Лепид и Планк будут охотно его союзниками». Так говорил не трусливый в опасностях человек. После этого Антоний немедленно снял осаду и направился к Альпам.

73. Децим хотя и избавился от осады, но зато был в страхе перед Цезарем. Он боялся его как врага, после того как консулы выбыли из строя. Децим велел сломать мосты, наведенные через реку, еще до начала дня. На лодке отправил он затем к Цезарю послов и выразил ему признательность за спасение. Он просил его начать с ним переговоры в присутствии граждан Мутины, но чтобы в это время река разделяла их. Он надеялся его убедить, что злой гений ослепил его, Децима, когда он, по наущению других, строил козни против Цезаря. Цезарь дал посланцам Децима гневный ответ и отверг благодарность, высказанную ему Децимом, словами: «Я явился не для того, чтобы спасать Децима, а чтобы воевать с Антонием, с которым в свое время я могу и помириться. Вся моя натура против свидания или переговоров с Децимом: пусть он живет себе невредимый, пока таково желание жителей этого города». Децим, узнав об этом, стал у реки, назвал Цезаря по имени и громким голосом прочитал письмо сената, которое назначает ему Галльскую провинцию. Он запретил Цезарю в отсутствие консулов переправляться через реку в чужую провинцию и выступать в дальнейшем против Антония: достаточно де будет, если он, Децим, сам будет его преследовать. Цезарь знал, что Децим дошел до такой смелости благодаря поддержке сената. Поэтому он его пощадил, хотя он и мог бы его захватить силою одного приказа. Он направился к Пансе в Бононию и написал обо всем сенату. Написал также и Панса.

74. Цицерон одно письмо прочел народу, так как оно было написано консулом, письмо же Цезаря он прочел только в сенате. Цицерон внес предложение об устройстве жертвоприношений и молебствий в продолжение 50 дней по случаю победы над Антонием; таких жертвоприношений римляне не постановляли ни во время галльского нашествия, ни когда-либо во время другой войны. Войско консулов он передал Дециму, несмотря на то, что Панса был еще жив (его состояние считали,

впрочем, уже безнадежным). Децим был назначен единственным полководцем против Антония. И он устроил народные молебствия о даровании Дециму победы над Антонием. Такова была ненависть Цицерона к Антонию и его подлость. Он вновь утвердил двум легионам, отпавшим от Антония, обещанные до того государством каждому солдату 5 000 драхм наградных за победу, как будто бы они ее уже одержали. Равным образом он утвердил им право носить всегда лавровые венки на празднествах. О Цезаре, однако, ни слова не стояло в письменных распоряжениях Цицерона. Даже имя его вовсе не упоминалось: так он им пренебрегал, когда считалось, что Антоний уже побежден. Написали также Лепиду, Планку и Азинию Поллиону, чтобы они вступили в бой с Антонием, когда подойдут к нему близко.

75. Таково было положение дел в Риме. А Панса, умирая от ран, попросил к себе Цезаря. «Я любил твоего отца как самого себя, — сказал он, — но я не имел возможности мстить за его смерть и не мог не подчиниться мнению большинства: ведь и ты подчинялся ему, хотя у тебя и было войско. И ты поступил правильно. Сначала боялись тебя и Антония, который казался ревностным поборником дела Цезаря; потом обрадовались, когда вы с ним стали враждовать, надеясь, что вы таким образом друг друга ослабите. Когда же увидели, что у тебя войско, они старались тебя привлечь на свою сторону тем, что наделяли тебя видными, но лишенными реального значения почестями. Убедившись в том, что ты горд и не принимаешь предлагаемых почестей, особенно тогда, когда войско тебе предлагало власть, а ты ее не принял, они были встревожены этим и назначили тебя полководцем вместе с нами, чтобы мы от тебя отняли два опытных легиона. Они надеялись, что если один из вас потерпит поражение, другой будет слабее, так как он будет один, а когда и его удалят, они уничтожат всю партию Цезаря и выдвинут партию Помпея: ведь это основа в их политике. 76. Мы с Гирцием выполняли возложенное на нас поручение, пока не укротили Антония, чрезмерно возгордившегося. Мы хотели, чтобы он после поражения помирился с тобой. Этим поступком мы полагали отблагодарить Цезаря и считали, что это наиболее полезное для будущего решение. Об этом мы не могли говорить с тобой раньше. Но после поражения Антония, когда Гирций скончался, а меня ждет роковой исход, пора об этом сказать, не для того, чтобы ты меня, умирающего, поблагодарил, но чтобы ты, родившийся под счастливой звездой, как показывают твои дела, узнал, что тебе полезно, и знал наши с Гирцием намерения и то, что обусловливало наши действия. Войско, которое ты нам сам дал, я имею все основания передать тебе, что я и делаю. Если тебе удастся удержать новобранцев, я тебе передам и их. Если же они слишком раболепствуют перед сенатом,

тем более что их начальники посланы с тем, чтобы они за нами наблюдали, и если переход их на твою сторону будет плохо истолкован и заставит тебя раньше чем нужно выступить, пусть их возьмет квестор Торкват». С такими словами он передал новобранцев квестору и умер. А квестор, согласно приказанию сената, передал их Дециму. Гирцию же и Пансе Цезарь устроил торжественные похороны, а трупы их послал в Рим.

77. В это же время в Сирии и Македонии имели место следующие события. Гай Цезарь, проходя по Сирии, оставил там один легион, так как он тогда уже думал о действиях против парфян. Руководство над легионом было поручено Цецилию Бассу, начальником его был Юлий Секст, юноша, приходившийся сродни Цезарю. Юлий Секст вел изнеженный образ жизни и всюду вел за собою легион. Он как-то оскорбил Басса, когда тот упрекал его. И когда Юлий впоследствии послал за ним, а Басс явился не тотчас, Юлий велел привести его силой. Тут поднялись шум и драка; солдаты, не будучи в состоянии перенести это оскорбление, пронзили Юлия копьем. Вскоре после этого они раскаялись в своем поступке и стали бояться Цезаря. Они составили заговор: если их не простят и им не будут доверять, они будут бороться до смерти; они заставили присоединиться к этому решению и Басса, набрали новый легион и упражнялись в военном деле. Так представляется дело Басса одним историком. Либон же говорит, что Басс служил в войске Помпея, а после поражения проживал как частное лицо в Тире. Он кое-кого подкупил из солдат легиона, которые и убили Секста, а сами перешли к Бассу. Как бы то ни было, они разбили Тация Мурка, посланного против них с тремя легионами, пока Мурк не призвал на помощь Марция Криспа, правителя Вифинии, который прибыл с тремя другими легионами на помощь Мурку.

78. Когда они были осаждены Мурком и Криспом, Кассий поспешно принял командование над обоими легионами Басса и шестью легионами, его осаждавшими, перешедшими к нему отчасти по дружбе, отчасти потому, что они повиновались ему как проконсулу. Ведь было постановлено, как я уже сказал, чтобы все подчинялись Кассию и Бруту. В скором времени и Аллиен, посланный Долабеллой в Египет, привел оттуда четыре легиона, рассыпавшиеся после поражения Помпея и Красса или оставленные Цезарем Клеопатре. И Кассий окружил в Палестине Аллиена, ничего не знавшего о положении, и заставил его примкнуть к нему, так как он боялся со своими четырьмя легионами сражаться против восьми. Так Кассий, против всякого ожидания, располагал в общей сложности двенадцатью легионами. Он окружил и осадил Долабеллу, прибывшего из Азии с двумя легионами и принятого по старой дружбе в Лаодикею. Сенат принял это известие с большой радостью.

79. Гай Антоний, брат Марка Антония, враждовал и вел войну из-за Македонии с Брутом, имея в своем распоряжении один легион. Потерпев поражение, он устроил Бруту засаду. Последний, удачно избежав ее, в свою очередь также прибегнул к засаде, однако, окружив Антония, не причинил ему никакого вреда и даже приказал своему войску приветствовать противника. А когда тот не ответил на приветствие и не принял этой попытки к сближению, он дал противнику возможность невредимым выйти из мешка. Обойдя его другими дорогами и снова окружив в крутой местности, он опять не напал на него, но снова его приветствовал. Восхищенные Брутом, щадившим жизнь граждан и оказавшимся достойным славы, которой он пользовался за свою мудрость и мягкость, противники ответили на его приветствие и перешли на его сторону. Гай также сдался Бруту и пользовался с его стороны уважением, пока, будучи уличен в неоднократных попытках возмутить войско, не был казнен. Таким образом, и у Брута вместе с прежними войсками оказалось шесть легионов. Кроме того, он выражал одобрение и македонянам, среди них он набрал два легиона и обучил их военному делу по италийскому образцу.

80. Так обстояли дела в Сирии и в Македонии. Тем временем в Италии Цезарь, оскорбленный тем, что вместо него предводителем в войне с Антонием избран был Децим Брут, потребовал триумфа за военные подвиги. Получив презрительный отказ от сената на это требование, до исполнения которого, как ему было указано, он еще не дорос, и боясь встретить после уничтожения Антония еще более пренебрежительное отношение, он стал искать соглашения с ним, следуя совету, который дал ему перед смертью Панса. Он хорошо обращался с попавшими в плен командирами и солдатами из войска Антония, привлекал их на свою сторону или же отпускал желавших обратно к Антонию, давая этим понять, что он идет против него не вследствие какой-либо непримиримой вражды. Расположившись лагерем вблизи Вентидия, друга Антония, имевшего под начальством три легиона, и вызвав этим смятение, Цезарь не предпринял враждебных действий, но также предоставил ему возможность присоединиться к нему или беспрепятственно направиться со всем войском к Антонию и поручил ему упрекнуть последнего в непонимании им их общей пользы. Поняв, в чем дело, Вентидий двинулся на соединение с Антонием. Кроме того, Цезарь разрешил Децию, одному из офицеров Антония, взятому в плен при Мутине и пользовавшемуся вниманием со стороны Цезаря, отправиться, если он пожелает, к Антонию. Когда же Вентидий спросил у Цезаря, каковы намерения в отношении Антония, тот ответил, что он делал немало намеков на этот счет для тех, кто понимает их, для непонимающих же и большего числа недостаточно.

81. Обо всем этом Цезарь дал понять Антонию, а Лепиду и Азинию Поллиону он сообщил еще более откровенно о нанесенной ему обиде и одновременно с этим о состоявшемся назначении главнокомандующими убийц его отца. Он запугивал их тем, как бы, в угоду помпеянской партии, каждый из приверженцев Цезаря поодиночке не подвергся той же участи, что и Антоний, с которым случилось это из-за его неблагоразумия и пренебрежения к опасности. Он убеждал их повиноваться сенату для видимости, для их же собственной безопасности войти в соглашение с ним, Цезарем, пока это еще в их власти, и обратить на все это внимание Антония: они должны взять в этом случае пример с солдат своих легионов, которые поддерживают между собою связь даже и по окончании военной службы, чтобы не подвергнуться легко нападению со стороны врагов, но, чтобы оказаться сильными, скорее предпочитают жить все вместе в чужой стране, нежели поодиночке наслаждаться благами отчизны. Вот что Цезарь сообщил в письме Лепиду и Азинию. У Децима Брута между тем старая его армия заболела, объевшись после голодовки, и страдала расстройством желудка; другое войско, состоявшее из новобранцев, было еще не обучено. Планк присоединился к нему со своим войском. Децим Брут послал донесение сенату, что он будет немедленно охотиться за скитающимся Антонием.

82. Уже после всего этого помпеянцы при известии о случившемся пришли в полное изумление и стали восклицать, что наконец-то они обрели исконную свободу. Каждый в отдельности приносил жертвы. Избирались децемвиры, которые должны были потребовать отчет от Антония в его должностной деятельности. Это было шагом к аннулированию действий Цезаря, так как Антоний ничего или очень мало предпринимал сам, а действовал по документам Цезаря. Хорошо зная это, сенат часть распоряжений отменил под различными предлогами, надеясь таким путем уничтожить и все остальные. Децемвиры издали постановление, чтобы всякий, кто получил что-либо во время консульства Антония, немедленно заявил об этом в письменной форме. По адресу уклоняющихся были присоединены угрозы. На оставшуюся часть года помпеянцы потребовали для себя консульскую власть вместо Гирция и Пансы. Но того же добивался и Цезарь, не обращаясь еще к сенату, а лишь к одному Цицерону, которого он просил взять его в коллеги: Цицерон будет управлять государственными делами как старший и более опытный, Цезарь же удовольствуется одним титулом, удобным, чтобы сложить оружие; для этой же цели он раньше и домогался триумфа. Цицерон, увлеченный вследствие своего честолюбия этим предложением, стал говорить, что, по его сведениям, между наместниками провинций замышляются переговоры о соглашении, и советовал уважать желание оскорбленного человека, располагающего боль-

шою еще армией; он, Цицерон, скорее согласился бы на то, чтобы Цезарь стал консулом ранее узаконенного возраста в городе, чем чтобы он питал вражду, обладая вооруженной силой. А чтобы Цезарь не совершил чего-либо во вред сенату, Цицерон предлагал избрать одновременно с Цезарем в виду его молодости какого-нибудь рассудительного человека из числа старших по возрасту, который был бы твердым руководителем. Но сенат осмеял Цицерона за его властолюбие; особенно противились этому родственники убийц Цезаря старшего, опасавшиеся, что Цезарь, став консулом, расправится с ними.

83. В то время как шли по различным мотивам законные отсрочки выборных собраний, Антоний перешел Альпы, привлекши на свою сторону Куллеона, охранявшего по приказанию Лепида линию Альп. Он подошел к речке, где Лепид расположился лагерем, причем не обвел свою стоянку ни валом, ни рвом, словом — как если бы он разбил лагерь рядом со своим другом. Происходили частые сношения между обеими сторонами: Антоний напоминал о своей дружбе и различных услугах, указывая, что вслед за ним и всех их, кто пользовался расположением Цезаря, порознь постигнет та же участь. Лепид же, который боялся сената, приказывавшего ему вести войну с Антонием, тем не менее обещал не нападать первым на него. Войско Лепида уважало авторитет Антония, оно замечало сношения через вестников между тем и другим, восхищалось прямодушием, с каким Антоний расположился на стоянке против их лагеря, и стало вступать в сношения с воинами Антония сперва тайно, а потом открыто, как сограждане и старые сотоварищи по оружию, не обращая внимания на запрещение военных трибунов. А для того чтобы удобнее было сообщаться друг с другом, они перебросили через реку понтонный мост. Солдаты так называемого десятого легиона, некогда находившиеся под командой Антония, интриговали внутри лагеря Лепида в пользу Антония. 84. Заметив это, Латеренсис, один из виднейших сенаторов, предупредил Лепида. Когда тот не поверил, он посоветовал, разделив войско на отряды, отправить их с какими-либо поручениями, чтобы выяснить дело. Лепид, разбив войско на три части, приказал двинуться ночью для прикрытия квесторов, приближающихся к лагерю. Солдаты во время четвертой смены взяли оружие как бы для выступления, заняли укрепленные пункты лагеря и открыли ворота Антонию. Антоний быстро направился к палатке Лепида в сопровождении уже всего войска, которое умоляло его даровать мир и прощение несчастным согражданам. Лепид, как был, без пояса, вскочил с постели и поспешил к ним, обещая исполнить их просьбу; он обнял Антония и оправдывался неизбежностью сложившихся обстоятельств. Некоторые уверяли, что он даже упал на колени перед Антонием, как

человек нерешительный и робкий. Но не всем писателям это представляется вероятным, да и мне не верится: ведь он еще не совершил ничего враждебного по отношению к Антонию, чтобы опасаться его. Так Антоний снова достиг большого могущества и стал чрезвычайно грозным для врагов. Он располагал армией, отведенной из-под Мутины, в том числе превосходной конницей; по дороге к нему присоединились три легиона Вентидия; теперь Лепид сделался его союзником со своими семью легионами, многими другими частями и ценным снаряжением; ими, правда, номинально, командовал Лепид, но всем распоряжался Антоний.

85. Когда об этом стало известно в Риме, снова произошла поразительная и неожиданная перемена: те, кто только-что презирали других, сами впали в страх, а те, кто боялись, подняли головы. Эдикты децемвиров с презрением срывались со стен. Комиции для избрания консулов откладывались еще чаще, чем прежде. Сенат, находясь в крайне затруднительном положении и опасаясь, чтобы Цезарь и Антоний не вошли между собою в соглашение, послал из своей среды тайно к Бруту и Кассию Луция и Пансу под предлогом, что они отправляются в Грецию на зрелища, с просьбой по возможности оказать помощь сенату. Он вызвал из Африки два легиона из числа трех, находившихся там под командой Секстия; третий приказано было передать Корнифицию, наместнику другой части Африки, приверженцу сенатской партии. Правда, сенат знал, что и эти легионы сражались под знаменами Юлия Цезаря и ко всему, что с ним было связано, относились недоверчиво; но безвыходность положения толкала его на это. Даже юного Цезаря из боязни, чтобы он не соединился с Антонием, снова избрали, крайне неловким образом, командующим вместе с Децимом Брутом в войне против Антония.

86. Цезарь подстрекал своих солдат к недовольству против сената отчасти ради самого себя, постоянно оскорбляемого им, отчасти из-за них самих, отправляемых в новый поход, в то время как они не получили еще и за прежний обещанных 20 000 сестерций. Он убеждал их потребовать вознаграждения через посланцев. Они отправили центурионов. Сенат, понимая, что они подговорены к этому Цезарем, заявил, что ответ будет дан через других послов. Он отправил уполномоченных, предписав им вступить в сношения с двумя легионами, перешедшими от Антония, в отсутствие Цезаря и убедить их не возлагать своих надежд на одного лишь человека, но довериться сенату, единственному обладателю постоянною силою, и отправиться к Дециму Бруту, где они и найдут ожидаемые ими деньги. Поручив им заявить это, сенат немедленно внес половину вознаграждения и избрал комиссию из десяти человек для распределения его, причем к ней не присоединили, хотя бы в качестве одиннадцатого, Цезаря. Посланные безре-

зультатно возвратились в Рим, так как два легиона отказались разговаривать с ними в отсутствие Цезаря. Цезарь же, не вступая более в переговоры через других лиц и не считая возможным дольше медлить, лично явился к собравшемуся войску, перечислил все оскорбления, нанесенные ему сенатом, и заявил о существовании заговора против всех приверженцев старшего Цезаря с тем, чтобы уничтожить их поодиночке. Он убеждал их опасаться за самих себя, если они перейдут под командование враждебного цезарианской партии полководца и будут отправлены с одной войны на другую с целью либо погубить их либо посеять распри между ними. Поэтому-то и награда за совместное дело под Мутиной дается лишь двум легионам, чтобы побудить к раздорам и междоусобице. 87. «Вы знаете, — продолжал Цезарь, — как Антоний недавно был побежден; вы слышали, как поступили помпеянцы в Риме с теми лицами, которые получили от Цезаря какие-либо дары. В чем гарантия для вас в отношении тех земельных наделов и денег, которые вы от него получили? В чем гарантия для меня и для моей безопасности до тех пор, пока в сенате господствуют родственники убийц? Я охотно приму всякий конец, какой бы меня ни ожидал, и пострадаю, мстя за отца. Я беспокоюсь за вас, а вас много; вы выдаетесь своими доблестями, и вы подвергаете себя опасностям из-за меня и моего отца. Вы знаете, конечно, что мне чуждо честолюбие, после того как я отказался от предложенной вами мне претуры с инсигниями. Теперь же я вижу одно спасение для себя и для вас, — это если я буду провозглашен вами консулом. Тогда и все дарованное вам моим отцом останется неприкосновенным, и сверх того у вас будут колонии, которые вам еще предстоит получить, а также все награды полностью. Подвергнув казни убийц, я избавлю вас от дальнейших войн».

88. После этой речи войско дружно приветствовало Цезаря криками и тотчас отправило центурионов с требованием консульской власти для Цезаря. Когда сенат сослался на его молодость, центурионы заявили, как были заранее научены, что и раньше Корвин, будучи еще более молодым, стал консулом, позднее оба Сципиона, старший и младший; от молодости каждого из этих лиц отечество лишь во многом выиграло. Центурионы указывали сенаторам и на недавние примеры Помпея Великого и Долабеллы, да и самому Цезарю, по их словам, предоставлено было домогаться консульства на десять лет ранее установленного срока. В то время как центурионы стали говорить с еще большею свободою, некоторые из сенаторов, не стерпев того, что они, будучи центурионами, говорят с такой смелостью, стали обвинять их в том, что они позволяют себе большее, чем приличествует воинам. Войско, узнав об этом, пришло в еще большее раздражение и потребовало, чтобы их вели немедленно к Риму: они сами выберут

Цезаря в консулы на чрезвычайном заседании комиций как сына Юлия Цезаря. При этом войско беспрерывно прославляло старшего Цезаря. Видя, что они охвачены таким энтузиазмом, Цезарь тотчас же после сходки повел в Рим восемь легионов, прекрасную конницу и все остальные части, которые находились при легионах. Перейдя через Рубикон на границе Галлии и Италии, реку, через которую в этом же месте и отец его также перешел в начале гражданской войны, Цезарь разделил все войско на две половины: одной он приказал не спеша следовать за ним, сам же, отобрав лучшую часть, двинулся форсированным маршем, спеша захватить врагов врасплох. Так как часть денег, которые сенат послал солдатам в виде награды, везли по той же дороге навстречу, Цезарь, опасаясь за те легионы, что получают награду, тайно выслал к лицам, сопровождавшим казну, своих людей с целью запугать их. И те действительно обратились в бегство вместе с деньгами.

89. Когда в Рим пришло известие о приближении Цезаря, возникла страшная паника и смятение; все в беспорядке начали разбегаться в разные стороны, а некоторые отправляли жен, детей и наиболее ценные вещи за город или прятали их в надежные места в самом городе. Не будучи осведомлены, что Цезарь домогается одного лишь консульства, и слыша, что враждебно настроенное войско в гневе двигается на город, опасались всего. Сенат был в беспримерном ужасе, так как у него не было наготове никакой армии. И как обычно происходит при панике, посыпались взаимные упреки: одни упрекали в том, что несправедливо отняли у Цезаря войско, данное ему для преследования Антония; другие, что Цезарю отказано было в триумфе, вполне им заслуженном; третьи, что противились его участию в распределении денег; четвертые, что не включили его в комиссию хотя бы в качестве одиннадцатого; пятые, что самая награда дана не тотчас же и не полностью. Все это возбудило армию. Более же всего укоряли в том, что для такого соперничества не время, что Брут и Кассий находятся слишком далеко и еще лишь идут на соединение друг с другом, а на флангах стоят враги, Антоний и Лепид. Когда они представляли себе, что последние вступят в соглашение с Цезарем, страх превосходил все границы. Цицерон, который до сих пор играл главную роль среди них, теперь даже и не показывался. 90. Разом произошла полная перемена во всем. Было решено вместо 2 500 драхм дать 5 000, и не только двум легионам, но восьми; предоставить право Цезарю вместо децемвиров распределить эту сумму и домогаться консульства заочно. Были отправлены послы немедленно сообщить ему об этом. Но едва послы оставили город, сенатом овладело раскаяние: не нужно было столь трусливо дать себя запугать и принять другую тиранию, не пролив ни капли крови; не следо-

вало приучать лиц, стремящихся к власти, прибегать к насилию, а солдат по приказанию какого-либо вождя господствовать над отечеством. Напротив, следовало, по возможности хорошо вооружившись, противопоставить надвигающимся войскам законы. Ведь можно было ожидать, что и они не поднимут оружия против отечества, если будет выдвинут авторитет закона. Если же они все-таки пойдут с оружием в руках, то лучше выдержать осаду, пока не прибудет Децим Брут или Планк, а еще лучше защищаться на жизнь или смерть, чем добровольно принять непоправимое рабство. При этом вспоминались старинные доблести и страдания римлян во имя свободы, римлян, ни перед чем не склонявшихся ради нее.

91. Когда в тот же день прибыли в гавань и два легиона, вызванные из Африки, сенат решил, что сами боги побуждают их к борьбе за свободу. Сенат укрепился в своем раскаянии и изменил все свои прежние распоряжения после того, как Цицерон снова появился в сенате. Весь призывной возраст был мобилизован, два легиона из Африки и вместе с ними тысяча всадников, другой легион, который им оставил Панса. Все войска, разделенные на части, охраняли одни так называемый Яникульский холм, где сосредоточены были деньги, другие — мост через Тибр; городские преторы были распределены между ними. Часть из них приводила в порядок в гавани лодки, корабли и оборудование на случай, если оказалось бы необходимым в случае поражения бежать морем. Делая все это с мужеством и столь решительно, сенат рассчитывал или напугать Цезаря, или убедить его домогаться консульства у него, а не у войска, или, наконец, отразить его силою. Сенат ожидал, что противная партия теперь изменит свои планы, раз борьба идет за свободу. Разыскивая как открыто, так и тайно мать и сестру Цезаря, сенат не мог найти их и снова впал в беспокойство, лишившись столь важных заложников. А так как цезарианцы перед ним ни в чем еще не склонились, сенат думал, что эти женщины тщательно скрыты.

92. Цезарь получил известие о состоявшейся перемене в решении сената в то время, когда у него были еще делегаты сената. Теперь они его тотчас покинули и, полные стыда, вернулись обратно. Цезарь с войском, еще более возбужденным, быстро направился к Риму, боясь как бы не пострадали женщины. К встревоженному народу он послал конных эмиссаров, предлагая массам не беспокоиться; при всеобщем изумлении он занял квартал по ту сторону от Квиринала, причем никто не решился вступить открыто в бой с ним или воспрепятствовать ему. Снова произошла другая неожиданная перемена: знатные спешили к Цезарю и обращались к нему с приветствиями; стекался и простой народ, с одобрением принимая напоминающую мирное время дисциплину его солдат. Сам же Цезарь, оставив войско в занятом им месте, направился на сле-

дующий день к стенам города, имея при себе достаточную охрану. Население и теперь встречало его группами на протяжении всего пути и приветствовало, не пренебрегая никакими знаками лести и низкопоклонничества. Мать и сестра обняли Цезаря, приветствовали его в храме Весты вместе с весталками. Три легиона, не обращая внимания на своих командиров, отправили к нему делегатов и перешли на его сторону. Из командовавших ими офицеров Корнут покончил с собой, остальные дали клятву в верности. Цицерон, узнав о мирных переговорах, добивался через друзей Цезаря встречи с ним. Будучи принят, он оправдывался и превозносил свое предложение кандидатуры Цезаря в консулы, первоначально сделанное им в сенате. Цезарь в насмешку заметил только, что из друзей он, Цицерон, был последним, кто пришел к нему. 93. Ночью, когда неожиданно распространился слух, что два легиона Цезаря — Марсов и четвертый, — перешли на сторону республики, так как их обманным образом повели против отечества, преторы и сенат очень легкомысленно поверили этому, хотя войско Цезаря, правда, находилось чрезвычайно близко. Думая, что с этими наилучшими легионами они смогут противостоять остальным войскам Цезаря, пока откуда-нибудь не подоспеет другая сила на помощь им, еще ночью они отправили Мания Аквилия Красса в Пиценум для набора войска и велели одному из трибунов, Апулею, распространить это известие среди народа, быстро обойдя город. Сенат ночью поспешно собрался в курии, причем Цицерон у входа его приветствовал. Но когда слух оказался ложным, Цицерон удалился на носилках оттуда. 94. Цезарь, посмеявшись над всем происходящим, пододвинул войско ближе к городу, на так называемое Марсово поле. Из преторов он никому не отомстил, даже Крассу, бежавшему в Пиценум, хотя последний и был приведен к нему так, как был захвачен, — именно в одежде раба. Напротив, Цезарь простил всех, чтобы тем самым подчеркнуть свою гуманность. Однако немного позже все они были присуждены к смерти. Казенные деньги, хранившиеся на Яникульском холме или в других местах, а равно и ту сумму, которая, по предложению Цицерона, была прежде ассигнована преторам, он приказал собрать вместе и разделил ее между солдатами по 2 500 драхм на каждого, обещав додать остальное. Сам Цезарь удалился из города, пока не будут избраны желательные ему консулы. Будучи избран вместе с коллегой, которого и имел в виду, Квинтом Педием, подарившим ему свою долю из наследства Юлия Цезаря, он снова вступил в Рим уже в качестве консула. Он совершал жертвоприношение, когда перед ним показались двенадцать коршунов, как некогда, говорят, Ромулу явилось столько же их, когда он основывал Рим. После жертвоприношения Цезарь повторно внес себя, согласно куриатскому закону, в род и фамилию своего отца. Дело в

том, что обряд усыновления происходит в курии. Разделяя филы и демы на части, римляне называют их куриями, подобно тому как греки, если допустить сравнение,— фратриями. У римлян это наиболее соответствующий с законами способ усыновления лиц, лишившихся родного отца. И тогда усыновленные могут поступать с родственниками своих усыновителей и вольноотпущенников так же, как и родные дети. У Гая Цезаря наряду с прочими богатствами было много богатых вольноотпущенников, и, вероятно, главным образом из-за этого Цезарю понадобилось, помимо первоначального усыновления, сделанного по завещанию, еще и усыновление в куриатских комициях.

95. Другим законом Цезарь реабилитировал Долабеллу, объявленного врагом государства, и внес предложение о возбуждении судебного процесса против убийц Юлия Цезаря. Тотчас последовали доносы против одних, как бывших непосредственными виновниками убийства, других, как только знавших о заговоре, что некоторым также было поставлено в вину, даже тем, которые не были в городе во время убийства Цезаря. Для всех был назначен путем публичного объявления один и тот же день судебного разбирательства; все они были заочно осуждены, причем за судебным процессом следил сам Цезарь; из судей никто не подал голоса за оправдание, кроме одного человека из знатных, который в тот момент сам не пострадал за это, но немногим позже, вместе с другими, также был приговорен к смерти. В эти же дни городской претор Квинт Галлий, брат Марка Галлия, пребывавшего у Антония, решил ходатайствовать перед Цезарем о предоставлении ему прокуратуры в Африке; вследствие этого он навлек на себя подозрение в заговоре против Цезаря. И вот коллеги Квинта Галлия лишили его преторского звания, народ разграбил его дом, а сенат приговорил его к смерти. Цезарь приказал ему отправиться к брату, но, как кажется, после того как он сел на корабль, он нигде уже больше не появлялся.

96. После всего этого Цезарь стал подумывать о примирении с Антонием. Он узнал, что сторонники Брута собрали двадцать легионов войска, и хотел использовать против них Антония. Цезарь выступил из Рима по направлению к Ионийскому морю и медленно подвигался вперед, выжидая решений сената. Дело в том, что Педий в отсутствие Цезаря стал убеждать сенат вступить в соглашение с Лепидом и Антонием, не доводя взаимные распри до того состояния, когда их нельзя уже исправить. Сенаторы хотя и предвидели, что примирение ни им, ни отечеству не принесет пользы, но поведет лишь к блоку Цезаря против Кассия и Брута, тем не менее одобрили и утвердили, под давлением, выдвинутый им проект. Враждебные постановления против Антония и Лепида и их армий были теперь отменены, и другие, мирные предложения были направлены к

ним. Сам Цезарь в письме поздравил их с этим, а Антонию даже пообещал притти на помощь против Брута, если это понадобится. Антоний и Лепид тотчас дружески ответили Цезарю и прославляли его, а Антоний написал, что он сам победит Децима Брута ради Цезаря, а Планка ради самого себя и затем соединится с Цезарем.

97. Такими письмами они обменялись. К Антонию, преследовавшему в то время Децима Брута, присоединился Азиний Поллион с двумя легионами. Азиний вошел также в соглашение с Планком, который с тремя легионами перешел на сторону Антония, так что последний командовал теперь уже более значительными силами. У Децима Брута оставалось десять легионов. Из них четыре, самых опытных в военном деле, пострадали от голодовки и были все еще больны; шесть других из числа недавно набранных были нерадивы и непривычны к трудностям и лишениям. Отказавшись от мысли о борьбе, Децим Брут решил бежать к Марию Бруту в Македонию. Направился он не в Цизальпийскую Галлию, а по направлению к Равенне и Аквилее. Так как по этой дороге двигался и Цезарь, Децим Брут придумал другой, более длинный и тяжелый путь — перейти через Рейн и пересечь дикие области, занимаемые варварами. Потому-то прежде всего новобранцы из-за трудности пути и утомления покинули его и стали переходить к Цезарю. За ними также четыре старых легиона передались Антонию, а за ними последовала и остальная масса солдат, кроме телохранителей, состоявших из галльских всадников. Тогда он, предложив желающим из них разъехаться по домам и разделив бывшее еще у него золото с тремя стами воинов, которые только и остались при нем, направился к Рейну. Однако, в виду того что переправа через реку с немногими людьми была затруднительна, он был покинут и ими, за исключением лишь десяти человек. Тогда, переодевшись галлом и будучи знаком с галльским языком, он бежал с ними под видом галла уже не по более длинной дороге к Аквилее, в надежде, что благодаря малочисленности его свиты он останется неузнанным. 98. Будучи, однако, захвачен разбойниками и связанный ими, он спросил, какому вождю в Галлии принадлежит данное племя. Узнав, что Камиллу, он просил отвести его к Камиллу, которому оказал в свое время много услуг. Когда его к нему привели, Камилл в лицо обошелся с ним ласково и стал упрекать тех, кто связал Децима Брута, за то, что они по неведению оскорбили такого мужа; тайно же сообщил обо всем Антонию. Последний, тронутый такой превратностью судьбы, не решился и взглянуть на этого человека, но приказал Камиллу умертвить его и прислать ему его голову. Увидев ее, он велел присутствующим похоронить ее. Таков был конец Децима Брута, который был префектом всадников при Цезаре, а затем был поставлен им правителем Ста-

рой Галлии, на следующий год предназначен был им в консулы и правителем той части Галлии. И вот он был вторым после Требония, который понес кару за убийство Юлия Цезаря спустя около полутора лет после самого убийства. В то же время и Минуций Базилл, тоже убийца Цезаря, убит был своими рабами за то, что некоторых из них в виде наказания он приказал кастрировать.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Итак, двое из убийц Гая Цезаря, в своих собственных провинциях лишенные возможности вести военные действия, понесли кару: Требоний в Азии и Децим Брут в Галлии. Как наказаны были Кассий и Марк Брут, которые и были главными зачинщиками заговора против Цезаря и властвовали над всей территорией от Сирии до Македонии, располагали большим войском, конницей и флотом, имели свыше 20 легионов, корабли и денежные средства, излагается в этой, четвертой книге «Гражданских войн».

Одновременно со всем происходящим в Риме шли розыски, аресты и казни лиц, приговоренных путем проскрипций к смерти. Более ужасных страданий не могли запомнить люди ни среди греков во время их междоусобных распрей или войн, ни среди римлян, исключая разве эпоху Суллы, который впервые своих противников внес в списки смертников. Правда, и Марий также разыскивал своих врагов и предавал их казни, когда их находил. Но Сулла, назначавший большие награды за убийство и такие же наказания за укрывательство, предписал каждому, обнаружившему противника, умерщвлять последнего. Впрочем, о событиях эпохи Мария и Суллы сказано выше в относящемся к ним рассказе. Последующие же события развертывались таким образом.

2. Цезарь и Антоний сошлись вместе с целью сменить вражду на дружбу вблизи города Мутины на островке, небольшом и плоском, находящемся на реке Лавинии; каждый из них имел при себе по пяти легионов. Расположив их друг против друга, они направились каждый в сопровождении трехсот человек к мосту через реку. Лепид, пройдя вперед, осмотрел островок и сделал знак плащом, чтобы одновременно итти тому и другому. Они оставили стоять на мостах со своими друзьями триста человек, которых они привели с собой, двинулись к середине островка на обозримое со всех сторон место и все трое сели, причем Цезарь в силу своего звания занял место посредине. В продолжение двух дней с утра до вечера совещаясь между собою, они постановили следующее. Цезарь должен сложить с себя консульское звание, а Вентидий на остающуюся часть года принять его; учредить новую магистратуру, равную по значению консульской должности, для

приведения в порядок государства после гражданских войн; эту должность предоставить Лепиду, Антонию и Цезарю в течение пяти лет. Решено было таким путем обойти титул диктатора, быть может, из-за предложения, внесенного Антонием, которым запрещалось на будущее время учреждение диктатуры. Тотчас же они должны были назначить ежегодно сменяющихся городских магистратов на ближайшие пять лет. Управление провинциями должно было быть поделено так, что Антоний получал всю Галлию, исключая область, прилегающую к Пиренейским горам и называемую Старой Галлией, Лепид — эту последнюю и в придачу Испанию, Цезарь — Африку, Сардинию, Сицилию с остальными прилегающими островами.

3. Так разделили между собою власть над римлянами эти трое мужей, отложив вопрос о провинциях, расположенных по ту сторону Ионийского моря, потому что Брут и Кассий еще владели ими. Решено было, что Антоний и Цезарь поведут войну с Кассием и Брутом, тогда как Лепид должен стать консулом на следующий год и оставаться в Риме для ведения дел в нем, управлять же Испанией должен через посредство наместников. Из войска Лепида три легиона должны были остаться у него для охраны Рима, а семь легионов разделить между собою Цезарь и Антоний: три из них взять Цезарю, а четыре — Антонию, так чтобы каждый из них мог повести в поход 20 легионов. Они должны были уже теперь обнадежить войско наградами за победу, причем, помимо других подарков, предоставить им 18 италийских городов для поселения; эти города, отличающиеся богатством, плодородием почвы и красотою зданий, они намерены были вместе с землею и домами разделить между войском, как если бы эти города были завоеваны ими в неприятельской стране. Среди этих городов самые известные были Капуя, Регий, Венузия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиппоний. Так лучшая часть Италии предназначалась для войска. Решено было также расправиться со своими личными врагами, чтобы они не мешали им в осуществлении их планов и во время ведения ими дальнего похода. Все эти постановления и были записаны, и Цезарь как консул прочитал их войскам все, за исключением лишь проскрипционных списков. Солдаты, выслушав все это, запели военную песню и поздравляли друг друга с состоявшимся примирением.

4. Во время этих событий в Риме происходили многочисленные грозные чудеса и знамения. Собаки выли все зараз, словно волки, — зловещее предзнаменование, волки — необычайное в городе животное — бегали по форуму. Вол стал издавать человеческие звуки; новорожденный ребенок начал говорить. Из статуй богов одни покрылись потом, другие — кровавым потом. Слышались громкие крики мужчин, бряцание оружия, бег коней, хотя никого не было видно. Вокруг солнца наблюдались многие зловещие признаки; падал каменный дождь; не-

престанные молнии поражали храмы и изображения богов. Ради всего этого сенат вызвал из Этрурии гаруспиков и прорицателей. Старейший из них сказал, что старинная власть возвратится вновь и что все, кроме него одного, станут рабами, затем прикрыл рот и задержал дыхание, пока тут же не скончался.

5. Тем временем триумвиры наедине составляли списки имен лиц, предназначавшихся к смерти, подозревая при этом всех влиятельных людей и занося в список личных врагов. Как тогда, так и позднее своими родственниками и друзьями они жертвовали друг другу. Одни за другими вносились в список кто по вражде, кто из-за простой обиды, кто из-за дружбы с врагами или вражды к друзьям, а кто по причине выдающегося богатства. Дело в том, что триумвиры нуждались в значительных денежных средствах для ведения войны, так как налоги с Азии предоставлены были Бруту и Кассию и поступали еще и теперь к ним, да и цари и сатрапы делали им взносы. Сами же триумвиры в разоренной войнами и налогами Европе, особенно в Италии, терпели нужду в деньгах. Вот почему они налагали тягчайшие поборы и на простой народ и даже на женщин и изобретали пошлины на куплю-продажу и договоры по найму. Некоторые подвергались проскрипции из-за своих красивых загородных вилл и домов. И было всех приговоренных к смерти и конфискации имуществ из сената около 300 человек, а из так называемых всадников 2 000. Среди них были их братья и дяди, даже некоторые из служивших у них, оскорбившие чем-либо верховных правителей или других начальствующих лиц.

6. Большинство из обреченных на смерть триумвиры намерены были подвергнуть публичной проскрипции после вступления своего в Рим. Но 12 человек или, как утверждают другие, 17 из числа наиболее влиятельных, в том числе и Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийц немедленно. Четверо из них были умерщвлены тотчас же во время обеда или при первой встрече. Но в то время как разыскивались другие и обыскивались дома и храмы, внезапное смятение охватило город, и в течение всей ночи были крики, беготня, рыдания, словно во взятом неприятелями городе. Вследствие того что стало известно о происходящих арестах, хотя никто еще из наперед осужденных не стоял в проскрипционных списках, каждый думал, что именно его-то и разыскивают люди, шнырявшие по городу. Отчаявшиеся в своей судьбе собирались поджечь кто свои, кто общественные здания, предпочитая, в своем безумии, совершить что-либо ужасное, прежде чем погибнуть. И, может быть, они и сделали бы это, если бы консул Педий при обходе города с глашатаями не обнадеживал их, что, подождав до утра, они узнают точные сведения. На заре Педий, вопреки решению триумви-

ров, опубликовал список семнадцати как лиц, единственно оказавшихся виновными во внутренних бедствиях и потому осужденных на смерть. Остальным он дал официальное заверение в безопасности, не зная о решениях триумвиров. Сам Педий от утомления скончался в ту же ночь.

7. Триумвиры в продолжение трех дней вступали в город один за другим: Цезарь, Антоний и Лепид, каждый с преторианской когортой и одним легионом. С их приходом город наполнился вооруженными отрядами, размещенными в соответствующих наиболее удобных местах. Немедленно созвано было народное собрание среди войск, и народный трибун Публий Титий внес законопроект об учреждении сроком на пять лет новой магистратуры для упорядочения государственного порядка, состоящей из трех лиц: Лепида, Антония и Цезаря. Эту магистратуру, равную консульской власти, греки называли гармостами; лакедемоняне это название присваивали управлявшим в покоренных городах. Ни срока для рассмотрения законопроекта, ни определенного дня для голосования его не было указано; закон немедленно вступал в силу. Ночью во многих местах города выставлены были проскрипционные списки с именами новых 130 лиц в дополнение к прежним 17, а спустя немного времени еще других 150 человек. В списки всегда заносился дополнительно кто-либо из осужденных предварительно или убитый по ошибке, все это делалось для того, чтобы казалось, что они погибли на законном основании. Было отдано распоряжение, чтобы головы всех казненных за определенную награду доставлялись триумвирам, причем для свободнорожденного она заключалась в деньгах, для раба — в деньгах и свободе. Все должны были представить свои помещения для обыска. Всякий, принявший к себе в дом или скрывший осужденного или не допустивший у себя обыска, подлежал тому же наказанию. Каждый желающий мог делать донос на любого за такое же вознаграждение.

8. Проскрипции формулированы были так: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрощена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или

чрезмерным; пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему 23 раны; это те самые люди, которые, будучи захвачены им по праву войны, были пощажены им, а некоторые даже назначены в завещании наследниками его состояния. Остальные же вместо того, чтобы наказать их за такое преступление, поставили запятнанных кровью на должности и отправили управлять провинциями. Пользуясь этим, они расхитили государственные деньги, а теперь собирают на эти средства армию против нас, требуют других войск еще от варваров, постоянных врагов римского могущества. Из городов, подчиненных римскому народу, одни, в виду оказанного ими неповиновения, они предали огню, сравняли с землей или разрушили, другие же города, терроризованные ими, они восстанавливают против отечества и против нас. 9. Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и в Италии уже выполнены нами или находятся на пути к разрешению, все-таки еще остается одно дело — поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия и будут выжидать удобного случая при всех превратностях войны. С другой стороны, лучше не медлить с ними в таком спешном деле, но уничтожить их всех немедленно, коль скоро они начали против нас войну еще тогда, когда постановили считать нас и наши войска врагами. 10. И они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с нами, не взирая ни на возмездие богов, ни на ненависть людей. Никаких страданий народные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас или кто выдается своим чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния назвали Счастливым; правда, неизбежно, чтобы у троих было врагов больше, чем у одного. Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтобы и

армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная нашими общими противниками вражескою, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказать схватить тех, о которых это было решено, немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невиновным, но чтобы солдаты, имея в руках списки проверенных по числу и названных по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным. 11. Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупать деньгами; всякого, кто будет изобличен в том, что он спас или оказал помощь или только знал об этом, мы, не принимая во внимание никаких отговорок и просьб о прощении, включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 000 аттических драхм за каждую, если приносящий свободнорожденный, если же раб, то получит свободу, 10 000 аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным».

Таково было проскрипционное объявление триумвиров, если перевести его с латинского языка на греческий.

12. Первым из приговаривавших к смерти был Лепид, а первым из приговоренных — брат Лепида, Павел. Вторым из приговаривавших к смерти был Антоний, а вторым из приговоренных — дядя Антония, Луций: и Павел и Луций первые высказались за объявление Лепида и Антония врагами отечества. Третьим и четвертым были родственники вывешенных в другом списке намеченных консулами на следующий год Плотий, брат Планка, и Квинт, тесть Азиния. Они поставлены были на первом месте, впереди остальных, не столько в виду их значения, сколько для возбуждения страха и лишения надежды на возможность спасти кого-нибудь. В числе осужденных был и Тораний, бывший, по свидетельству некоторых, опекуном Цезаря. Одновременно с обнародованием проскрипционных списков ворота города были заняты стражей, как и все другие выходы из него, гавани, пруды, болота и все места вообще, могущие считаться удобными для бегства или тайного убежища. Центурионам приказано было обойти всю территорию с целью обыска. Все это было произведено одновременно. 13. И вот тотчас же как во всей стране, так и в Риме, смотря по тому, где каждый был захвачен, начались неожиданные многочисленные аресты и разнообразные способы умерщвления. Отсекали головы, чтобы их можно было представить для получения награды, происходили позорные попытки к бегству, переодевания из прежних пышных одежд в

непристойные. Одни спускались в колодцы, другие — в клоаки для стока нечистот, третьи — в полные копоти дымовые трубы под кровлею; некоторые сидели в глубочайшем молчании под сваленными в кучу черепицами крыши. Боялись не меньше, чем убийц, одни — жен и детей, враждебно к ним настроенных, другие — вольноотпущенников и рабов, третьи — своих должников или соседей, жаждущих получить поместья. Прорвалось наружу вдруг все то, что до тех пор таилось внутри; произошла противоестественная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на все эти магистратуры или состоявшими в этих должностях: теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданьями, называли слугу спасителем и господином. Печальнее всего было, когда и такие унижения не вызывали сострадания.

14. Происходили всевозможные злодеяния, больше чем это бывает во время восстаний или при завоевании городов. Ибо в таких случаях люди боятся или политического врага или военного противника, но они при этом доверяют своим домашним; теперь же последних боялись больше, чем убийц: не боявшиеся их — того не было на войне или при восстаниях — неожиданно убеждались, как домашние становились врагами либо вследствие скрытой до тех пор вражды, либо из-за обещанных им наград, либо ради хранящихся в доме золота и серебра. Каждый становился предателем по отношению к своим домашним и личную выгоду ставил выше сострадания к близкому человеку. А верный или благожелательный человек боялся помочь спрятать осужденного или отговариваться незнанием, боясь подвергнуться одинаковой каре. Теперь страх оказал обратное действие тому, что происходило при умерщвлении семнадцати человек: тогда, если кто-либо не был заранее официально намечен в проскрипциях, лишь некоторые внезапно были схвачены, все же одинаково пришли в страх и помогали друг другу. Теперь, после обнародования проскрипций, осужденные немедленно предоставлялись всем, остальные же, будучи спокойны за свою участь, в погоне за выгодою, охотились за другими для убийц из-за обещанного вознаграждения. Прочая толпа грабила дома убитых, причем жажда наживы отвлекала их сознание от бедствий переживаемого времени. Более благоразумные и умеренные люди онемели от ужаса. И им представлялась невероятной мысль, что в других городах и государствах распри приводили к разрушению, а согласие спасало, здесь же после того, как прежние раздоры правителей довели государство до гибели, теперь возвратившееся к ним единомыслие готовит такое бедствие.

15. Одни умирали, защищаясь от убийц, другие не защищались, считая, что не подосланные убийцы являются виновными. Некоторые умерщвляли себя добровольным голоданием, прибегая к петле, бросаясь в воду, низвергаясь с крыш, ки-

даясь в огонь, или же сами отдавались в руки убийц или даже просили их не мешкать. Другие, униженно моля о пощаде, скрывались, чтобы избежать смерти, пытались спастись подкупом. Иные погибали, вопреки воле триумвиров, жертвою ошибки, вследствие личной вражды к ним убийц. Труп не означенного в списке распознавался по тому, что голова его не была отсечена от туловища. Дело в том, что головы проскрибированных выставлялись на форуме перед рострами, где доставлявшие должны были получать вознаграждение. Впрочем, в некоторых случаях в не меньшей степени проявлялось рвение и мужество жен, детей, братьев и рабов, старавшихся спасти обреченных и придумывавших многочисленные для этого средства или погибавших вместе с ними, когда предпринятые меры не удавались. Некоторые убивали себя над трупами погибших. Из тех же, кому удалось избегнуть смерти, одни погибли при кораблекрушении, не будучи в состоянии уйти от судьбы; другие, вопреки всякому ожиданию, достигли впоследствии государственных должностей в Риме, были командирами на войне, получали триумфы. До такой степени время это было полно всяких неожиданностей.

16. И это происходило не в небольшом каком-нибудь городе, не в слабой и маленькой царской резиденции; могущественнейшего властителя стольких народов на суше и на море божество подвергло таким потрясениям, доведя его, в конце концов, через ряд испытаний до нынешнего благоустройства. Правда, нечто подобное происходило в Риме уже при Сулле и еще до него при Гае Марии, наиболее замечательные из этих бедствий я описал в посвященных им главах, когда ко всему происходившему присоединялось еще и то, что трупы оставались без погребения. Все же настоящие события были более примечательны, отчасти вследствие носимого триумвирами звания, отчасти вследствие того таланта и счастья, с какими один из них утвердил власть на прочном фундаменте и оставил свой род и свое имя поныне царствующим. Из этих событий как более блестящие, благородные, так и более отвратительные, в памяти потому лучше сохранившиеся, что они недавно имели место, я изложу, но не все, ибо не заслуживают упоминания простое убийство, бегство или возвращение после амнистии, данной триумвирами, жизнь скрывавшихся после возвращения; достойно упоминания лишь то, что, будучи самым невероятным, более всего может поразить читателей и заставит поверить изложенному выше. Материала много, и многие римляне во многих книгах описали это каждый по-своему. Я же только опишу немногое, но характерное в том или ином отношении, что может доказать истинность происшедших событий и благополучие настоящего времени; поступить иначе потребовало бы пространного изложения.

17. Случайно преследование началось с тех, кто занимал еще магистратуры. И первым был умерщвлен народный трибун Сальвий. Эта должность по закону священна, неприкосновенна и обладала громадным авторитетом, так что, опираясь на нее, можно было подвергнуть тюремному заключению даже некоторых консулов. Сальвий был тот народный трибун, который воспрепятствовал вначале признанию Антония врагом отечества, а впоследствии поддерживал во всем Цицерона. Узнав об объединении триумвиров и о приближении их к Риму, он пригласил на пир близких ему лиц, так как недолго уже ему с ними придется быть вместе. Когда на пиршество ворвались солдаты, гости в смятении и страхе вскочили. Центурион, командовавший отрядом, приказал всем спокойно возлежать за столом, Сальвия же, схватив за волосы, отбросил с его места за стол сколько было необходимо и отрубил ему голову, а присутствующим еще раз приказал оставаться неподвижными в том положении, в каком они были, чтобы, в случае если поднимется шум, им не подвергнуться той же участи. И гости, действительно, после удаления центуриона, остолбенев, безмолвные, возлежали до глубокой ночи около трупа трибуна.

Вторым погиб претор Минуций в тот момент, когда он председательствовал в народном собрании на форуме. Узнав о приближении солдат, он вскочил со своего места, побежал и, раздумывая, куда ему скрыться, переменив одежду, вбежал в одну из мастерских, отослав от себя рабов и знаки своего достоинства. Но те из чувства уважения и сострадания остались и тем самым против воли облегчили убийцам отыскать претора.

18. Другого претора, Анналиса, в то время когда он посещал граждан вместе с сыном, кандидатом в квесторы, и собирал голоса в его пользу, бывшие с ним друзья и ликторы покинули, узнав, что его имя дополнительно включено в списки. Анналис, убежав к одному из своих клиентов, занимавшему небольшой, дешевый, совершенно невзрачный дом в предместьи, скрывался в нем в безопасности, пока собственный сын его, заподозрев бегство его к клиенту, привел убийц к домику, получив за это от триумвиров имущество отца и назначение в эдилы. Но когда вскоре затем сын возвращался с попойки, те же самые солдаты, умертвившие его отца, из-за какой-то ссоры покончили и с ним.

Тураний, ранее бывший претором, отец юноши, вообще распущенного, но пользовавшегося влиянием у Антония, просил офицеров отсрочить ему казнь на короткое время, пока сын его упросит Антония. Те же со смехом сказали: «уже упросил, да только наоборот». Старик, поняв в чем дело, снова попросил отсрочку на самое короткое время, чтобы повидаться с дочерью. При свидании с нею он велел ей не вступать во владение отцовским наследством, чтобы и из-за нее брат не про-

сил Антония. Случилось, однако, что этот сын, промотав позорно все состояние и будучи уличен в воровстве, должен был, по приговору суда, отправиться в изгнание.

19. Цицерон, пользовавшийся после смерти Гая Цезаря таким влиянием, что тогда возникло своего рода единовластие демагога, был осужден на смерть вместе с своим сыном, братом, племянником и всеми родственниками, единомышленниками и друзьями. Во время бегства на лодке он не вынес неприятности качки и, велев причалить у собственной виллы вблизи италийского города Капуи — эту виллу я осмотрел для ознакомления с этим печальным событием, — не двигался с места. В то время как преследовали его — его-то ревностнее всех искал Антоний, и для него старались все, — к нему в спальню влетели вороны и стали каркать, так что он проснулся, и стали стаскивать с него тогу; рабы, истолковывая происходящее как знамение богов, поместили Цицерона на носилки и снова понесли его к морю через лесную чащу. Между тем многие партиями бродили и расспрашивали, не видели ли Цицерона; все из расположения и сострадания к нему говорили, что он, отчалив на лодке, плывет уже по морю. Но один сапожник, клиент Клодия, бывшего жесточайшим врагом Цицерона, указал центуриону Ленату с его немногочисленными спутниками тропинку. Тот погнался и, заметив, что рабы, окружавшие Цицерона, гораздо многочисленнее, чем его спутники, и готовы защищаться, прибегнул к военной хитрости и закричал: «Центурионы, находящиеся в тылу, идите за мной сюда!». Тогда рабы испугались, полагая, что приближается превосходящий их числом отряд. 20. Ленат, в свое время выигравший процесс благодаря Цицерону, вытащив из носилок Цицерона, отрубил ему голову, или, скорее, по неопытности отпилил ее, так как он три раза ударил по шее. Отрезал он также и руку, которой Цицерон писал речи против Антония как тирана назвав их в подражание Демосфену «Филиппиками». Немедленно некоторые, кто на конях, кто на судах, поспешили с этим известием к Антонию. Ленат издали показал голову и руку, потрясая ею в воздухе, Антонию, председательствовавшему на форуме. Тот чрезвычайно обрадовался, увенчал центуриона и сверх назначенной награды подарил ему 250 000 аттических драхм за уничтожение величайшего из всех его противников и самого непримиримого. Голова Цицерона и рука очень долгое время висели на форуме перед трибуной, с которой он прежде обычно обращался к народу с речами. И посмотреть на это стекалось больше народу, чем прежде послушать его. Говорят, что за обеденным столом Антоний голову Цицерона ставил на стол, пока не насытился этим отвратительным зрелищем. Так погиб Цицерон, муж, прославляемый за свое красноречие и до сих пор, оказавший отечеству величайшие услуги во время своего консульства, а теперь он

и после смерти подвергался глумлению. Сын его уехал еще раньше в Грецию к Бруту. Квинт же, брат Цицерона, схваченный вместе со своим сыном, просил убийц умертвить его ранее сына; а так как сын обращался с противоположной просьбой, убийцы сказали, что уладят их спор, и, разбившись на две группы, умертвили их, по данному знаку, обоих одновременно.

21. Игнаций, отец и сын, державшие друг друга в объятиях, были убиты одним ударом. Их головы были отсечены, а туловища оставались обнявшимися. Бальб, чтобы не быть обнаруженным, идя вместе с сыном, отправил его вперед бежать к морю, сам же следовал за ним на небольшом расстоянии. Когда кто-то, по ошибке, сообщил ему, что сын его схвачен, он вернулся и сам призвал убийцу. Случилось, что и сын погиб при кораблекрушении. Так сама судьба в ту пору усугубляла несчастия. Арунций с трудом уговорил сына, не соглашавшегося бежать без него, спасти свою юную жизнь. Мать, провожавшая его до ворот, вернулась домой, в расчете, что предаст тело убитого мужа погребению. Узнав, что сын погиб в море, она покончила с собой голодом. Таковы примеры хороших и худых сыновей.

22. Два брата, по имени Лигарии, совместно приговоренные к смерти, скрывались под печкой, пока рабы их не открыли, и один из них был тотчас же умерщвлен, а другой убежал; узнав о гибели брата, он бросился с моста в воду. Когда рыбаки вытащили его, думая, что он не нарочно бросился, а случайно упал в воду, он долго сопротивлялся и порывался снова итти к реке. Но так как рыбаки одержали верх над ним, он, стараясь избавиться от них, сказал: «вы не меня спасаете, а самих себя губите вместе со мною, помещенным в списке». Однако рыбаки из жалости к нему и теперь старались его спасти, пока какие-то солдаты, охранявшие мост, заметили это, прибежали и отрубили ему голову. Из двух других братьев один бросился в реку; раб искал его труп в течение пяти дней; найдя и увидев, что его можно еще признать по чертам лица, отрубил ему голову ради награды. Второго брата, скрывавшегося в яме с навозом, выдал другой раб; убийцы, брезгуя войти в яму, копьями стали колоть его и выгнали из ямы, отсекли голову, как он был, даже не обмыв ее. Еще один человек в тот момент, когда брат его был задержан, подбежав и не зная, что сам он осужден вместе с ним, сказал: «Убейте меня раньше него». На это центурион, имевший при себе точный список, заметил: «Ты требуешь справедливого; ведь ты помещен ранее его». С этими словами он, согласно предписанному порядку, умертвил обоих, одного за другим. Таковы примеры поведения братьев.

23. Укрыв Лигария, его жена брала с собою в его убежище одну только рабыню. Будучи предана ею, она следовала за

людьми, несшими голову мужа, с криком: «я его скрывала, а укрывателям установлено такое же наказание». Так как никто ее все же не умертвил и не донес о ней, она сама добровольно пришла к должностным лицам. Когда же и они из-за этой любви к мужу пощадили ее, она уморила себя голодом. Я упомянул о ней здесь потому, что, потерпев неудачу в попытке спасти мужа, она покончила с собою голодом. О тех же, которые с большей удачей проявляли любовь к мужу, я упомяну в рассказе о спасшихся мужьях.

Зато другие жены преступно строили козни своим мужьям. К таковым принадлежит та, которая была замужем за Септимием, но соблазнена была каким-то приятелем Антония. Страстно стремясь сменить сожительство на брак, она добилась своего, через любовника, у Антония. Тотчас же Септимий был включен в проскрипционные списки. Узнав об этом и не подозревая о постигшем его несчастьи, он искал спасения у нее. Но она, притворившись, что любит его, заперла двери и сторожила мужа, пока не появились убийцы. И в тот же день, когда они умертвили ее мужа, она праздновала свой новый брак.

24. Саласс убежал из Рима, но, испытывая жажду, вернулся ночью в город, когда, повидимому, наибольшая опасность уменьшилась. Дом его оказался, однако, уже проданным, один лишь привратник, проданный вместе с домом, узнал его, предоставил ему свое жилище, обещал скрывать его местопребывание и по возможности доставлять ему пищу. Саласс приказал ему вызвать его жену из дома. Та, представившись, что страстно желает притти, но что боится сделать это ночью, потому что это подозрительным покажется рабыням, сказала, что придет с наступлением дня. Когда день наступил, она отправилась за убийцами, между тем как привратник еще раз побежал в ее дом, чтобы побудить ее поспешить. Саласс же, испугавшись после ухода привратника, не с злым ли умыслом он отправился, поднялся на крышу и стал наблюдать за происходящим. Увидев, что не привратник, а его собственная жена ведет в дом убийц, он бросился вниз с крыши. Фульвий убежал к своей рабыне, бывшей его любовнице, отпущенной на свободу и получившей приданое к браку. Несмотря на столько добра, полученного от Фульвия, она его выдала из ревности к той, которая сочеталась с ним законным браком после нее. Приведенных примеров низких женщин достаточно.

25. Самнит Стаций, оказавший большие услуги самнитянам в Союзническую войну, за выдающиеся подвиги, богатство и знатное происхождение принятый в римский сенат на 80-м году жизни и попавший в списки из-за своего богатства, предоставил свой дом народу и рабам на разграбление и отчасти даже сам выбрасывал вещи толпе. Затем он поджег опустевший и запертый дом и погиб в нем, причем огонь охва-

тил много других зданий в городе. Капитон только приоткрывал двери дома, убивал ломившихся в дверь убийц по одному и погиб сам, когда ворвалась масса людей, причем перебил многих. Ветулин собрал большой отряд вокруг Регия как из самих проскрибированных, так и из тех, кто бежал вместе с ними и из тех 18 городов, которые, будучи предназначены в награду солдатам, крайне возмущены были этим. С этими силами Ветулин уничтожал сновавших по стране центурионов; потом, когда более многочисленное войско было послано против него, он и тогда, не прекратив борьбы, переправился в Сицилию к Помпею, укрепившемуся в ней и принимавшему беженцев. Ветулин вел упорную борьбу, пока, побежденный во многих сражениях, не отправил сына и всех остальных проскрибированных в Мессину, а сам, увидя, что корабль уже отплыл в море, бросился в средину врагов и тут погиб в сече.

26. Назон, преданный своим вольноотпущенником, который раньше был его любовником, выхватил у одного из воинов меч и, убив одного лишь предателя, сам отдался в распоряжение убийц. Один верный господину раб усадил его на холм, а сам отправился к морю с целью нанять для него судно. Возвращаясь, он увидел, что его хозяина убивают и что тот уже испускает дух, и громко вскрикнув: «Подожди минутку, господин», он убивает центуриона, внезапно напав на него. А после этого он покончил с собою и сказал господину: «Теперь ты отомщен». Луций дал своим двум вернейшим вольноотпущенникам золото и направился к берегу моря; после того как те убежали, он вернулся и, отчаявшись в своем спасении, отдался убийцам. Лабиен, во время сулловских проскрипций многих захвативший и казнивший, теперь счел постыдным не подвергнуться с достоинством той же участи. Выйдя за ворота дома, он сел на кресло и ожидал убийц. Цестий скрывался за городом у преданных ему рабов. При виде центурионов, носившихся постоянно с оружием и головами, он не мог выдержать постоянного страха и велел рабам развести костер, чтобы они могли сказать, что хоронят якобы умершего Цестия. Едва они, обойденные таким образом Цестием, зажгли костер, как он бросился в него. Апоний, укрывшись в безопасном месте, не вынес житейских невзгод и сам отдался в руки палачей. Другой человек нарочно сидел в открытом месте, и так как убийцы не являлись, тем временем повесился.

27. Луций, зять бывшего в то время консулом Азиния Поллиона, бежал морем, но не будучи в силах перенести невзгоды бури, бросился в пучину. Цесенния, убегавшего с криком, что он не внесен в списки, но что из-за его денег на него злоумышляют, преследовавшие подвели к списку и велели прочесть собственное свое имя и в то время, как он читал, убили. Эмилий, не зная, что он попал в список, и видя, как преследуют кого-то другого, спросил преследующего центуриона, кто

осужден на смерть. Центурион, узнав Эмилия, сказал: «Ты и он», и умертвил обоих. Циллон и Деций, узнав при выходе из сената, что их имена стоят в списках, растерялись и побежали через ворота, хотя еще никто их не преследовал; самое это бегство выдало их встретившимся на пути центурионам. Ицилий, тот самый, который, будучи судьей в деле Брута и Кассия (иногда наблюдал за судом Цезарь с толпою солдат), в то время как остальные судьи тайно подали голоса за обвинение, один открыто положил оправдательный голос в урну, забыл о своем великодушном свободолюбии, стал под выносившееся мертвое тело вместе с несшими носилки и нес покойника. Стража у ворот, увидев, что несущих покойника одним больше, чем это было обычно, не подозревая несущих, стали осматривать носилки, не притворился ли кто мертвецом. Носильщики изобличили Ицилия как человека, не принадлежавшего к одной профессии с ними, и убийцы, установив личность Ицилия, умертвили его.

28. Вар был выдан своим вольноотпущенником в то время, как он, бродя с одной горы на другую, попал в Минтурнские болота, где и остановился на отдых, чтобы набраться сил. В то время как жители Минтурна, разыскивая гнездо бандитов, обходили болота, закачавшаяся верхушка тростника обнаружила местопребывание Вара. Будучи схвачен, он заявил, что он — бандит и, приговоренный к смерти, не протестовал против этого. Когда же его намеревались пытать, чтобы он выдал сообщников, он не выдержал этого, как несовместимого со своим достоинством, и сказал: «Запрещаю вам, минтурнцы, меня, бывшего консула и — что для ныне властвующих важнее — проскрибированного, пытать и убивать. Ибо если уже мне нельзя избежать смерти, то лучше погибнуть от руки равных мне по достоинству». В то время как минтурнцы все еще не верили и считали его рассказ вымыслом, центурион, делавший обход, узнал его и отрубил ему голову, а туловище оставил минтурнцам. Ларг был захвачен в то время, когда он скитался по полям, хотя разыскивали не его, но другого. Сжалившись над ним, когда он попался им в руки, хотя они его и не искали, они отпустили его на свободу в лес. Но преследуемый другими, он побежал к первым и сказал «Лучше вы убейте меня, вы, сжалившиеся надо мною, чтобы вам получить награду, а не им». Так он отплатил им своею смертью за их человеколюбие.

29. Руф, имевший прекрасный дом, сдававшийся в наем, по соседству с Фульвией, женой Антония, раньше не уступал его Фульвии, желавшей купить дом, теперь же принес его ей в дар и все же подвергся проскрипции. Голову его, принесенную Антонию, последний, сказав, что она не нужна, отослал жене, которая велела выставить ее, вместо форума, перед наемным домом. Другой имел прелестную тенистую

виллу, где был красивый и глубокий грот, что, вероятно, и послужило причиной того, что он подвергся проскрипции. Случайно он находился в гроте, ища прохлады от жары, и в то время как убийцы еще вдали бежали за ним, раб, направив его в угол грота, надел тунику господина и притворился, что он — хозяин и находится в страхе. И, вероятно, он был бы умерщвлен, если бы один из рабов не указал на обман. После казни господина народ не переставал выражать свое негодование перед высшими должностными лицами, пока не настоял на том, чтобы доносчик был распят, а хотевший спасти господина получил свободу. Скрывавшегося Гатерия выдал его раб; тотчас же получив свободу, он выступил покупателем при распродаже с торгов имущества убитого и жестоко издевался над его детьми. А те молча, в слезах, следовали за ним повсюду. Народ вознегодовал на это, и триумвиры его, как преступившего границы должного, снова отдали в рабство детям проскрибированного. Таковы бедствия, происшедшие с мужчинами.

30. Тогдашняя превратность судьбы постигла и сирот из-за их богатства. Так, один мальчик по дороге в школу был убит вместе со своим дядькой, который обнял его и не отпускал. Атилий, только что надевши мужскую тогу, шел, согласно обычаю, в процессии друзей в храм для совершения жертвоприношения. Когда неожиданно его имя было внесено в списки, друзья и рабы разбежались. Одинокий и оставленный всеми, он после столь торжественной процессии отправился к матери. Когда же и та из страха его не приняла, он, не решившись просить милосердия у других после отказа матери, побежал на гору. Оттуда сойдя от голода на равнину, он был схвачен человеком, который захватывал прохожих и, связав, принуждал их к работе. Но так как он по своей изнеженности не мог работать, то с надетыми на него цепями убежал на проезжую дорогу, отдался в руки проходившим центурионам и был убит.

31. В то время как происходили все эти события, Лепид праздновал триумф над испанцами и издал эдикт следующего содержания: «В добрый час! Приказываю всем мужчинам и женщинам приносить жертву и праздновать настоящий день. Кто будет уличен в невыполнении настоящего приказания, будет считаться в числе проскрибированных». Лепид праздновал триумф в храмах, причем все принимали участие в процесии в праздничной одежде, но с ненавистью в душе. Домашнее имущество проскрибированных было расхищено. Немногие, однако, покупали их имения, стыдясь пользоваться чужим несчастьем и полагая, что не на радость им будет достояние погибших, что небезопасно вообще быть замеченным с золотом или серебром, что приобретение нового не безопасно теперь, тем более что и владеть прежним имуществом

сопряжено с опасностью. Лишь некоторые решались делать приобретения, и за очень дешевую цену, потому что других покупателей не было. Поэтому-то триумвирам, надеявшимся, что полученной выручки хватит на военные издержки, недоставало еще двухсот миллионов драхм.

32. Объявив об том в народном собрании, триумвиры составили список 1 400 женщин, владевших наибольшим состоянием. Им надлежало, представив оценку имущества, внести на военные нужды сумму, какую каждой назначат триумвиры. Скрывшим что-либо из имущества или неправильно оценившим его назначены были наказания, а осведомлявшим об этом как свободным, так и рабам — награды. Женщины решили обратиться с просьбой о защите к родственницам триумвиров. Они были приняты сочувственно сестрой Цезаря и матерью Антония, но с трудом перенесли оскорбление, будучи прогнаны от дверей Фульвией, женой Антония. И вот, протискавшись на форуме к трибуне, где заседали триумвиры, в то время как народ и стража расступились перед ними, женщины произнесли следующую речь, избрав для этой цели Гортензию: «Как и подобало таким женщинам как мы, нуждавшимся в вашей помощи, мы обратились к вашим женам. Но испытав, что совсем не подобало нам, от Фульвии, мы ее поступком вынуждены совместно явиться на форум. Вы отняли уже у нас родителей, детей, мужей и братьев под тем предлогом, что вы были оскорблены ими. Если же вы еще отнимете у нас и средства к существованию, то поставите нас в тяжелое положение, недостойное нашего происхождения, образа жизни и природы женщины. Если вы считаете себя обиженными нами, так же, как мужчинами, то подвергните нас, подобно им, проскрипции. Если же мы, женщины, никого из вас не объявляли врагом отечества, не разрушали домов, не подкупали войск, не приводили армий против вас, не препятствовали вам достигнуть власти и почета, то почему мы должны подвергнуться карам, не будучи соучастницами во всем этом? 33. К чему нам платить налоги, раз мы не участвовали ни в отправлении государственных должностей, ни в почестях, ни в предводительстве войсками, ни вообще в государственном управлении, из-за которого вы теперь спорите, доведя нас уже до столь больших бедствий? Вы скажете: потому, что теперь война. Но когда войны не было? И когда женщины платили налоги, женщины, которых сама природа освобождает от этого у всех народов? Наши матери, правда, всего один раз, вопреки нашему полу, собрали налог: это когда грозила опасность всему вашему господству и даже самому городу, когда нам угрожали карфагеняне. Но и тогда женщины вносили налог добровольно и притом не с земель, имений или домов, без чего не может существовать свободная гражданка, но только из своих собственных украшений, к тому же не подвергавшихся оценке, не

под угрозой указчиков или доносчиков, не по принуждению или насилию, а вносили столько, сколько сами пожелали. И какой у вас сейчас страх за государственную власть или отечество? Когда наступит война с галлами или парфянами, и мы окажемся не хуже наших матерей в стремлении спасти отечество. Но для гражданской войны мы никогда не станем вносить вам денег или помогать вам в борьбе друг с другом. Мы не вносили налогов ни при Цезаре, ни при Помпее, ни Марий, ни Цинна не принуждали нас к этому, ни даже Сулла, тиран отечества. А вы еще говорите, что упорядочиваете государственный строй!».

34. Пока Гортензия произносила эту речь, триумвиры возмущались. Неужели женщины, в то время как мужчины сохраняли спокойствие, осмеливаются выступать в народном собрании, требовать отчета у магистратов в их действиях? Неужели, в то время как мужчины несли тяготы войны, женщины будут отказываться вносить деньги? Триумвиры приказали служителям стащить женщин с трибуны. Но так как поднялся протест в окружавшей толпе, и служители приостановили выполнение приказания, триумвиры заявили, что откладывают рассмотрение вопроса на следующий день. А на другой день они приказали лишь 400 вместо 1 400 матронам объявить стоимость своего состояния. Из мужчин же всякий владевший более чем 100 000 сестерций, как гражданин, так и иностранец, вольноотпущенник, жрец и все иностранцы без каких-либо исключений подлежат этому распоряжению под страхом таких же наказаний и таких же наград за доносы. Все должны были $^1/_{50}$ часть своего имущества немедленно отдать триумвирам взаймы и внести годовой доход на военные нужды.

35. Таковы были напасти, выпавшие на долю римлян из-за распоряжений триумвиров. Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало еще хуже. Так как триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осужденных, их земли, их виллы или целые имения; другие настаивали на усыновлении их выдающимися лицами; третьи действовали на свой страх и риск, убивая непроскрибированных и грабя дома невиновных. В конце концов триумвиры даже предписали одному из консулов положить предел происходящим правонарушениям. Но тот, боясь затронуть солдат, чтобы не вооружить их против себя, арестовал и распял несколько рабов, которые, одетые солдатами, совершали вместе с ними беззакония.

36. Таковы, в большинстве случаев, были крайние пределы несчастий, постигших приговоренных. То же, что, против ожидания, происходило с некоторыми, как, например, избавление от гибели тогда или почет впоследствии, это и мне приятнее рассказывать и читателям полезнее знать, чтобы и они не отчаивались в несчастьях. Так, для некоторых оказалось возмож-

ным бежать к Кассию или к Бруту или в Африку к Корнифицию, который также стоял за демократию. Большинство отправилось в Сицилию, соседящую с Италией, где Помпей охотно принимал их к себе. В самом деле, Помпей в то время оказывал исключительное внимание несчастным, рассылал всюду гонцов, приглашавших всех к нему, обещал спасшим кого-либо — свободным и рабам — двойную награду сравнительно с тою, которая давалась арестовывавшим. Лодки и транспортные суда шли навстречу плывшим по морю; триремы крейсировали вдоль берегов, подняв у себя сигналы для блуждающих и спасая попадавшего им навстречу. Сам Помпей выходил навстречу прибывавшим и тотчас же снабжал их одеждой и предметами домашнего обихода. Достойным он давал командные должности в армии или флоте. И когда впоследствии он заключал мир с триумвирами, он согласился на него лишь при том условии, что мир распространен будет и на бежавших к нему. Таким образом Помпей оказал большие услуги для отечества, испытывавшего бедствия, и снискал себе добрую славу благодаря всему этому, в дополнение к отцовской славе, и притом не меньшую, чем последняя. Другие же, разными способами бежавшие или скрывавшиеся, проводили время, строя под давлением горя всякие планы, кто за городом, кто на кладбищах, а кто и в самом городе, пока не был заключен мир. И поразительные примеры любви жен к мужьям, преданности детей к родителям и — вопреки природе вещей — рабов к господам имели тут место. Наиболее удивительные из них я опишу.

37. Павел, брат Лепида, вследствие того что центурионы пощадили его как брата верховного правителя, благополучно отплыл к Бруту, а потом в Милет, откуда, даже несмотря на приглашение вернуться после заключения мира, отказался выехать. Мать Антония держала у себя своего брата Луция, дядю Антония, даже и не скрывая его. Ибо и ее щадили центурионы как мать своего верховного правителя. Когда позже они все же стали замышлять вторгнуться в ее дом, она бросилась на форум и обратилась к сидевшему на трибунале вместе с коллегами по власти Антонию со словами: «Я доношу, самодержец, на самое себя: я скрывала у себя Луция и посейчас еще скрываю и буду скрывать, пока ты не казнишь нас обоих. Ведь такое наказание объявлено и для укрывающих». Антоний упрекнул ее в том, что она проявила себя хорошей сестрой, но недоброй матерью, ибо ей следовало не спасать теперь Луция, но помешать ему тогда, когда он ее сына предложил объявить врагом. Затем он поручил консулу Планку внести предложение о возвращении Луция из изгнания.

38. Мессала, молодой человек благородного происхождения, бежал к Бруту. Опасаясь его высокомерия, триумвиры издали следующий эдикт: «Поскольку Мессала, как доказали нам

его родственники, даже и не был в Риме, когда убит был Гай Цезарь, он исключается из списков осужденных». Однако Мессала не воспользовался этим прощением. Когда же Брут и Кассий пали во Фракии, а войско их было еще многочисленно, был и флот и деньги, были и большие надежды, войско избрало полководцем Мессалу; но последний, отклонив это избрание, убедил их покориться непреодолимой судьбе и присоединиться к армии Антония. Он был с Антонием в дружеских отношениях до тех пор, пока не завладела Антонием Клеопатра; тогда он в неудовольствии на него перешел на сторону Цезаря. Последний назначил его консулом вместо самого Антония, смещенного по постановлению народа, когда он вторично был объявлен врагом отечества. После того как Мессала был командиром военных кораблей в битве при Акциуме против Антония, Цезарь послал его против отложившихся галлов и после одержанной им победы даровал ему триумф. Бибул одновременно с Мессалой тоже получил милость: будучи назначен Антонием командующим флотом, он нередко был посредником в переговорах между Антонием и Цезарем, был назначен Антонием префектом Сирии и в этом звании там скончался. 39. Ацилий тайно бежал из города. Когда домашний раб выдал его солдатам, Ацилий, пообещав им еще большую сумму денег, убедил их послать некоторых из их среды к своей жене с условленными знаками, которые сам им вручил. Жена предложила им все свои украшения, сказала, что дает их с тем, чтобы они, в свою очередь, сдержали свое обещание, но не уверена, сдержат ли они его. И в любви к мужу она не оказалась обманутой: солдаты наняли судно для Ацилия и доставили его в Сицилию. Лентула, тайно бежавшего в Сицилию, жена просила взять ее с собой и с этой целью не спускала его с глаз. Он не желал, чтобы она подвергалась опасности наравне с ним. Будучи назначен Помпеем претором, он сообщил жене, что он спасся и состоит претором. Она, узнав, где находится муж, убежала из-под надзора матери с двумя рабами, с которыми благополучно совершила трудный путь под видом рабыни и вечером из Регия переправилась в Мессину. Легко разыскав преторскую палатку, она застала Лентула не в пышной обстановке претора, но с непричесанными волосами, лежащим на земле, в неприглядных условиях, все это из-за тоски по жене. 40. Апулею жена пригрозила, что выдаст его, если он бежит один. И вот против воли он взял ее с собою. Помогло ему в бегстве, которого никто не подозревал, то обстоятельство, что он отправился в путь вместе с женой, рабами и рабынями, на глазах у всех. Жена Анция завернула его в постельный мешок и поручила носильщикам за плату доставить его из дома к морю, откуда он и убежал в Сицилию. Жена Регина своего мужа ночью спустила в канал для стока нечистот, куда днем солдаты не решились войти из-за зловонья

ния; в следующую же ночь она нарядила его угольщиком и велела гнать перед собой осла, нагруженного углем, сама же, сидя в носилках, подвигалась впереди него на коротком расстоянии. Одному из воинов возле ворот носилки показались подозрительными, и он стал их обыскивать. Регин испугался и, прикинувшись одним из пешеходов, просил солдата оставить женщин в покое. Тот ответил ему как угольщику, грубо, но скоро узнал его — он прежде как-то был в походе под его начальством в Сирии — и сказал: «Иди себе спокойно, император, ибо мне приличествует и теперь так тебя называть». Своего мужа, Капония, выпросила себе его жена у Антония, бывшая до тех пор целомудренною, она так одно несчастье исцелила другим. 41. Сын Геты представился, будто он сжигает во дворе дома труп повесившегося отца. Тайком он держал отца в недавно приобретенном имении. Там старик, чтобы быть незамеченным, надел кожаную повязку на один глаз. Когда наступил мир, он снял повязку, но глаз от бездействия уже потерял способность видеть. Оппия, желавшего вследствие своей немощной старости остаться на месте, сын нес на своих плечах по Риму, пока не доставил его за ворота; во время остального пути до Сицилии он вел его или нес и таким образом доставил на место; никто ничего не заподозрел и не подшучивал при виде этой сцены. Ведь и Эней, как пишут, возбудил уважение в врагах, когда нес на плечах отца. Впоследствии народ, восхваляя подвиг юноши, избрал его эдилом. Так как вследствие конфискации имущества у него не было средств для покрытия издержек по должности, то ремесленники исполняли требуемую должностью работу даром, и каждый из зрителей бросал на арену какую хотел монету, так что он снова стал зажиточным человеком. На могильной плите Арриана согласно его завещанию было высечено: «Погребенный здесь был осужден на смерть, а сын его, неосужденный, спас его и бежал вместе с ним». 42. Было два Метелла: сын и отец. Из них отец, будучи полководцем у Антония, в битве при Акциуме попал в плен, но не был опознан. Сын его, принимавший участие в войне на стороне Цезаря, также командовал частью войска в сражении при Акциуме. В то время как Цезарь осматривал на Самосе пленных, сын восседал вместе с ним, а старика-отца подвели к ним с растрепанными волосами, в жалком виде, грязного и вследствие всего этого потерявшего свой прежний облик. Как только он был назван глашатаем в списке пленных, сын соскочил с помоста и, с трудом узнав отца, с плачем обнял его. Потом, сдерживая рыдания, он сказал Цезарю: «Он был тебе врагом, Цезарь, я же — союзником. Тебе надлежит его подвергнуть казни, меня же наградить. И вот я прошу тебя или сохранить жизнь отца ради меня или же предать смерти за него». Сострадание охватило всех присутствовавших, и Цезарь согласился пощадить Метелла, хотя

тот и был его злейшим врагом и много раз с презрением отвергал многочисленные дары, предлагаемые ему Цезарем, если он перейдет от Антония к нему.

43. Рабы Марка благодаря своей преданности к нему и счастливой судьбе во все время действия проскрипционных списков скрывали его внутри дома. Когда объявлена была амнистия, он вышел из дома, словно из изгнания. Гирций, бежав из города вместе с домашними рабами, бродил по Италии, освобождая арестованных и собирая вокруг себя беглецов, опустошая сначала маленькие города, потом и большие, пока не стал во главе достаточно значительного отряда и не покорил племя бруттиев. Когда против него отправлено было войско, он со всею своею свитою передался Помпею. За Рестионом, думавшим, что он бежит один, следовал незаметным образом домашний раб, некогда выросший в его доме и видевший от него много добра, а потом за нерадивость заклейменный. Этот раб, представ перед господином, отдыхавшим среди болота, испугал его своим появлением. Раб сказал находившемуся в страхе Рестиону, что он не чувствует своего теперешнего клейма, но помнит больше о прошлых благодеяниях. Укрыв Метелла в какой-то пещере, он стал работать и, насколько мог, доставлял ему пищу. Когда у солдат, очутившихся вблизи пещеры, возникло подозрение насчет Рестиона и они направились к нему, раб, смекнув, последовал за ними и, забежав вперед, убил какого-то старика, шедшего по дороге, и отрубил ему голову. Когда же изумленные солдаты задержали его как убийцу прохожего, он сказал: «Я умертвил Рестиона, моего господина, наложившего на меня вот это клеймо». И они, отняв у него голову, чтобы получить награду, поспешили обратно в Рим. Раб же, уведя хозина из пещеры, отплыл вместе с ним в Сицилию. 44. Аппий отдыхал на своей вилле, когда к нему ворвались солдаты. Раб одел его в свою одежду, сам же, улегшись на постель, как если бы он был господин, добровольно принял смерть вместо него, стоявшего вблизи под видом раба. Когда солдаты заняли дом Менения, раб сел в носилки господина и был вынесен другими рабами, соучастниками всего дела, после чего он и был, согласно его воле, убит вместо Менения, а тот бежал в Сицилию. Вольноотпущенник Виния Филемон, живший в роскошном доме, спрятал Виния в центре дома в железном ящике, какой римляне обыкновенно держат для денег или книг; по ночам он приносил Винию пищу вплоть до наступления гражданского мира. Другой вольноотпущенник, охранявший надгробный памятник своего господина, укрыл тут же, вместе с отцом, и сына его, приговоренного к смерти. Лукреций, скитавшийся с двумя верными рабами, испытывая недостаток пищи, направился в Рим к жене, его несли на носилках рабы, как больного. Так как у одного из несших сломалась голень, он пошел пешком,

положив руку на плечо другого. Находясь у ворот в том самом месте, где отец его, проскрибированный Суллой, был захвачен, он увидел бегущий отряд солдат. Испуганный зловещим совпадением места, он укрылся вместе с рабами в склепе. Когда кладбищенские грабители стали обыскивать гробницы, раб добровольно дал им себя ограбить, а Лукреций тем временем убежал к воротам. Обождав здесь раба, Лукреций поделился с ним одеждой и явился к жене. Он был укрыт ею на двойной крыше в пролете, пока некоторым не удалось добиться от триумвиров прощения для него. Впоследствии, при восстановлении мира, он стал консулом. 45. Сергий скрывался у самого Антония, пока последний не уговорил консула Планка внести предложение о возвращении его. В благодарность за это Сергий впоследствии, во время распри между Цезарем и Антонием, когда сенат ставил на голосование объявить Антония врагом отечества, лишь один открыто противился этому. Таким образом он спасся. Помпоний облачился в одеяние претора, а рабов нарядил в одежды, полагающиеся прислужникам претора по его должности. Он проследовал через весь город как претор — в сопровождении ликторов, будучи тесно окружен прислужниками, чтобы его не узнали другие. Сев у ворот в государственную колесницу, он отправился во внутреннюю часть Италии, причем все принимали его и провожали как претора, отправленного триумвирами к Помпею для заключения мира, пока на государственной триреме Помпоний не переправился к нему.

46. Апулей и Арунций, выдававшие себя за центурионов, а рабов своих нарядившие солдатами, проскочили через ворота в качестве центурионов, преследующих других. Во время дальнейшего следования они разделились и стали освобождать арестованных, собирали вокруг себя беглецов, потом, когда у каждого из них образовался достаточно сильный отряд, они достали военные знамена и оружие, что их отряду придавало вид настоящего войска. Так как каждый из них, центурионов, направлялся к морю, то однажды, расположившись на стоянку около какого-то холма, они с великим страхом смотрели друг на друга. На заре, спустившись с холма, каждый из них решил, что противная сторона — это войско, посланное против него, и, двинувшись навстречу друг другу, вступили в бой. Наконец, они узнали свою ошибку, бросили оружие, оплакивали происшедшее и обвиняли злой рок, во всем их преследующий. После этого один отплыл к Бруту, другой к Помпею. Один вместе с Помпеем возвратился, другой, по поручению Брута, управлял Вифинией, а после смерти Брута передал провинцию Антонию и был возвращен на родину.

Вольноотпущенник Вентидия связал его тотчас же после проскрипции, с целью якобы передать его палачам. Ночью он склонил на свою сторону рабов, переодел их воинами и вывел таким образом господина, как центуриона, за город. Они про-

шли всю Италию вплоть до Сицилии и часто располагались на отдыхе вместе с другими центурионами, разыскивавшими Вентидия.

47. Один гражданин, включенный в списки, был скрыт в гробнице своим вольноотпущенником. Так как он не мог выносить зловещего вида могилы, вольноотпущенник поместил его в плохой наемной комнате. Поблизости жил солдат, и гражданин не перенес этого страшного соседства. Вдруг он проявил после робости удивительное мужество: он остригся и стал руководить школой в самом Риме до наступления мирного времени. Эдил Волузий попал в проскрипционные списки; у него был друг, участник мистерий Исиды, он выпросил у него культовое одеяние и, надев на себя полотняное доходящее до ног платье, нацепил собачью голову и в таком виде пробрался, якобы совершая таинства, к Помпею. Каленцы охраняли с оружием в руках своего согражданина Ситтия, много для них израсходовавшего благодаря своему исключительному богатству. Каленцы с угрозами сдерживали рабов, отражали солдат от стен города до тех пор, пока, с ослаблением смуты, не послали делегатов к триумвирам ходатайствовать за Ситтия и не добились того, чтобы он, не имея права жить в остальной Италии, оставался в своем родном городе. Так Ситтий первый или даже единственный человек находился в изгнании в своем родном городе. Варрон, философ и историк, с честью участвовавший в походе и командовавший войском, быть может, именно поэтому, как враг единовластия, подвергся проскрипции. Когда его родственники соревновались между собой в том, кому из них приютить его у себя, восторжествовал Кален; он спрятал его в вилле, где Антоний обычно останавливался во время путешествия: но ни один из рабов Варрона и Калена не донес, что Варрон скрывается в вилле. 48. Виргиний, человек красноречивый, указывал своим рабам, что если они убьют его из-за небольшого и к тому же неизвестного количества денег, они понесут всю тяжесть преступления и будут испытывать сильный страх относительно будущего, если же спасут его, они стяжают себе благочестивую славу и добрые надежды, а затем получат и деньги в гораздо большем количестве и более надежные. Рабы бежали вместе с ним, как если бы он был также раб, а когда господин их был опознан в городе, защищали его от солдат. Будучи схвачен последними, он и их убедил в том, что они хотят убить его не из вражды, но только ради денег. Деньги же, более надежные и более крупные, они получат, если проводят его до моря; жена обещала доставить ему туда судно и деньги. Солдаты, поверив этому, проводили его до моря. Так как Виргиний замешкался, она, решив, что он уже отправился по морю к Помпею, согласно уговору, отправилась обратно, оставив, однако, на берегу раба, чтобы тот сообщил о всем происшед-

шем Виргинию. Увидев его, раб побежал навстречу господину и, указав на корабль, еще видневшийся, рассказал о жене, деньгах и о причине, по которой он был оставлен на берегу. Солдаты опять всему поверили и, так как Виргиний просил их подождать, пока он вызовет обратно жену, или же последовать с ним к ней за деньгами, они, сев на судно, стали усердно грести и доставили его в Сицилию. Там, получив обещанное, они уже не покидали его, а служили ему до наступления мира. У Ребила судовладелец, взявший его на корабль, чтобы перевезти в Сицилию, потребовал денег, грозя донести на него, если не получит их. Но тот, как поступил и Фемистокл во время своего бегства, в свою очередь пригрозил, что донесет, так как он за деньги везет осужденного. Тогда судовладелец испугался и доставил его невредимым к Помпею. 49. Марк за то, что он был легатом Брута, был внесен в списки. Будучи захвачен после поражения Брута, он прикинулся рабом и его купил Барбула. Видя, что он человек толковый, он поставил его над остальными рабами и поручил ему заведывание деньгами. Так как Марк был действительно во всем смышлен и разумен и выделялся по своему развитию среди рабов, Барбула относился к нему подозрительно. Однако он старался внушить ему надежду, что если он признается, что является одним из осужденных на смерть, он будет содействовать его спасению. Марк настойчиво отнекивался, выдумывая свое происхождение и имя своих прежних господ; тогда Барбула взял Марка с собою в Рим в надежде, что если он действительно из проскрибированных, то побоится туда поехать. Но он последовал за господином. У ворот один из шедших навстречу Барбуле друзей, заметив, что Марк в качестве раба стоит возле него, тайно сообщил Барбуле о нем. Тот через Агриппу упросил Цезаря, и Марк был исключен из списка и сделался другом Цезаря. Немного времени спустя он занимал пост военачальника в битве против Антония при Акциуме; Барбула же командовал в войске последнего. Одинаковая судьба постигла обоих. Дело в том, что Барбула после поражения Антония, будучи взят в плен, прикинулся рабом, и Марк купил его, как бы не зная его. Рассказав все Цезарю, он просил за него и добился того, что ответил одинаковым образом Барбуле. Сходную судьбу разделили они впоследствии: оба они одновременно были консулами в Риме. 50. К Бальбину, бежавшему и потом возвратившемуся назад вместе с Помпеем, а немногим спустя бывшему консулом, обратился с следующей просьбой Лепид, при Цезаре сделавшийся из могущественного человека частным лицом. Меценат обвинял сына Лепида в заговоре против Цезаря, а также обвинял и его мать в укрывательстве. Самого Лепида, как потерявшего всякую силу, он ни во что не ставил. Мать молодого Лепида, — требовал Меценат, — как женщину не нужно уводить в качестве пленной, но надо было

поручиться консулу, что она желает отправиться к Цезарю, молодого же Лепида Меценат послал к Цезарю в Акциум. Так как никто не брал на себя такого ручательства, Лепид часто обивал пороги Бальбина и часто являлся к нему в трибунал, где он производил суд; но так как Лепида постоянно отталкивали оттуда служителя, ему удалось сказать только: «Сами обвинители свидетельствуют о моей невиновности, заявляя, что я не был соучастником жены или сына. Тебя я не поместил в проскрипционные списки, а сейчас сам стою гораздо ниже проскрибированных. Посмотри на превратности человеческой судьбы и на меня, стоящего теперь перед тобою в качестве просителя, позволь мне дать ручательство в том, что жена моя явится на суд к Цезарю, или позволь мне отправиться с нею к нему». Лепид еще не окончил своей речи, как на Бальбина такая перемена судьбы произвела столь сильное впечатление, что он освободил жену Лепида от поручительства. 51. Цицерон младший, сын Цицерона, послан был заблаговременно отцом, предвидевшим все эти события, в Грецию. Из Греции он направился к Бруту, а после смерти последнего прибыл к Помпею; у обоих он пользовался уважением, исполняя должности военачальника. Позже Цезарь, чтобы загладить предательство сына к своему отцу, назначил Цицерона младшего авгуром, а вскоре после этого — консулом и проконсулом Сирии. Этот-то Цицерон, в бытность свою консулом, читал вслух перед народом письмо Цезаря о поражении Антония при Акциуме и положил письмо на ту самую кафедру, на которой прежде лежала голова его отца. Аппий разделил свое состояние между рабами и отплыл с ними в Сицилию. Захваченные бурей, рабы, зарясь на деньги, поместили Аппия в лодку, перенеся его туда будто бы для большей безопасности. Случилось так, что тот, против ожидания, доплыл до Сицилии в лодке, а они погибли при кораблекрушении. Публий, казначей Брута, не согласившийся, несмотря на убеждения приверженцев Антония, выдать Брута, попал из-за этого в списки. Вернувшись, он сделался другом Цезаря, и когда однажды Цезарь собирался посетить его, поставил перед ним изображение Брута, за что и был осыпан похвалами Цезарем. Вот каковы были в основном неожиданные случаи с некоторыми осужденными на смерть — случаи гибели или спасения. Многие другие случаи я опустил.

52. В то время как происходили в Риме эти события, в провинциях из-за тех же междоусобий шли потрясающие войны. Из них более крупными были войны в Африке между Секстием и Корнифицием, в Сирии между Кассием и Долабеллой, в Сицилии — борьба с Помпеем. Много бедствий выпало на долю городов вследствие военной их оккупации. Если опустить более мелкие, то самыми крупными из этих городов и по своему значению самыми известными были Лаодикея, Тарс,

Родос, Патары и Ксанф. Судьба каждого из них, чтобы упомянуть в общей сводке о самом важном, была следующая.

53. Часть Африки, отнятую римлянами у карфагенян, называют они старой Африкой; ту же, которою владел Юба, они 46 г.
захватили позднее, при Гае Цезаре, и поэтому называют ее новой Африкой или Нумидией. Секстий, правивший Нумидией при Цезаре, потребовал от Корнифиция, чтобы тот уступил ему старую Африку, так как при дележе между триумвирами Цезарю досталась вся Африка. Но тот ответил, что о дележе, 43 г.
устроенном триумвирами между собою, он не знает, а власть, полученную им от сената, не уступит другому лицу без распоряжения сената. Из-за этого-то возгорелась война между Секстием и Корнифицием. У Корнифиция было тяжеловооруженное и более многочисленное войско, у Секстия же — легковооруженное и более малочисленное. Произведя набег на внутренние владения Корнифиция, Секстий их присоединил к своим и, будучи осажден Вентидием, полководцем Корнифиция, с прибывшими с ним превосходящими силами, отражал его атаки. Лелий, другой полководец Корнифиция, опустошал провинцию самого Секстия и, обложив Цирту, стал осаждать ее.

54. Каждая сторона посылала послов касательно союза к царю Арабиону и так называемым ситтианцам, которые стали так называться по следующему случаю. Ситтий, не дождавшись разбора своего дела в суде в Риме, бежал. Собрав войско в самой Италии и в Испании, он переправился в Африку и оказывал военную помощь африканским царям, враждовавшим друг с другом, примыкая то к одному, то к другому из них. Так как те, к которым Ситтий присоединялся, постоянно одерживали победы, то Ситтий стяжал себе славу, а войско его оказалось блестяще обученным. Впоследствии он сражался на стороне Гая Цезаря, когда тот преследовал помпеянцев в Африке, убил Сабурру, полководца знаменитого Юбы, за что и получил в дар от Цезаря землю Масиниссы, правда не всю, 46 г.
но лучшую часть ее. Масинисса был отцом упомянутого выше Арабиона и союзником Юбы. Его землю Цезарь подарил этому Ситтию и Бокху, царю мавританцев. Ситтий свою часть разделил между своими воинами. Арабион тогда бежал в Испанию к сыновьям Помпея. После убийства Цезаря он возвра- 44 г.
тился в Африку, посылая Помпею младшему различные вспомогательные африканские войсковые части в Испанию и получая их обратно обученными военному делу; он отнял у Бокха землю и коварным образом уничтожил Ситтия. Сочувствуя помпеянцам, он, тем не менее, всегда уклонялся от присоединения к их партии, как не пользующейся никаким успехом, и примкнул к Секстию, через которого добивался расположения Цезаря. Присоединились также и ситтианцы к Цезарю, будучи верными отцовской дружбе в силу исконной привязанности к Цезарю. 55. Воспрянув благодаря этому ду-

42 г. хом, Секстий прорвал осаду и начал сражение. После гибели Вентидия, когда армия обратилась в бегство вследствие отсутствия у нее командира, Секстий преследовал бегущих, убивая или захватывая их живьем. Узнав об этом, Лелий снял осаду Цирты и двинулся к Корнифицию. Секстий же, увлеченный происшедшим успехом, направился против самого Корнифиция в Утику и расположился против него, хотя у того и было больше войска. Секстий приказал Арабиону завязать кавалерийский бой с фронтом Лелия, которого Корнифиций выслал с всадниками на разведку, а сам с отборной пехотой двинулся против фланга кавалерии и, врезавшись в строй, расстроил ряды. Тогда Лелий, не будучи еще побежден, но из страха быть отрезанным вследствие своего одиночества, занял холм, лежащий тут же, Арабион же, преследуя его по пятам, умертвил многих и окружил холм. При виде этого Корнифиций выступил с более многочисленным войском на помощь Лелию. Но очутившись в тылу у него, Секстий атаковал его, и Корнифиций, повернув фронт, с большими потерями отражал натиск. 56. Тем временем Арабион, послав мужей опытных взобраться по крутизне, тайно проник в лагерь Корнифиция. Командир Росций при взятии фортификационного вала отдался на смерть одному из своих подчиненных и был убит. Корнифиций же, теснимый в сражении, хотел было пробраться к Лелию на холм, не зная еще о судьбе своего лагеря. Но в то время как он поднимался на холм, всадники Арабиона догнали его и умертвили. Видя с верхушки холма все происшедшее, Лелий сам лишил себя жизни. После гибели вождей войско разбежалось в разные стороны. Из числа проскрибированных, бывших у Корнифиция, одни отправились в Сицилию, другие — куда кто мог. Секстий одарил Арабиона и ситтианцев многочисленною добычею, а города, дав им прощение, подчинил Цезарю. Таков был конец войны в Африке между Секстием и Корнифицием, войны, казавшейся столь кратковременной благодаря быстроте следовавших одно за другим событий.

57. Судьба Кассия и Брута была такова. Раньше, впрочем, не-
44 г. которые мелочи из уже рассказанного придется повторить для оживления их в памяти. После того как Гай Цезарь был убит, убийцы его заняли Капитолий, но после принятия сенатом амнистии сошли в город. Народ, охваченный скорбью по Цезарю при выносе его тела стал разыскивать убийц; народ искал их по городу, а убийцы с крыш защищались. Вскоре Брут и Кассий отправились в провинции, управлять которыми были некогда назначены Цезарем. Они в то время состояли преторами в Риме, но были также назначены Гаем Цезарем пропреторами: Кассий — в Сирию, Брут — в Македонию. Однако они не могли ни вступить в управление провинциями раньше положенного срока, ни остаться в Риме. Испытывая страх, они выехали, будучи еще преторами; сенат же в виде

почета поручил им наблюдение за доставкою хлеба в Рим, чтобы они не считались бежавшими в разгаре событий. С их отъездом Сирия и Македония предоставлены были консулам Антонию и Долабелле, вопреки желанию сената, Кассию же и Бруту отданы были взамен Македонии Кирена и Крит. Однако они пренебрегли последними провинциями как слишком ничтожными и стали собирать войско и деньги, чтобы вторгнуться в Сирию и Македонию. Вот каким делом они были заняты.

58. Вследствие убийства в Азии Требония Долабеллой и осады Децима Брута Антонием в Галлии возмущенный сенат объявил Долабеллу и Антония врагами отечества, восстановил Брута и Кассия в управлении прежними провинциями, прибавив Бруту еще Иллирию, и приказал всем другим префектам римских провинций и армий от Ионийского моря до Сирии повиноваться распоряжениям Кассия и Брута. Вслед за этим Кассий, опередив Долабеллу, вторгся в Сирию, присвоил себе знаки императора и принял командование над двенадцатью легионами, большею частью участвовавшими в походах Гая Цезаря и хорошо обученными. Один из этих легионов Цезарь оставил в свое время в Сирии, тогда уже подготовляя поход против парфян; забота о нем поручена была Цецилию Бассу, командование же принадлежало юному Сексту Юлию, родственнику самого Цезаря. Юлий, предаваясь развратной жизни, ради щегольства вел за собой легион всюду непристойно, а когда Басс упрекал его однажды, ответил ему дерзостью. Позднее, когда тот несколько замешкался на зов, он приказал привести его силою. Поднялся беспорядочный шум, посыпались удары на Басса. Войско, не вытерпев этого зрелища, пронзило Юлия копьями. Тотчас же наступили раскаяние и страх перед Цезарем. Солдаты поклялись друг другу, что, если им не будет дано прощение и не будет оказано доверие, они станут бороться до смерти; к этому они принудили и Басса. Сформировав новый легион, солдаты совместно упражнялись в военном деле и ожесточенно сражались со Стацием Мурком, посланным против них Цезарем с тремя легионами. На помощь Мурку прибыл из Вифинии Марций Крисп с другими тремя легионами, так что Басса осаждали теперь уже шесть легионов.

43 г.

59. Эту осаду прервал Кассий; он тотчас принял командование над войском Басса, добровольно сдавшимся, а затем и легионами Мурка и Марция, по дружбе передавших ему свои части и, согласно постановлению сената, во всем подчинившихся его власти. К тому же сроку и Аллиен, посланный Долабеллой в Египет, привел оттуда четыре легиона, образованных из солдат, разсеявшихся после поражения Помпея и Красса или же из оставленных Цезарем у Клеопатры. И Аллиена, не осведомленного о действительном положении вещей, Кассий неожиданно окружил и заставил присоединится к нему

и передать ему командование над войском, так как Аллиен не решился со своими четырьмя легионами вступить в бой с восемью легионами. Таким образом Кассий, вопреки ожиданию, оказался во главе общей сложностью двенадцати прекрасных легионов. К нему примкнули в качестве союзников и некоторые из конных парфянских стрелков, так как он пользовался у парфян известным авторитетом с тех пор, как, будучи квестором при Крассе, оказался более благоразумным, чем сам Красс. 60. Долабелла тем временем находился в Ионии, где он убил Требония и наложил дань на города, собирал флот на эти средства при помощи Луция Фигула среди родосцев, ликийцев, памфилийцев и киликийцев. Подготовив все это, он отправился в поход на Сирию, сам — по суше с двумя легионами, по морю же — Фигул. Узнав о войске Кассия, он явился в Лаодикею, дружественно расположенную к нему, лежавшую на полуострове, а с суши укрепленную и имеющую гавань, выходящую в море, откуда он мог бы легко получать провиант морским путем и безопасно отплыть, когда того пожелает. Узнав это, Кассий, опасаясь, что Долабелла ускользнет от него, велел насыпать вал на перешейке на пространстве двух стадий, велев принести камни и всякий материал из сельских хижин, пригородов и могил, а за кораблями отправил в Финикию, Ликию и на Родос.

61. Получив отказ от всех, кроме сидонцев, он начал морское сражение против Долабеллы. С обеих сторон пошло ко дну довольно много кораблей, пять из них со всем экипажем захватил Долабелла. Тогда Кассий снова отправил вестников к тем, кто пренебрег его распоряжениями, а также к египетской царице Клеопатре и к Серапиону, командовавшему войсками Клеопатры на Кипре. Тирийцы, арадийцы и Серапион, не сообщив ничего Клеопатре, послали Кассию все корабли, имевшиеся у них. Царица же сообщила Кассию, что Египет страдает от голода и чумы — она сочувствовала Долабелле вследствие своей близости к старшему Цезарю. Из такого чувства симпатии Клеопатра и направила ему четыре легиона через посредство Аллиена, а весь флот держала наготове, чтобы притти на помощь Долабелле, но флот этот задерживали противные ветры. Родосцы и ликийцы заявили, что не будут сражаться в гражданской войне ни на стороне Кассия, ни на стороне Брута, тем более что и Долабелле они предоставили суда лишь для проводов, не зная, что эти корабли будут использованы для военных целей.

62. Кассий, снова подготовившись при помощи имевшихся в его распоряжении сил, дважды завязывал с Долабеллой морское сражение. В первый раз исход битвы оспаривался обеими сторонами, а в следующей морской битве Долабелла был побежден. Вал уже значительно вырос, и Кассий стал разрушать его укрепления и потрясать их орудиями. Потерпев

неудачу в попытке подкупить ночного стража, Марса, Кассий подкупил центурионов, несших дневной дозор. В то время когда Марс отдыхал, он днем проник через особые ворота, открытые для него. После того как взят был город, Долабелла подставил голову своему телохранителю и приказал ее, отрубив, отнести Кассию, чтобы телохранитель тем самым спасся. Но тот, отрубив голову, умертвил и самого себя. Марс также покончил с собой. Кассий заставил присягнуть себе войско Долабеллы, ограбил храмы и казначейство лаодикейцев, знатных людей подверг казни, а остальных разорил тягчайшими поборами, пока не довел город до крайней нищеты.

63. После взятия Лаодикеи Кассий двинулся на Египет, так как узнал, что Клеопатра с большим флотом собирается отплыть к Цезарю и Антонию; он был намерен, с одной стороны, помешать отплытию царицы и наказать ее за этот план, а с другой — и это прежде всего — желал овладеть самим Египтом в такой момент, когда страна была истощена голодом и имела незначительное иноземное войско, так как еще недавно Аллиен со своими солдатами отделился. Но в то время как Кассий мечтал об этом походе, об успехе и удобном случае, Брут спешно вызвал его к себе в виду того, что Цезарь и Антоний уже пересекают Ионийское море. Таким образом, Кассию пришлось вычеркнуть Египет из своих планов. Отправив парфянских конных стрелков с почетом, он также послал к их царю послов для переговоров о доставке более значительного союзного войска. Оно прибыло уже после исхода борьбы, делало набеги на Сирию и многие соседние страны до самой Ионии, а затем возвратилось к себе. Кассий же оставил в Сирии своего племянника с одним легионом, конницу он послал вперед в Каппадокию. Та, неожиданно напав, умертвила Ариобарзана, якобы злоумышлявшего против Кассия, и доставила Кассию много денег и военное снаряжение Ариобарзана.

64. Тарсийцы распались на две враждебные партии. Одна из них увенчала Кассия, прибывшего в Тарс ранее, другая же — Долабеллу, пришедшего потом. И та и другая действовали так от имени города. Они поочередно отдавали предпочтение то одному, то другому, так что и Кассий и Долабелла жестоко эксплуатировали этот непостоянный город. Кассий, победив Долабеллу, наложил на Тарс штраф в 1 500 талантов. Жители его, не имея средств уплатить и преследуемые требованиями солдат, соединенными с насилием, отдали все государственное имущество, потом перелили на монету всю священную утварь, служившую у них при процессиях, и посвятительные дары. Когда же и после этого нехватало еще некоторой части, должностные лица стали продавать в рабство свободных граждан, сначала девушек и мальчиков, затем женщин и тщедушных стариков, имевших совершенно ничтожную цену, и, наконец, юношей. При этом большинство продаваемых покончило с со-

бою. Наконец, Кассий, вернувшись из Сирии, сжалился над находящимися в таком бедствии жителями и освободил их от оставшейся еще части взыскания. Вот какие страдания претерпели Тарс и Лаодикея.

65. Когда Кассий и Брут устроили совместное совещание, Бруту казалось наилучшим, соединив обе армии, итти вместе на более сложные дела в Македонию, так как у противников имелось в распоряжении уже до сорока легионов войска, и восемь из них переправились через Ионийское море. Кассий, наоборот, полагал, что на противников нечего обращать внимание, ибо они вследствие многочисленности погибнут сами собою от голода. Поэтому он предлагал покорить родосцев и ликийцев, находившихся на стороне противников, обладавших флотом, чтобы во время войны они не напали на них с тыла. Решив так, Брут двинулся на ликийцев, Кассий — на родосцев, у которых он получил воспитание и греческое образование. Готовясь к борьбе с сильными в военном деле людьми, он привел в боевую готовность свои собственные суда и, посадив на них экипаж, стал маневрировать близ Минда.

66. Те из родосцев, которые принадлежали к более знатному классу, были в страхе и не решались выступать против римлян. Народ же проявлял высокомерие, так как вспоминал и о своих прежних подвигах в борьбе и не с такими людьми. Родосцы спустили в море тридцать три лучших своих корабля. После этого они все же отправили в Минд нескольких послов, чтобы те просили Кассия не относиться с презрением к Родосу, государству, дававшему отпор тем, кто презирал их, и к договорам, которые существуют между родосцами и римлянами о ненападении друг на друга. Если же он порицает их за отказ от союза, то они согласны обратиться с запросом в сенат и, если последний прикажет, то будут сражаться на его стороне. Так приблизительно говорили послы. Кассий ответил: все остальные вопросы должны быть разрешены не словами, а оружием; что же касается договора, то он, кстати, предписывает им не выступать с оружием в руках друг против друга; родосцы же, сражаясь в союзе с Долабеллой, уже подняли оружие против Кассия. Договор предлагает помогать в войне друг другу, а когда Кассий просил помощи, они с иронией ссылались на сенат, который ныне разбежался, будучи разогнан тираннами в Риме. Но как последние понесут за это кару, так наказаны будут и родосцы, предпочитающие собственные интересы, если только они не выполнят немедленно его приказания. Так ответил им Кассий. Благоразумных из родосцев он этим еще более напугал; народная же масса была приведена в возбуждение Александром и Мнасеем, напоминавшими, что Мифридат с еще большим количеством судов напал на Родос с моря, а до этого Димитрий. Родосцы избрали Александра пританом, каковая должность у них является наивысшей, а Мнасея

командующим флотом. 67. Тем не менее они отправили к Кассию послом Архелая, который был на Родосе его учителем греческой философии, чтобы тот уже более убедительным образом просил Кассия. Архелай, взяв Кассия за правую руку как знакомого, обратился к нему со следующей просьбой: «Не разрушай греческого города, не разрушай Родоса, ты, свободолюбивый муж, ты, почитатель свободы. Не покрывай позором чести дорийцев, не знавших поражения с тех пор, как мы на свете существуем; не забывай о славной истории, которую изучал на Родосе и в Риме; на Родосе: сколько совершили родосцы во имя свободы в борьбе с государствами и царями, особенно теми, слывшими непобедимыми, Димитрием и Мифридатом; ведь, по твоим словам, ты сам борешься за свободу; в Риме: как часто мы помогали римлянам в сражениях против разных врагов, в частности против Антиоха Великого; у вас воздвигнуты памятники с надписями о наших подвигах. Вот что должно сказать о нашем происхождении и славе, о нашей судьбе, доселе не знавшей порабощения, о союзе с вами и о заслугах перед вами, римляне. 68. Ты же Кассий, имеешь и известное уважение к городу, где ты получил воспитание и образование, имел уход во время болезни, домашний очаг, которым ты пользовался и самую мою школу и меня, надеявшегося когда-нибудь для иных целей гордиться всем этим, ныне же ссылающегося на эти обстоятельства ради отечества, чтобы оно не оказалось вынуждено воевать с тобой, своим питомцем и учеником, и чтобы не стала перед вами обоими по необходимости дилемма: или родосцам всем погибнуть, или же Кассию быть побежденным. К этой мольбе я присоединяю еще совет тебе, который предпринял столь важное дело в интересах римской республики, всегда и во всяком деле признавать вождями богов. Ведь вы клялись богам, когда недавно, по предложению Гая Цезаря, заключили с нами договор, подкрепили клятвы возлияниями, дали нам правые руки, что имеет силу даже у врагов, не только друзей и воспитанников. Помимо богов, прими во внимание славу у людей, согласно мнению которых нет ничего хуже нарушения договоров, ибо изменяющие им теряют во всем доверие у друзей и врагов».

69. Произнеся эту речь, старец не отпустил руки Кассия, и слезы его текли на нее. При этом зрелище Кассий покраснел и испытал нечто вроде уважения; тем не менее, высвободив руку, он сказал: «Если ты не отсоветовал родосцам оскорблять меня, то ты сам меня обидел. Если же, несмотря на свои увещания, ты не мог убедить их, то я их за тебя покараю. А что я испытал оскорбление, это ясно. Первая обида: когда я, прося помощи и союза, был отвергнут людьми, моими учителями и воспитателями. Вторая: они предпочли мне Долабеллу, которого они ни вскормили, ни обучали. И, что всего обиднее, в то

*

время, когда я, Брут и все лучшие члены сената, бежавшие от тираннии, стремимся освободить родину, о, свободолюбивые родосцы, а Долабелла желает поработить ее, вы сами, сочувствуя этим людям, лицемерно утверждаете, будто стоите в стороне от нашей гражданской войны. Ибо это — гражданская война, коль скоро мы также добиваемся власти. Она стала явной борьбой демократии с самодержавием. И вы эту демократию оставили без помощи, вы, сами просящие о собственной независимости. Ссылаясь на дружбу с римлянами, вы не пожалели приговоренных к смерти и конфискации имущества без суда. Вы лицемерите, ссылаясь на сенат, который испытывает столь тяжкие потрясения и не в силах больше защищать самого себя. Да и давно уже сенат ответил вам, когда постановил, чтобы все восточные провинции оказали поддержку мне и Бруту. 70. Ты перечисляешь все, в чем вы нам, укрепляющим отечество, когда-либо помогали, за что и получили, повидимому, в свое время милости и награды. А что вы нам не оказали поддержки, когда у нас отнимали свободу и жизнь — это ты позабыл! А вам подобало, раз вы доряне, даже если бы никакого соглашения между нами не было, добровольно самим начать теперь драться за римскую республику. Вместо таких действий и соображений вы ссылаетесь на договоры, заключенные с вами Гаем Цезарем, родоначальником настоящего единовластия; впрочем, и договоры говорят, что римляне и родосцы должны в нужде помогать друг другу, — так защищайте же римлян, находящихся в величайшей опасности! Я, Кассий, указываю вам на эти договоры и призываю к союзу, я, римский гражданин и римский полководец, как гласит декрет сената, где он повелел всем лежащим за Ионийским морем провинциям повиноваться нам. На те же декреты вам указывал и Брут и Помпей, назначенный сенатом командовать морскими силами. Помимо декретов, прибегали и к просьбам и все те члены сената, которые бежали одни ко мне, другие к Бруту, третьи к Помпею. Правда, имеется соглашение, чтобы римляне и родосцы помогали друг другу, если отдельные лица нуждаются в этом. Но если вы не считаете нас ни за полководцев, ни за римских граждан, но считаете за беглецов, чужих людей и осужденных, как говорят составители проскрипционных списков, то у вас, родосцы, в силе договоры не с нами, но с римлянами. Мы же, чужие и посторонние этим договорам, будем воевать с вами, если вы не подчинитесь нам во всем». Произнеся эту ироническую речь, Кассий отпустил Архелая.

71. Тем временем правители Родоса Александр и Мнасей двинулись на 33 кораблях против Кассия к Минду с целью привести его в замешательство нападением на него с моря. Они легкомысленно питали некоторую надежду, так как им казалось, что, напав близ Минда на Мифридата, они способствовали благоприятному исходу войны. Показав пример быстрой

гребли, они уже в первый день сделали привал, ночлег в Книде. На следующий день они показались на горизонте кораблям Кассия. С изумлением эти пошли им навстречу, и сражение велось с обеих сторон горячее и ожесточенное. Родосцы на своих легких судах то прорывали строй неприятеля, то огибали его и нападали с тыла. Римляне же со своими тяжеловесными кораблями всякий раз, как дело доходило до рукопашного боя, сталкивались с ними и подавляли превосходящею силою врага как бы в сухопутном сражении. И когда Кассий окружил, благодаря численному перевесу, неприятельские суда, родосцы не были в состоянии ни обойти, ни прорвать строй. А когда они только ударяли с фронта и затем удалялись, их опытность оказывалась бесполезной, так как их окружал узкий тесный проход. Все удары передней частью корабля и все атаки на более тяжелые суда римлян были бессильны, атаки же римлян на более легкие суда противника были успешны. Наконец, три родосских корабля вместе с экипажем были захвачены, два разбиты и пущены ко дну, а остальные с повреждениями укрылись на Родос. Римские суда все возвратились в Минд, — впрочем, и из них большинство было повреждено и должно было подвергнуться ремонту.

72. Таков был исход морского сражения римлян с родосцами при Минде. Кассий наблюдал за его ходом с горы. Исправив суда, он отплыл в Лориму, являющуюся укреплением родосцев на противоположном берегу, и переправил на Родос пешее войско на грузовых кораблях под начальством Фанния и Лентула. Сам он последовал за ними на 80 кораблях, оснащенных так, что они наводили страх. Окружив Родос как пехотой, так и морскими силами, Кассий спокойно выжидал, пока враги не обнаружат слабости. Но они снова храбро выступили на кораблях ему навстречу. Потеряв два корабля, они оказались запертыми. Подбежав к стенам, они заполнили все оружием и стали отражать одновременно и войска Фанния, напиравшие с суши, и войска Кассия, двинувшиеся к стенам, находящимся у моря, а также морской экипаж, вполне приспособленный к бою на городских стенах. Дело в том, что, предвидя нечто подобное, экипаж взял с собой складные башни, которые в этот момент были выдвинуты. Так Родос, дважды потерпев неудачу в этом сражении, был осаждаем и с суши и с моря. И, как это бывает в быстром и непредвиденном деле, ничего не было у них подготовлено для продолжительной осады. Вот почему было совершенно ясно, что город вскоре будет взят либо вооруженными силами, либо от голода. Наиболее предусмотрительные из родосцев понимали это, а Фанний и Лентул завели с ними переговоры. 73. Тем временем Кассий неожиданно оказался в центре города с отборным отрядом, хотя не было применено ни насильственного прорыва, ни осадных лестниц. Большинство думало, и, повиди-

мому, так это и было, что горожане, расположенные к Кассию, тайно открыли ему малые ворота из сострадания к городу и беспокойства о провианте. Так взят был Родос. Кассий занял место на трибуне и воткнул копье рядом с нею, как если бы город был захвачен силою. Приказав войску безусловно сохранять полное спокойствие и пригрозив смертью каждому, кто стал бы грабить или применять насилие, он сам поименно назвал около 50 родосских граждан и велел отвести их на смертную казнь. Других, числом около 25, которые не были обнаружены, Кассий осудил на изгнание. Затем он конфисковал все деньги, золотые и серебряные, находившиеся в храмах и государственных учреждениях, и приказал всем обладавшим частными средствами внести их к назначенному дню. Кассий объявил при этом смертную казнь укрывшим что-либо, десятую долю доносчикам, а рабам к тому же и свободу. Граждане вначале в большинстве случаев скрывали свои деньги, надеясь, что угроза не будет приведена в исполнение. Но видя, что награды за донос выдаются, а уличаемые подвергаются каре, они испугались и, получив продление срока, стали то выкапывать сокровища из земли, то доставать их из колодцев, то выносить из гробниц — и все это в гораздо большем размере, нежели раньше.

74. Таковы были несчастья, постигшие родосцев. Луций Вар был оставлен у них вместе с гарнизоном. Кассий же, довольный быстротой завоевания и множеством полученных денег, приказал всем остальным народам Малой Азии вносить в течение 10 лет дань, которая взыскивалась строжайшим образом. Кассий получил известие, что Клеопатра намерена с большим флотом и в полном снаряжении и вооружении отправиться к Цезарю и Антонию. Став на их сторону еще раньше из-за Цезаря старшего, она еще более им сочувствовала под влиянием страха перед Кассием. Последний отправил Мурка с лучшим легионом гоплитов и несколькими стрелками из лука на 60 крытых кораблях в Пелопоннес, чтобы расположиться там на стоянке возле Тенарского мыса, а также чтобы собрать в Пелопоннесе добычу, какую возможно.

75. Каковы были дела Брута в Ликии, я постараюсь вкратце напомнить, восстанавливая в памяти ранее происшедшее. После того как он получил от Апулея небольшое войско, бывшее у того в распоряжении, да деньгами около 16 тысяч талантов, собранных из налогов в Азии, он прибыл в Беотию. Так как сенат постановил предоставить ему пользоваться этими деньгами и поручил ему управлять Македонией и Иллирией, то он получил в свое распоряжение и находившиеся в Иллирии три легиона, переданные ему Ватинием, ранее управлявшим этой провинцией. Один легион он взял из Македонии у Гая Антония, брата Марка. Кроме того, он набрал еще четыре других легиона, и в общей сложности располагал, таким образом,

восемью легионами, причем большинство из них участвовало в походах Гая Цезаря. Была у него и многочисленная конница, легковооруженные и стрелки из лука. Будучи доволен македонянами, он обучил их воинскому делу по италийскому образцу. В то время как собирал он еще войско и деньги, ему представился случай получить кое-что из Фракии. Жена одного фракийского царька, Полемократия, после умерщвления ее мужа врагами, опасаясь за сына, бывшего еще ребенком, приехала с ним к Бруту и поручила ему сына, а вместе с тем вручила и сокровища своего мужа. Брут отдал мальчика на воспитание кизикийцам, пока не придет время возвести его на престол. Среди сокровищ он нашел громадное количество золота и серебра; он стал чеканить из них монету.

76. Когда Кассий прибыл и решено было покорить сначала ликийцев и родосцев, Брут обратился против ликийцев, прежде всего — против жителей Ксанфа. Последние уничтожили свои пригороды, чтобы Брут не мог воспользоваться ими для пристанища и в качестве военного материала. Окружив город рвом глубиной свыше 50 футов, жители Ксанфа отражали врагов. Став позади рва, они поражали дротиками и стрелами, как если бы между ними находилась непроходимая река. Но Брут, желая взять штурмом ров, велел засыпать его, поставить перед рабочими прикрытия и разделил войска на дневные и ночные смены; материал он поспешно велел доставить издалека с криками, как во время битвы. Тут проявлено было большое старание в труде. Поэтому-то предприятие, о котором думали, что оно или не осуществится вовсе вследствие сопротивления неприятеля или же будет с трудом приведено в исполнение в течение многих месяцев, увенчалось успехом в течение нескольких дней. 77. Будучи, таким образом, окружены, жители Ксанфа подверглись осаде. Одних Брут подымал машинами к ним на стены, других вел пешими к воротам и постоянно всех сменял. Жители хотя и были, выступая, истомлены в сравнении со свежими силами противника, все уже были переранены, тем не менее выдерживали осаду, пока у них были целы укрепления. Когда же последние были уничтожены, а башни разрушены, Брут, предвидя будущее, велел осаждавшим ворота отрядам отступить. Жители Ксанфа, полагая, что это происходило вследствие неосторожности со стороны охраны и небрежности, ночью с факелами в руках сделали вылазку и напали на осадные орудия. Когда же римские войска, согласно плану, их атаковали, они поспешно устремились обратно к воротам. Но так как охрана уже успела их до того запереть из опасения, что враги вместе с ними ворвутся в город, то много жителей Ксанфа было избито перед запертыми воротами города. 78. Немного спустя оставшиеся жители Ксанфа еще раз сделали вылазку около полудня, когда римский отряд снова был уведен, и подожгли все осадные орудия. Но так

42 г.

как на этот раз перед ними раскрыты были ворота в виду случившегося в прошлый раз несчастья, то вместе с ними в город ворвались и римляне в числе около 2 000 человек. Однако, в то время как другие стремились ворваться толпою, ворота неожиданно рухнули, благодаря ли жителям Ксанфа, или сами собою, вследствие разрыва подъемных канатов, так что одни из вторгшихся римлян погибли, другие же оказались отрезанными и не были уже в состоянии поднять ворота из-за неимения канатов. Поражаемые в узком месте с крыш ксанфийцами и теснимые, они с трудом прорвались к близлежащей площади. Здесь они хотя и одержали верх над нападавшими на них, вступившими с ними в рукопашный бой, но, подвергаясь жестокому обстрелу и не имея ни луков, ни дротиков, пробились к храму Сарпедона, чтобы избежать окружения. Оставшиеся по ту сторону городских стен римляне, негодуя и опасаясь за очутившихся внутри, под влиянием Брута, обходившего их и ободрявшего, прилагали все старания, и все же не могли разломать ворота, окованные железом, не располагая ни лестницами, ни башнями, которые сгорели. Тем не менее одни сооружали на скорую руку лестницы, другие придвигали стенобитные орудия к стенам, поднимались по ним, как по лестницам, третьи, прикрепив железные наконечники к канатам, бросали их в стену и, когда они застревали в стене, поднимались по ним вверх. 79. А жители Эноанды, соседившие с Ксанфом и состоявшие союзниками Брута из-за своей вражды к ксанфийцам, взбирались по утесам вверх. Римляне, увидев их, начали им подражать, хотя и делали это с трудом. Многие срывались. Некоторые же, перейдя через стену, открыли маленькие ворота, перед которыми воздвигнут был частокол из тесно поставленных остроконечных кольев, и самых храбрых, висевших в воздухе, принимали через этот частокол. Оказавшись в большом количестве, они стали разрушать ворота, не обитые уже железом изнутри, в то время как снаружи ломали ворота другие и тем помогали первым. Когда ксанфийцы с громким криком напали на римлян, бывших возле святилища Сарпедона, те, кто изнутри и снаружи ломали ворота, испугались за них и с еще большей яростью и увлечением стали действовать. Разрушив ворота, они уже на закате солнца все вместе ворвались в город с криком, чтобы подать знак находившимся внутри. 80. После взятия города ксанфийцы все разбежались по своим домам и стали убивать наиболее близких им людей, шедших добровольно на смерть. Поднялись рыдания. Брут решил, что начался грабеж, и пытался через глашатаев удержать войско от грабежа; узнав же о происходящем, сжалился над свободолюбивыми ксанфийцами и отправил к ним вестников с предложением мира. Но горожане стали стрелять и в них; перебив всех своих близких, они сложили их трупы на возведенные в домах костры и, разведя огонь, сами себя закалывали.

Бруту, который спас, насколько это было возможно, храмы, достались только рабы, из числа же свободных граждан — несколько свободных жещин и едва ли 150 мужчин. Так ксанфийцы в третий раз погибли, наложив сами на себя руки во имя свободы. Ведь и при захвате Ксанфа мидянином Гарпагом, полководцем Кира Великого, они рабству предпочли гибель, и город, для сохранения которого Гарпаг ничего не предпринял, стал могильным холмом; в другой раз, говорят, при Александре, сыне Филиппа, жителей Ксанфа постигла такая же судьба, так как они не пожелали подчиниться даже Александру, властителю стольких земель.

81. Из Ксанфа Брут направился к Патарам, городу, служившему как бы гаванью Ксанфа. Расположив вокруг Патар войско, Брут приглашал жителей его подчиниться во всем или же подвергнуться бедствиям, постигшим Ксанф. К ним приведены были ксанфийцы, оплакивающие свою участь и уговаривающие жителей Патар позаботиться о себе. Так как патарцы не дали никакого ответа ксанфийцам, Брут предоставил остальную часть дня на размышление, а сам удалился. С наступлением дня он снова возвратился с войском. Жители стали кричать со стен, что подчиняются ему во всем, чего он ни пожелает, и открыли ворота. Войдя в город, Брут не казнил ни одного человека, никого не отправил в изгнание, но приказал снести в казну все золото и серебро, имевшееся в городе, а также велел сделать это и имеющим свои частные средства, под угрозой наказания и доносов, что было сделано Кассием на Родосе. И жители Патар приносили Бруту свое имущество. При этом один раб донес на господина, что тот спрятал золото, и посланному центуриону показал его золото. В то время как всех домашних уводили, господин хранил молчание. Мать же его, желая спасти сына, следовала за ним, крича, что это она спрятала золото. Раб, хотя его и не спрашивали, начал уличать ее во лжи, сына же в утайке своего имущества. Брут обласкал юношу за его молчание, мать же за любовь к сыну и отпустил обоих невредимыми, не причинив им никакого зла, и даже позволил им взять их золото. Раба же, злоумышлявшего на господ сверх приказанного, велел распять на кресте.

82. Тем временем Лентул, отправленный в Андриаку, гавань Мир, прорвал заграждения в порт и подошел к Мирам. Так как жители Мир выполнили его приказания, он, собрав подобным же способом деньги, возвратился к Бруту. Объединенное население Ликии отправило к Бруту послов, обещая военную помощь и деньги, сколько они будут в силах. Брут наложил на них контрибуцию, возвратил свободных граждан Ксанфа на родину и велел ликийскому флоту вместе с остальными кораблями плыть в Абидос, куда он привел пехоту, и стал ожидать Кассия из Ионии, чтобы совместно с ним переправиться в Сест. Между тем Мурк, выжидавший в засаде Клеопатру у берегов

Пелопоннеса, узнал, что флот ее поврежден бурею возле Африки, причем обломки кораблей плыли до берегов Лаконии, царица же больная едва добралась домой; тогда Мурк, чтобы не терять времени в бездействии с таким многочисленным флотом, отплыл в Брундизий и, став на якорь у острова, лежащего против гавани, пытался препятствовать тому, чтобы остальное войско неприятеля или провиант доставлены были в Македонию. Антоний отбивался от Мурка с помощью немногих бывших у него военных кораблей, а также и при посредстве башен, которые он возводил на плотах из лодок всякий раз, когда Мурк высылал войско на транспортных судах по частям; Антоний выжидал ветра с суши, чтобы не быть захваченным Мурком. Потерпев неудачу, он призвал к себе Цезаря, который в это время сражался на море у берегов Сицилии с Секстом Помпеем за обладение самой Сицилией.

45 г. 83. Дела же Помпея были в таком положении. Будучи младшим из сыновей Помпея Великого, Секст Помпей вначале испытывал пренебрежительное отношение со стороны Гая Цезаря в Испании как неспособный совершить что-либо большее по своей молодости и неопытности. Секст Помпей с небольшой кучкой людей разъезжал по океану, занимаясь разбоем и скрывая, что он Помпей. Когда к нему присоединилось для разбоя больше народа и уже образовалась значительная шайка, он открылся, что он Помпей. И тотчас все бродившие без дела и служившие раньше солдатами его отца или брата стали сбегаться к нему как к своему вождю. Арабион также прибыл к нему из Африки, будучи, как я упоминал выше, лишен отцовского наследия. После того как у Помпея собралась таким образом масса людей, дело пошло уже о более важных предприятиях, чем морской разбой, и имя Помпея стало популярным по всей Испании, наиболее обширной из провинций, тем более что он объезжал ее быстро, появляясь то здесь, то там, но избегая встречи с правителями провинций, назначенными Гаем Цезарем. Гай Цезарь, узнав об этом, послал Каррину с большим войском, чтобы уничтожить Помпея. Последний, обладая более подвижными военными силами, истощал противника, то внезапно появляясь, то исчезая, и успел завладеть уже некоторыми как мелкими, так и более крупными городами.

44 г. 84. И Гай послал преемником Каррине Азиния Поллиона для войны с Помпеем. В то время как они с одинаковым упорством боролись друг с другом, Гай Цезарь был умерщвлен, и сенат призывал снова Помпея в Рим. Помпей, прорвавшись в Массилию, наблюдал за тем, что происходит в Риме. Будучи выбран командующим на море на тех же основаниях, как властвовал и его отец, он и тогда не вернулся в Рим, но, захватив с собой все корабли, которые находились в портах, отплыл в
43 г. море с теми судами, которые имел еще из Испании. После учреждения триумвирата Помпей отплыл оттуда в Сицилию и

приступил к осаде пропретора ее Вифиника, не уступавшего ему острова, пока приговоренные к смерти и бежавшие из Рима Гирций и Фанний не убедили Вифиника уступить Сицилию Помпею.

85. Так Секст Помпей овладел Сицилией, располагая кораблями и островом, противолежащим Италии, и уже многочисленным войском, которое отчасти было у него раньше, отчасти составилось из бежавших из Рима свободных или рабов, отчасти же было прислано ему из Италии городами, обещанными в качестве победной награды армии. Дело в том, что эти города по своему настроению не желали победы триумвирам и, в чем могли, тайно им противодействовали. Состоятельные граждане, изгнанные из отечества и не считавшие его уже более своим, бежали все к Помпею, находившемуся к ним ближе всего и в то же время наиболее любимому всеми. Были у него и моряки из Африки и Испании, опытные в морском деле, так что Помпей был снабжен в изобилии военачальниками, кораблями, пехотой и денежными средствами. Наслышавшись об этом, Цезарь послал Сальвидиена с военным флотом против Помпея, как будто уничтожить его было легким делом; сам же отправился через Италию с целью соединиться с Сальвидиеном возле Регия. Помпей выступил против Сальвидиена с большим флотом, и в морской битве, происходившей между ними перед входом в пролив около Скиллея, корабли Помпея, более легкие и с более опытным экипажем, превосходили быстротой и опытом; корабли же римлян, как более тяжелые и крупные, испытывали затруднения. Когда же к этому присоединилось обычное волнение в проливе и течение разделило море на две части, моряки Помпеи, привыкшие к качке, менее страдали, находившиеся же под командованием Сальвидиена, по непривычке, не будучи в состоянии держаться стойко, действовать веслами, не имея послушного руля, пришли в замешательство. И вот, когда солнце стало склоняться к западу, Сальвидиен первый да́л сигнал к отступлению, а вслед за тем отступил и Помпей. Кораблей погибло с обеих сторон поровну. Остальные поврежденные и попорченные суда Сальвидиен велел ремонтировать, удалившись для этого в Баларскую гавань. 42 г.

86. Прибыв на место, Цезарь самолично дал торжественное обещание жителям Регия и Гиппония исключить их из числа городов, назначенных в награду за победу. Дело в том, что он боялся больше всего жителей этих городов как живущих на берегу пролива. Так как Цезаря спешно звал к себе Антоний, он отплыл к нему в Брундизий, имея по левую руку Сицилию и Помпея, и отложил в ту пору мысли о Сицилии. С прибытием Цезаря Мурк, чтобы не оказаться между Антонием и Цезарем, отошел на незначительное расстояние от Брундизия и стал по пути следить за грузовыми судами, перевозившими войско из Брундизия в Македонию. Впереди них шло

несколько трирем. Так как божество послало сильный попутный ветер, они благополучно и безопасно проскочили, не нуждаясь совершенно в конвое и в охране. Мурк, сожалея об этом, все же попытался напасть на них, когда они возвращались порожними. Но они и на этот раз и в последующий, когда отвозили второй десант, на всех парусах ускользнули, пока все войско, а за ним Цезарь и Антоний, не переправились по морю. Мурк же, считая, что какое-то божество повредило ему, все же продолжал, насколько мог, вредить перевозимым из Италии на судах снаряжению, провианту или дополнительно набираемым войскам. К нему был послан из лагеря Кассия Домиций Аэнобарб для выполнения того же задания, как чрезвычайно важного, с другими 50 кораблями и одним легионом и стрелками из лука. Так как у приверженцев Цезаря не было достаточно обильного провианта из другого места, решено было помешать подвозу его из Италии. И вот, крейсируя со 130 военными кораблями, с большим числом гребных судов и значительным войском, Мурк и Домиций препятствовали транспорту провианта.

87. Между тем, Децидий и Норбан, посланные Цезарем и Антонием с 8 легионами в Македонию, прошли из Македонии через горную Фракию путь в 1 500 стадий, пока, пройдя город Филиппы, не заняли ущелья корпилов и сапеев, находящиеся во власти Раскуполида; через эти ущелья лишь и возможен проход из Азии в Европу. Это обстоятельство послужило первым препятствием для Брута и Кассия, переправившихся из Абидоса в Сест. Раскуполид и Раск, два брата, сыновья одного фракийского царя, совместно правили этой страной, но в то время расходились между собою, к какой партии пристать. Раск был на стороне Антония, Раскуполид — Кассия. Каждый из братьев имел по 3 000 всадников. На расспросы кассианцев о дороге Раскуполид ответил, что дорога через Эн и Маронею — кратчайшая, обычная и хорошо построенная, но она ведет к Сапейскому ущелью; так как оно занято неприятелем, то проход через него неосуществим, кружный же путь в три раза длиннее и труден.

88. Брут и Кассий, поняв, что враги идут им навстречу не для преграждения дороги, но что они перешли из Македонии во Фракию из-за недостатка в фураже, двинулись к Эну и Маронее, откуда направились к Лисимахии и Кардии, городам, защищающим полуостров Херсонес Фракийский наподобие двоих ворот, а на другой день прибыли к Черному заливу. При подсчете войска оказалось тяжеловооруженных всего 19 легионов, у Брута — 8 и у Кассия — 9; однако, ни один из них не был укомплектован полностью, и лишь два легиона едва-едва доходили до нормального числа, так что всего было легионеров около 80 000. Всадников было у Брута кельтов и лузитанцев 4 000, фракийцев, иллирийцев, парфян и фессалийцев 2 000;

у Кассия же иберийцев и кельтов 2 000, конных стрелков из лука арабов, мидян и парфян 4 000. В качестве союзников к ним присоединились цари и тетрархи живших в Малой Азии галатов с многочисленным пешим войском и свыше 5 000 всадников.

89. Таковы были военные силы, собранные Брутом и Кассием у Черного залива, и с таким количеством солдат вступили они в бой, предназначая остальное войско на иные потребности. Подвергнув, согласно обычаю, войско обряду очищения, Брут и Кассий уплатили обещанные премии. Они, озаботившись иметь свободные деньги, старались расположить к себе солдат подарками, особенно тех, кто большею частью бывал в походах под предводительством Гая Цезаря, чтобы кто-нибудь из них не изменил им, будучи введен в заблуждение видом или сходством имени младшего Цезаря с Гаем Цезарем. По этой же причине решено было обратиться также к войску с публичной речью. Воздвигнута была большая трибуна. Полководцы взошли на нее с одними лишь сенаторами, а войска, как их, так и союзнические, стояли вокруг трибуны внизу; уже вид массы войска, которое считалось достаточно мощным, наполнял сердца радостью. Крепка была вера и надежда обоих полководцев, когда они видели себя во главе столь многочисленного войска. В свою очередь все это еще больше укрепляло веру войска в полководцев: ведь общие надежды порождают взаимное расположение. Так как среди многочисленной толпы стоял шум, глашатаи и трубачи старались водворить молчание. Когда оно, наконец, наступило, Кассий — ибо он был старше по возрасту — выйдя немного вперед за фронт на средину, произнес следующую речь.

90. «Соратники! Во взаимном друг к другу доверии нас объединяет главным образом опасность, являющаяся для нас общей. Но нас объединяет также и выполнение на деле всех данных нами обещаний как самое надежное ручательство в том, что мы обещаем вам в будущем. Наши надежды опираются на вашу доблесть, солдаты, и на нас самих, которых вы видите теперь на этой трибуне, на сенаторов, столь многочисленных и столь влиятельных! В нашем распоряжении, как вы знаете, имеется много военного снаряжения, много провианта, оружия, денег, кораблей и союзников из провинций и царей. Есть ли нужда поэтому призывать вас моею речью к мужеству и рассудительности, коль скоро вас объединяет общее военное снаряжение и общее дело? Что касается той лжи о нас, которая исходит от обоих наших врагов, то вы знаете их очень хорошо и в силу этого добровольно стали нашими собратьями по оружию. Но нам представляется целесообразным основательно выяснить все дело, из чего лучше всего будет видно, какое прекрасное и справедливое основание для войны на нашей стороне.

91. Ведь мы, вместе с вами участвовавшие в военных походах Цезаря, бывшие в этих походах предводителями, сильно помогли его возвышению и всегда оставались его друзьями: едва ли поэтому может показаться, что мы из личной вражды злоумышляем против него. Но в области мирных дел он оказался заслуживающим порицания — не в отношении нас, его друзей, — ибо и здесь он ценил нас больше других, — а в отношении законов, в отношении государственного строя: ведь более ни одного не оставалось в силе закона, ни связанного с властью знати, ни имеющего отношения к правам народа. А все это установили еще наши предки, когда, по изгнании царей, они дали клятву и зарок никогда более не потерпеть новых царей. Храня эту клятву и отвращая от себя проклятие, мы, потомки клявшихся, не могли дольше допускать, чтобы один человек, хотя бы любимый и ценимый нами, в себе одном сосредоточил всю власть, от народа взял себе распоряжение государственной казной и войском и выборы магистратов, от сената — управление провинциями, чтобы вместо всех законов он сам стал единственным законом; чтобы вместо власти народа явилась власть господина; чтобы вместо сената занял место во всем самодержец. 92. Может быть, вы недостаточно ясно сознавали все это, а видели только его военную доблесть. Но теперь, вероятно, вы это легко поймете, хотя бы исходя из того, что имеет отношение к вам одним. Вы, народ, во время войны во всем подчиняетесь полководцам как владыкам. Но в мирное время вы сами, в свою очередь, имеете над нами власть: хотя сенат и обсуждает предварительно все мероприятия, чтобы предотвратить ваши ошибки, но решаете вы, вы голосуете по трибам и центуриям, вы избираете консулов, трибунов, преторов. Наряду с избранием магистратов вы решаете и важнейшие дела, наказывая или награждая нас, когда, управляя вами, мы заслуживаем наказания или награды. Это-то право воздавать по заслугам, граждане, и возносило правителей на вершину счастья — достойным воздавались почести, и получившие почести бывали благодарны вам. В силу этого права вы сделали консулом Сципиона, когда получили извещение о его действиях в Африке; в силу того же права вы на каждый год избирали трибунами тех, кого хотели, чтобы они в случае надобности отстаивали перед нами ваши интересы. Да что мне перечислять дальше то, что вы и сами знаете! 93. Но с тех пор как стал властвовать Цезарь, вы уже более не избирали ни одного магистрата — ни претора, ни консула, ни трибуна, никому не давали оценки, не могли присуждать награду сообразно этой оценке. Коротко говоря, никто не оказывался обязанным вам ни за получение магистратуры, ни за управление провинцией, ни за сдачу отчета о своей деятельности, ни за правосудие. Более же всего достойно сожаления то что вы даже не могли притти на помощь самим своим трибу·

нам, когда их оскорбляли, на помощь той власти, которую вы установили как свою собственную магистратуру, объявив ее священной и неприкосновенной. Вы видели, что эти неприкосновенные магистраты дерзко лишены своей неприкосновенной власти и своей священной одежды, лишены без суда, по одному распоряжению, так как оказалось, что они, охраняя ваши интересы, восстановлены против тех, кто пожелал провозгласить Цезаря царем. Все это сенат воспринял особенно тяжело — из-за вас: ведь трибунская власть ваша, а не сенатская магистратура. Ни открыто порицать этого человека, ни привлечь его к суду сенат не мог из-за мощи военных сил, так как и войска, принадлежавшие до сих пор государству, Цезарь превратил в свою личную собственность. Поэтому-то сенат и решил защищаться против тирании единственным оставшимся ему способом — путем покушения на его жизнь.

94. Нужно было, чтобы план возник у наилучших людей, а исполнено дело было бы немногими. Когда это совершилось, сенат тотчас же вынес о происшедшем согласное суждение, вполне ясное, так как он даже постановил, что должна быть выдана награда за тираноубийство. Но так как сенаторов удержал от этого Антоний, чтобы, как он говорил, предотвратить беспорядки, да и мы считали, что помощь государству следует оказать не ради награды, а ради самой родины, сенат от этого отказался, желая не оскорблять памяти Цезаря, а лишь избавиться от тирании. Было постановлено предать все происшедшее забвению, даже еще определеннее — что за убийство не должно быть преследования. Немного позже, когда Антоний стал, заискивая перед народом, возбуждать его против нас, сенат дал нам и управление крупнейшими провинциями, и высшую власть над войском, и управление всеми землями от Ионийского моря до Сирии; что же, наказывал он этим нас как преступников или награждал за убийство, предоставляя нам священный пурпур, фасции? Теми же мотивами были вызваны и действия сената по отношению к юному Помпею. Он не принимал никакого участия в происшедшем, но так как он был сыном Помпея Великого, первого из сражавшихся за власть народа, и к тому же несколько досаждал тирании своим скрытым пребыванием в Испании, сенат вызвал его из изгнания, присудил выдать ему компенсацию за имущество отца из государственных средств и объявил его начальником всех морских сил: все это делалось для того, чтобы и он, сторонник демократии, получил какую-нибудь магистратуру. Какое же еще действие сената вы требуете как лучшее доказательство того, что все это совершилось с его согласия, кроме разве того, чтобы это было еще подтверждено словами? И это сенат сделает — он скажет и при этом вознаградит вас большими дарами, как только сможет и говорить и вознаграждать.

95. Как обстоит дело теперь, вы знаете. Они подвергаются

проскрипциям без суда, имущество их конфискуется, без судебного приговора их убивают в домах, на дорогах, в храмах — убивают воины, рабы, враги, вытаскивают их из самых тайных убежищ; везде они подвергаются преследованию, хотя законы и дают желающему право уйти в изгнание. А на форуме, куда мы прежде никогда не приносили головы даже убитого врага, а только оружие и носы кораблей, там теперь выставлены напоказ головы недавних консулов, преторов, трибунов, эдилов и всадников; и за такие злодеяния присуждаются еще и награды. Это как бы какой-то прорыв наружу всего, что до сих пор было скрытой болезнью: внезапные похищения мужей, всевозможные мерзости преступления их жен и сыновей, вольноотпущенников и рабов. Вот до чего испортились нравы в городе! И вожаками негодяев во всем этом являются триумвиры, которые сами, прежде всех других, подвергли проскрипциям своих братьев, дядей, опекунов. Говорят, что некогда город был захвачен самыми дикими варварами; но галлы никому не отсекали голов, не оскорбляли убитых, не мешали своим противникам скрываться или бежать. Никогда ни сами мы не обращались таким образом с каким-либо городом, нами завоеванным, не слышали также, чтобы другие допускали по отношению к кому-нибудь такие несправедливости, какие терпит теперь город, не простой город, а владыка над миром, терпит от тех, кто избран для того, чтобы заботиться о его порядке и исправлять государственные дела. Сделал ли что-либо подобное Тарквиний, которого за вызванное любовью оскорбление одной женщины изгнали, несмотря на его царскую власть, и из-за этого единственного преступления не допустили больше царствовать? 96. Так поступая, граждане, триумвиры называют нас преступниками и, говоря, что мстят за Цезаря, они заносят в проскрипционные списки тех, кого в Риме даже и не было во время его убийства. Среди последних находится также и большинство тех, которых вы теперь видите: они подверглись проскрипции за свое богатство, за происхождение или за демократический образ мыслей. Так попал вместе с нами в проскрипционные списки даже Помпей, находившийся далеко, в Испании, в то время, когда нами было совершено убийство. По одной и той же причине — что он сын отца-демократа, — он сенатом был вызван в Рим и провозглашен начальником морских сил, а триумвирами — проскрибирован. А в чем выразилось соучастие в действиях против Цезаря женщин, приговоренных к контрибуциям? В чем был соучастником того же преступления народ? А ведь под угрозой доносов и наказаний было приказано всем, обладающим свыше 100 000 драхм, представить оценку имущества и ведь назначают все новые и новые налоги и взносы. И поступая таким образом, они все же не выплатили своим воинам обещанных подарков. Мы же, не совершившие никакого преступления, выплатили

нашим воинам все обещанное и имеем средства для еще больших наград. Так и сами боги помогают нам, потому что мы поступаем справедливо. 97. Видя же покровительство богов, вы можете видеть и отношение людей, если взглянете на ваших сограждан. Вы часто видели их вашими преторами и консулами, получившими за свою деятельность похвалу, и вы видите, как они прибегают к нам, как ни в чем неповинным и настроенным демократически; они примкнули к нашей партии и вообще разделяют наши желания, проявляют одинаковые с нами стремления и в дальнейшем будут нам помогать. Ибо гораздо более справедливы те награды, которые мы объявили тем, кто спасет этих людей, чем награды, объявленные триумвирами их убийцам. Также они видят, что, устранив Гая Цезаря за то, что он хотел править единолично, мы не собираемся смотреть сквозь пальцы на действия тех, кто хочет присвоить себе его власть; и управление государством мы не хотим взять себе, а предоставляем его всей народной массе, в соответствии с обычаями предков. А что не по одинаковым побуждениям хотят воевать обе стороны (они — ради власти и тирании, что они уже и показали своими проскрипциями, мы же — лишь для того, чтобы, освободив родину, жить в качестве простых граждан под сенью законов), — это легко удостоверят эти люди, а еще до них — боги. Лучший залог успеха в войне — справедливость защищаемого дела. 98. Пусть не тревожится и тот, кому, может быть, пришлось быть воином у Цезаря. Даже и тогда ведь мы принадлежали не ему, а родине, и дававшееся нам жалованье и награды давались не Цезарем, а государством; и теперь вы не больше являетесь войском Кассия или Брута, чем римским войском; мы же, римские полководцы, — ваши товарищи по военной службе. Если бы и наши враги держались в этом одного с нами мнения, все безбоязненно могли бы сложить оружие и сдать войска государству, чтобы оно избрало правильное решение; и если они согласны с таким предложением, мы приглашаем их к этому. Но так как они не согласны — а они не могут быть согласны из-за проскрипций и всего прочего, что они сделали, — идем, соратники, со здоровой верой и бесхитростным рвением, идем воевать за свободу, на пользу одному только римскому сенату и народу!»

99. Тут все вскричали «идем!» и требовали, чтобы их тотчас же вели на войну. Радуясь их рвению, Кассий через глашатаев вновь потребовал тишины и опять выступил с речью. «Да воздадут вам за вашу верность и рвение боги, покровители справедливых войн! Но что приходится отнести уже на счет человеческой предусмотрительности полководцев, а именно — что у нас все и по количеству и по качеству лучше, чем у врагов, в этом убедитесь из дальнейшего. Легионов пехоты мы выставляем количество равное легионам врагов, так как мы в силу необходимости разместили большое количество их

повсюду; по количеству же конницы и кораблей мы далеко превосходим врагов, равно как и по числу союзников — царей и племен, вплоть до мидян и парфян. К тому же у нас враги находятся только с фронта. Мы же и в тылу у врагов имеем в Сицилии Помпея, нашего единомышленника; Мурк и Аэнобарб на Ионийском море стоят с большим флотом, со многими гребцами, с двумя легионами войска и со стрелками; постоянно плавая по морю, они причиняют врагу беспокойство, между тем как у нас в тылу и море и суша свободны от врагов. Денег, которые называют главным нервом войны, у них нет: они не выплатили войску обещанных наград; не соответствуют их ожиданиям и доходы от проскрипций, так как никто из порядочных граждан не покупает ненавистных земель; не поступают к ним средства и из других источников, так как Италия изнурена восстаниями, налогами, проскрипциями. У нас же благодаря нашим стараниям и наличные средства имеются в изобилии, так что вам может быть тотчас же выдано все, что потребуется; и сверх того поступает еще много из находящихся у нас в тылу провинций. 100. Продовольствия, представляющего наибольшие затруднения при наличии большого войска, у них нет, кроме того только, что доставляется из Македонии, горной страны, и Фессалии, небольшой области: и эти продукты им приходится доставлять по суше, со всякими затруднениями. Если же они попробуют подвозить продовольствие из Африки, Лукании, Япигии, путь им отрежут Помпей, Мурк и Домиций. У нас же продовольствие уже имеется и сверх того ежедневно доставляется без труда по морю со всех островов и материков, сколько их есть от Фракии до реки Евфрата; все это подвозится беспрепятственно, при полном отсутствии врага у нас в тылу. Таким образом, у нас будет возможность или ускорить дело или, затянув его, изнурять врагов голодом. Вот сколько и каких приготовлений сделано благодаря людской предусмотрительности для вас, соратники; остальное же, в соответствии с этим, пусть сделают ваши усилия и попечение богов. А мы, по примеру прежних случаев, отдав вам все, что обещали, и вознаградив вашу верность множеством даров, воздадим и за большее дело по заслугам, если на то будет воля богов. Но и теперь за ваше рвение вам, уже отправляющимся на борьбу, в связи с этим собранием и этой речью мы теперь же, с этой же кафедры, выдадим деньги: каждый солдат получит тысячу пятьсот италийских драхм, центурион — в пять раз больше и военный трибун — соответствующую его званию сумму».

101. Сказав это и расположив войско к действию и словами и подарками. Кассий распустил собрание. Воины оставались некоторое время вместе, воздавали величайшие хвалы Кассию и Бруту и со своей стороны обещали исполнить все, что до них относится. Тотчас же стали распределять между

солдатами обещанные подарки, давая лучшим из воинов под всякого рода предлогами и сверх обещанного. Получивших подарки Брут и Кассий все время, часть за частью, отправляли в Дориск; немного спустя двинулись вслед за ними и они сами. Два орла, слетевшие на двух серебряных орлов на знаменах, стали их клевать или, как это казалось некоторым, покрыли их крыльями. Они и оставались при войске, причем полководцы сочли достойным кормить их на общественно-государственный счет, пока орлы не улетели за день до битвы.

Обойдя в течение двух дней Черный залив, войско пришло в Эн, а из Эна в Дориск и затем в остальные приморские города до Серрийских гор. 102. Так как Серрийские горы простираются до самого моря, сами военачальники углубились внутрь страны, а Тиллия Кимвра с флотом, легионом пехоты и немногими стрелками послали обогнуть гористый берег моря. Прежде этот берег был, несмотря на хорошую почву, совсем пустынным, так как фракийцы не плавали по морю и не решались спускаться в приморские страны из страха перед теми, кто может с моря напасть; но когда эллины — халкидцы и другие, — захватив приморские области, стали пользоваться также и морем, здесь процвели и торговля и земледелие, чем довольны были и фракийцы, получившие возможность вступить в обмен продуктами земледелия. Это продолжалось до тех пор, пока Филипп, сын Аминты, не вытеснил оттуда и халкидян и всех прочих, так что там не осталось ничего, кроме фундаментов храмов. Проплывая, согласно приказанию Брута и Кассия, мимо этого вновь ставшего пустынным берега, Тиллий распределил и расписал все места, удобные для лагерей, а также места, пригодные для причала кораблей: это он сделал для того, чтобы отряд Норбана оставил ущелья, убедившись, что сторожить их бесполезно. Все произошло так, согласно ожиданию: Норбан, находившийся в Сапейских теснинах, испугался вида кораблей и призвал к себе на помощь из Корпилийского ущелья Децидия; тот явился на помощь, и войско Брута прошло через оставленное ущелье.

103. Поняв хитрость врагов, Норбан и Децидий усилили охрану Сапейского ущелья. Вновь войско Брута попало в затруднительное положение; отчаяние овладело ими при одной мысли, что им придется теперь начинать тот путь, от которого раньше они отказались, и вновь проделать все то, что они уже совершили, а время идет, и наступило уже позднее время года. При таком их настроении Раскуполид сказал им, что есть еще путь вдоль самой Сапейской горы, который можно проделать в три дня; до сих пор этот путь оставался недоступным для людей из-за крутизны, безводия и густого леса. Если бы они захотели взять с собою запас воды и проложить узкую, но все же проходимую дорогу, они из-за густого леса не были бы видны даже птицам; на четвертый день они

*

придут к реке Гарпессу, впадающей в Гебр, а еще через день достигнут Филипп, где можно было бы захватить и со всех сторон окружить врагов, так что они не имели бы возможности уйти. Слова Раскуполида понравились войску и вследствие затруднительности того положения, в котором оно находилось, и особенно благодаря надежде захватить столь большое войско врагов.

104. Итак, они послали вперед часть войска вместе с Раскуполидом и под предводительством Луция Бибула, поручив им проложить дорогу. С трудом они все же выполнили поручение, работая с рвением и усердием; рвение их особенно усилилось когда несколько посланных вперед воинов вернулось и сообщило, что вдали видна река. Однако на четвертый день, изнуренные усталостью и жаждой, так как взятый ими с собой запас воды почти кончился, они стали указывать на то, что им говорили лишь о трехдневном пути без воды, и, впав в состояние панического страха, боялись засады; они верили, что посланные вперед видели реку, но думали, что их повели не по той дороге. Впав отчаяние, они подняли крик и при виде Раскуполида, бегавшего от одного к другому и старавшегося ободрить их, бранили его и бросали камни. В то время как Бибул умолял их довести дело до конца без ропота, к вечеру река стала видна передним рядам: поднялись громкие радостные крики, естественные в таких случаях; тотчас же они повторялись находящимися позади и дошли до самых задних рядов. Когда Брут и Кассий узнали об этом, они тотчас же поспешно тронулись в путь, ведя по проложенной дороге все оставшееся войско. Но им не удалось остаться до конца скрытыми от врагов, не удалось и захватить их. Ибо Раск, брат Раскуполида, по крику заподозрев приближение войска, пошел посмотреть, что делается, и, увидев происходящее, удивился, что такое большое войско прошло по безводному пути, по которому, как он думал, не прошел бы и зверь из-за сильной густоты леса; о виденном он сообщил отряду Норбана. Последний со своим войском бежал ночью из Сапейского ущелья к Амфиполю. Так оба фракийца стяжали славу в своих войсках: один потому, что он повел войско по неизвестному пути, другой потому, что это не осталось ему неизвестным. 105. Войско же Брута благодаря своей необыкновенной отваге пришло в Филиппы, где к нему присоединился и приплывший туда Тиллий и куда сошлось и все войско.

Филиппы — город, раньше называвшийся Датом, а еще раньше — Кренидами; последнее название объясняется тем, что вокруг холма много полноводных источников. Филипп Македонский укрепил это местечко, удобное для действий против фракийцев, и по своему имени назвал его Филиппами. Город расположен на обрывистом холме, равняясь по величине ширине холма. С севера к нему примыкают леса, через которые

Раскуполид провел войско Брута; с юга — болото, а за ним море; с востока — Сапейское и Корпилийское ущелья; с запада — равнина, доходящая до Миркина и Драбиска и реки Стримона и простирающаяся приблизительно на 350 стадий, очень плодородная и красивая. Здесь, как говорят, произошло похищение Коры, собиравшей цветы. Есть здесь и река Зигакт, в которой, по преданию, при переправе бога кони сломали колесницу, отчего река и получила свое имя. Равнина эта имеет наклон, что удобно для поднимающихся по ней из Филипп, но представляет трудности для направляющихся из Амфиполя. 106. Недалеко от Филипп есть другой холм, который называют холмом Диониса, где имеются золотые рудники, носящие имя «Асилы». В десяти стадиях от этого холма — еще два холма, отстоящие от Филипп приблизительно на восемнадцать стадий, а друг от друга — приблизительно на восемь. На этих холмах и разбили свои лагери Кассий — на южном, Брут — на северном. Когда войско Норбана отступило, они не двинулись вперед, так как узнали, что приближается Антоний, оставивший в Эпидамне заболевшего Цезаря. Равнина была удобна для сражения, а холмы — для лагерей. По обе стороны от них находились с одной стороны болото и озера до Стримона, с другой — неприступные и непроходимые ущелья. Расстояние между холмами, равное восьми стадиям, представляло проход, как бы ворота из Азии в Европу; его Брут и Кассий перегородили на всем протяжении стеною от укрепления к укреплению, а в середине оставили ворота, так что оба лагеря оказались объединенными. Была поблизости от лагеря и река, которую одни называют Гангом, другие Гангитом, а сзади море, которое Брут и Кассий предполагали использовать и для складов и для гавани. Фасос, находящийся на расстоянии ста стадий, они наметили себе для складов, а гаванью же для трирем избрали Неаполь, отстоящий от них на семьдесят стадий. Так, радуясь удобствам местечка, они укрепляли свой лагерь.

107. В это время Антоний поспешно двигался со своим войском, желая захватить как сборное место для сражения Амфиполь. Найдя его уже укрепленным для него войском Норбана, он был рад этому и оставил в Амфиполе все снаряжение вместе с одним легионом, предводительствуемым Пинарием, сам же, пройдя с большой смелостью значительно вперед, расположился лагерем на равнине, на расстоянии всего восьми стадий от противников. И тотчас же обнаружились слабые стороны его лагеря и преимущества лагеря врагов. Они расположились на холме, он — на равнине; деревом они снабжались с гор, он — из болотистой местности; воду первые получали из реки, он из колодцев, только что им вырытых; продовольствие они привозили с Фасоса, в расстоянии немногих стадий, он — из Амфиполя, находящегося в 350 стадиях. Так поступал Антоний, повидимому, в силу необходимости — больше не было

ни одного холма, а остальную часть равнины река по временам превращала в болото и как бы еще более ее углубляла; благодаря этому Антоний находил в выкопанных колодцах источники с обильной сладкой водой. Эта отвага Антония, хотя она и была вызвана отсутствием другого выхода, поразила врагов, удивлявшихся, что он, пренебрегая опасностью, расположился лагерем так близко и тотчас же после своего прибытия. Он возвел много укреплений и все их поспешно укреплял рвами, стенами, частоколами. Укрепляли и враги все, что у них осталось неукрепленным. Кассий, видя безрассудную энергию Антония, стал обносить стеною и единственный оставшийся необнесенным участок лагеря, прилегающий к болоту и ранее оставленный без укреплений из-за его незначительной ширины, таким образом, больше уже ничего не оставалось не защищенного стенами, кроме боковых частей, где к лагерю Брута прилегали утесы, к лагерю Кассия — болото, а за ним море. Вся средняя часть лагеря была окружена рвом, валом, стеною и воротами. 108. Так укрепляли свои лагеря обе стороны. В течение всего этого времени они состязались друг с другом только в метании копий и в конных диверсиях. Когда же были закончены все предположенные приготовления, явился и Цезарь, еще не достаточно окрепший для участия в сражении; его носили на носилках перед рядами войск. Войско Цезаря тотчас же выстроилось в боевой готовности, а войско Брута также построилось против врагов на более высоком месте, но спускаться вниз не стало: было решено не спешить с битвой, в надежде недостатком продовольствия довести врагов до истощения. У обеих сторон было по девятнадцати легионов тяжеловооруженных — в войске Брута с неполным количеством солдат, у Цезаря в числе, даже превышающем установленное. Конницы, считая также служивших у обеих сторон фракийцев, было у Цезаря и Антония 13 000, у Брута и Кассия — 20 000. Таким образом, по числу людей, по храбрости и отваге полководцев, по оружию и всему снаряжению войска обе стороны выглядели блестяще; но они оставались бездействующими в течение многих дней, так как сторонники Брута не хотели вступать в сражение, надеясь еще до сражения истощить врагов недостатком продовольствия. Они имели своим поставщиком продовольствия Малую Азию и получали все по морю из близких мест, у противника же не было запасов, не было и друзей: они не могли получать продукты ни через купцов из Египта, так как страна эта была истощена голодом, ни из Испании или Африки из-за присутствия на море Помпея, ни из Италии из-за Мурка и Домиция. Македонии же и Фессалии, которые одни в это время снабжали их, надолго хватить не могло.

109. Учитывая главным образом все это, сторонники Брута затягивали дело, но Антоний из страха перед продовольствен-

ным вопросом решил принудить врагов вступить в бой. Он задумал незаметно сделать болото проходимым, чтобы, очутившись в тылу у ничего еще не подозревающих противников, отрезать доставку им продовольствия с Фасоса. Выстраивая каждый раз в боевой готовности все части войска, чтобы казалось, что войско выстраивается все целиком, силами одной его части он и ночью и днем просекал в болоте узкий проход, срезая тростник, делая насыпь и по обе стороны ее наваливая камни, чтобы она не разваливалась, а глубокие места укрепляя валами и строя плотины; все это делалось в глубоком молчании. От врагов эту работу скрывал росший около прохода тростник. Проработав таким образом десять дней, Антоний неожиданно для врагов ночью послал построенные колоннами отряды, захватил все надежные места во внутренней части местности и одновременно обнес оградою много укреплений. Кассий был поражен и самой идеей этого предприятия и незаметным его осуществлением. Задумав, в свою очередь, отрезать Антония от укреплений, он сам выстроил стену через все болото поперек, начав от лагеря и вплоть до моря, так же как и враги, вырубая тростник, возводя плотины и пристраивая заграждения к укреплениям. Таким образом он отрезал сделанный Антонием проход, чтобы ни находящиеся внутри не могли больше перебегать к Антонию, ни Антоний не мог бы притти к ним на помощь.

110. Увидев около полудня, в каком положении находится дело, Антоний тотчас же с энергией и яростью повернул свое войско, обращенное в другую сторону, и повел его к выстроенной Кассием стене между болотом и лагерем; он нес с собою железные орудия и лестницы, чтобы уничтожить стену и двинуться на лагерь Кассия. В то время как он храбро шел по косой и крутой дороге, проходящей между обоими войсками, солдаты Брута в своем высокомерии стали тяготиться тем, что они стоят вооруженные, в то время как мимо них пробегает войско врагов. И тогда они напали на них самовольно, раньше, чем получили какое-либо предписание от своих начальников; напав на них с фланга, они перебили всех, кого им удалось захватить. Раз начав, они напали затем и на войско Цезаря, выстроенное прямо против них; обратив войско в бегство, они стали его преследовать, пока не взяли и лагерь, который был общим у Антония и Цезаря. Самого Цезаря в лагере не было: из-за приснившегося ему сна он остерегался этого дня, как он сам об этом пишет в своих воспоминаниях. 111. Видя, что битва разыгралась, Антоний обрадовался, считая, что это он вынудил к ней врага: вспомним, что он был очень встревожен недостатком продовольствия. Но повернуть в долину он не счел нужным, опасаясь, развернув фалангу, внести беспорядок в строй. Продолжая начатый путь, он совершал его беглым маршем и поднимался вверх, несмотря на обстрел и трудности

пути, пока, будучи тесним, не наткнулся на фалангу Кассия, сохранявшую свой первоначальный строй и пораженную неожиданностью всего происходящего. Отважно прорвав фалангу, Антоний устремился к стене, находящейся между болотом и лагерем, выламывая ограду, засыпая ров, подрывая возведенные сооружения, убивая стражу у ворот и выдерживая обстрел со стены, пока, наконец, сам не прорвался внутрь через ворота, а из солдат одни вошли через подкопы, другие перебрались через обрушившуюся часть стены. Все это произошло так быстро, что стена была уже захвачена, когда пришли работавшие в болоте. Бешеным натиском они обратили и этих в бегство и оттолкнули в болото; в самый лагерь Кассия уже вступили только те, кто перебрался с Антонием через стену, в то время как остальная масса и той и другой стороны сражалась друг с другом по ту сторону стены. 112. Так как лагерь был хорошо укреплен, его охраняло совсем небольшое количество людей; поэтому Антоний легко овладел им. В это время стала сдавать уже и часть войска Кассия, находившаяся снаружи; видя, что лагерь взят, она разбежалась в беспорядке. Таким образом, обеими сторонами сражение было доведено до конца и с одинаковым успехом.

Брут обратил в бегство левое крыло неприятельского войска и взял лагерь; Антоний, победив Кассия, с необычайной отвагой разрушал его лагерь. У обеих сторон было много убитых; из-за обширности равнины и поднявшейся пыли ни одна из сторон не знала, в каком состоянии другая; узнав, наконец, о положении дела, и те и другие отозвали остававшихся на поле битвы. Те возвращались, по внешнему виду своему более похожие на носильщиков, чем на воинов. Но и тогда они не замечали и не видели друг друга, между тем как, сбросив свой груз, одни могли бы много сделать против других; забыв воинскую дисциплину, каждый нагружал себя добычей. Число убитых, как говорят, доходило в войске Кассия приблизительно до восьми тысяч, включая сюда и участвовавших в бою рабов, в войске Цезаря — вдвое больше.

113. Кассий, оттесненный от своих укреплений и не имевший возможности вернуться в лагерь, бежал на холм, на котором были расположены Филиппы, и оттуда смотрел на все происходящее. Но из-за поднявшейся пыли он видел не все или видел неясно; заметил он лишь, что лагерь его взят, и приказал Пиндару, своему оруженосцу, чтобы тот бросился на него и убил его. В то время как Пиндар медлил выполнить это приказание, прибежал посланный с известием, что на другом фланге Брут одержал победу и разрушает неприятельский лагерь. Кассий ответил: «Скажи ему, пусть он одержит полную победу», а затем, обратившись к Пиндару: «Скажи, что ты медлишь, отчего не освобождаешь меня от позора?» Тогда Пиндар убил своего господина, подставившего ему горло. Так

представляют себе смерть Кассия некоторые. Другие же считают, что, когда всадники Брута явились с доброй вестью, Кассий, думая, что это враги, послал для выяснения дела Тutиния; а когда всадники встретили его радостно, как друга Кассия, и при этом громко кричали, Кассий, думая, что Титиний попал к врагам, сказал: «Итак, мы ждали, чтобы увидеть, как схватили нашего друга?» и удалился в палатку вместе с Пиндаром, и последний после этого больше не появлялся. Вследствие этого некоторые думают, что он убил Кассия не по его приказанию. Жизнь Кассия кончилась в самый день его рождения, когда как раз и разгорелась битва. Титиний за свое промедление покончил жизнь самоубийством.

114. Плача у трупа Кассия, Брут назвал его последним римлянином, желая этим сказать, что больше уж никогда не будет мужа, равного ему по доблести; он упрекал его за поспешность и необдуманность его поступка; говорил вместе с тем, что Кассий счастлив, освободившись от забот и печалей, которые еще неизвестно до какого конца доведут его, Брута. Затем, передав тело друзьям и велев похоронить его тайно, чтобы войско при виде похорон не подняло плача над Кассием, сам Брут, не заботясь ни о пище, ни о каких-либо удобствах, в течение целой ночи работал над восстановлением лагеря Кассия. С наступлением дня, когда враги, чтобы не показаться ослабевшими, стали выстраивать войско для сражения, Брут, поняв их побуждение, сказал: «Вооружимся и мы и в свою очередь покажем, что мы пострадали меньше». Когда он построил войско, враги отступили, и Брут с насмешкой сказал своим друзьям: «Те, кто вызвали нас на бой как истомленных, даже и не попытались сражаться с нами».

115. В тот самый день, когда разыгралась битва при Филиппах, в Ионийском море также произошли крупные события в таком же роде. Домиций Кальвин вез Цезарю на грузовых судах два легиона тяжеловооруженных, из них особенно славился Марсов легион, названный так за свою стойкость. Вез Кальвин также и преторианскую когорту, включавшую до двух тысяч человек, четыре отряда всадников и сверх того еще множество набранных для войны людей; их сопровождало также несколько трирем. Навстречу им вышли Мурк и Аэнобарб со ста тридцатью военными кораблями. Плывшее на парусах впереди небольшое количество грузовых кораблей ускользнуло от них; остальные вследствие внезапно ослабевшего ветра стали блуждать по морю при полном безветрии, отданные во власть врагов кем-то из богов. На каждое судно враги без страха нападали и разрушали его; не могли помочь судам и сопровождавшие их триремы, из-за своей малой величины вращавшиеся на месте. Оказавшись в очень опасном положении, они совершили много различных подвигов: поспешно притягивали корабли канатами друг к другу, скрепляли их

шестами, чтобы не дать врагам прорваться. Когда же им удалось это закончить, Мурк стал обстреливать их огненосными стрелами. Тогда они, быстро развязав канаты и спасаясь от огня, поплыли в разные стороны друг от друга, а затем опять выезжали навстречу триремам, готовые к плаванию или нападению. 116. При возникшем возмущении, особенно среди воинов Марсова легиона, недовольных тем, что они, превосходя всех силой, гибнут в бездействии, одни покончили с собою еще до тех пор, пока достиг их огонь, другие, вскочив на неприятельские триремы, многое сделали, многое и вытерпели. А полусожженные корабли еще долго плавали с людьми, погибавшими частью от огня, частью от голода и жажды; из этих людей некоторые, державшиеся за мачты и корабельные доски, были прибиты к пустынным скалам или утесам. Среди них были такие, которым против всех ожиданий удалось спастись: некоторые продержались до пяти дней, слизывая смолу и жуя паруса или веревки, пока волны не вынесли их на сушу. Много было и таких, которые сдались врагам, ослабев под влиянием бедствий; сдались также семнадцать трирем. Воинов солдаты Мурка заставляли приносить клятву верности; полководец их Кальвин на своем корабле возвратился на пятый день в Брундизий, когда его считали уже погибшим. Вот какие события произошли на Ионийском море в один день с битвой при Филиппах — все равно, назвать ли их кораблекрушением или морской битвой; совпадение этих двух событий поразило всех, когда впоследствии о нем узнали.

117. Созвав войско на собрание, Брут обратился к нему с такой речью: «Во вчерашнем сражении, соратники, нельзя найти ничего, в чем вы не оказались бы сильнее врагов. Вы и начали сражение с рвением, хотя и без приказания; и четвертый легион, которому, как самому прославленному у них, был поручен фланг, вы уничтожили целиком, а за ним и выстроенную рядом с ним часть войска и шли таким образом до лагеря; и самый лагерь вы взяли и разграбили, так что все это далеко превосходит тот ущерб, который мы потерпели на левом крыле. Но затем, имея возможность довести дело до благополучного конца, вы предпочли грабить, а не убивать ослабевших: большая часть вас, проходя мимо врагов, бросилась на имущество. И в это самое время опять повторилось то же соотношение: они разгромили один из наших двух лагерей, мы же взяли все их укрепления, так что и в этом отношении приобретение вдвое больше ущерба. Итак, вот наши преимущества в сражении. А насколько и в остальном мы превосходим их, это вы можете узнать и от пленных — вы услышите о недостатке хлеба, о его вздорожании, о затруднениях с его доставкой и почти о полном его отсутствии. Ведь они не имеют возможности получать его ни из Сицилии, ни из Сардинии, ни из Африки, ни из Испании из-за Помпея, Мурка и Аэнобарба, от-

резавших им доступ в море 260 кораблями. Македонию они уже истощили и имеют хлеб почти из одной только Фессалии; а надолго ли ее еще хватит? 118. Итак, когда вы видите, что они особенно спешат со сражением, знайте, что они, мучимые голодом, избрали близкую смерть от руки врага. А мы в свою очередь обставлены так, чтобы раньше нас повел войну против них голод и чтобы они, когда нам придется с ними встретиться, были уже ослабевшими и истощенными. Не будем позволять себе раньше времени поддаваться излишнему рвению. Пусть никто не сочтет образ действий, основанный на опыте, медлительностью; пусть взглянет на находящееся у нас в тылу море, которое, присылая нам столько подкрепления и продовольствия, дает тем самым возможность достигнуть победы, не подвергая себя опасности, если только вы будете выжидать и не сочтете позорным, что над нами будут смеяться, будут вызывать нас на бой те, кто, как это показали вчерашние события, не лучше нас, но кто лишь ищет средства против другого страха. А рвение ваше, которое сейчас я прошу вас умерить, отдайте целиком тогда, когда мы об этом попросим. Я с своей стороны уплачу вам полную награду тогда, когда, по воле богов, все дела будут завершены и победа будет полной; теперь же за проявленную вами вчера доблесть даю в придачу каждому воину по тысяче драхм, начальникам же вашим с соответствующей прибавкой».

Такую речь сказал Брут и тотчас стал распределять по легионам подарки; некоторые полагают, что, кроме того, он обещал отдать воинам на разграбление Лакедемон и Фессалонику.

119. Цезарь и Антоний, зная, что Брут не будет сражаться по своей воле, созвали своих воинов. Антоний сказал им следующее: «Я знаю, сотоварищи, что в своих разговорах и враги наши приписывают себе честь вчерашнего дела, так как они обратили в бегство некоторых из наших и разграбили лагерь; но на деле они покажут, что победа целиком принадлежит вам. Я обещаю вам, что ни завтра, ни в следующие дни они добровольно не пойдут на битву. А это является вернейшим доказательством вчерашнего поражения и вызванного им страха; подобно тому как это бывает при гимнастических состязаниях, и здесь более слабые отказываются от дальнейшей борьбы. Ведь не для того они набрали такое большое войско, чтобы, построив стены, населять фракийскую пустыню. Ведь и выстроили-то они эти стены еще тогда, когда мы подходили, вследствие страха перед нами; а когда мы пришли, они продолжают оставаться внутри укреплений из-за вчерашнего поражения. Под впечатлением его старший и более опытный из полководцев, отчаявшись во всем, покончил самоубийством, что уже само по себе представляет лучшее доказательство затруднительного положения врагов. И если они не примут нашего вызова и не спустятся с гор, но, не надеясь на свои силы,

возложат надежды на утесы, тогда вы, римляне, вновь смело вынуждайте их к сражению, как вынудили вчера, считая позором подчиняться тем, кто боится, воздерживаться от битвы с теми, кто не решается выйти на бой, и показать себя, мужей, более слабыми, чем стены. Ведь мы пришли не за тем, чтобы жить в долине, и для нас в промедлении нет ничего такого, что нас удовлетворяло бы. Нет, у разумных людей войны всегда должны проходить быстро; зато мир должен быть продолжительным. 120. Сроки и план действия этого выработаем мы, не заслужившие с вашей стороны презрения за проявленную нами вчера энергию и сообразительность. Вы же, со своей стороны, отплатите полководцам доблестью, когда она от вас потребуется. И не огорчайтесь нимало из-за вчерашнего грабежа: ведь богатство состоит не в том, чтобы что-то иметь, но в том, чтобы владеть им, защищая его силою; именно это и отдаст нам, владеющим такими силами, и отнятое вчера, пока еще в сохранности находящееся у наших врагов, и само имущество врагов. И если мы стремимся все это получить, будем стремиться в бой. Да и вчера мы, в свою очередь, взяли у них достаточно, может быть, больше, чем было отнято у нас, потому что они привезли с собой из Малой Азии все, что отняли там силой и грабежом, вы же, явившиеся сюда с родины, все более ценное оставили дома, взяв с собой только необходимое. А если и было у нас взято что-либо ценное, то оно принадлежало нам, начальникам, готовым ради вашей победы отдать все. Несмотря на эту потерю, мы назначили вам вознаграждение за победу — каждому воину по 5 000 драхм, каждому центуриону — вдвое больше, каждому трибуну вдвое больше того, что получил центурион».

121. Произнеся такую речь, Антоний на следующий день вновь выстроил войско. И когда даже и тут враги не стали спускаться, Антоний в сердцах продолжал вновь и вновь выстраивать войско. Брут же часть своего войска держал построенной в боевой готовности, боясь, что может оказаться вынужденным вступить в сражение; силами же другой части перехватил пути, по которым врагам доставлялось продовольствие. На очень близком расстоянии от лагеря Кассия был холм, который врагам было бы трудно захватить, так как вследствие близости к лагерю Кассия они могли подвергнуться обстрелу; но Брут все же велел охранять его на случай, если кто-либо, сверх ожиданий, осмелится его захватить. Когда этот холм был оставлен Брутом, войско Цезаря захватило его ночью силами четырех легионов, забравших с собой для защиты от стрел много щитов и кожаных панцырей. После захвата холма новые десять легионов разбили лагерь на расстоянии пяти стадий от него по направлению к морю, а на расстоянии еще четырех стадий то же сделали два других легиона. Таким образом они хотели дойти до моря, чтобы или вдоль него, или че-

рез болото, или каким-либо иным способом прорваться и вместе с тем, чтобы отрезать врагам подвоз продовольствия. Со своей стороны действовал также и Брут, воздвигая укрепления против лагерей врагов. 122. Все это заставило войско Цезаря торопиться; голод был уже несомненным, с каждым днем увеличиваясь и вызывая все больший страх. Больше не было достаточного подвоза и из Фессалии, нельзя было возлагать надежды и на доставку морем, потому что на море везде господствовали враги. Так как обе стороны уже получили известие о недавних событиях на Ионийском море, они еще больше боялись этого и приближения зимы, особенно страшной для имеющих стоянку на илистой равнине. Сообразив все это, они послали в Ахайю легион тяжеловооруженных с поручением собрать там все, что они найдут, и собранное поспешно отослать им; в виду надвигающейся грозной опасности, не ожидая успеха от этого, как и от других планов, и не будучи более в силах стоять в боевой готовности на равнине, они с криком устремились к вражеским укреплениям и вызывали Брута на битву, насмехаясь над ним и ругая его и решив заставить его против воли вступить в бой скорее путем бешеного натиска, чем посредством правильной осады.

123. Но Брут решил держаться первоначального плана, в чем его укрепили известия о голоде и об успешных действиях на Ионийском море, а также то, что он видел вызванное безвыходным положением отчаяние врагов. Поэтому он предпочитал выдержать и осаду и прочие трудности, лишь бы не вступать в схватку с людьми, страдавшими от голода и потерявшими надежду на все другое, кроме силы своего оружия. Войско, однако, без разумных оснований было настроено иначе; оно тяготилось тем, что, подобно женщинам, сидит взаперти в лагере в страхе и бездействии. Недовольны были и его начальники: они одобряли планы Брута, но считали, что при наличии храброго войска можно одолеть врагов скорее. Причиной этих настроений было то, что Брут был мягок и добр со всеми, не был похож на Кассия, сурового и властного во всем. Вследствие этого Кассию они подчинялись по первому его приказанию, не вмешиваясь в его распоряжения, не спрашивая о причинах, которыми они вызваны, а если и узнавали эти причины, не входили в их рассмотрение; от Брута же, вследствие его кротости, они требовали для себя участия в командовании на равных с ним правах. Наконец, собираясь отрядами или просто толпами, войско стало уже более открыто высказывать свое недоумение, говоря: «За что недоволен нами полководец? В чем провинились мы, недавно одержавшие победу, обратившие врагов в бегство, а оставшихся из них перебившие и взявшие их лагерь?» На это Брут сознательно не обращал внимания и не созывал воинов на собрание, чтобы не оказаться, к своему позору, вынужденным к неразумным действиям всей

этой толпой, в особенности наемниками, у которых всегда остается надежда спастись путем перехода на сторону противника, подобно тому как меняют хозяев легкомысленные слуги. 124. Но затем к Бруту стали приставать и военачальники, настаивая, чтобы он воспользовался рвением войска, которое, может быть, и совершит что-нибудь славное; а если и случится что-нибудь во время битвы, можно будет вновь вернуться в лагерь и защищаться от врагов теми же самыми укреплениями. Тогда Брут, особенно рассердившись на военачальников и досадуя, что они, подвергаясь той же самой опасности, легкомысленно соглашаются с мнением войска, предпочитающего сомнительную и связанную с риском судьбу безопасной победе, все же уступил; уступил на гибель и себе и им всем, упрекнув их только следующими словами: «Повидимому, мы будем воевать, как воевал Помпей Великий, не столько являясь полководцем, сколько подчиняясь войску». И, мне кажется, он сказал только это, скрывая то, чего он боялся всего более: как бы войско, что было некогда войском Цезаря, не возненавидело его и не перекинулось к врагам. Под влиянием страха перед тем же и Брут и Кассий с самого начала войны старались ни в чем не давать воинам повода к недовольству ими.

125. Таким образом, Брут против воли вывел войско, построил его в боевом порядке перед стеной и наставлял воинов не выходить далеко за холм, чтобы им было возможно легко вернуться, если это понадобится, и чтобы им было удобнее обстреливать врагов с холма. С обеих сторон воины подзадаривали друг друга к битве; и тут и там наблюдалась большая уверенность и даже чрезмерная смелость: у одних она была вызвана страхом перед надвигающимся голодом, у других — естественным опасением, как бы они, принудившие полководца к выступлению, которое сам он хотел еще отсрочить, не показали себя хуже, чем обещали, слабее, чем хвастались, и, таким образом, не были бы скорее ответственны за поспешность, чем достойны похвалы за принятое разумное решение. Такое же настроение внушал им своим строгим лицом и Брут, объезжавший на коне войско и напоминавший ему о его положении в немногих, насколько позволяло время, словах. «Вы захотели сражаться, — говорил он, — вы заставили меня, державшегося иного мнения, победить врагов в битве, не обманите же ни моей, ни вашей собственной надежды. Ваш союзник — холм, и все, что у вас в тылу, принадлежит вам. Враги же ваши окружены двойной опасностью, находясь между вами и голодом». Говоря это, он разъезжал по рядам, провожаемый возгласами надежды и ободрения.

126. Цезарь и Антоний, объезжая свои войска, простирали правую руку к тем, к которым они подъезжали, и еще строже убеждали их, не скрывая от них опасности голода, так как мысль о нем могла еще более поднять их отвагу. «Мы нашли

врагов, о мужи, — говорили они, — мы имеем тех, кого хотели получить, за пределами их укреплений. Пусть же никто из вас не опозорит собственного своего вызова, оказавшись слабее на деле, чем в угрозах; пусть никто не отдаст предпочтения голоду, бедствию неотвратимому и мучительному, пред укреплениями и трупами врагов; их они предоставляют вашей храбрости, вашему оружию, вашей безумной отваге. Положение дел заставляет так спешить, чтобы ничего не откладывать на завтрашний день, но сегодня же решить все, вплоть до полной победы или славной смерти. У победивших будет возможность в течение одного дня и посредством одного сражения получить и продовольствие, и деньги, и корабли, и лагери, и вдобавок наградные от нас. И это все так и будет у вас, если прежде всего, напав на них, мы будем помнить о том, что заставляет нас спешить; затем, прорвавшись, мы сразу же отрежем их от ворот, оттесним их к скалам или к равнине, чтобы война не возобновилась снова и, вместе с тем, чтобы враги не разбежались; ведь они из-за своей слабости единственные из всех противников возлагают надежду не на сражение, а на то, чтобы не сражаться».

127. Так убеждали Цезарь и Антоний всех, к кому они подъезжали. И у всех возникло стремление показать себя достойными полководцев и избежать нужды, возраставшей быстрее, чем можно было ожидать, в результате событий на Ионийском море. Они предпочитали, если это окажется неизбежным, пострадать в бою, сохраняя надежду на лучший исход, чем погибнуть истощенными от неотвратимого бедствия. При таком их настроении, которое каждый внушал своему ближайшему соседу, мужество обоих войск быстро возросло, и обе стороны преисполнились не знающей страха отваги. В это время они уже вовсе забыли о том, что они — граждане одного государства; они угрожали друг другу, как если бы природа и рождение создали их врагами. Так гнев, вызванный обстоятельствами создавшегося положения, притупил и рассудок и природные чувства. Обе стороны одинаково предсказывали, что в этот день предстоящее сражение решит всю борьбу римского государства. И действительно, судьба его была решена.

128. Когда в таких приготовлениях дошло уже до девятого часа дня, два орла, слетевшиеся между двумя войсками, стали биться друг с другом; наступило глубочайшее молчание. Но когда орел, находившийся со стороны войска Брута, был обращен в бегство, пронзительный крик поднялся в войске противников, и с обеих сторон были подняты знамена. Нападение было неистовым и жестоким. Стрел, камней, метательных копий у них было несколько меньше, чем это было обычно на войне, не пользовались они и другими приемами военного искусства и строя. Бросившись с обнаженными мечами в рукопашную, они рубили и были рубимы, вытесняли друг друга из

строя, одни скорее, чтобы спастись, чем чтобы победить, другие — чтобы победить, а также под влиянием убеждений полководца, вынужденного ими к сражению. Много было крови, много стонов; тела убитых уносились, и на их места становились воины из резерва. А полководцы, объезжая и осматривая ряды, поднимали настроение войска, убеждали работавших потрудиться еще, а изнуренным ставили смену, так что бодрость передних рядов все время обновлялась притоком новых сил. Наконец, войско Цезаря или от страха перед голодом — оно боролось особенно энергично — или благодаря счастью самого Цезаря — и воинов Брута не за что было бы упрекнуть — сдвинуло с места вражеские ряды, как если бы опрокинуло какую-то тяжелую машину. Сначала враги отступали шаг за шагом, осторожно, но когда боевой порядок их стал нарушаться, они начали отступать быстрее; а когда с ними вместе стали отступать также и стоявшие во втором и третьем рядах, они, смешиваясь все вместе в беспорядке, теснились и своими и врагами, непрерывно налегавшими на них, пока, наконец, не обратились в бегство. Войско Цезаря, твердо держась в это время данного им приказания, стремилось завоевать ворота с большой для себя опасностью — оно подвергалось обстрелу сверху и спереди, — пока ему не удалось оттеснить пытавшуюся войти в ворота толпу врагов, которые бежали к морю и на горы через реку Зигакт.

129. Обратив врагов в бегство, полководцы распределили между собою все, что еще оставалось сделать: Цезарь должен был захватывать бежавших из лагеря и сторожить самый лагерь, Антоний следил за всем и нападал на всех — на бегущих, на тех, кто еще держался, на все остальные их лагери, одновременно подавляя все своим неистовым натиском. Боясь, как бы военачальники, ускользнув от него, не собрали нового войска, Антоний разослал всадников по всем дорогам и по окраинам поля битвы с приказанием хватать всех бегущих. Когда это задание было распределено между участниками, группа всадников устремилась на гору с фракийцем Раском, посланным с ними, так как он знал все дороги; окружив все укрепления и утесы, они охотились за бежавшими и поджидали тех, кто находился внутри. Другая часть преследовала самого Брута. Увидев, что неуклонно наступают, Луцилий явился к ним и, выдавая себя за Брута, просил вести его не к Цезарю, а к Антонию: вследствие этого воины еще больше укрепились в мысли о том, что это — Брут, избегающий своего непримиримого врага. Узнав, что ведут Брута, Антоний вышел ему навстречу, соображая, как следует ему встретить его, если принять во внимание и судьбу этого человека, и вместе с тем его высокое положение, и его доблесть. Но когда Антоний приблизился, Луцилий, смело обратившись к нему, сказал: «Брут не пойман, и никогда не будет поймана доблесть пороком; а я,

обманув вот этих людей, стою здесь перед тобой». Антоний, видя, что всадники смущены, успокаивая их, сказал: «Добыча, которую вы мне поймали, не хуже, а лучше той, за которую вы ее приняли, поскольку друг лучше врага». И он поручил Луцилия заботам одного из своих друзей, а впоследствии, приняв его к себе, обращался с ним как с верным другом.

130. Между тем Брут бежал в горы с достаточным количеством воинов, собираясь ночью вернуться в лагерь или спуститься к морю; но так как все было окружено сторожевыми постами врагов, он в полном вооружении заночевал вместе со всеми. Рассказывают, что, глядя на звезды, он сказал: «Зевс, пусть не скроется от тебя тот, кто является виновником всех моих бед»,[1] подразумевая, конечно, Антония. Эти слова, как говорят, и сам Антоний произнес во время своих личных несчастий, раскаиваясь в том, что, имея возможность быть союзником Кассия и Брута, он сделался слугою Октавиана. Теперь и Антоний ночевал вооруженным около укреплений, устроенных против Брута, сложив вал из снесенных вместе трупов и добычи. А Цезарь, трудившийся до полуночи, ушел вследствие болезни, передав Норбану охрану лагеря.

131. Увидев, что и на следующий день остались вражеские засады, и имея неполных четыре легиона, поднявшихся вместе с ним на гору, Брут сам остерегся итти к воинам, а послал к ним их начальников; последние были смущены допущенной ими ошибкой и раскаивались в ней, Брут поручил им выяснить, хотят ли солдаты прорваться через засады и возвратить себе свое имущество, пока еще оберегаемое оставшимися друзьями. Солдаты, безрассудно выступившие в бой и проявившие в нем большую храбрость, теперь, под влиянием того, что бог уже повредил их разум, недостойным образом ответили своему полководцу: «Пусть он решает сам про себя; мы же, многократно подвергавшиеся испытаниям судьбы, не хотим терять последнюю надежду на примирение». Тогда Брут сказал друзьям: «Итак, я больше уже ничем не могу быть полезен родине, раз они так настроены», и, позвав эпирота Стратона, своего друга, приказал ему убить его, а когда тот стал убеждать его еще подумать, позвал одного из рабов. Стратон сказал: «Нет, Брут, не надо рабов! Для исполнения твоего последнего приказания, раз ты на него решился, у тебя найдется друг». С этими словами он вонзил свой меч в бок Бруту, который не отвернулся и не отступил назад.

132. Так умерли Кассий и Брут, мужи, выделявшиеся среди всех римлян благородством, славой и неоспоримой доблестью. Их обоих, несмотря на их принадлежность к партии Помпея Великого, и Гай Цезарь из врагов и противников сделал своими друзьями, а среди друзей своих именно их любил как сы-

---

[1] Еврипид, Медея, 332.

новей. Точно также и сенат всегда был к ним обоим особенно благорасположен, считая их в их несчастии достойными особенного сожаления; ради них обоих он всем объявил амнистию; а когда они были осуждены на изгнание, дал им провинции, чтобы они не оказались в положении изгнанников. Этим сенат не оказывал пренебрежения к Гаю Цезарю и не проявлял радости по поводу происшедшего: ведь сенат и при жизни Цезаря удивлялся его доблести и его успехам и по смерти его устроил ему похороны на государственный счет, объявил его деяния бессмертными и учредил магистратуры и провинции во многом в соответствии с предписаниями Цезаря, считая, что не найдет ничего лучшего, чем то, что решил Цезарь. Но любовь сената к Бруту и Кассию, опасение за них довели сенат до того, что он не побоялся даже дурной молвы: так дороги всем они стали. Также и наиболее благородные из изгнанников ценили их более, чем Секста Помпея, хотя они и находились дальше и охвачены были непримиримой враждой, Помпей же, напротив, был ближе, под рукою, и никакая непоправимая вина над ним не тяготела. 133. Когда явилась надобность в боевых действиях, Брут и Кассий в течение неполных двух лет собрали войско, включавшее свыше двадцати легионов тяжеловооруженных, около двадцати тысяч конницы и свыше двухсот военных кораблей; собрали также и прочее снаряжение в достаточном количестве и набрали частью путем добровольных взносов, частью принудительно несметное количество денег. Они провели ряд войн с народами, с городами и со многими представителями противной партии и везде имели успех. Народы они покорили себе на пространстве от Македонии до Евфрата; и всех, с кем они воевали, они склонили к союзу с ними, так что могли без опасений пользоваться их помощью. Пользовались они содействием царей и династов, также и парфян, хотя последние и были враждебны римлянам: их они употребляли только для менее значительных дел, к участию же в более крупных предприятиях не допускали, чтобы не приучать племя варварское и враждебное к слишком большой близости к римлянам. Но самым удивительным было отношение войска, в большей своей части составившегося из прежнего войска Гая Цезаря: и это-то войско, относившееся к Цезарю с необычайно ревностной любовью, склонили на свою сторону убийцы Цезаря. За ними оно последовало в походе против сына Цезаря, и им оно было более верным, чем Антонию, союзнику и соправителю Цезаря. Никто из них не покинул Брута или Кассия даже и при их поражении, хотя те же самые воины оставили Антония у Брундизия еще до начала военных действий. Предлогом, побуждавшим нести все тяготы во время их службы у Помпея, и в данном случае служило для солдат то, что они действовали не из личных интересов, а ради демократии — слова красивого, но всегда бесполезного. К себе же са-

мим оба, и Кассий и Брут, отнеслись с одинаковым пренебрежением, когда им стало казаться, что больше они не могут быть полезны родине. Что касается их забот и трудов, то Кассий, ничем не отвлекаясь, все взоры свои устремлял только на войну, подобно тому как в единоборстве борец смотрит только на противника; Брут же питал склонность к науке и не без успеха занимался философией.

134. Однако всем этим их свойствам всецело противостоит их грех в отношении Цезаря. Ведь это был грех не простой и не малый: ведь он был совершен против друга, был совершенно неожиданным; грех против спасшего их в войне благодетеля, представлявший поэтому проявление неблагодарности; грех против императора, что было нечестиво; грех, притом совершенный в курии; грех против жреца, облеченного в священные одежды; грех против властителя, равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других. За это-то Брут и Кассий и подверглись гневу божества, часто подававшего им об этом знамения. Так, когда Кассий совершал в своем войске обряд очищения, ликтор возложил на его голову перевернутый венец, а посвященная Кассием золотая фигурка Виктории упала на землю. Птицы целыми стаями сидели над его лагерем, не издавая никакого крика; непрерывно осаждали его лагерь рои пчел. О Бруте рассказывают, что он, справляя на Самосе день своего рождения, во время пирушки без всякого основания произнес стих, хотя и не был склонен ни к чему подобному: «Убила меня злая судьба и сын Латоны».[1] Когда он собирался вместе с войском переправиться из Азии в Европу, рассказывают, он, проснувшись ночью, увидел при меркнувшем свете привидение, неожиданно представшее перед ним, и смело спросил его, кто оно, бог или человек. Призрак ответил: «Твой, Брут, злой демон; явлюсь тебе еще в Филиппах». И, говорят, он действительно явился Бруту перед последним сражением. Затем, когда войско выходило на бой, ему встретился перед воротами эфиоп; считая это дурным предзнаменованием, войско тотчас же изрубило его. Ниспослано божеством было и то, что Кассий при еще неопределившейся победе безрассудно отчаялся во всем, а Брут был вынужден оставить благоразумную медлительность и вступить в бой с людьми, обезумевшими от голода, в то время как сам он был в изобилии обеспечен продовольствием и властвовал на море. И ко всему этому его принудило его собственное войско более, чем вражеское. Часто участвуя в сражениях, они ни разу в них не пострадали, а теперь оба они должны были наложить на себя руки, подобно тому как они наложили их на Цезаря. Так были наказаны Кассий и Брут.

135. Когда было найдено тело Брута, Антоний тотчас же

[1] Илиада, 16, 849.

обернул его в лучший пурпуровый плащ и по сожжении тела послал останки матери его Сервилии. Войско Брута, узнав о его смерти, отправило послов к Цезарю и Антонию и, получив от них прощение, было распределено по их войскам; всего солдат было около четырнадцати тысяч. Кроме того, передались неприятелю также и войска, находившиеся в многочисленных укреплениях. Самые же эти укрепления и весь лагерь были отданы войскам Цезаря и Антония на разграбление. Из находившихся в войске Брута знаменитых мужей одни погибли в сражениях, другие, подобно своим полководцам, сами лишили себя жизни; некоторые умышленно сражались до тех пор, пока не были убиты в бою. Среди них был Луций Кассий, племянник самого Кассия, и Катон, сын Катона, часто бросавшийся навстречу врагам и затем, при их приближении, снимавший шлем или для того, чтобы быть легче узнанным, или чтобы сделать себя более доступным для стрел, а может быть, и для того и для другого. Известный своей мудростью Лабеон, отец Лабеона, еще и теперь пользующегося известностью за знание законов, вырыв внутри палатки яму, по величине достаточную для человеческого тела, и отдав своим рабам все необходимые распоряжения, написал в письме жене и детям обо всем, что считал нужным им поручить, и велел рабам доставить письмо; потом, взяв за руку самого верного из рабов, он обвел его вокруг, как это было в обычае у римлян при освобождении рабов, а затем дал ему меч и подставил горло. Так и ему палатка стала могилой. 136. Фракиец Раск привел назад с гор многочисленное войско и в награду просил и добился пощады для своего брата Раскуполида. Этим было доказано, что эти два фракийца враждовали между собой не с самого начала; но когда вблизи них вступили в борьбу два больших войска, из которых ни одно не было бесспорно сильнейшим, они в виду невозможности предвидеть исход договорились между собою, чтобы тот из них, кто будет среди победителей, спас побежденного. Порция, жена Брута и сестра Катона младшего, узнав о смерти их обоих, несмотря на то, что усердно оберегалась своими родными, схватила уголья с внесенной к ней жаровни и проглотила их. Из всех остальных знатных граждан, бежавших на Фасос, одни уехали оттуда морем, другие предоставили себя в распоряжение сенаторов Мессалы Корвина и Луция Бибула, чтобы они поступили с ними так, как найдут это лучшим для себя. Те, сговорившись со сторонниками Антония, передали приплывшему на Фасос Антонию все имевшиеся там деньги, оружие, обильное продовольствие и много прочего снаряжения.

137. Таким образом Цезарем и Антонием, благодаря не останавливающейся перед опасностями отваге, посредством всего лишь двух сухопутных сражений было совершено величайшее дело, подобно которому до того никогда не бывало. Ибо

раньше не случалось, чтоб выходило в бой войско в таком количестве и такого качества, состоявшее с обеих сторон из римлян, притом не из солдат, привлеченных путем гражданского набора, но из набранных по достоинству, не являвшихся в войне неопытными, но упражнявшихся в течение долгого времени в борьбе против римлян, а не против народов чужеземных и варварских. Оба войска говорили на одном языке, прошли одну военную школу и были подобны друг другу по выучке и выносливости; поэтому-то им и было трудно одолеть друг друга. И никогда раньше не боролись с таким рвением и храбростью противники, являющиеся согражданами, родственниками и товарищами по военной службе. Доказательством правильности всего сказанного служит то, что число павших, если сравнивать его в каждом из сражений, не было, повидимому, меньшим даже и у победителей.

138. Войско Антония и Цезаря оправдало предсказание полководцев, сменив в течение одного дня в результате одного сражения крайнюю опасность голода и страх перед гибелью на изобильное благоденствие, прочную безопасность и славную победу. Оправдалось также и то, что предсказывали выступавшие в бой для римлян: их государственный строй определился более всего именно этим сражением, больше они уже не возвращались к демократии, и не было больше у них и нужды в междоусобных войнах. Исключение представляла только происшедшая немного времени спустя борьба Антония и Цезаря — последняя из всех имевших место у римлян. Но то, что в промежуток времени, последовавший за смертью Брута, было предпринято Помпеем и бежавшими друзьями Кассия и Брута, которые захватили с собою много остатков прежнего богатого снаряжения, уже не походило на только что описанное ни по проявленной отваге, ни по рвению, с которым относились к своим вождям отдельные мужи, города или войска, не участвовал в этих делах никто из славных мужей, ни сенат, не было у них и той славы, какая была у Кассия и у Брута.

КНИГА ПЯТАЯ

42 г. 1. После смерти Кассия и Брута Цезарь отправился в Италию, Антоний — в Азию, где Клеопатра, царица Египта, встретилась с ним и сразу, с первого взгляда, завладела его сердцем. Эта любовь довела до крайних бедствий их обоих, а за ними и весь Египет. Вследствие этого часть этой книги будет посвящена Египту: она невелика и не заслуживает какого-либо особого заглавия, а поэтому ее и можно включить в значительно бо́льшую историю гражданских войн. И после Кассия и Брута происходили другие междоусобные войны, причем во всех них не бывало одного начальника над всеми, как в предыдущей войне, а были различные предводители, выступавшие поочереди; эти междоусобия длились до тех пор, пока не был убит, подобно Бруту и Кассию, Секст Помпей, младший сын Помпея Великого, оставшийся последним партийным участником войны, и пока не был отстранен от управления Лепид, после чего вся власть над римлянами перешла в руки только двух — Антония и Цезаря. Ход всех этих событий был следующий.

2. Кассий, по прозванию Пармский, был оставлен Кассием и Брутом в Азии с флотом и войском для взимания денег. Когда умер Кассий, он, не думая, что подобная же участь постигнет и Брута, выбрал себе из родосского флота тридцать кораблей — столько, сколько он считал нужным снарядить, — а остальные, за исключением священного корабля, сжег, чтобы родосцы не могли поднять восстания. После этого он вышел в море со своими кораблями и с упомянутыми тридцатью. Клодий, посланный Брутом на Родос с тринадцатью кораблями и заставший на Родосе возмущение — к этому времени умер уже и Брут, — вывел охрану, состоявшую из трех тысяч тяжёловооруженных и выступил против Кассия Пармского. Прибыл к ним и Турулий, имея с собой еще много других кораблей и деньги, ранее собранные с Родоса. К этому флоту, представлявшему известную силу, стекались все, кто находился на морской службе в различных частях Азии; они снабдили его, насколько могли, тяжеловооруженными, а также гребцами из числа рабов или пленных, пополняя состав их при посещении островов также и островитянами. Явился к ним и Цицерон, сын Цицерона, и все знатные граждане, которые бежали с Фасоса. Скоро на-

копилось весьма значительное число и полководцев, и солдат, и кораблей. Присоединив к себе еще Лепида с другим войском — тем, которое подчинило Бруту Крит, они поплыли в Ионийское море к Мурку и Домицию Аэнобарбу, стоявшим там во главе больших сил. Из них одни вместе с Мурком отплыли в Сицилию и свои силы присоединили к силам Секста Помпея, другие остались у Аэнобарба, где образовали самостоятельную партию. Вот что образовалось прежде всего из остатков партии Кассия и Брута.

3. Цезарь и Антоний после победы при Филиппах совершили торжественное жертвоприношение и воздали публичную хвалу войску. Для распределения наград за победу первый из них отправился в Италию, чтобы раздать воинам земли и распределить их по колониям; он выбрал себе это дело, так как был нездоров, Антоний направился в провинции, находившиеся по ту сторону моря, для сбора обещанных воинам денег. Вновь Цезарь и Антоний распределили между собой провинции, присоединив к тем, которые были у них прежде, принадлежавшие Лепиду. Цизальпийскую Галлию было решено, по требованию Цезаря, оставить самостоятельной провинцией в соответствии с решением Цезаря старшего. На Лепида было возведено обвинение в том, что он передался Помпею; было решено, если обвинение окажется в глазах Цезаря ложным, дать Лепиду взамен другую провинцию. Солдаты, отслужившие в войсках положенный срок, были отпущены, за исключением восьми тысяч, которые просили разрешения продолжать военную службу; Цезарь и Антоний приняли их, разделили на отряды и зачислили в преторианские когорты. Последнюю часть войска составляли солдаты, перешедшие от Брута: всего их было одиннадцать легионов пехоты и четырнадцать тысяч всадников. Из них Антоний получил для своего заграничного похода шесть легионов и десять тысяч всадников, Цезарь — четыре тысячи всадников и пять легионов; из них он дал Антонию два легиона, взяв взамен их тех, которые Антоний оставил под начальством Калена в Италии. И так Цезарь отправился в Ионийское море.

4. Антоний, явившись в Эфес, совершил торжественное 41 г.
жертвоприношение богине и тех, кто после поражения Брута и Кассия сбежались в храм и умоляли о милости, отпустил, за исключением Петрония, бывшего соучастника убийства Цезаря, и Квинта, предавшего в Лаодикее Кассию Долабеллу. Затем, созвав эллинов и другие народы, населявшие часть Малой Азии около Пергама — из них некоторые присутствовали в качестве посольства при заключении договора, другие были сюда вызваны, — он сказал им следующее: «Вас, эллины, завещал нам ваш царь Аттал. Вскоре же мы показали себя по отношению к вам добрее, чем был Аттал: от той подати, которую вы платили Атталу, мы вас освободили до тех пор, пока не явилась

в этой подати нужда, — ведь и у нас есть люди, ищущие популярности в народе. А когда нужда явилась, мы назначили вам сумму взноса не в зависимости от ценза, чтобы, таким образом, иметь подать в постоянном размере; нет, мы предписали вносить каждый раз известную долю поступающего урожая плодов, чтобы и в неурожайные годы не испытывать недостатка вместе с вами. Когда же те, кто взял у сената на откуп эти поступления, стали вас обижать и требовать гораздо больших взносов, Гай Цезарь убавил ваши взносы на треть, а чинимые вам обиды прекратил: ведь он поручил вам самим собирать подать с земледельцев. И его, такого человека, наши лучшие граждане называли тираном, и им вы выплачивали много денег, им, убийцам вашего благодетеля, действуя этим против нас, мстивших за него. 5. Теперь справедливая судьба окончила войну не как вы хотели, но как этого требовало право. Если бы с вами поступить как с союзниками наших врагов, то вы заслуживали бы кары; но так как мы охотно верим, что вы действовали по принуждению, мы освобождаем вас от бо́льшего наказания; однако мы нуждаемся в деньгах, в земле, в городах для наград победившему войску. А ведь в нем двадцать восемь легионов тяжеловооруженных, что составит вместе со всеми, кто еще находится в войске, свыше семнадцати тысяч человек; сверх того есть еще конница и масса других войсковых частей. По этому количеству людей вы можете видеть вместе с тем и то, в каком количестве денег мы нуждаемся. Для раздачи им всем земли и городов Цезарь и отбыл в Италию; если определить это одним словом, — он поехал туда, чтобы выселить Италию. На вас же, чтобы вы не были выселены с вашей земли, из городов, домов, храмов и могил, мы наложили взнос денег, не всех — этого вы и не могли бы выполнить, — но части их, притом самой незначительной; этим вы, я думаю, останетесь довольны. Того, что вы дали нашим врагам в два года, — а отдали вы им подать за десять лет, — будет нам достаточно, но получить мы это должны в течение одного года: этого требуют наши нужды. Вам, услышавшим о такой нашей милости, я мог бы еще прибавить только одно: ни на кого из вас не налагается такое наказание, которое равнялось бы вашей провинности».

6. Так говорил Антоний, сообщая о вознаграждении для двадцати восьми легионов пехоты. Я думаю, что указанное им число объясняется тем, что, хотя легионов было сорок три, когда в Мутине они заключали договор и давали такие обещания войску, война сохранила всего лишь двадцать восемь легионов. Эллины еще во время его речи бросались на землю, говоря, что в силу проявленных по отношению к ним со стороны Брута и Кассия принуждения и насилия они заслуживают не наказания, а сострадания; что они охотно дали бы благодетелям требуемое, но находятся в нужде из-за их врагов, которым

они приносили не только деньги, но в счет денег и утварь и украшения, из которых при них же чеканилась монета. И, наконец, просьбами они добились разрешения в два года внести подать, полагающуюся за девять лет. Царям, династам и свободным городам было предписано внести остальное, сообразно с силами каждого.

7. Когда Антоний объезжал провинцию, Луций, брат Кассия, и все прочие, бывшие в страхе и узнавшие о его милостях в Эфесе, пришли к нему с мольбой о прощении. И он простил всех, кроме участников убийства Цезаря: к ним одним он был беспощаден. Также он успокаивал наиболее пострадавшие города: ликийцев освободил от податей и советовал им заселять Ксанф, родосцам отдал Андрос, Тенос, Наксос и город Минд; города эти были вскоре отняты у них за слишком суровое с их стороны управление. Лаодикейцев и тарсийцев Антоний объявил свободными и снял с них подати, а проданных из числа тарсийцев в рабство освободил особым приказом. Афинянам, пришедшим к нему хлопотать о Теносе, он вместо Теноса дал Эгину, Икон, Кос, Скиаф и Пепареф. Проходя по Фригии, Мисии и стране галатов в Азии, Каппадокии, Киликии, Келесирии, Палестине, Итурее и остальным областям, занятым сирийцами, Антоний на всех наложил тяжелые подати и творил суд над городами и царями: в Каппадокии над Ариарафом и Сисинной, причем содействовал воцарению Сисинны, прельстившись красотой матери его, Глафиры; в Сирии он изгнал тиранов, правивших городами. 8. В Киликии Антоний упрекал явившуюся к нему Клеопатру за то, что она не приняла участия в походе Цезаря; скорее объясняя, чем оправдываясь, она указывала, что она немедленно послала к Долабелле свои четыре легиона и, имея готовую к отплытию часть флота, была задержана ветром и тем, что в очень скором времени Долабелла потерпел поражение; что она сама с хорошо снаряженным флотом отправилась в Ионийское море против Кассия, дважды угрожавшего ей, в случае если она будет сражаться в союзе с Антонием и Цезарем, воюющими против его партии; тем не менее она отправилась, не боясь Кассия, не остерегаясь Мурка, подстерегавшего ее на море; все это она делала, пока зима не принесла вообще много вреда, а ей причинила болезнь, из-за которой она и позднее не могла выступить; тем временем они уже одержали победу. Антоний, пораженный, помимо внешности, также и умом Клеопатры, тотчас влюбился в нее как юноша, хотя ему в это время исполнилось уже сорок лет. Говорят, он от природы был всегда влюбчив; также говорят, что он был увлечен красотою Клеопатры, когда она была еще ребенком, а он юношей, в звании начальника конницы, сопровождал в Александрию Габиния, руководившего походом. 9. Теперь сразу у Антония ослабел прежний его интерес ко всему происходящему: чего бы ни требовала Клеопатра, все выпол-

нялось без всякого внимания к священному или справедливому. Так, сестру Клеопатры Арсиною, находившуюся просительницей в Милете, в храме Артемиды Левкофриены, Антоний приказал убить посланным к ней людям; Серапиона, на Кипре бывшего полководцем Клеопатры, воевавшего в союзе с Кассием и проживавшего в Тире в качестве просителя, он приказал выдать Клеопатре. Точно также он приказал жителям Арада выдать еще одного умолявшего о защите. После того как брат Клеопатры, Птолемей, пропал без вести в битве с Цезарем на Ниле, этого человека держали у себя арадийцы, выдавая его за Птолемея. Жреца Артемиды в Эфесе, по имени Мегабиз, некогда приветствовавшего Арсиною как царицу, Антоний приказал привести к себе; когда эфесцы стали просить за Мегабиза самое Клеопатру, Антоний отпустил его. Так быстро изменился Антоний, и охватившая его страсть сделалась для него и началом и концом всех дальнейших бедствий.

После отъезда Клеопатры на родину Антоний послал всадников разгромить Пальмиру, город, находившийся на небольшом расстоянии от Евфрата; причины недовольства против него были незначительные: находясь на границе владений римлян и парфян, пальмирцы ловко вели свои дела и с теми и с другими, — купцы Пальмиры вывозят от персов индийские и аравийские товары и распространяют их в римских владениях, — на деле же Антоний рассчитывал, что таким путем всадники могут поживиться. Когда жители Пальмиры, заранее узнав об этом, перенесли все, что было им необходимо, на другую сторону реки и, расположившись на высоком берегу ее, на случай нападения вооружились стрелами — в этом роде оружия они были особенно сильны, — всадники, найдя город пустым, повернули обратно, не вступив в бой и ничего не захватив. 10. Повидимому, это обстоятельство вызвало немного времени спустя войну Антония с парфянами, когда к ним сбежалось много правителей из Сирии. Ведь Сирия до Антиоха Благочестивого и сына его Антиоха управлялась царями из рода Селевка Никатора, как я уже об этом упоминал в книге о Сирии; когда же Помпей подчинил ее римлянам и назначил наместником Скавра, сенат после Скавра послал туда других правителей, в том числе Габиния, воевавшего с александрийцами, после Габиния — Красса, погибшего в Парфии, а после Красса — Бибула. После смерти Гая Цезаря и последовавшей за нею смуты сирийские города управлялись отдельными правителями при содействии парфян; дело в том, что парфяне после несчастья, постигшего Красса, вторглись в Сирию и там действовали заодно с соправителями. Прогнав их в Парфию, возложив тягчайшую контрибуцию на народ и повторив ту же ошибку и по отношению к пальмирцам, Антоний не стал ждать восстановления спокойствия во взбудораженной стране, но, распределив по провинциям войско для зимовки, сам отпра-

вился в Египет к Клеопатре. 11. Она оказала ему великолепный прием. Антоний остался в Египте на зиму, проживая там без отличительных знаков власти, держа себя и ведя образ жизни частного человека, потому ли, что он находился в чужом государстве и в царской резиденции, или потому, что хотел свою зимовку превратить в праздник. Он отложил, по крайней мере, в сторону все заботы, перестал думать об обязанностях верховного правителя, носил эллинскую четырехугольную столу вместо тоги, принятой на его родине, белые аттические сандалии, какие носят афинские и александрийские жрецы и которые называются фекасиями. Выходил из дому Антоний только в храмы и гимнасии или для беседы с учеными; время проводил с греками и Клеопатрой, которой, несомненно, он главным образом и посвящал все свое время.

12. Так проводил время Антоний. У Цезаря во время его воз- 42 г.
вращения в Рим снова усилилась его болезнь, принявшая особенно опасный характер в Брундизии: распространилась даже молва, что он умер. Выздоровев, Цезарь вступил в Рим и показал друзьям Антония письмо, полученное от него. Друзья приказали Калену отдать Цезарю два легиона и написали в Африку Секстию, чтобы он уступил Африку Цезарю. Оба они так и сделали; Цезарь вместо прежних его провинций отдал Африку Лепиду, не внушавшему каких-либо подозрений своею деятельностью; остатки конфискованного при проскрипциях имущества Цезарь распродал. При составлении списков войска для поселения в колониях и при раздаче ему земель у Цезаря возникли затруднения. Солдаты просили дать им те города, которые как лучшие были им выбраны еще до войны; города же требовали, чтобы колонии были распределены по всей Италии или чтобы они получили наделы в других городах, а за землю требовали платы с получающих ее в дар. А денег не было. Тогда все обиженные, молодежь, старики, женщины с детьми, стали стекаться в Рим; сходясь группами на форуме или в храмах, они с плачем говорили, что, не совершив никакого преступления, они, жители Италии, изгоняются со своих земель и от своих очагов, словно они проживали во вражеской стране. Слыша это, римляне негодовали и скорбели вместе с ними, так как понимали, что война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот. Награды раздавались и колонии учреждались для того, чтобы более уже не возрождалась демократия, так как устраивались для правителей поселения наемников, готовых на все, чего бы от них ни потребовали. 13. В ответ на это Цезарь оправдывался перед городами необходимостью принять эти меры, понимая, впрочем, что такое объяснение ни в какой мере не покажется достаточным. И действительно, оно не казалось таковым: солдаты стали нагло нападать на соседей, забирать себе больше, чем им было предо-

ставлено, стали выбирать наилучшее. Не остановили солдат ни упреки Цезаря, ни его многочисленные новые подарки: к правителям, нуждавшимся в солдатах как опоре своей власти, солдаты относились с пренебрежением. Так прошло пять лет. За это время по необходимости постоянно обусловливалась прочность положения каждой из сторон зависимостью одной из них от другой: вождям нужно было, чтобы власть их поддерживалась войском, войску — чтобы существовала власть для закрепления того, что они себе забрали. А так как утверждение за воинами их владений не было бы прочным, если бы не была прочна власть, передавшая им эти владения, то воины и боролись бы за нее с вынужденным к ней сочувствием. Цезарь давал нуждающимся солдатам много и сверх переданного сначала, заимствуя для этого деньги из храмов. Это подняло еще более его престиж в глазах войска и приобрело еще большую благодарность, когда они видели, что Цезарь дает им не только земли, но и города, дома и деньги.

Зато криками негодования и ненависти встречали его терявшие то, что им принадлежало, но Цезарь терпел эти оскорбления, лишь бы угодить войску.

41 г. 14. Видя все это, брат Антония Луций Антоний, бывший в то время консулом, жена Антония Фульвия и управляющий делами Антония в его отсутствие Маний стали бояться, как бы не показалось, что все то, что происходило, сделано одним Цезарем и что поэтому его одного будут за все это благодарить, Антоний же потеряет благорасположение воинов. Поэтому они решили возвратить Антония и задержать организацию колоний. Но так как это было, повидимому, невыполнимым, поскольку войско настаивало на своих требованиях, они стали просить Цезаря назначить устроителей колоний из числа легионеров Антония — хотя по договору с Антонием распоряжаться колониями было поручено одному Цезарю, все же они упрекали Антония за его отсутствие в такое время. Приведя к войску Фульвию и детей Антония, они горячо просили солдат не допускать, чтобы Антоний пожертвовал славою и благодарностью, которую он заслужил оказанными им услугами. Впрочем, в это время слава Антония особенно возросла в глазах и войска, и всех прочих: вследствие болезни Цезаря вся победа при Филиппах представлялась делом рук одного Антония. Цезарь хорошо понимал, что с ним поступают несправедливо, что нарушается заключенный договор, но из личного расположения к Антонию уступил. Таким образом друзья Антония назначили своих уполномоченных для устройства колоний из числа солдат Антония. Эти уполномоченные, желая показать себя еще более щедрыми к воинам, чем Цезарь, позволяли им причинять еще больше обид населению. Но была масса лиц из других городов, которые, живя рядом с колониями воинов и терпя от них много обид, порицали Цезаря,

говорили, что эти поселения хуже проскрипций: последние применяются по отношению к врагам, а эти — к людям, не совершившим никаких преступлений. 15. Цезарь знал, что указанные лица действительно терпят обиды, но ничего не мог против этого поделать: и денег не было для оплаты землевладельцам их земель и отсрочить выдачу наград за победу было невозможно при все еще продолжавшихся войнах: Помпей господствовал на море и отрезал путь к городу, обрекши его на голод; Аэнобарб и Мурк набирали новое войско и флот и были бы также готовы к будущим действиям, если бы они не были вознаграждены за прежние победы. Большое значение имело и то, что уже прошло пятилетие власти триумвиров, которые теперь снова нуждались в расположении к ним войска. Вследствие всего этого Цезарь предпочитал не обращать внимания на проявлявшиеся в это время наглость и дерзость солдат. Раз, между прочим, произошел такой случай: в театре, в присутствии Цезаря, один солдат, не имея собственного места, прошел на места так называемых всадников; народ обратил на это внимание, и Цезарь прогнал солдата. Войско возмутилось, и, когда Цезарь выходил из театра, воины, обступив его, требовали показать им этого солдата; не видя его, они решили, что он убит. Когда же он подошел, они сочли, что он только что приведен из тюрьмы; так как он отрицал это и рассказал, как все произошло, они стали говорить, что он лжет в соответствии с полученным им приказанием, и поносили его как изменника общественному делу. Вот что произошло в театре.

16. Созванные в это время на Марсово поле для очередного наделения землею солдаты поспешили притти еще ночью и сердились, что Цезарь медлит своим приходом к ним. Центурион Ноний стал смело порицать их, напоминал им о положении подчиненных по отношению к властвующему, указывал, что задержка Цезаря вызвана его нездоровьем, а не пренебрежением к ним. Солдаты сначала насмехались над ним, называли его льстецом, а затем, под влиянием возраставшего с обеих сторон раздражения, стали поносить его и кидать в него камнями, а когда он бросился бежать, начали его преследовать. Он прыгнул в реку; они его вытащили, убили и труп его бросили на дорогу, по которой должен был пройти Цезарь. Друзья Цезаря советовали ему не ходить к воинам, а отступить перед этим безумным натиском, но он все же пошел, считая, что даст еще бо́льшую пищу бешенству, если не явится. Увидев труп Нония, он отошел в сторону и упрекал за убийство солдат так, как если бы оно было делом рук немногих; убеждал их быть в будущем осторожнее; затем произвел раздачу земель, предложил, чтобы за наградами приходили те, кто их достоин, и дал подарки также и некоторым не заслужившим их, сверх их ожиданий. В конце концов пораженная толпа раскаялась в своем суровом отношении к Цезарю, усты-

дилась и сама себя осудила: Цезаря просили выяснить все дело и наказать виновников смерти Нония. Он же сказал, что знает, кто виновен, но что наказанием им будет уже самое сознание их вины и осуждение их товарищами. Солдаты, получив прощение, почет и подарки, сразу же, в противовес к прежнему их настроению, стали восхвалять Цезаря.

17. Ограничимся этими двумя примерами тогдашнего безначалия. Причинами его было и то, что полководцы занимали свои должности по большей части, как это бывает в период междоусобных войн, не на основании выборов, а также и то, что войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц, не против чужеземцев, а против равноправных с ними сограждан. Все это подорвало воинскую дисциплину: солдаты считали себя не столько отправлявшими военную службу, сколько помощниками своих начальников на основе личного расположения, личного желания и полагали, что и правители нуждаются в них в личных своих интересах. Переход на сторону неприятеля, считавшийся прежде совершенно недопустимым, в это время даже удостаивался даров; так и поступали солдаты в громадном числе, а некоторые из знатных людей считали, что переход из одной партии в другую, совершенно ей подобную, не представляет собой «перебежки». Партии же были действительно вполне схожи, и никогда ни та, ни другая из них не занимала сама по себе враждебного положения в отношении римского государства как такового. Скорее предводители обеих партий представляли себе дело так, будто все они содействуют благу родины, и это в свою очередь облегчало такие «перебежки»: везде оказывалось возможным служить на пользу родине. Предводители понимали это положение и мирились с ним, зная, что они солдатами управляют не в силу закона, а скорее путем их задабривания. Таким образом, все войско было готово к смуте и к анархии, к неповиновению возглавлявшим смуту вождям.

18. А голод в это время терзал Рим: по морю ничего не доставлялось римлянами из-за Помпея; в самой Италии вследствие войн прекратились земледельческие работы. Если же что и произрастало, то шло для войска. Целые толпы занимались в городе по ночам грабежом, еще больше отягощая тем самым его положение. Делалось все это безнаказанно; молва приписывала грабежи солдатам. А народ закрыл свои мастерские и не хотел знать никаких властей: в обедневшем и разграбляемом городе не было, казалось, нужды ни в ремеслах, ни в магистратах.

19. В это время у Луция, приверженца демократии, бывшего недовольным властью триумвиров, которая, казалось, не прекратится и по истечении установленного для нее срока, начались многочисленные столкновения и несогласия с Цезарем. Землевладельцев, у которых были отняты земли и которые просили защиты у всех влиятельных граждан, Луций один принимал у себя и обещал им помочь, причем они, в свою очередь, обещали помогать ему во всем, что бы он ни приказал. Это противодействие его как Антонию, так и Цезарю вызвало неудовольствие в войсках Антония. Также и Фульвия говорила, что Луций не во-время затевает распрю; ее, впрочем, вскоре переубедил хитрец Маний, указавший, что при спокойном состоянии Италии Антоний останется у Клеопатры, если же начнется война — поспешно возвратится. Фульвия сразу, под влиянием чисто женских побуждений, стала подстрекать Луция к ссоре. А когда Цезарь выехал в оставшиеся еще неустроенными колонии, она послала к нему детей Антония вместе с Луцием, чтобы Цезарь своим появлением перед войском не получил превосходства перед Антонием. Когда конница Цезаря поскакала на Бруттийское побережье, опустошаемое Помпеем, Луций — или действительно так думая или притворяясь, что думает, будто конница выслана против него и детей Антония,— бежал в колонии Антония; там, набирая отряд для своей охраны, он перед войском обвинял Цезаря в измене Антонию. Но Цезарь разубедил солдат, уверив их, что у него с Антонием искренняя дружба и полное единомыслие, что Луций под влиянием враждебного настроения хочет поссорить их, противодействует власти триумвиров, благодаря которой воины имеют теперь постоянные владения в колониях. Он указал также, что конница еще и теперь находится в Бруттии, где и выполняет данное ей поручение.

20. Узнав о всем происходящем, начальники войска устроили в Теане разбор всего этого дела и договорились на следующем: триумвиры не должны препятствовать консулам управлять по обычаям отцов; никому, сверх принимавших участие в битве при Филиппах, не должны быть даваемы земельные наделы; находящиеся в Италии войска Антония должны участвовать на равных с другими условиях в распределении имущества проскрибированных и денег, которые будут выручены за имеющее быть проданным имущество; ни один из триумвиров не должен набирать войско в Италии, Цезарю же в его походе против Помпея должны быть даны в помощь два легиона из числа принадлежащих Антонию; путь через Альпы должен быть открыт войскам, посылаемым Цезарем в Испанию, и им не должен чинить препятствий Азиний Поллион; Луций, заключивший договор на указанных условиях, должен отослать личную охрану и бесстрашно исполнять свое дело. На таких условиях заключен был договор при посредстве

начальников войска; выполнены же были только два последних условия: Сальвидиен беспрепятственно перешел Альпы. 21. Но так как все остальные пункты не проводились или с проведением их медлили, то Луций ушел в Пренесте, говоря, что он боится Цезаря, окруженного, в силу своей власти, телохранителями, в то время как он, Луций, охраны не имеет. Ушла к Луцию и Фульвия, говоря, что она боится Лепида из-за детей своих; она предпочла указать на Лепида, а не на Цезаря. Об этом оба они известили Антония, а с письмами к нему были посланы друзья, которые должны были сообщить ему обо всем. Что в точности было написано Антонием в ответ, я не мог установить, хотя и старался это выяснить. Начальники войск клятвенно обязались вновь вынести решение по делу правителей в соответствии с тем, что представится справедливым, и тех, кто откажется подчиниться их решению, принудить к повиновению. Для этого они призвали Луция и его приближенных; когда те не согласились явиться, Цезарь стал горячо порицать их и перед начальниками войска и перед римской знатью. Тогда знатные граждане отправились к Луцию и убедили его сжалиться над изнуренными междоусобиями Римом и Италией и согласиться на то, чтобы был произведен суд или при них или при начальниках войска.

22. В то время как Луций был еще под впечатлением всего сказанного явившимися к нему лицами, говорившими такие речи, выступил Маний и с большою смелостью сказал, что Антоний лишь собирает деньги среди чужеземцев, в то время как Цезарь заранее завладел и расположением войска и, благодаря своей энергии, удобнейшими местностями в Италии: ибо Галлию, которая раньше была предоставлена Антонию, он сделал независимой, обманув Антония; и Италию чуть ли не всю, а не восемнадцать лишь городов, он записал за своими ветеранами; тридцать четыре легиона, вместо сражавшихся с ним двадцати восьми, он наделил не только землею, но и деньгами из храмовых сумм. Эти деньги он собирал будто бы для борьбы с Помпеем, против которого он даже и не начинал готовиться к войне, несмотря на сильнейший голод в Риме; на самом же деле он распределял собранные деньги среди войска, чтобы заручиться его расположением против Антония. Также и имущество проскрибированных Цезарь больше дарил своим воинам, чем продавал. Если он действительно хочет мира, ему следует прежде всего отчитаться в своих прежних действиях, а в дальнейшем выполнять только то, что будет решено на общем совещании. Таким образом, Маний смело потребовал, чтобы, с одной стороны, Цезарь ни в чем не был единоличным господином, а с другой — чтобы его договор с Антонием не был незыблемым; затем, чтобы каждый из них пользовался неограниченной властью только в пределах того, что ему поручено, и чтобы распоряжения

каждого из них признавались имеющими силу. Из всего этого Цезарь видел, что противная сторона хочет войны, и тогда обе стороны стали к ней готовиться.

23. Два легиона, поселенные в городе Анконе, прежде служившие под начальством отца Цезаря и участвовавшие также в походах Антония, узнали об этих приготовлениях Цезаря и Антония и из уважения, питаемого к каждому из них, отправили в Рим послов просить их обоих примириться. Когда Цезарь ответил, что не он затевает войну с Антонием, а что Луций выступает против него, Цезаря, послы, сговорившись с начальниками войска, все вместе отправили посольство к Луцию, прося его вместе с Цезарем предоставить дело суду; было ясно, что они собирались делать в случае его отказа от суда. Когда группа Луция согласилась на суд, местом для него был избран город Габии, между Римом и Пренесте: там был устроен трибунал с двумя кафедрами для ораторов посредине, как это бывает в настоящем суде. Придя первым, Цезарь послал всадников навстречу Луцию, чтобы они посмотрели, нет ли там какой-нибудь засады. Эти всадники, встретившись с всадниками Луция, представлявшими собой, очевидно, передовой или разведочный отряд, убили некоторых из них. Луций отступил, боясь, как он говорил, засады; и когда начальники войска стали его звать, обещая дать ему охрану в пути, он не послушался их.

24. Таким образом, примирение не состоялось. Луций и Цезарь решили воевать и уже стали резко выступать друг против друга в издаваемых ими приказах. Войско Луция состояло из шести легионов пехоты — количество, которое он имел при начале консульства; кроме того, у него было еще одиннадцать легионов Антония под начальством Калена, все размещенные в Италии. У Цезаря было четыре легиона в Капуе, а при себе он имел преторианские когорты; кроме того, шесть легионов вел из Испании Сальвидиен. Деньги Луций имел из провинций, с которыми Антоний не вел войны. У Цезаря же все его провинции, за исключением Сардинии, были охвачены войной, вследствие чего он занимал деньги из храмовых сумм, обещая с избытком вернуть их; брал он в Риме из Капитолийского храма, в Анции, Ланувии, Немусе и Тибуре; в этих городах еще и теперь есть богатейшие храмовые сокровищницы.

25. Волнения против Цезаря происходили также и вне Италии. В результате проскрипций, военных колоний и распри Цезаря с Луцием слава и сила Помпея очень возросли. Кто боялся за себя, кто был лишен своего имущества, кто совершенно не признавал нового государственного строя — все они скорее всего шли к нему; кроме них, и молодежь, стремившаяся участвовать в войне ради наживы и не придававшая никакого значения тому, под чьим знаменем она сражается — ведь везде она сражается вместе с римлянами, — также и она

охотнее всего шла к Помпею, стоявшему, по ее мнению, за наиболее справедливое дело. Морская добыча сделала Помпея богатым; он имел и большой флот и полный людской состав. Явился к нему и Мурк, имея с собой два легиона войска, пятьсот стрелков, много денег и восемьдесят кораблей; другое войско он призвал к себе из Кефалении. Из всего этого некоторые заключают, что Помпей легко овладел бы Италией, гибнущей от голода и мятежей и с надеждой взирающей на него, если бы он повел тогда аггрессивную политику. Но, по неразумию, Помпей предпочел не нападать, а только защищаться, пока и здесь не потерпел поражения.

26. В Африке Секстий, наместник Антония, незадолго до того передал свое войско наместнику Цезаря Фангону. Когда ему было предписано вновь взять на себя командование войском и Фангон не согласился его передать, Секстий начал войну с ним, собрав войско из солдат, уже отслуживших свой срок, толпы ливийцев и отрядов, предоставленных местными царями. Когда оба фланга войска Фангона потерпели поражение и лагерь его был взят, он, считая себя жертвой предательства, покончил самоубийством.

Итак, власть над обеими африканскими провинциями опять вернулась к Секстию; Бокха, царя Мавритании, Луций убедил сражаться с Карриной, наместником Цезаря в Испании Аэнобарб, переплыв Ионийское море с семьюдесятью кораблями, двумя легионами воинов и некоторым количеством стрелков из лука и пращи, легковооруженных воинов и гладиаторов, стал опустошать области, признавшие власть триумвиров; затем, переплыв в Брундизий, он захватил часть трирем Цезаря и часть их сжег, запер брундизийцев в их укреплениях и стал грабить их территорию.

27. Тогда Цезарь послал в Брундизий легион воинов и поспешно отозвал Сальвидиена с пути в Испанию. Затем и Цезарь и Луций разослали по Италии людей для набора войска; между производившими этот набор было много выступлений друг против друга и менее и более значительных; часто имели также место и тайные козни. Расположением италийцев гораздо больше пользовался Луций как воюющий в их пользу с новыми поселенцами. И не только те города, которые были приписаны к войску, но почти вся Италия восстала, боясь для себя аналогичных мероприятий. Изгнав из городов или убив тех, кто давал Цезарю ссуды из храмовых сумм, они имели в своих руках свои укрепления и обратились за защитой к Луцию. Поселенцы и воины стали на сторону Цезаря; таким образом, и те и другие заняли свое место в этой войне, как если бы она велась из-за их собственных интересов.

28. В то время как все это происходило, Цезарь, собрав сенат и так называемых всадников, сказал им следующее: «Я хорошо знаю, что партия Луция подозревает меня в слабости

или трусости за то, что я не выступаю против них; эти обвинения будут высказываться и теперь, потому что я вас собрал. Но моя сила заключается в той части войска, которая вместе со мной терпит обиды, будучи лишаема Луцием земельных наделов, сильна и остальная часть, да и все прочее у меня представляет силу — кроме одной только моей решимости вести борьбу. Ведь неприятно мне вести внутренние войны без крайней к тому необходимости, неприятно употреблять оставшихся в живых граждан для борьбы друг против друга, особенно потому, что эта война не будет только слышна нам из Македонии или Фракии, а разыграется в самой Италии; чего только, не говоря об убитых мужах, не придется испытать Италии, если она станет ареной нашей войны! Вот почему я и колеблюсь; и теперь еще раз я заявляю, что ни я ничем не обидел Антония, ни сам я не испытал от Антония никакой обиды. К вам я взываю, чтобы вы ради себя самих выступили с порицанием партии Луция и добились ее примирения со мной. А если они и теперь не послушаются, тогда я тотчас же покажу им, что то, что я делал до сих пор, было вызвано благоразумием, а не трусостью; вас я прошу быть свидетелями моих слов и перед самими собой и перед Антонием и прошу вас объединиться против дерзости Луция».

29. Так сказал Цезарь. Из числа собравшихся некоторые опять поехали в Пренесте. Но Луций сказал им, что обе стороны зашли в своих действиях уже слишком далеко и что Цезарь неискренен, так как он только что послал в Брундизий легион препятствовать Антонию возвратиться. Маний в свою очередь показал и письмо от Антония — подлинное или подложное, — где тот предписывал воевать, если кто-либо будет умалять его достоинство. Когда делегаты сената спросили, умалял ли кто-нибудь достоинство Антония, и призывали его к суду за эти слова, Маний еще много хитро говорил, пока, наконец, они не ушли, ничего не добившись. К Цезарю, для сообщения ему полученного ответа, они не пошли — потому ли, что каждый сообщил ему об этом лично, или по другим соображениям, или под влиянием стыда. Итак, война началась, Цезарь выступил в поход, оставив для охраны Рима Лепида с двумя легионами. Большинство знати ясно показало тогда свою неудовлетворенность властью триумвиров и перешло на сторону Луция.

30. В основном течение войны было следующее. Два легиона Луция, находившиеся у Альбы, восстали и, прогнав начальников, отпали от него. И Цезарь и Луций поспешно шли к легионам; Луций опередил Цезаря и вновь привлек легионы на свою сторону многочисленными денежными подарками и щедрыми обещаниями. Когда Фурний вел Луцию еще другое войско, Цезарь напал на арьергард последнего; за Фурнием, бежавшим на холм, а оттуда ночью перебравшимся в друже-

ственный ему город Сентию, Цезарь ночью не решился следовать, опасаясь засады; он осадил днем Сентию вместе с лагерем Фурния. В это время Луций, спеша в Рим, послал туда вперед три отряда, которые ночью вступили тайно в город; сам он последовал за ними с многочисленным войском, конницей и гладиаторами. Так как Ноний, охранявший городские ворота, впустил его и передал подчиненное ему войско, то Лепид бежал к Цезарю. Луций держал перед римским народом речь, в которой говорил, что Цезарь и Лепид тотчас же потерпят наказание за захват власти, брат же его Антоний добровольно сложит с себя власть триумвира, заменив эту противозаконную тиранию консульской властью, властью законнейшей и установленной обычаями предков.

31. Таково было содержание речи Луция. При общей радости собравшихся, которые считали, что пришел уже конец власти триумвиров, он был провозглашен народом императором для войны против Цезаря; войско свое он пополнил из колониальных городов Антония, самые города укрепил. Города эти были дружественно настроены по отношению к Антонию; но в это время квестор Антония Барбатий, не поладивший из-за чего-то с Антонием и в результате этого отосланный им, сказал на задаваемые ему вопросы, что Антоний сердит на ведущих войну с Цезарем, так как тем самым они действуют против общей их власти. Вследствие этого некоторые, не подозревая, что Барбатий лжет, перешли от Луция к Цезарю. Луций двинулся навстречу Сальвидиену, шедшему к Цезарю с большим войском из Галлии. Вслед за Сальвидиеном шли Азиний и Вентидий, полководцы Антония, мешая Сальвидиену подвигаться вперед. Тогда Агриппа, близкий друг Цезаря, боясь, чтобы Сальвидиен не оказался окруженным, захватил Сутрий, местечко, которым дорожил Луций; Агриппа рассчитывал, что таким путем он отвлечет внимание Луция от Сальвидиена на себя и что затем Сальвидиен окажет ему помощь, явившись вслед за Луцием. Все и произошло так, как предполагал Агриппа; Луций, потерпев неудачу в своих замыслах, отправился к Азинию и Вентидию, причем ему мешали Сальвидиен и Агриппа, выжидавшие момента, когда они смогут захватить его в ущельи.

32. Когда их замысел открылся, Луций, не решаясь вступать в бой с двумя находящимися на его флангах противниками, отступил в укрепленный город Перузию, около которого разбил свой лагерь, поджидая войско Вентидия. Там его, а также и самое Перузию окружили тремя армиями одновременно Агриппа, Сальвидиен и только что прибывший Цезарь; остальные войска Цезарь стал поспешно отовсюду созывать, так как здесь, где он держал окруженного со всех сторон Луция, и был главный центр войны. Другие силы он послал препятствовать приближению войска Вентидия. Вентидий и Азиний

не были склонны спешить и потому, что вообще не сочувствовали этой войне, не знали, каковы намерения Антония, а также и потому, что ни тот, ни другой, считаясь со своим достоинством, не склонны были передать другому верховное командование. Луций не решался вступать в битву с осаждавшими, силы которых были и лучше, и более многочисленны, и более опытны в военном деле, тогда как он имел войско, в большей своей части впервые участвующее в походе; он не решался также двинуться с места, так как одновременно ему стали бы мешать столь многие противники. Он послал Мания к Вентидию и Азинию побудить их поторопиться на помощь осажденному Луцию, а Тизиена с четырьмя тысячами конницы отправил грабить области Цезаря, надеясь этим положить конец осаде. Сам он отправился в Перузию, чтобы в случае надобности перезимовать в укрепленном городе, пока не явится войско Вентидия.

33. Цезарь тотчас же силами всего войска стал поспешно окружать Перузию рвом и валом на протяжении пятидесяти шести стадий, так как город лежал на возвышенности; он протянул из Перузии к Тибру длинные стены, чтобы отрезать ее от подвоза провианта. Со своей стороны работал и Луций, укреплявший подошву холма другим таким же рвом и валом. Фульвия торопила Вентидия, Азиния, Атея и Калена итти из Галлии на помощь Луцию; затем, собрав еще одну армию, Фульвия послала ее Луцию под предводительством Планка. Планк истребил легион Цезаря, шедший в Рим; но когда Азиний и Вентидий, хотя и неохотно и без уверенности, как отнесется к этому Антоний, все же пошли к Луцию, побуждаемые Фульвией и Манием, и стали пробиваться через армию, отрезавшую им доступ, Цезарь с Агриппой, оставив в Перузии сторожевой отряд, вышли им навстречу. Пришедшие, не соединившись друг с другом, шли без всякого рвения и потом разбежались — один в Равенну, другой в Аримин, Планк — в Сполетий. Противопоставив каждому из них по армии, чтобы они не могли соединиться друг с другом, Цезарь вернулся в Перузию и поспешно стал обносить рвы частоколом, удваивать их ширину и глубину, так что та и другая равнялись тридцати футам; а затем построил окружную стену и на ней воздвиг полторы тысячи деревянных башен, каждую на расстоянии шестидесяти футов одна от другой; стена была снабжена частыми зубцами и другими приспособлениями, рассчитанными на два фронта — против осажденных и против тех, кто подошел бы извне. Во время этих работ происходило много различных стычек и сражений; в метании копий сильнее были воины Цезаря, в рукопашном бою — гладиаторы Луция: в этих боях они истребили большое количество людей.

34. Когда все эти работы были закончены Цезарем, голод охватил войско Луция; бедствие свирепствовало с бешеной си-

лой, так как ни сам Луций, ни город ничего не подготовили против него заранее. Узнав об этом, Цезарь установил еще более строгую охрану. В ночь, предшествующую первому в году новолунию, Луций, выждав праздник, так как тогда можно было рассчитывать на недостаточную бдительность врагов, сделал нападение на ворота вражеского лагеря: так он рассчитывал прорваться через ряды врагов и привести новое войско — войска у него было много повсюду. Но скоро сюда подбежал легион, находившийся в резерве, и сам Цезарь с преторианскими когортами; после энергичной борьбы Луций был оттеснен. В Риме в эти дни народ открыто проклинал и войну и победу, потому что хлеб приберегался только для солдат; врываясь в поисках хлеба в частные дома, народ грабил все, что
40 г. находил. 35. Войско Вентидия, считая позором не оказать помощи изнуряемому голодом Луцию, отправилось к нему, в пути сражаясь с воинами Цезаря, со всех сторон их обступавшими и нападавшими на них. Но когда навстречу им вышли Агриппа и Сальвидиен с еще более многочисленным войском, они испугались быть окруженными врагами и направились в местечко Фульциний, в ста шестидесяти стадиях от Перузии; там, окруженные войском Агриппы, они развели много огней, подавая этим сигнал Луцию. При обсуждении плана действия Вентидий и Азиний считали, что следует итти вперед и вступить в бой; Планк же говорил, что в таком случае они окажутся между Цезарем и Агриппой: следует выждать событий. Верх взяло мнение Планка. Находящиеся в Перузии сначала обрадовались при виде огней; затем, когда воины задержались приходом, подумали, что и на них напали враги; когда же огни потухли, решили, что воины истреблены врагами.

Луций под давлением голода вновь сражался всю ночь, начиная с первой стражи и до зари; бой шел вокруг всей окружавшей город стены. Оказавшись не в силах прорваться, он вновь бежал в Перузию; подсчитав, сколько осталось продовольствия, Луций запретил давать его рабам и велел следить, чтобы они не убегали из города и не дали бы знать врагам о тяжелом положении осажденных. Рабы толпами бродили в самом городе и у городской стены, падая от голода на землю и питаясь травой или зеленой листвой; умерших Луций велел зарыть в продолговатых ямах, боясь, что сожжение трупов будет замечено врагами, если же оставить их разлагаться, начнутся зловоние и болезни. 36. Так как не было видно конца ни голоду, ни смерти, тяжеловооруженные, удрученные всем этим, стали убеждать Луция повторить попытку прорваться через укрепления, обещая, что они сквозь них прорвутся во что бы то ни стало. Ободряя их рвение, Луций сказал: «Не так, как этого требовало положение дел, вели мы борьбу еще недавно, теперь же остается или сдаться или, если сдачу считать хуже смерти, биться на смерть». Все охотно

согласились с этим и просили вести их при дневном свете, чтобы ночь не дала кому-нибудь повода уклониться от участия в бою. Луций повел их на рассвете. С собой они имели много приспособленных для борьбы с укреплениями орудий и много лестниц различного устройства. Несли они также с собой орудия, служащие для засыпки рвов, складные башни, которыми опускались доски на укрепления, различные стрелы и камни, также плетеные щиты, набрасываемые на частоколы. Устремившись бешеным натиском, они засыпали ров и перешли через частокол; подойдя к стенам, одни из воинов стали их подкапывать, другие подтаскивали лестницы и башни; взялись за дело все сразу, защищаясь камнями, стрелами и свинцовыми ядрами, с полным пренебрежением к смерти. И то же самое происходило во многих частях войска. После того как они...,[1] все силы врагов были ослаблены, тем более, что они должны были разделиться на много частей. 37. После того как кое-где на стену были наброшены дощатые мосты, воины Луция с большой отвагой и с большой для себя опасностью сражались на мостах под косым обстрелом стрел и дротиков. Все же они прорвались: несколько человек вскочили на стену, за ними стали следовать другие; и, может быть, они в своей решимости отчаяния и достигли бы чего-нибудь, если бы, узнав, что таких орудий у них немного, лучшие и еще не утомленные из находившихся в резерве воинов Цезаря не подоспели на смену утомленным. Сразу они сбросили солдат Луция со стены, изломали их сооружения, и, уже оказавшись наверху, стали с презрением обстреливать их; у них к этому времени и оружие и они сами все были изрублены, так что уже и голос стал им изменять, но все же оставалось то же рвение. Когда враги стали сбрасывать трупы убитых на стене, снимая с них доспехи, они не могли вынести такого надругательства; подавленные этим зрелищем, не зная, что им делать, они на короткое время остановились, как останавливаются для отдыха борцы во время гимнастических состязаний. Под влиянием жалости к ним Луций звуком трубы возвестил отступление. Но когда воины Цезаря обрадовались этому и стали греметь оружием, как во время победы, солдаты Луция вновь схватили лестницы — башен у них больше уже не было — и с отчаянием понесли их к стенам, чем, однако, не причинили врагам никакого ущерба: дальнейшего вреда они уже вообще не могли причинить врагу. Обежав их всех, Луций просил их более не рисковать жизнью и, несмотря на их жалобы, против их воли отвел их назад.

38. Так окончился носивший самый ожесточенный характер бой у стены. Чтобы враги не отважились вновь повторить натиск на стену, Цезарь поставил у нее войско, во время пред-

[1] Пропуск в тексте.

шествующих событий находившееся в резерве, и приказал солдатам по сигналу трубы вскакивать на стену в различных ее местах. Они вскакивали туда беспрерывно, хотя никто их к этому не понуждал, чтобы и самим в этом поупражняться и на врагов навести страх. Отчаяние охватило войско Луция, и, как это постоянно бывает в таких случаях, стоявшие на страже недостаточно бдительно несли караул; а в результате этой небрежности многие перебежали к неприятелю; среди них были не одни только простые воины, но также и некоторые из начальников. Под влиянием жалости к массе гибнущих людей Луций стал уже склоняться к примирению, но до поры до времени выжидал, так как некоторые из врагов Цезаря боялись за свою участь. Когда же все убедились, что Цезарь милостиво встречает перебежчиков, и стремление к миру у всех еще усилилось, Луция охватил страх, что он будет выдан врагам, если будет возражать против мира.

39. Когда были предприняты кое-какие шаги к этому и уже мелькала надежда на мир, Луций созвал войско и сказал ему следующее: «У меня было стремление вернуть государственный строй ваших отцов, воины, когда я видел, что власть триумвиров превратилась в тиранию, не окончившуюся тогда, когда, со смертью Кассия и Брута, исчезло обстоятельство, выставлявшееся как повод к учреждению этой власти. Когда Лепид был лишен принадлежавшей ему части этой власти, а Антоний был занят сбором денег в отдельных странах, Цезарь один стал делать все по своему усмотрению, законы же отцов стали для римлян только смешной фикцией. Задумав заменить это состояние прежней свободой и демократией, я требовал, чтобы после раздачи наград за победу единовластие прекратилось. Когда я не смог ничего добиться убеждениями, я попытался принудить к этому авторитетом своей власти. Тогда Цезарь оклеветал меня перед войском, будто из жалости к земледельцам я препятствую раздаче земель. Об этой клевете я очень долго ничего не знал; но даже и узнав, я не верил, что ей кто-либо поверит, так как видел, что назначено много устроителей колоний для распределения между вами участков. Однако некоторых убедила эта демагогия, и они перешли к Цезарю для войны с нами, как они думают; с течением времени они узнают, что пошли в поход против себя самих. Вам же я заявляю, что вы избрали лучший путь и выносили испытания выше сил, но что мы побеждены не врагами, а голодом, в жертву которому нас покинули даже и наши полководцы. Что касается меня, то для меня было бы прекрасным бороться за родину до последнего издыхания, ибо прекрасную славу создала бы для меня в народной молве и смерть. Но я не решаюсь на это из-за вас, судьбу которых я ставлю выше собственной славы. Итак, я отправлю послов к нашему победителю и буду просить его поступить за всех

вас со мной одним так, как он захочет, а вам дать прощение: ведь вы — его сограждане, раньше вы были его солдатами, не сделали ничего преступного и теперь в войне участвовали в силу достойной причины и побеждены были скорее голодом, чем самой войной».

40. Так сказал Луций и тотчас же послал троих воинов, избрав их из числа самых выдающихся. Вся толпа солдат подняла вопль — одни из-за себя самих, другие боясь за полководца, который был в их глазах исполнен самых лучших намерений и самых демократических взглядов, но побежден крайними обстоятельствами. Три посла, явившись к Цезарю, стали ему напоминать об общей родине обоих войск, об общих их походах, о дружбе между собою знатных мужей, о доблести предков, не доводивших свои несогласия до такой непримиримости; приводили и другие подобные этому подходящие убедительные доводы. Цезарь, зная, что из врагов одни еще совсем неопытны в военном деле, другие — переселенцы — являются, напротив, опытными ветеранами, сказал с хитрым расчетом, что он дает прощение тем, кто воевал вместе с Антонием: он поступает так, выказывая этим свое расположение к нему, зато другие должны беспрекословно отдаться в его распоряжение. Это он сказал всем послам; задержав Фурния, одного из трех посланных, он наедине внушил ему надежду на величайшую милость с его стороны к приближенным Луция и ко всем прочим, за исключением только личных своих врагов. 41. Враги же Цезаря, заподозрив, что происходивший наедине разговор Фурния с Цезарем был направлен против них, самого Фурния, по его возвращении, поносили и просили Луция или вновь просить мира на равных для всех условиях или сражаться до последней капли крови, ибо война является не каким-то частным делом, но делом общим, предпринятым ради родины. Одобряя это, Луций жалел этих сенаторов и обещал отправить новое посольство. Указав, что он не имеет никого, кто подходил бы для этого дела больше, чем он сам, он отправился тотчас же без глашатая; впереди него быстро шли вестники, которые должны были известить Цезаря о приходе Луция. Тот тотчас же вышел навстречу. Цезарь и Луций встретились, явившись оба с друзьями, но выделяясь среди них по инсигниям и одежде императоров. Приказав отойти своим друзьям, Луций шел всего только с двумя ликторами, видом своим обнаруживая и свои намерения. Цезарь, поняв его, последовал его примеру, показывая этим знак своего благоволения, которое будет проявлено по отношению к Луцию. Когда он увидел, что Луций спешит войти внутрь ограды лагеря Цезаря, показывая таким образом, что предоставляет себя в его распоряжение, Цезарь, предупредив его, вышел за пределы ограды, чтобы Луций мог свободно принять решение, какое ему было по

душе. Приближаясь таким образом друг к другу, они заранее обнаружили свои намерения и одеждой и всем своим внешним видом.

42. Когда они оба подошли ко рву, они приветствовали друг друга, и Луций сказал: «Если бы я сражался как чужеземец, Цезарь, я считал бы позорным понесенное поражение и еще более позорной — сдачу: и я мог бы легко освободить себя от этого позора, освободившись от себя самого. Но так как я сражался с согражданами, равными мне по положению, сражался за родину, я не считаю в виду этого позорным быть побежденным таким врагом. И говорю я все это не с просьбой избавить меня от того, что ты пожелал бы сделать со мной, — ведь ради того, чтобы ты это сделал, я и явился в твой лагерь, не заключив перемирия, но явился лишь для того, чтобы хлопотать для других о прощении справедливом и полезном для тебя. Мне, заявляющему это, следует отделить речь о других от речи о себе, чтобы ты, зная, что я один виновен в происшедшем, весь гнев свой обратил на меня. Не считай, впрочем, что я хочу все это сделать, руководясь своим прямодушием, — это было бы не к месту, — я делаю это лишь ради истины, без которой мне невозможно говорить. 43. Я повел против тебя войну не для того, чтобы, свергнув тебя, принять на себя власть, а чтобы восстановить родине господство знати, прекратившееся с утверждением триумвирата, что и ты сам не станешь отрицать. Когда вы учреждали эту власть, вы, признавая, что она противозаконна, установили ее как неизбежную и временную: она была вызвана тем, что вы не могли договориться с Брутом и Кассием, тогда еще бывшими в живых. Но затем, когда они, возглавлявшие смуту, умерли, а оставшиеся, если они и были из их партии, боролись не за форму правления, а лишь из страха перед вами, когда к тому же истекло и пятилетие власти триумвиров, тогда я считал нужным, чтобы были восстановлены учрежденные нашими отцами магистратуры; я не ставил даже интересы своего брата выше интересов родины, я надеялся убедить его, по его возвращении, добровольно согласиться на отмену власти триумвиров; вместе с тем я спешил провести эту меру, пока нахожусь у власти. И если бы это начал ты, одному тебе принадлежала бы и вся слава за это. Но так как я не убедил тебя, то считал, что смогу, придя в Рим, принудить тебя к этому как гражданин, знатный человек и консул. Это единственные причины, побудившие меня вести войну, а не мой брат, не Маний, не Фульвия, не колонии победивших при Филиппах, не жалость к землевладельцам, лишаемым их владений; ведь и я дал легионерам моего брата устроителей колоний, которые, отобрав у землевладельцев их владения, распределили их между воинами. Но ты выдвинул перед солдатами против меня именно этот вымысел, перенеся причину войны с себя самого на коло-

нии. И преимущественно этим ты завладел их расположением и победил меня: они поверили тому, что война ведется мною против них и что им надлежит защищаться против меня, их обижающего. В войне тебе необходимо было хитрить; а когда ты победил, вышло так, что как ты — враг родины, так и я, желавший принести ей пользу, но не имевший возможности сделать это из-за царящего голода. 44. С этими словами я предаю себя в твои руки, чтобы ты, как я это уже указывал, поступил со мною, как хочешь, и вместе с тем объясняю тебе, что я о тебе думал и раньше и теперь думаю, когда я явился к тебе один. Но достаточно о себе. Что касается моих друзей и всего войска — если только ты не отнесешься к моим словам с подозрением, — я советую тебе то, что для тебя будет наиболее полезным: не причиняй им никакого зла из-за наших с тобой раздоров. Так как ведь и ты человек, судьба которого зависит от случая, а не от чего-то прочного, не отстраняй тех, кто впоследствии, может быть, пожелает при тех или иных обстоятельствах, при той или иной надобности подвергнуться опасности ради тебя. Пойми на этом твоем примере, что нет надежды на спасение никому, кто не одержит победы. Даже если всякий совет врага внушает подозрение, а не доверие, все же я не побоюсь воззвать к тебе с просьбой не наказывать моих друзей за мой проступок или мою судьбу, но все кары сосредоточить на мне, виновнике всего. По этой причине я и оставил всех друзей позади, чтобы не казалось, что, говоря тебе все это при них, я веду хитрую игру ради своих личных интересов».

45. Окончив речь, Луций замолчал, Цезарь же сказал следующее: «Видя, что ты, Луций, идешь ко мне без заключения перемирия, я поспешил тебе навстречу, пока ты находился еще вне моего лагеря, чтобы ты решал, говорил и действовал так, как находишь нужным, являясь еще сам себе господином. Теперь, когда ты предоставил себя в мое распоряжение, как поступают сознающие свою вину, мне незачем изобличать ложь всего того, что ты с таким искусством мне говорил. Решив с самого начала вредить мне, ты и вредил до самого последнего времени. Если бы ты вступил со мной в переговоры о мире, ты почувствовал бы и то, что я тобой обижен, и то, что я — победитель. Но раз ты без переговоров о мире передаешь в мое распоряжение и себя самого, и друзей, и войско, ты тем самым обессиливаешь мой гнев и те полномочия, которые ты дал бы мне, по необходимости, при заключении договора. То, что вы заслужили за свои действия, переплетается с тем моральным долгом, выполнение которого я считаю справедливым. Я предпочту второе ради богов, ради себя самого и ради тебя, Луций: я не обману с своей стороны тех твоих надежд, с которыми ты явился ко мне».

Вот что они сказали друг другу, поскольку то, что сохра-

нилось в мемуарах, можно было перевести на греческий язык, руководствуясь смыслом сказанного. Затем они разошлись, причем Цезарь отнесся с одобрением к Луцию и удивлялся, что он не сказал ничего малодушного или неразумного, как это свойственно людям в тяжелом положении; Луций же удивлялся Цезарю, его характеру и сжатости его речи. Все остальные догадывались о том, что было сказано, по виду обоих собеседников.

46. Затем Луций послал трибунов получить от Цезаря пароль для войска. Трибуны, с своей стороны, отнесли Цезарю списки войска, как это делается и теперь; трибун, просящий пароль, передает царю журнал со списками воинов, имеющихся налицо на данный день. Получив пароль, трибуны пока еще продолжали оставлять стражу у себя: по приказанию Цезаря в эту ночь каждое войско само должно было заботиться о своей охране. С наступлением дня Цезарь совершил жертвоприношение, а Луций послал к нему свое войско в полном вооружении, но готовое выступить в путь. Приветствуя издали Цезаря как императора, солдаты по отдельным легионам становились там, где приказывал им Цезарь, новобранцы отдельно от ветеранов и колонистов. По окончании священнодействия Цезарь, увенчанный лаврами, символом победы, председательствовал, сидя в кресле; приказав всем сложить оружие там, где они стоят, он затем велел колонистам подойти ближе. Повидимому, он собирался упрекнуть их в неблагодарности и хотел припугнуть их. Но войско Цезаря, понявшее заранее его намерения, или по заранее сделанному уговору — часто в таких случаях сговариваются — или под влиянием чувства к своим соплеменникам нарушило строй и окружило подошедших солдат Луция. Встретив их приветствиями и плачем, как прежних соратников, они просили за них Цезаря и не переставали кричать и приветствовать их. Участвовали при этом и солдаты нового набора, которые не отличались от основной армии, да это было бы и невозможным. 47. Тогда Цезарь не стал настаивать на своем решении; с трудом уняв кричащих, он сказал своим солдатам следующее: «Соратники, всегда ваши отношения ко мне были таковы, что ни в чем не может быть вам отказано мною. Я считаю, что солдаты нового набора были принуждены сражаться на стороне Луция; но я хотел спросить вот этих, неоднократно сражавшихся вместе с нами и теперь нами щадимых, что они испытали от нас, какой милости были лишены или чего большего ожидали от другого военачальника, когда подняли оружие против меня, вас и себя самих? Ведь все мои труды пошли на устройство колоний, в которых и они должны были иметь свою долю. Если вы позволите, я и теперь спрошу их». Но так как воины этого не позволяли, непрерывно прося Цезаря за солдат Луция, он сказал: «Уступаю вашему желанию:

пусть вина их будет отпущена без всякого наказания, если только в дальнейшем они будут держаться одинакового с вами образа мыслей». Воины обоих войск обещали это с криками благодарности по адресу Цезаря. Некоторым из них Цезарь поручил устроить у себя некоторых воинов Луция, всей же массе войска приказал разбить палатки там, где они стояли сначала, и жить в них до тех пор, пока Цезарь предоставит им города для зимовки и даст людей, которые устроят их в этих городах.

48. Сидя на трибуне, он вызвал к себе Луция вместе с римскими магистратами из Перузии. Явилось много сенаторов, много так называемых всадников, все печальные и по виду резко изменившиеся. Одновременно с их уходом из Перузии город окружила стража. По их прибытии Цезарь поместил Луция у себя, а из остальных одних взяли к себе друзья Цезаря, других — центурионы: все были предупреждены, что должны оказывать прибывшим почет и вместе с тем негласным образом сторожить их. Жителям же Перузии, взывавшим к Цезарю со стены, он приказал явиться к себе, за исключением сенаторов, и когда они пришли, он простил их. Сенаторы же были тогда взяты под стражу, а немного спустя казнены все, кроме Эмилия Луция, который в Риме, во время суда над убийцами Гая Цезаря, открыто голосовал за их осуждение и убеждал делать то же и остальных, чтобы этим покарать нечестивое дело. 49. Перузию Цезарь решил отдать войску на разграбление. Но один из перузийцев, Цестий, слегка помешанный — он воевал в Македонии и с этого времени называл себя македонянином, — поджег свой дом и бросился в огонь; ветер, подхватив пламя, перенес его по всей Перузии, и она выгорела вся, за исключением только храма Вулкана. Таков был конец Перузии, славившейся своей древностью и значением: в древности, при этрусках, она, как говорят, возникла в числе первых двенадцати городов Италии. Поэтому перузийцы почитали Юнону, культ которой был распространен у этрусков. Когда победители получили одни лишь остатки города, они объявили своим отечественным богом вместо Юноны Вулкана. На следующий день Цезарь заключил мирный договор со всеми. Однако войско не переставало шуметь по поводу некоторых лиц до тех пор, пока они не были казнены: это были наиболее враждебно настроенные к Цезарю Канутий, Гай Флавий, Клавдий Вифиник и другие.

Таков был конец осады Луция в Перузии, и так окончилась та война, которая, как думали, должна была быть для Италии самой тяжелой и длинной.

50. Тотчас Азиний, Планк, Вентидий, Красс, Атей и прочие их единомышленники, имевшие войско далеко не малое — у них было до тринадцати обученных легионов и около шести тысяч пятисот всадников, — считая, что главой этой войны был

Луций, отправились к морю в разные стороны: одни в Брундизий, другие в Равенну, третьи в Тарент; из них некоторые стремились к Мурку и Аэнобарбу, другие к Антонию. За ними следовали друзья Цезаря, предлагая им мир; но они не хотели отозваться на эти настойчивые предложения, в особенности пехотинцы: из всех них Агриппа убедил перейти к Цезарю только два легиона Планка, которые он застал в Камерии. Бежала и Фульвия с детьми в Дикеархию, а из Дикеархии в Брундизий; при себе она имела три тысячи всадников, посланных начальниками сопровождать ее. Из Брундизия она и отплыла на пяти военных кораблях, вызванных ею из Македонии. Вместе с ней отплыл и Планк, из страха бросивший сохранившуюся у него часть войска: его воины избрали своим начальником Вентидия. Азиний же договорился с Аэнобарбом вступить в дружбу с Антонием: оба они написали ему об этом, стали подготовлять для него удобную высадку и собирать по Италии продовольствие, как если бы он тотчас же и должен был явиться.

51. Другое многочисленное войско Антония, находившееся в Альпах под предводительством Фуфия Калена, Цезарь решил присоединить к себе. В это время он уже начал подозревать Антония, но при этом думал или сохранить это войско для Антония, который пока все-таки был ему другом, или, если тот будет с ним воевать, присоединить к своему войску еще бóльшую силу. Пока он все же еще медлил и сомневался, как ему поступить, Кален умер. Цезарь счел это удобным предлогом и в том и в другом отношениях, отправился в путь, захватив с собою войско, он захватил также и всю Галлию и Испанию, бывшие подвластными Антонию. Фуфий, сын Калена, встревоженный всеми этими действиями Цезаря, сдал все без боя. Получив, таким образом, за один раз одиннадцать легионов войска и две большие области, Цезарь лишил власти начальников и, заменив их другими из числа своих приверженцев, направился в Рим.

52. Антоний на зиму еще задержал у себя явившихся к нему от ветеранов послов, скрывая свои намерения. Весной он, отправившись из Александрии в Тир, а из Тира на Кипр, Родос и в Малую Азию, узнал там о происшедшем в Перузии и за это порицал брата, Фульвию и более всех Мания. Фульвию он нашел в Афинах, куда она бежала из Брундизия; мать его, Юлию, прислал к нему из Сицилии на военных кораблях Помпей, к которому она бежала. Ее сопровождали самые знатные люди из приближенных Помпея: Луций Либон, бывший с Помпеем в свойстве, Сатурнин и другие; все они, стремясь к участию в великих предприятиях Антония, просили его, примирившись с Помпеем, взять его себе в союзники против Цезаря. Антоний ответил им, что за заботу о матери он благодарит Помпея и в дальнейшем за это еще отплатит ему; если

он будет воевать с Цезарем, он возьмет Помпея в качестве союзника, если же Цезарь останется при заключенном с ним договоре, то постарается примирить с Цезарем и Помпея.

53. Таков был ответ Антония. Цезарь по возвращении из Галлии в Рим узнал об отплытии послов Помпея в Афины, но, не имея точных сведений об ответе последнего, начал возбуждать получивших наделы ветеранов против Антония и приписывал ему намерение возвратить Помпея и вместе с ним изгнанных землевладельцев, землями которых они владели. Хотя большинство этих землевладельцев действительно бежало к Помпею, все же, как ни правдоподобны были эти подозрения, они были недостаточны для того, чтобы новые владельцы земли с готовностью выступили против Антония. Такую популярность создала ему слава, приобретенная при Филиппах. По числу вооруженных Цезарь мог считать себя сильнее и Антония, и Помпея, и Аэнобарба — под его начальством было до того времени свыше сорока легионов, — но он не располагал ни одним кораблем, не располагал и возможностью построить флот, так что опасался, как бы его противники, владевшие пятьюстами кораблей, не блокировали Италии и не вызвали там голода. Несмотря на имевшийся у него большой выбор девушек брачного возраста, Цезарь в письме к Меценату просил его посватать за него Скрибонию, сестру Либона, свойственника Помпея, для того чтобы в случае нужды иметь путь к примирению с Помпеем. Осведомившись об этом, Либон в письме к своим домашним приказал дать согласие на эту помолвку. Цезарь под различными предлогами разослал в разные места подозреваемых им друзей и войска Антония; Лепида же с шестью наиболее подозрительными легионами Антония он отправил в порученную его управлению Африку. 54. Призвав Луция, он отдавал должное его любви к брату, если бы, оставаясь на стороне Антония, тот готов был даже на соучастие в преступлении, но, с другой стороны, упрекал его в неблагодарности по отношению к себе, если он, будучи так ему обязан, и теперь не согласился бы признать неправоту Антония, хотя достоверно было известно о союзе последнего с Помпеем. «Доверяя тебе, — говорил Цезарь, — я по смерти Калена через своих друзей управлял провинциями и войском Антония, чтобы оно не оставалось без начальника. Теперь же, когда обнаружились его замыслы, я оставляю и провинции и войска за собою, тебе же, если пожелаешь, разрешаю безнаказанно отправиться к брату». Так он говорил с намерением ли испытать Луция или с тем, чтобы все его слова дошли до Антония. Луций отвечал ему, как и прежде: «О монархических взглядах Фульвии я знал. Я же пользовался войсками брата, чтобы устранить одинаково вас всех. И теперь, если бы брат выступил против монархии, я, явно или тайно, перешел бы на его сторону и стал бы бороться против тебя за отечество, хотя

я и облагодетельствован тобою. Если же и Антоний также только набирает и выделяет будущих союзников в борьбе за монархию, я буду сражаться на твоей стороне против него, пока буду считать, что ты не подготовляешь монархии: дело родины я ставлю выше и благодарности и родства». Так он сказал. Цезарь выразил ему уважение и сказал, что не поведет его против брата вопреки его воле и что, ценя его, он поручает ему Испанию и находящиеся в ней войска, подчинив ему теперешних ее правителей, Педуцея и Луция. Таким образом Цезарь и Луция отослал с честью, наблюдая в то же время за ним через подчиненных ему военачальников. 55. Антоний оставил больную Фульвию в Сикионе и отплыл с Керкиры в Ионийское море с небольшим, правда, войском, но с двумястами построенных в Малой Азии кораблей. Антоний узнал, что Аэнобарб идет к нему навстречу с флотом и с большим войском и, вопреки высказывавшемуся со стороны некоторых лиц недоверию к нему, несмотря на присланный им письменный договор, — Аэнобарб был в числе приговоренных по суду за убийство Гая Цезаря и проскрибированных для казни, равно как и в числе сражавшихся при Филиппах против Антония и Цезаря, — поплыл ему навстречу с пятью лучшими кораблями, чтобы казалось, будто он ему доверяет, приказав остальным кораблям следовать за ним на известном расстоянии. Когда было уже видно, что Аэнобарб на веслах весьма спешит со всем войском и военным снаряжением, стоявший рядом с Антонием Планк испугался и просил не плыть дальше, но выслать вперед разведчиков, как против ненадежного человека. Однако Антоний заявил, что, будучи связан договором, он предпочитает умереть, чем, спасаясь, оказаться трусом, и продолжал плавание. Они были уже близко друг к другу, и головные корабли, заметные по отличительным значкам, приближались один к другому. Тогда начальник ликторов Антония, находясь по обычаю на носу судна, упустив ли из виду, что перед ним человек подозрительный и притом начальник собственного войска, или из благородной гордости приказал, как бы если бы это была встреча с людьми подчиненными и более низкого ранга, убрать значок. Значок был убран, и корабль занял место сбоку корабля Антония. Когда же они увидели и приветствовали друг друга, когда также и войско Аэнобарба признало Антония высшим начальником, тогда и Планк отбросил, наконец, свои опасения. Антоний, приняв Аэнобарба на свой корабль, приплыл в Палоент, где находилось также и сухопутное войско Аэнобарба, причем последний уступил свою палатку Антонию. 56. Оттуда они отплыли в Брундизий, охраняемый пятью когортами Цезаря. Брундизийцы заперли перед ними ворота — перед Аэнобарбом как перед давним врагом, перед Антонием как сопутствовавшим врагу. Раздраженный и видя во всем этом пустую отговорку, причем на деле ворота

были заперты гарнизоном Цезаря и по приказу Цезаря, Антоний перекопал рвом и отрезал стеной перешеек у города, — последний представлял полуостров, окруженный заливом в форме полумесяца. Сообщение с материком было прервано, так как крутой сам по себе подступ был еще перерезан рвом и стеной. Залив, как велик он ни был, Антоний окружил сильными укреплениями, равно как и острова, находящиеся на этом заливе. Затем он разослал людей вдоль побережья Италии с приказанием занять все удобные подступы, велел и Помпею с возможной поспешностью плыть против Италии и сделать, что возможно. Тот, тотчас же охотно послав Менодора со многими кораблями и с четырьмя легионами, овладел принадлежавшей Цезарю Сардинией и двумя стоявшими там легионами, когда те пришли в смущение при мысли о соединении Помпея с Антонием. На италийском берегу воины Антония заняли город Сипунт в Авзонии, Помпей стал осаждать Фурии и Консенцию, а его конница опустошала их окрестности.
57. Когда Цезарь подвергся столь внезапному нападению с двух сторон, он послал Агриппу в Авзонию на помощь теснимым там жителям. Он хотел попутно захватить с собою и новых поселенцев, которые должны были следовать в некотором отдалении за ним под видом похода против Помпея. Но когда они узнали, что все случившееся произошло с согласия Антония, они незаметно тотчас повернули назад. И это-то всего более привело Цезаря в смущение. Однако вскоре затем Агриппа во время похода, предпринятого им со вторым войском в Брундизий, вторично обратился к поселенцам с увещеваниями и имел возможность убедить тех, кто переселялся, под его руководством следовать за ним из личного к нему уважения, с тайною, однако, мыслью примирить Антония с Цезарем и лишь в том случае, если Антоний не пойдет на это, но будет вести войну, стать на сторону Цезаря. В Канузии Цезарь на несколько дней был задержан болезнью. Хотя по количеству войск он и был все еще сильнее Антония, однако, найдя Брундизий отрезанным стеной, он ограничился только тем, что расположился против города лагерем и стал выжидать дальнейшего хода событий.

58. Хотя Антоний и владел укреплением, за которым и с много меньшими силами он мог свободно отразить нападение, все же он спешно вызвал к себе войско из Македонии и стал прибегать к хитростям, незаметно с вечера отводя в море военные и грузовые суда, нагруженные поселянами; днем эти суда, одно за другим, на глазах у Цезаря подплывали в полном снаряжении, как если бы они прибывали из Македонии. У Антония появились уже и осадные орудия, и он намеревался напасть на Брундизий к досаде Цезаря, не имевшего возможности ему в этом воспрепятствовать. К вечеру обе стороны узнали, что Сипунт взят Агриппой, что Помпей оттеснен из

Фурий и продолжает осаждать еще только Консенцию. Все эти известия огорчили Антония. Когда же стало известно о приближении к Цезарю Сервилия с 1 500 всадников, Антоний, не будучи более в состоянии сдерживаться, тотчас после ужина с друзьями, которых нашел в боевой готовности, и с 400 всадников смело напал на упомянутые полторы тысячи, расположившиеся на ночлег близ города Урии и, вследствие неожиданности нападения, без боя захватил их и в тот же день привел с собой в Брундизий. Так действовала еще слава непобедимости, приобретенная Антонием со времени битвы при Филиппах. 59. Гордые этой славой, телохранители Антония подходили группами к лагерной ограде Цезаря и попрекали своих бывших сослуживцев за то, что те пришли сражаться с Антонием, которому они все обязаны своим спасением при Филиппах. Воины Цезаря в свою очередь обвиняли своих бывших сослуживцев в том, что они сами пришли с Цезарем сражаться. Так завязалась перебранка; обе стороны осыпали друг друга упреками: одни в закрытии ворот Брундизия и в захвате войск Калена, другие в блокаде и в осаде Брундизия, в набеге на Авзонию, в соглашении с Аэнобарбом, убийцей Гая Цезаря, и Помпеем, их общим врагом. Наконец, солдаты Цезаря открыли свои действительные намерения: они сопутствовали Цезарю не потому, что они не помнили о доблестях Антония, но с намерением примирить обоих; если же Антоний откажется и начнет военные действия, они решили сражаться против него. Так заявляли они, подходя к ограде лагеря Антония. Пока все это происходило, пришло известие о смерти Фульвии. По слухам, она заболела от огорчения вследствие попреков Антония, причем полагали, что она сама добровольно способствовала развитию своей болезни из-за гнева Антония: он покинул ее больную и, уходя, не пожелал даже ее видеть. В смерти Фульвии обе стороны увидели благоприятное обстоятельство, так как эта смерть освобождала их от беспокойной женщины, из одной только ревности к Клеопатре вызвавшей такую войну. Антоний принял смерть Фульвии близко к сердцу, так как считал себя несколько виноватым в ней.

60. Луций Кокцей был в дружбе с обеими сторонами. Посланный вместе с Цециной в предшествовавшее лето Цезарем к Антонию в Финикию, он не вернулся с Цециной обратно, а остался у Антония. Этот-то Кокцей, желая не упустить удобного случая, представился, будто он приглашен Цезарем приветствовать его. Когда Антоний выразил на это свое согласие, Кокцей, испытывая его, спросил, не пошлет ли он что-либо Цезарю в ответ на полученное через него же, Кокцея, письмо. «О чем теперь, будучи врагами, — отвечал на это Антоний, — могли бы мы писать друг другу, кроме как обмениваться взаимными оскорблениями. На прежние письма я отвечал с Цециной. Если хочешь, получи копии». Так надсмеялся над ним Антоний.

Кокцей, однако, не допускал и мысли назвать врагом Цезаря, так благосклонно отнесшегося к Луцию и другим друзьям Антония. «Но он запер передо мной Брундизий, — возражал Антоний, — завладев моей провинцией и войском Калена, он выказывает расположение только еще моим друзьям, но не для того, чтобы их сохранить для меня, а чтобы, облагодетельствовав их, сделать их моими врагами». Слыша все эти упреки, Кокцей, чтобы не возбуждать еще более природную раздражительность Антония, отправился к Цезарю.

61. При виде его тот выразил удивление, почему он не пришел ранее. «Не с тем, — говорил он, — я пощадил твоего брата, чтобы ты стал моим врагом». — «Как это ты, — заметил на это Кокцей, — врагов делаешь друзьями, а друзей называешь врагами и завладеваешь чужой провинцией и войском?» — «Что же, — ответил Цезарь, — мне по смерти Калена следовало оставить такую власть в руках его малолетнего сына, в то время как Антоний был очень далеко? И Луций, побужденный всем этим, проявил более кипучую деятельность, и Азиний и Аэнобарб пытались воспользоваться этим против нас, находясь поблизости. Поэтому-то я также спешно привлек к себе и легионы Планка, чтобы они не отошли к Помпею, ведь их конница отплыла в Сицилию». — «Об этом передавалось иначе, — сказал Кокцей, — но Антоний не верил слухам, пока перед ним, как перед врагом, не заперли ворот Брундизия». Цезарь на это отвечал, что со своей стороны он не давал на этот счет никаких приказаний; он не мог вперед знать, что Антоний поплывет туда, и не мог ожидать, что он объявится вместе с врагами. Брундизийцы и оставленный у них для отражения набегов Аэнобарба начальник отряда по своей инициативе заперли ворота перед Антонием, вступившим в соглашение с общим врагом Помпеем и везшим с собою Аэнобарба, убийцу его отца, осужденного и народным голосованием и приговором суда в объявленной проскрипции, который после битвы при Филиппах осадил Брундизий и теперь еще блокирует Ионийское море, сжег корабли Цезаря и опустошил Италию». 62. «Но ведь вы согласились между собою, — возразил на это Луций, — относительно свободы заключения договоров, с кем каждый хочет. И Антоний не менее, чем ты сам, почитающий память твоего отца, ни с кем из его убийц не сближался. Аэнобарб не принадлежит к числу убийц, голосование против него производилось пристрастно. Ведь он не участвовал во время убийства Цезаря в сенате. Если же не прощать ему дружбу с Брутом, то мы скоро со всеми будем в ссоре. С Помпеем Антоний не вступал в соглашение для войны против тебя, но он хотел иметь Помпея союзником на тот случай, если ты начнешь войну, или чтобы примирить его с тобой, так как он не совершил ничего непоправимого. Ты сам виноват в происшедшем. Если бы не было войны в Италии,

и они не решились бы отправить послов к Антонию». Цезарь, со своей стороны, также отвечал объяснениями. «Против Италии, — говорил он, — и вместе с тем против меня вели войну Маний, Фульвия и Луций. Помпей не ранее, но именно теперь, в надежде на Антония, вступил на берега Италии». — «Не против Антония, — заметил Кокцей, — но будучи послан им. Не скрою от тебя, что он с сильным флотом нападет и на другие места Италии, не имеющей флота, если вы не примиритесь». Цезарь, со вниманием выслушавший все эти хитросплетения, немного подумав, сказал: «Помпей не обрадуется. Нехороший человек, он изгнан и из Фурий». Кокцей, выяснив все спорные вопросы, упомянул еще о смерти Фульвии и об обстоятельствах, при которых эта смерть произошла, указывая, что она заболела, будучи огорчена гневом Антония, и своей печалью усилила болезнь, так как Антоний не повидался с ней даже с больной и таким образом сделался виновником ее смерти. «Теперь, когда ее уже нет на вашем пути, — добавил Кокцей, — вам остается только откровенно высказаться друг перед другом относительно своего взаимного недоверия».

63. Уговаривая таким образом Цезаря, Кокцей провел у него весь день и просил его написать что-нибудь Антонию как младший старшему. Цезарь отвечал, что пока Антоний находится в войне с ним, он не будет писать, как и тот ему не пишет, но он готов обратиться к его матери с упреком в том, что, будучи родственницей и пользуясь с его стороны исключительным почетом, она предпочла бежать из Италии, как будто не могла ожидать от него, как от сына, полной обеспеченности во всем. Прибегнув к такой уловке, Цезарь написал Юлии. Когда Кокцей покидал лагерь, к нему обращались многие из отрядов и передавали ему о настроении войска. Обо всем этом, наравне с другими сообщениями, Кокцей довел до сведения Антония, чтобы тот знал, что, войско, если он с Цезарем не примирится, будет сражаться против него. Кокцей советовал поэтому отозвать Помпея из опустошенных им местностей обратно в Сицилию и отослать куда-нибудь Аэнобарба, пока не будет заключен договор. Мать — она принадлежала к роду Юлиев — также уговаривала Антония, но он опасался, что, если договор не состоится, ему уже неудобно будет еще раз искать союза с Помпеем. Однако, так как мать была уверена, что договор будет заключен, и Кокцей настаивал на том же и подавал надежды даже на большее, Антоний уступил и послал Помпею предписание удалиться в Сицилию под предлогом, что он сам позаботится об условленных действиях; Аэнобарба Антоний послал управлять Вифинией.

64. Когда об этом узнало войско Цезаря, были избраны представители, направленные к обоим противникам. Они должны были воздержаться от обвинений, так как были избраны не для суда, а для примирения. Сверх того были избраны еще

Кокцей, дружественный обеим сторонам, а также со стороны Антония Поллион, а стороны Цезаря Меценат. Они устроили забвение обеими сторонами всего происшедшего и дружбу Цезаря с Антонием на будущее время. Так как супруг сестры Цезаря Октавии, Марцелл, недавно умер, посредники предложили Цезарю обручить Октавию с Антонием. Цезарь тотчас дал согласие на это, оба обменялись взаимными приветствиями, и весь день и всю ночь не прекращались радостные крики солдат и благопожелания им обоим.

65. Цезарь и Антоний разделили между собою все римское государство, установив границей иллирийский город Скодру, приходившийся, как казалось, приблизительно в середине внутренней части Ионийского моря. К востоку вплоть до Евфрата были провинции и острова Антония, к западу — до океана — область Цезаря. Африкой управлял Лепид, как было решено еще Цезарем. Цезарь, если ничто не изменится, должен будет вести войну с Помпеем, Антоний — с парфянами в отмщение за их вероломство в отношении Красса. Аэнобарб должен присоединиться к договору, заключенному с Антонием. Набор войск обе стороны согласно и поровну производят в Италии. Таково было окончательное соглашение Цезаря и Антония, и тотчас же для выполнения неотложных задач они послали каждый своих друзей: Антоний Вентидия — в Азию, чтобы вытеснить парфян и Лабиена, сына Лабиена, который вместе с парфянами, воспользовавшись создавшимися затруднениями, сделал набег на Сирию и дошел вплоть до Ионии. Но о том, что случилось с Лабиеном и с парфянами, рассказано в Парфянской истории.

66. Менодор, бывший на стороне Помпея, изгнал из Сардинии военачальника Цезаря Гелена, быстрым натиском овладевшего Сардинией. Более всего раздраженный этим, Цезарь стал отклонять все попытки Антония примирить его с Помпеем.

По прибытии в Рим состоялся брак Антония с Октавией. Антоний приказал убить Мания за то, что он возбуждал Фульвию, наклеветав на Клеопатру, и таким образом оказался виновником стольких зол. Цезарю он указал на Сальвидиена, начальника войска Цезаря на Родане, замышлявшего отложиться от него и посылавшего с этой целью послов к Антонию, когда тот осаждал Брундизий. Все это он сказал, будучи по природе склонным быстро выявлять свое расположение. Не все, однако, одобряли его. Цезарь тотчас спешно вызвал к себе Сальвидиена, как бы нуждаясь в нем лично, с тем, чтобы снова отослать его к войску. Когда тот явился, то, изобличив его, он приказал его убить, войско же его, как попавшее под подозрение, передал Антонию.

67. Между тем Рим страдал от голода, так как купцов с Востока удерживал страх перед Помпеем и Сицилией, с Запада — то обстоятельство, что Сардиния и Корсика были также

в руках Помпея; из Африки хлеб не приходил, так как те же враги господствовали на обоих морских берегах. Цены на все продукты в Риме поднялись, и так как причину бедствия видели во вражде между вождями, то их бранили и требовали примирения с Помпеем. Так как Цезарь и теперь не сдавался, Антоний настаивал, чтобы он поспешил начать войну ради устранения голода. Вследствие того, что средств на это у Цезаря не было, он издал приказ, чтобы все владеющие рабами внесли за каждого половину тех 25 драхм, которые постановлено было взыскать на войну с Кассием и Брутом, а также, чтобы известную долю вносили и все те, кто получал наследство. Приказ этот встречен был взрывом негодования в народе, сердившимся на то, что после того как истощена общественная казна, ограблены провинции, обременили и Италию поборами, податями, конфискациями и все это не на ведение внешних войн и не на расширение пределов государства, а на личную вражду из-за власти, откуда и пошли проскрипции, убийства, общий голод, а теперь хотят лишить и последних средств. Собравшаяся толпа подняла шум, бросала камнями в тех, кто не хотел к ней присоединиться, грозила разграбить и сжечь их дома; и это продолжалось до тех пор, пока все множество народа не пришло в возбуждение. 68. Цезарь с друзьями и с незначительной охраной вошел в середину толпы, намереваясь обратиться к ней с речью и оправдаться в возводимых обвинениях. Но только что его увидали, беспощадно начали бросать в него камнями, не смущаясь тем, что он остановился, подставляя себя под удары, и был ранен. Узнав об этом, Антоний поспешил к нему на помощь. Он шел по священной дороге, и в него камнями не бросали, поскольку он был готов на примирение с Помпеем, но требовали, чтобы он удалился. Когда он не выполнил этого, то и в него стали бросать камнями. Тогда он вызвал значительный отряд солдат, находившихся за стеной. Когда же и после этого его не хотели пропустить, солдаты, разделившись по обе стороны улицы и площади, нападали из переулков и убивали всякого встречного. Стесненные толпой и не имея выхода, люди не могли бежать. Произошли убийства и ранения. С крыш неслись вопли и крики. Антоний с трудом пробился, спас Цезаря от явной опасности и привел его домой. Когда толпа разбежалась, трупы были брошены в реку, чтобы вид их не возбуждал раздражения. Но печально было видеть, как трупы всплывали наверх и как солдаты и присоединившиеся к ним воры снимали с убитых что получше и уносили это как свою добычу. Так прекращена была эта смута, вызвав страх и ненависть к правителям. Голод между тем достиг наивысшей силы, народ стонал и оставался спокойным.

39 г. 69. Антоний посоветовал родственникам Либона вызвать его из Сицилии для поздравления свояка, а может быть, и для

чего-либо более важного. За безопасность Либона Антоний ручался. Друзья Либона ему тотчас же написали, и Помпей дал на это свое согласие. Во время пути Либон высадился на острове Питекузах, теперь называемом Энарией. Узнав об этом, народ вновь собрался и со слезами умолял Цезаря послать Либону ручательство в безопасности, так как он намеревался выступить в качестве посла для переговоров о мире. Тот, хотя и неохотно, исполнил это желание. Народ же заставил и мать Помпея, Муцию, под угрозой сжечь ее дом отправиться для содействия переговорам. Либон, замечая, что враги поддаются, потребовал, чтобы правители сами сошлись и договорились о взаимных уступках. Под давлением народа Цезарь и Антоний отправились в Байи.

70. Между тем как остальные сторонники Помпея все согласно склоняли к миру, Менодор из Сардинии писал, что следует или воевать по-настоящему или промедлить еще, так как голод действовал за них, в результате чего и условия мира, если они решатся на мир, будут более выгодными. Он советовал также остерегаться Мурка, бывшего против этого, так как Мурк сам стремился к власти. Тяготясь уже до этого Мурком, опасаясь его авторитета и независимого образа мыслей, Помпей после этого стал еще более удалять его от себя. Так как на Мурка не обращали внимания, негодуя, он удалился в Сиракузы и, заметив, что за ним следуют шпионы Помпея, открыто при них же стал поносить его. Помпей, подкупив военного трибуна и центуриона, подослал их убить его и сказать, что он убит рабами. Чтобы придать больше вероятия этому вымыслу, рабы были распяты. Но скрыть этого не удалось, так как Помпей уже вторично, как и при убийстве Вифиника, позволил себе ту же самую гнусность, теперь в отношении человека, славного своими военными подвигами, верного друга своей партии, оказавшего услуги самому Помпею в Испании и добровольно последовавшего за ним в Сицилию.

71. Так погиб Мурк. В виду того, что все остальные побуждали Помпея к примирению и стали наговаривать на Менодора, будто он стремится к власти и противится миру не в интересах своего повелителя, но чтобы самому стать во главе войска и страны, Помпей сдался на эти доводы и отплыл со многими лучшими кораблями в Энарию на роскошной шестивесельной галере. С такой пышностью он прибыл к вечеру в Дикеархию на глазах у врагов. С рассветом вбили посреди моря на небольшом расстоянии колья, настлали на эти колья доски, и из устроенных таким образом двух настилов на тот, который был сделан со стороны суши, взошли Цезарь и Антоний, на обращенный к морю — Помпей и Либон, причем их разделял небольшой проток, так что можно было слышать друг друга, не прибегая к крику. Так как Помпей рассчитывал на свое участие в разделе власти вместо Лепида, между тем как

Цезарь и Антоний предоставляли ему лишь возвращение из изгнания, то на этот раз ни на чем не сошлись. Все же непрерывные сношения дружественных посредников с различными предложениями продолжались. Помпей требовал ограничиться простым изгнанием для осужденных и находившихся при нем убийц Гая Цезаря, для остальных же он требовал почетного возвращения с возвращением им утраченного имущества. Вынужденные голодом и под давлением со стороны народа к заключению мира, Цезарь и Антоний согласились с трудом на возвращение четвертой части имущества, предполагая выкупить его у тех, кто владел им в настоящее время. Они написали об этом самим проскрибированным, в надежде, что те удовольствуются этим. И действительно, они приняли все условия, так как и сами опасались Помпея после его преступного поступка с Мурком. Придя к Помпею, они уговаривали его заключить мир. Помпей разодрал на себе одежды, жалуясь на то, что его предают те, во главе которых он сражался, и неоднократно упоминал о Менодоре, как об искусном полководце и притом единственном, ему преданном. 72. По уговорам матери Помпея, Муции, и его жены, Юлии, все трое сошлись снова на омываемом со всех сторон морем моле Дикеархии, в окружении сторожевых судов, и пришли к соглашению на следующих условиях: война прекращается на суше и на море; торговля беспрепятственно производится повсеместно, Помпей выводит гарнизоны, какие у него были в Италии, не принимает более беглых рабов, его суда не пристают к берегам Италии; в его власти остаются Сардиния, Сицилия, Корсика и другие острова, какими он в то время владел, на тех же основаниях, на каких Антоний и Цезарь владеют остальными провинциями; Помпей высылает римлянам хлеб, который издавна эти области должны были доставлять; он получает также Пелопоннес; в свое отсутствие он мог выполнять консульские обязанности через любого из своих друзей; его имя вносится в списки верховных жрецов. Таковы были условия, касавшиеся самого Помпея. Именитым изгнанникам обеспечивалось возвращение на родину, за исключением осужденных народным голосованием и приговором суда за убийство Цезаря. Лицам, бежавшим из страха и потерявшим свое имущество насильственно, все возвращается в целости, за исключением движимостей, осужденным выдается четвертая часть. Сражавшиеся на стороне Помпея рабы признаются свободными, свободные же, с прекращением военной службы, получают те же награды, что и солдаты Цезаря и Антония.

73. На таких условиях заключено было соглашение. Условия были записаны, запечатаны и отосланы в Рим на хранение весталкам. Затем они устроили угощение друг для друга, распределив порядок по жребию, — первым Помпей на своей галере, стоявший на якоре близ мола, затем по порядку Антоний

и Цезарь в палатках, устроенных на том же моле, под предлогом угощаться на морском берегу, но скорее ради безопасности, из опасения предательства. Менее всего проявляли они при этом беспечности. Вокруг стояли суда на якорях, расставлена была стража, и сидевшие за столом скрывали под одеждой короткие мечи. Говорят, Менодор прислал Помпею предложение напасть и отомстить за все проступки против отца и брата и захватить быстрым действием отцовскую власть. Менодор же с флотом позаботится о том, чтобы никто не скрылся. Помпей на это ответил с благородным достоинством, но вместе с тем и сообразно обстоятельствам: «Пусть Менодор делает это без моего участия. Менодору подходит нарушать клятву, но не Помпею». Во время происходившего пира сосватали дочь Помпея, внучку Либона, за Марцелла, пасынка Антония и племянника Цезаря. На следующий день назначили на предстоящее четырехлетие консулами сначала Антония и Либона, с правом Антония заменить себя кем захочет, после них Цезаря и Помпея, далее Аэнобарба и Сосия, затем вторично Антония и Цезаря, для которых это будет уже третье консульство, после чего было предположено возвратить управление государством народу.

74. Устроив все дела, они расстались, и Помпей отплыл в Сицилию, Цезарь же и Антоний отправились в Рим. Когда все происшедшее стало известно, в Риме и в Италии все ликовали, как это бывает при заключении мира: ведь избавились и от местной войны, и от привлечения к военной службе сыновей, и от наглости гарнизонных войск, и от бегства рабов, и от опустошения полей, и от перерыва земледельческих работ, главным же образом — от голода, доходившего до крайности. При проезде Цезаря и Антония им приносились жертвы, как спасителям. И Рим намеревался было торжественно встретить их, если бы они, избегая излишнего шума, не въехали в город тайно ночью. Недовольны были только те, которым пришлись по жребию земельные участки лиц, возвращающихся теперь с Помпеем; они боялись, что соседями их будут непримиримо враждебно к ним настроенные землевладельцы, готовые выступить против них как только это будет возможно. Большинство из находящихся при Помпее изгнанников, за исключением немногих, простившись с ним в Дикеархии, отплыли в Рим. Возвращение стольких именитых людей, спасшихся вопреки ожиданиям, вызвало в толпе новую радость и всяческое ликование.

75. После этого Цезарь направился в Галлию, все еще волнующуюся, а Антоний — на войну с парфянами. Когда сенат голосованием утвердил все, что он сделал и собирался предпринять, он разослал повсюду легатов и устроил все согласно своим намерениям. Так, он в разных местах поставил тех царей, каких признал годными, при условии уплаты ими дани: в Понте — Дария, сына Фарнака и внука Мифридата, в Иду-

мее и Самарии — Ирода, в Писидии — Аминту, в части Киликии — Полемона, других над другими народами. Войска же, которым предстояло зимовать, с целью дать им нажиться и вместе с тем упражнять их одних, он послал против парфенов, иллирийского племени вблизи Эпидамна, — это были те войска, которые были наиболее ревностными сторонниками Брута, — других против дарданцев, также иллирийского племени, производивших постоянные набеги на Македонию; третьим приказано было оставаться в Эпире, чтобы Антоний, собираясь зимовать в Афинах, имел их вокруг себя. Фурния Помпей послал в Африку, чтобы взять четыре легиона Секстия против парфян; он еще не знал, что Лепид уже взял их от Секстия.

76. Дав такие распоряжения, Антоний провел зиму в Афинах с Октавией, как перед тем в Александрии с Клеопатрой, имея сведения из лагерей только на основании присылаемых сообщений. Он сменил жизнь вождя на скромную жизнь частного человека, носил четырехугольную греческую одежду и аттическую обувь, не имел привратников, ходил без несения перед ним знаков его достоинства, а лишь с двумя друзьями и двумя рабами, беседовал с учителями, слушал лекции. И обед у Антония был греческий; с греками же он занимался гимнастическими упражнениями; празднества и развлечения он делил с Октавией. Сильна была в это время его страсть к Октавии,
35 г. так как он вообще быстро увлекался любовью к женщинам. Но как только миновала зима, Антоний сделался как бы другим человеком, вновь изменилась его одежда, а вместе с тем и весь его образ жизни. Немедленно около дверей появилось множество ликторов, военачальников, телохранителей. Все внушало страх и изумление. Начались приемы посольств, которые до того времени задерживались, производился суд. Спущены были корабли, делались все другие приготовления.

77. Так обстояли дела у Антония. Договор же между Цезарем и Помпеем был нарушен. Хотя, как можно было подозревать, причины разрыва были иные, но в том виде, как их выставил Цезарь, они имели следующий характер. Антоний передал Помпею Пелопоннес на условии, что суммы, должные Антонию пелопоннесцами, Помпей или сам отдаст, или соберет их для того, чтобы сдать, или подождет, пока будет взыскан долг. Но Помпей не соглашался принять провинцию на этих условиях, считая, что она передана ему вместе с долгами. Или раздраженный этим, как утверждал Цезарь, или вследствие врожденного предательства, или из зависти к большим военным силам других, или по подстрекательству Менодора, считавшего, что заключено скорее перемирие, чем прочный мир, Помпей начал строить новые корабли, вербовать гребцов и открыто заявлял своим войскам, что надо быть готовыми ко всему. Открытое пиратство вновь распространилось на море.

Для римлян не было почти никакого облегчения от голода, так что начали громко говорить о том, что договор принес с собою не облегчение, но лишь появление еще четвертого тирана. Цезарь подвергал пытке захваченных в грабеже, причем они говорили, что посланы Помпеем. Обо всем этом Цезарь сообщал народу и написал самому Помпею. Помпей отрицал все это, но со своей стороны представил свои нарекания относительно Пелопоннеса.

78. Те из знати, которые были еще на стороне Помпея, видя, что он во всем следует советам вольноотпущенников, подкупили некоторых из них или по собственной инициативе или в угоду Цезарю. Подкупленные должны были настраивать своего господина против Менодора, управлявшего в это время Корсикой и Сардинией. Впрочем, они делали это и сами добровольно, из зависти к силе Менодора. Все это повело к отчуждению Помпея от последнего. В то же время вольноотпущенник Цезаря Филадельф отплыл к Менодору за хлебом, Микилион, довереннейшее лицо Менодора, отправился к Цезарю для переговоров о переходе на его сторону Менодора, который обещал передать в руки Цезаря Сардинию и Корсику, три легиона и значительный отряд легковооруженных. Было ли это делом Филадельфа или результатом наговоров Помпею на Менодора, Цезарь предложение принял не сразу, но все же принял, так как он полагал, что мир фактически нарушен. Цезарь вызвал Антония из Афин в Брундизий в обусловленный день для совещания относительно предстоящих военных действий. Цезарь спешно выслал в Брундизий и Дикеархию военные корабли из Равенны, войска из Галлии и прочее военное снаряжение, чтобы с двух сторон напасть на Сицилию в случае согласия на это Антония. 79. Последний прибыл с немногими людьми в назначенный день; однако, не найдя Цезаря, не стал его ожидать, или отрицательно относясь к войне как к нарушению договора, или видя крупные приготовления Цезаря и стремление к единоличной власти, что внушало им обоим постоянные опасения, или, наконец, будучи напуган предзнаменованием. Один из спавших близ его палатки найден был растерзанным дикими зверями; у него не пострадало только лицо, оставшееся целым, как бы для того, чтобы его можно было узнать; при этом происшествии не было слышно криков пострадавшего, и никто из спавших вместе с ним ничего не заметил. Брундизийцы рассказывали, будто видели волка, перед зарей выбегавшего из шатра. Антоний написал Цезарю, чтобы он не нарушал договора, и грозил схватить Менодора как своего беглого раба; он, действительно, принадлежал Помпею Великому, имущество же последнего Антоний приобрел, когда оно по закону продавалось как имущество врага.

80. Между тем Цезарь послал в Сардинию и Корсику своих

уполномоченных принять то, что передавал ему Менодор. Берега Италии он усилил одновременно многочисленными отрядами в предупреждение неожиданного нападения Помпея. Затем он приказал строить новые триремы в Риме и в Равенне и вызвал сильный отряд из Иллирии. Явившегося к нему Менодора, бывшего до того вольноотпущенником, он тотчас объявил свободным, поручил ему командовать кораблями, бывшими под его начальством, и подчинил его предводителю флота Кальвизию. Все эти меры, равно как и другие еще большие приготовления, задержали Цезаря, и он упрекал в письмах Антония за то, что тот его не дождался. Корнифицию он велел все снаряженное в Равенне перевезти в Тарент. На пути Корнифиций был застигнут бурей, причем погибло одно только командное судно, предназначенное для Цезаря, что казалось дурным предзнаменованием на будущее время. А так как повсюду создалось представление, что начинается война с нарушением договора, то, чтобы устранить от себя это подозрение, Цезарь написал в Рим и лично внушал войскам, что нарушителем договора был Помпей, пиратствовавший на море. Это обвинение поддерживали и сами пираты, и Менодор открыл весь его план; об этом, указывал он, знает и Антоний, почему и не передал ему Пелопоннеса.

81. Когда все было готово, Цезарь отплыл из Тарента в Сицилию, Кальвизий же, Сабин и Менодор из Этрурии. Сухопутное войско двинулось в Регий, причем все делалось с возможной поспешностью. Помпей узнал об измене Менодора от перебежчиков, когда Цезарь был уже в пути. Застигнутый с двух сторон, Помпей ожидал Цезаря в Мессене, против же Кальвизия и Менодора послал с большим флотом наиболее враждебного Менодору вольноотпущенника Менекрата. Менекрат к вечеру появился на море в виду у врагов. Они укрылись в заливе выше Кимы и провели там ночь, Менекрат же проплыл к Энарии. С зарей они построились полукругом в заливе на близком расстоянии от берега, чтобы неприятель не мог прорвать их строя. Менекрат показался снова и тотчас стал приближаться быстрым натиском. Но так как они не выехали в открытое море, ничего значительного Менекрат не мог достигнуть, а только еще ближе загнал их к берегу, вследствие чего они одновременно опасались сесть на мель и должны были опасаться его нападений.

Нападавшие при этом имели возможность отступать в открытое море, бросать якоря, останавливаться когда угодно, а Кальвизий же и Менодор страдали от скал, на которые они наезжали, и от того, что корабли стояли без движения. Они находились в положении как бы сухопутного войска, сражавшегося в морской битве, причем не имели возможности ни спастись от ударов, ни преследовать.

82. Во время этого боя Менодор и Менекрат увидели друг

друга. Забыв о всем прочем, они с гневными криками поплыли навстречу один другому, считая, что победа и решение войны зависят от того, кто из них возьмет верх. Корабли с силой столкнулись, причем были повреждены нос у корабля Менодора и весла у Менекрата. Когда с обеих сторон были сброшены железные крючья, бой был уже не между судами, сблизившимися вплотную, а люди как бы на суше сражались с крайним напряжением и мужеством. Посыпались массой копья, стрелы, камни; опускались мосты, чтобы попасть на неприятельский корабль. Вследствие большой высоты корабля Менодора мосты для смельчаков были более доступны, и оружие, бросаемое сверху, наносило больший вред. Многие пали, остальные были ранены. Менодор был ранен копьем в руку, впрочем копье было извлечено из раны. Менекрат получил рану в бедро многоконечным иберийским железным копьем, причем его нельзя было быстро извлечь. Не будучи в состоянии принимать участие в сражении, Менекрат все же оставался на месте, подбодряя остальных, пока его корабль не был взят, после чего он бросился в морскую пучину. Менодор захватил корабль и отплыл с ним к берегу, так как и сам более был не в состоянии действовать дальше.

83. Так происходила морская битва на левом фланге. На правом Кальвизий, выплыв против левого неприятельского крыла, отрезал несколько судов Менекрата и, обратив в бегство, преследовал их. Демохар, вольноотпущенник Помпея, как и Менекрат, и подчиненный ему начальник, напал и на остальные корабли Кальвизия. Один из них он обратил в бегство, другие разбились о камни и, после того как соскочил экипаж, были сожжены. Кальвизий, вернувшись из преследования, возвратил бежавшие суда и прекратил пожар. С наступлением ночи расположились все на тех же местах, что и в прошлую ночь. Так закончилась морская битва, в которой на стороне Помпея был решительный перевес. Демохар, огорченный смертью Менекрата, которую он считал величайшей потерей,— у Помпея было только два опытных в мореходном деле человека — Менекрат и Менодор, — потерял выгоды своего положения, отплыл прямо в Сицилию, как если бы потерял не одного только Менекрата и не один корабль, а весь флот.

84. Кальвизий, пока опасался нападения Демохара, стоял на якоре, будучи неспособен к морскому бою: свои лучшие корабли он потерял, остальные не были боеспособны. Узнав об отъезде Демохара в Сицилию, он починил корабли и поплыл вдоль берега, держась заливов. Цезарь из Тарента переплыл в Регий со многими судами и большим войском и застал Помпея близ Мессены всего с 40 кораблями. Друзья советовали Цезарю воспользоваться удобным случаем и напасть со своими большими силами на Помпея, располагавшего немногими судами, пока не подоспел к нему остальной флот. Однако Це-

зарь не последовал этому совету, ожидая Кальвизия и указывая, что неразумно рисковать пока он дожидается подмоги. Когда Демохар приплыл в Мессену, Помпей назначил самого Демохара и Аполлофана, также своего вольноотпущенника, начальниками флота вместо Менодора и Менекрата.

85. Осведомившись о всем происшедшем близ Кимы, Цезарь выплыл из пролива навстречу Кальвизию. Когда он проплыл уже большую часть пролива, шел мимо Стилиды и огибал Схиллей, Помпей, устремившись из Мессены, налегал на задние корабли, преследовал плывшие впереди и, нападая на весь флот, вызывал его на морскую битву. Флот же, хотя и был тревожим им, не вступал в битву вследствие запрещения Цезаря, или опасавшегося начинать морское сражение в узком проливе или оставшегося при первоначальном решении не вступать в битву без Кальвизия. По его предписанию, все суда двигались вдоль берега; они держались на якоре и отражали нападавших, обращаясь к ним носовой частью. Вследствие того что Демохар противопоставлял каждому кораблю по два, произошло замешательство, корабли наталкивались на скалы и друг на друга, наполнялись водой. Они гибли так же бесцельно, как и суда близ Кимы, стоя на якоре и подвергаясь нападению врагов, то приближавшихся, то удалявшихся. 86. Сам Цезарь соскочил с корабля на прибрежные скалы, принимал выплывавших из моря и провожал их на лежавшую на берегу гору. Корнифиций и другие бывшие под его начальством командиры перекликались между собою; без приказания они стали сниматься с якоря и обратились против врагов, предпочитая потерпеть поражение в бою, чем стоять на месте и без боя подставлять себя под удары нападавших. Отважным своим риском Корнифиций сначала повредил и захватил командное судно Демохара, который спасся на другой корабль. Во время этой истребительной борьбы со стороны моря показались подплывавшие суда Кальвизия и Менодора. Люди Цезаря не видели их ни с суши, ни с моря, но находившиеся далее от берега в море помпеянцы заметили и при виде их удалились. Уже смеркалось, и, сильно утомленные, они не решались вступать в бой со свежими силами врагов. Все это послужило на пользу остальным, находившимся в невыгодном положении. 87. С наступлением ночи перешедшие с судов на берег спаслись на горы и развели огни, служившие сигналом для оставшихся в море. Они провели ночь без пищи, без услуг, испытывая все лишения. Цезарь, сам находившийся в таком же положении, обходил их, убеждая потерпеть до зари. В таком затруднительном положении ему еще не было известно о приближении Кальвизия. Никакой пользы не было и от кораблей, которым достаточно было дела в виду опасности потерпеть крушение. Благодаря благодетельному случаю стал подходить тринадцатый легион. Узнав о случившейся неудаче, солдаты его, руко-

водясь в своем марше зажженными на берегу огнями, пробрались через крутизны. Они застали спасшихся в бедственном положении, без съестных припасов и, разделившись по частям, они обслуживали одни одних, другие других. Центурионы ввели главного командира в наскоро сделанную палатку, причем возле него не было ни одного раба, который услуживал бы ему, так как во время ночи и беспорядка все рабы разбежались. Разослав повсюду вестников о своем спасении, Цезарь узнал о прибытии Кальвизия с передовыми кораблями. Только после этих двух благоприятных неожиданностей он предался отдыху. 88. С наступлением дня, обратив взоры на море, Цезарь увидел сожженные или наполовину объятые пламенем и полусожженные корабли; море было полно плавающих парусов, снастей, из уцелевших же судов большинство было повреждено. Выставив впереди флот Кальвизия, Цезарь стал производить настоятельнейшие исправления на судах, причем враг не показывался или вследствие присутствия флота Кальвизия или замышляя нападение при выходе врагов в море.

С полудня поднялся южный ветер, и начались сильные волны в бурном и узком месте пролива. Суда Помпея укрывались в Мессенской гавани, суда же Цезаря волна вновь гнала на скалистый и трудный для причала берег; они ударялись о скалы или сталкивались один с другим; на них не было полного экипажа, чтобы бороться с бурей всеми средствами.

89. Менодор, надеясь преодолеть близящуюся опасность, спустился далее в море и там держался на якоре. Там и волны вследствие глубины были слабее, все же и с этими волнами ему приходилось бороться, и, чтобы его не относило, он приказал налечь на весла. Некоторые другие последовали его примеру, большинство же остальных, полагая, что вследствие весеннего времени ветер скоро стихнет, удерживали суда и не спускали якорей ни со стороны моря, ни со стороны суши, в то же время местами отталкиваясь друг от друга. Когда ветер стал сильнее, все пришло в беспорядок, суда разбивались, срываясь с якорей, наталкивались или на берег или одно на другое. Стоял общий вопль ужаса, стенаний, призывов бесцельных, слов нельзя уже было расслышать. Кормчий не отличался от простого матроса ни знанием, ни умением командовать. Гибель постигала одинаково как находившихся на судах, так и бросавшихся в море и погибавших среди волн прибоя. Море было полно парусов, обломков, людей, трупов. Если кто спасался и выплывал к суше, то и его волны разбивали об утесы. Когда к тому же и море было охвачено волнением, обычно бывающим в этом проливе, это еще более смутило неопытных, и корабли, тогда особенно сильно носимые ветром, разбивались один о другой. К ночи ветер еще усилился, так что гибли уже не при свете, а во мраке.

90. Всю ночь продолжались вопли и призывы родственников,

бегавших по берегу, называвших по имени находившихся в море и оплакивавших их, если они не отзывались, как погибших. С другой стороны, раздавались призывы находившихся в море, показывавшихся над волнами и призывавших тех, кто были на берегу, на помощь. Беспомощны были и те и другие. И море для пытавшихся в него войти и находившихся еще на кораблях и суша — вследствие бури все было столь же недоступно, так как волны разбивали все о скалы. Буря была столь необычайной силы, что находившиеся наиболее близко к берегу боялись ее, но не могли ни спастись в море, ни оставаться близко к берегу. Теснота места, природная недоступность его, сильное волнение, ветер, разбивавшийся об окрестные горы, бурные порывы, тяга вглубь, надвигавшаяся на все, не давали возможности ни оставаться на месте, ни бежать. Положение ухудшалось еще мраком совершенно черной ночи. Люди погибали, не видя друг друга, одни, объятые страхом и кричавшие, другие спокойно, готовые ко всему; некоторые сами искали смерти, отчаявшись в спасении. Приключившееся несчастье превзошло все, что можно было предвидеть, и отнимало всякую надежду на неожиданную помощь, когда внезапно, с приближением дня, ветер стих, а после восхода солнца совершенно прекратился. Однако море и теперь, с прекращением ветра, долгое время бушевало. Такой бури и местные жители не запомнили. Эта буря, превзошедшая обычные бури, расстроившая все расчеты, погубила большую часть судов и экипажа Цезаря.

91. Понеся большие потери еще и накануне в битве, одновременно подвергшись двум таким большим несчастиям, Цезарь в ту же ночь по горам поспешно поднялся в Гиппоний, не желая подвергаться несчастью, в котором ничем не мог помочь. Друзьям и военачальникам он послал предписание быть под рукой на случай нового несчастья, что обычно бывает при дурном обороте дел. Он разослал по всему берегу Италии бывшие налицо сухопутные войска, чтобы Помпей, в виду благоприятно сложившихся для него обстоятельств, не отважился произвести нападение на суше. Помпей же не замышлял ни нападения на суше, ни нападения на остатки флота как оставшиеся на месте, так и удалявшиеся с прекращением бури. Он пренебрег и тем, чтобы по возможности исправлены были суда, и при благоприятном ветре направились в Гиппоний, — или он полагал, что потери его врагов были и так достаточно велики, или не умел использовать победу, или, как уже было замечено в другом месте, будучи вообще мало предприимчивым, Помпей решил только обороняться от нападения с моря.

92. У Цезаря не спаслось и половины судов, да и спасшиеся сильно пострадали. Оставив некоторых из бывших при нем лиц позаботиться о спасшихся, Цезарь с тяжелым чувством

отправился в Кампанию. Других судов он не имел, между тем ему их было нужно много, а для кораблестроения у него не было времени, так как его угнетал вопрос о голоде, и так как народ вновь начинал волноваться из-за судьбы договора и в шутку говорил о войне, начатой с нарушения договора. Цезарю нужны были средства, он был в затруднении, так как римляне не платили податей и препятствовали поступлению доходов, которые он ввел. Будучи всегда особенно силен придумать что-либо целесообразное, он послал Мецената к Антонию, чтобы переубедить его в том, в чем они взаимно упрекали друг друга за последнее время, и привлечь его к участию в борьбе. Если же убедить Антония не удастся, то Цезарь задумывал переправить солдат на транспортных судах в Сицилию и, оставив войну на море, перенести ее на сушу. Пока он находился в подавленном состоянии, пришли известия о согласии Антония на союз и о блестящей победе, одержанной Агриппой над аквитанскими галлами. Друзья и некоторые города обещали и приступили уже к постройке судов. Тогда удрученное настроение Цезаря прошло, и он принялся за еще более блестящие приготовления, чем прежде. 93. В начале весны Антоний отплыл из Афин в Тарент с 300 кораблей, чтобы, как обещал, действовать в союзе с Цезарем. Тот между тем изменил свое решение или оттягивал его, ссылаясь на постройку своих кораблей. На вторичное указание Антония, что у него все уже готово и в достаточной степени снаряжено, Цезарь приводил разные предлоги для проволочки; становилось очевидным, что он или снова имеет что-либо против Антония или пренебрегает союзом с ним, так как у него достаточно и своих сил. Антоний, хотя и был раздражен этим, однако вторично стал приглашать его, так как он истратил имеющиеся у него средства на сооружение флота, а между тем нуждался для парфянской войны в войске из Италии, которым он задумал обменяться с Цезарем на суда. Хотя в договоре и было сказано, что каждый из них может производить набор в Италии, но для Антония это было затруднительно, так как Италией владел Цезарь. В качестве посредницы между ними к Цезарю отправилась Октавия. Цезарь жаловался, что его покинули в опасном положении, в какое он попал в проливе, Октавия же указывала, что этот вопрос уже выяснен при посредстве Мецената. Цезарь указывал далее на то, что Антоний послал своего вольноотпущенника Каллия к Лепиду с тем, чтобы заключить союз с Лепидом против него. Октавия утверждала, что, как ей известно, Каллий был послан для заключения брака: Антоний перед парфянским походом хотел выдать свою дочь за сына Лепида, на что имелось уже согласие. Так уверяла Октавия. Антоний на самом деле послал Каллия к Цезарю, чтобы тот произвел над ним следствие. Цезарь, однако, не принял Каллия, но обещал явиться для встречи с Анто- 37 г.

нием между Метапонтом и Тарентом у одноименной реки, которая должна была разделять их.

94. Когда по воле случая оба они одновременно приблизились к реке, Антоний, соскочив с повозки, прыгнул на одну из стоявших у берега лодок и направился к Цезарю, относясь к нему с доверием, как к другу. Цезарь, видя это, сделал то же самое, так что они встретились на реке, препираясь из-за того, что каждый из них хотел высадиться на берегу другого. В этом споре взял верх Цезарь под предлогом, что едет одновременно и к Октавии в Тарент, и таким образом поместился вместе с Антонием на его повозке. И в Таренте он остановился там, где жил Антоний, без стражи; ночь он провел также у него без всяких телохранителей. На другой день такое же доверие выказал с своей стороны Антоний. Так постоянно менялись их отношения, склоняясь то к подозрительности вследствие стремления к власти, то к взаимному доверию в силу необходимости.

95. Морское наступление против Помпея Цезарь откладывал до следующего года. Тем не менее, вследствие того что Антоний из-за парфянской войны не мог оставаться долее, произведен был взаимный обмен; Антоний дал Цезарю сто двадцать кораблей, немедлено выслав их в Тарент; Цезарь, с своей стороны, обещал послать Антонию двадцать тысяч набранных в Италии пехотинцев. Сверх того Октавия подарила брату, выпросив их у Антония, десять трехвесельных судов, представлявших смешаный тип грузовых и военных кораблей. Цезарь, в свою очередь, подарил Октавии тысячу отборных телохранителей, которых должен был выбрать Антоний. Так как время их власти, данной решением народа, истекало, они продлили эту власть на следующее пятилетие, не спрашивая уже постановления народа. Вот при каких обстоятельствах они расстались. Антоний направился прямо в Сирию, оставив Октавию, вместе с родившейся у них дочерью, у брата.

96. Менодор вследствие врожденного предательства или опасался высказанной некогда угрозы Антонием, сказавшим, что он привлечет его к ответу как возбуждающего распрю раба, или находил, что был вознагражден менее, чем рассчитывал, или потому, что другие вольноотпущенники Помпея постоянно упрекали его в неверности своему господину и по смерти Менекрата звали его обратно, запросил и получил ручательство в безопасности, а затем перешел к Помпею с 7 кораблями тайно от Кальвизия, начальника флота Цезаря. За это Цезарь отрешил Кальвизия от командования флотом и назначил вместо него Агриппу. Когда флот был готов, Цезарь произвел очищение его следующим образом: около моря стояли алтари, экипаж стал вокруг них в глубоком молчании, жрецы приносили жертвы, стоя у моря, и трижды на ладьях обвозили вокруг флота очистительные жертвы в сопровождении вое-

начальников, молившихся о том, чтобы все дурные предзнаменования обратились от флота на очистительные жертвы. Затем, разделив жертвы, часть бросали в море, часть сжигали, возложив на алтари, причем высказывали различные благие пожелания. 97. Так римляне всегда производят очищение флота. Цезарь намеревался плыть в Сицилию из Дикеархии, Лепид из Африки, Тавр из Тарента, чтобы одновременно напасть на Помпея с востока, юга и запада. Общий для всех день отплытия назначен был Цезарем; это был десятый день после летнего солнцеворота, когда в Риме начинается новый месяц, названный в честь первого Цезаря Июлем вместо Квинтилия. Этот день назначил Цезарь потому, что считал его счастливым, так как его отец всегда оказывался победителем. Помпей противопоставил Лепиду в Лилибее Плиния с одним легионом тяжеловооруженных и с другим значительным отрядом легковооруженных; с востока и запада он охранял весь берег Сицилии, в особенности же острова Липару и Коссиру, чтобы ни Коссира для Лепида, ни Липара для Цезаря не могли послужить гаванями и удобными стоянками для судов при нападении на Сицилию. Лучшую часть флота он поставил в Мессине в резерве на тот случай, если понадобится его содействие. 98. Так готовилась каждая сторона. С наступлением нового месяца все двинулись с восходом солнца. С юга Лепид из Африки, с 1 000 транспортных судов и с 70 военных, с 12 легионами, с 5 000 нумидийских всадников и с прочим обильным снаряжением. Тавр из Тарента отправился только с 102 кораблями из 130 кораблей Антония, так как гребцы остальных перемерли за время зимы. Цезарь в Дикеархии совершал в море с адмиральского корабля жертвоприношения и возлияния тихим ветрам, покровителю Нептуну, спокойному морю, чтобы все они содействовали ему против врагов его отца. Отдельные его суда плыли впереди, исследуя морские бухты, Аппий следовал за Цезарем, охранял его тыл. На третий день после отплытия поднявшийся с юга ветер погубил много транспортных судов Лепида. Все же он пристал к берегу Сицилии и осадил Плиния в Лилибее, причем некоторые города подчинились ему, другими он овладел силой. Тавр, когда подул ветер, вернулся в Тарент. У Аппия, только еще огибавшего Минервин мыс, одни суда разбились о скалы, другие занесены были бурей на мель, третьи рассеяны и понесли разные повреждения. Цезарь, когда началась буря, спасся в защищенный Эрейский залив, потеряв один шестивесельный корабль, погибший вблизи мыса. С переменой южного ветра в заливе, открытом на запад, началось волнение, причем нельзя было ни выплыть из залива против ветра, ни удерживаться на веслах или на якорях. Корабли разбивались один о другой или о скалы. С наступлением ночи опасность еще усилилась.

99. Когда прекратилась буря, Цезарь занялся погребением

мертвых, уходом за ранеными; выплывающим из моря он давал новую одежду и снабжал их новым вооружением, а флот ремонтировал, насколько это было возможно. У Цезаря погибло 6 тяжелых кораблей, 26 более легких судов и еще более галер либурнских. На все эти дела он должен был употребить 30 дней, а лето уже приходило к концу, вследствие чего лучше было бы отложить продолжение военных действий до следующего лета. Однако, так как римский народ продолжал страдать от недостатка съестных припасов, Цезарь, вытащив суда на берег, поспешно стал исправлять их, экипаж же погибших судов отослал Тавру для его опустевших судов. Чтобы успокоить народ при этом столь большом несчастьи, он послал Мецената в Рим, где было еще много таких, которые увлекались памятью о Помпее Великом и полны были обаяния славы этого человека. Ветеранов в Италии Цезарь объезжал лично, рассеивал их страх после всего происшедшего. Прибыв в Тарент, он осмотрел флот Тавра и затем отправился в Гиппоний, где обратился с речью к сухопутным войскам, торопя их с постройкой судов. Приближалось новое наступление на Сицилию.

100. Помпей даже при таких благополучных условиях не счел нужным сделать нападение на остатки пострадавших от бури судов. Он занимался жертвоприношениями морю и Нептуну, назвал себя его сыном, будучи убежден, что не без вмешательства этого божества враги в течение лета дважды потерпели такие поражения. По рассказам, Помпей настолько возомнил о себе, что заменил обычную для полководцев пурпурную верхнюю одежду лазоревой как приемный сын Нептуна. Он поджидал возвращения Цезаря. Узнав, что тот строит корабли и собирается вновь повести наступление в то же лето, он был смущен предстоящей борьбой против такой несокрушимой решимости и таких приготовлений. Поэтому он послал Менодора во главе тех семи судов, которые у него были, наблюдать за стоянками судов Цезаря и нанести ему по мере возможности вред. Однако Менодор, раздраженный все время тем, что ему не было поручено командование флотом, и сознавая, что из-за недоверчивости к нему ему не дадут других кораблей, кроме тех, над которыми он начальствовал, замыслил новую измену. 101. Но ранее он счел, во всяком случае, для себя полезным пока проявить себя чем-либо. Он раздал плававшим с ним все золото, какое имел с собою, проплыл на веслах за три дня 1 500 стадий, набросился, как молния, на охрану, сторожившую строящиеся суда Цезаря, и так же быстро скрылся, захватив 2 или 3 сторожевых судна. Он топил, захватывал, сжигал также транспортные суда, груженные хлебом и стоявшие на якоре или плывшие мимо. Всем этим Менодор, в отсутствие Цезаря и Агриппы, отправившегося за лесом, вызвал общее смятение. Гордый своими успехами, Менодор на-

рочно, пренебрегая присутствием врагов, направил тихим ходом корабль на илистое место у берега, делая вид, что ил его удерживает; враги сбежали с гор и устремились на Менодора, как на готовую добычу; он, оттолкнувшись, со смехом удалился. Войско Цезаря было разочаровано и изумлено. Показав всем этим, какой он враг и каким мог бы быть другом, Менодор, имея в виду будущее, отпустил взятого в плен сенатора Ребилла.

102. Со времени своего первого перехода к Цезарю Менодор свел дружбу с Миндием Марцеллом, одним из приближенных Цезаря; теперь он говорил своему экипажу, что Миндий замышляет изменить Цезарю и перейти на их сторону. Поэтому он, приблизившись к врагам, просил Миндия встретиться с ним для важнейших для обеих сторон переговоров на каком-нибудь островке. Когда встреча состоялась, Менодор заявил Миндию, — причем никто другой его не слыхал, — что он перешел к Помпею, будучи оскорблен бывшим в то время начальником флота Кальвизием. Теперь же, когда начальство над флотом принял Агриппа, он возратится к Цезарю, который ничем его не обидел, если Миндий достанет ему поручительство от Мессалы, замещавшего Агриппу на время его отъезда; говорил далее, что, вернувшись, он загладит свой проступок блестящими делами; до получения поручительства во избежание подозрений он будет продолжать слегка наносить вред Цезарю. И действительно, он продолжал это делать. Мессала сначала колебался, считая позорным входить в переговоры с Менодором, затем, однако, согласился — или считал это необходимостью, вызванной войною, или предвидел и предугадывал, как отнесется к этому Цезарь. Таким образом Менодор снова перешел на сторону Цезаря, когда он прибыл, бросился к его ногам и просил простить его, не спрашивая о причине его предыдущего побега. Цезарь, согласно уговору, простил Менодора и гарантировал ему безопасность. Тайно, однако, Цезарь приказал наблюдать за ним, триеархов же его он отпустил, куда им хотелось. 103. Когда флот был готов, Цезарь выступил вновь и, приплыв в Гиппоний, приказал Мессале с двумя легионами направиться в Сицилию к лагерю Лепида и устроить стоянку, проплыв в залив прямо против Тавромения. Три других легиона он послал для наблюдения за развертывающимися событиями в Стилиду, лежавшую при конце пролива. Тавру из Тарента Цезарь велел плыть к Скилакийскому мысу против Тавромения. Тавр исполнил это приказание, так что он одинаково готов был к битве и к продолжению плавания. По берегу его сопровождало сухопутное войско, причем шедшая впереди конница обследовала берега, а легкие либурнские суда — море. Цезарь, прибыв к нему из Гиппония, также явился у Скилакия и, одобрив найденный им блестящий порядок, вернулся в Гиппоний. Помпей, как уже сказано, охранял

все доступы к Сицилии, суда же свои держал в Мессине, чтобы оказать помощь, где она понадобится. 104. Такие приготовления ими делались. К Лепиду, между тем, транспортные суда снова везли остальные четыре легиона. Посланный Помпеем Папий, встретясь с ним, воспользовался тем, что они приняли его суда за дружественные, — они думали, что с ними встретились суда Лепида, — начал истреблять их. Суда же Лепида были отправлены слишком поздно, и, когда они явились с запозданием, транспортные суда укрылись от них, приняв их за вражеские, пока одни из них сгорели, другие были захвачены, третьи потоплены, остальные отплыли обратно в Африку. Из войска в море погибли два легиона. Если же кто спасался и выплывал, тех убивали на берегу Тизиен, другой военачальник Помпея. Остальные перебежали к Лепиду, кто теперь же, кто позже. Папий отплыл обратно к Помпею. 105. Цезарь со всем флотом отплыл к Стронгиле, одному из пяти Эоловых островов, обследовав предварительно море. Заметив на сицилийском фронте большие военные силы, в Пилориаде, Милах, Тиндариде, он вообразил, что перед ним сам Помпей и, передав начальство в этом месте Агриппе, вновь отплыл в Гиппоний; из Гиппония же с тремя легионами Мессалы быстро проследовал в лагерь Тавра, рассчитывая захватить Тавромений в отсутствие Помпея и напасть на него с двух сторон. Агриппа от Стронгилы отплыл к Гиере и, так как гарнизоны Помпея не могли ему противостоять, овладел ею, а на следующий день намеревался сделать нападение на Демохара, одного из начальников Помпея, находившегося в Милах с 40 кораблями. Помпей опередил нападение Агриппы, послал к Демохару из Мессины еще 45 судов под начальством вольноотпущенника Аполлофана, и сам последовал за ним с другими 70 кораблями. 106. Агриппа же еще ночью отплыл из Гиеры с половиной флота, имея в виду сражение с одним Папием. Когда он увидел суда Апполлофана и еще 70 других, он тотчас известил Цезаря о том, что Помпей с большей частью флота находится в Милах; сам же стал во главе флота, поместив тяжелые суда в середине и поспешно вызвав остальной флот из Гиеры. Снаряжение обеих сторон было блестящее: на носовой и кормовой частях кораблей имелись башни. После обычных призывных речей и поднятия сигналов на судах они устремились друг на друга, одни прямо с фронта, другие в обход, с криком, с шумом, производимым судами, чтобы этим навести страх. Суда Помпея были меньше, более легкие и быстрые при нападении и обходе, суда Цезаря более крупные и тяжелые, вследствие этого более медленные на ходу, но зато обладавшие большей силой при нападении и менее чувствительные к повреждениям. Экипаж на судах Цезаря был опытнее в морских делах, на судах же Помпея — сильнее. Превосходство судов Помпея проявлялось не в нападении, но при обходе —

они или отгибали назад концы и лопатки весел, или ломали их рукоятки у более крупных судов, или отделяли суда от других, нанося тем не меньший вред, чем прямым нападением. Суда Цезаря нападали на более короткие суда Помпея, отталкивали их, потрясали или пробивали. При сцеплении же они нападали на эти более низкие суда с высоты, причем им было легче сбрасывать железные «вороны» и крючки. Одолеваемые всем этим, люди бросались в море, и их подбирали плававшие вокруг вспомогательные суда Помпея. 107. Агриппа устремился прямо на корабль Папия, ударив его в защитные брусья, потряс и расколол его до самого низа; люди, находившиеся на башнях, были сброшены, и вода разом устремилась на корабль; из гребцов все нижние оказались запертыми, другие, проломив палубу, спаслись вплавь. Папий, принятый на ближайший корабль, вновь устремился против врагов. Помпей, видя с мыса, что его суда мало приносят пользы, что при сцеплении в рукопашную они лишаются своих военных сил, что к Агриппе из Гиеры плывет еще другой флот, поднял сигнал к отступлению с соблюдением порядка. Они отступали, нападая, и медленно шли назад, при натиске же со стороны Агриппы они спасались, но не к берегу, а в илистые места, образуемые реками при впадении в море.

108. Агриппе его кормчие не советовали с большими судами заходить на мелкие места; поэтому он оставался в море на якорях,чтобы подстеречь врагов и сразиться с ними, если понадобится, ночью. Но друзья уговаривали его не вступать в сражение, осторожно указывали, что не следует ни утомлять войск бесонницей и новыми усилиями, ни доверяться многобурному морю. Поэтому он только к вечеру отплыл. Помпеянцы также отплыли в свои заливы, потеряв тридцать кораблей и потопив пять неприятельских, нанеся достаточный вред другим судам, но и сами потерпев не меньшие повреждения. Хваля их за то, что они устояли против таких мощных судов, Помпей говорил, что это был скорее штурм крепости, чем морская битва. Он одарил своих солдат как победителей и подавал им надежду, что в проливе, пользуясь силой течения, их более легкие суда возьмут верх, сам же со своей стороны обещал увеличить высоту кораблей. Таков был исход битвы при Милах между Агриппой и Папием.

109. Предполагая, как это и было в действительности, что Цезарь отправился в лагерь Тавра с тем, чтобы напасть на Тавромений, Помпей после обеда прямо отплыл в Мессину, оставив часть флота в Милах, чтобы Агриппа думал, что Помпей еще здесь. Агриппа же, дав отдохнуть, сколько необходимо, своим людям, отплыл в сдававшуюся ему Тиндариду. Он вошел туда, но снова был вытеснен мужественно сражавшимся гарнизоном. Зато к нему присоединились другие города и приняли его гарнизоны. Сам он вновь вернулся в Гиеру.

Цезарь, получив более точные сведения о том, что Помпей отплыл из Мессины в Милы из-за Агриппы, переплыл из Скилакия в Левкопетру, откуда он намеревался ночью через пролив достигнуть Тавромения. Узнав о происшедшей морской битве, он изменил свое намерение и решил плыть после одержанной победы уже не тайком, а при дневном свете, во главе бодро настроенного войска: он был вполне убежден, что Помпей еще находится у Агриппы. Обозревая днем море с гор и найдя его свободным от неприятелей, Цезарь отплыл с таким количеством войск, какое только могли вместить суда, оставив Мессалу с остальными войсками до тех пор, пока корабли не возвратятся к нему. Приблизившись к Тавромению, Цезарь хотел склонить город к сдаче, но, так как гарнизон не принял его предложения, проплыл мимо реки Онобалы и храма Венеры и пристал у статуи Архегета — божества наксосцев — с тем, чтобы, разбив там лагерь, сделать попытку овладеть Тавромением. Архегет — это статуя Аполлона, поставленная первоначально выселившимися в Сицилии наксосцами.

110. При сходе на берег Цезарь поскользнулся и упал, но поднялся сам. Пока он устраивал лагерь, приплыл Помпей с многочисленным флотом совершенно неожиданно для Цезаря, который думал, что Помпей сражается с Агриппой. Помпея сопровождала по берегу конница, подвигавшаяся наравне с флотом; с другой стороны показалась пехота, так что все на стороне Цезаря были охвачены страхом, оказавшись посреди трех неприятельских отрядов, Цезарь же опасался, что он уже не будет иметь возможности послать за Мессалой. Всадники Помпея начали тотчас беспокоить людей Цезаря, занятых сооружением лагеря. Если бы вслед за всадниками были двинуты пехота и флот, Помпею легко удалось бы добиться еще больших успехов. Но неопытные в военном деле помпеянцы не знали о происшедшем смятении в войске Цезаря и не решались в то же время начать битву в вечернее время; одни из них стали на якорь у Коккинского мыса, пехота же, признавая неудобным устраиваться лагерем вблизи неприятеля, удалилась в город Фенику. Таким образом, ночью они бездействовали, а солдаты Цезаря заканчивали устройство лагеря, однако вследствие утомления и бессонницы не были способны к бою. Было всего 3 легиона, 500 всадников без лошадей, 1 000 легковооруженных, 2 000 ветеранов, примкнувших добровольно к Цезарю, сверх этого отряд флотского экипажа. 111. Поручив начальство над всей пехотой Корнифицию, Цезарь предписал ему отражать сухопутные неприятельские силы и действовать сообразно с обстоятельствами. Сам он на судах, еще до наступления дня вышел в море, чтобы и оттуда не быть запертым врагами. Правое крыло он поручил Титинию, левое Каризию, сам же взошел на либурнское судно и объезжал все суда со словами ободрения. После увещания он снял с корабля полко-

водческий значок, как во время величайшей опасности. Помпей также вывел свои суда, и они дважды сталкивались с неприятельскими. Битва закончилась только ночью. Суда Цезаря были захвачены и сожжены. Некоторые, распустив малые паруса, отплыли в Италию, не ожидая приказаний. Суда Помпея после кратковременного преследования их обратились против остальных и часть из них захватили, часть сожгли. Кто спасался вплавь на берег, тех убивали или захватывали всадники Помпея. Кто же убегал в лагерь Корнифиция, тем при их приближении он оказывал помощь, высылая, однако, к ним только легковооруженных, двинуть же упавшие духом отряды против самоуверенной, благодаря победе, как это можно было ожидать, неприятельской пехоты он считал неуместным. 112. Пока Цезарь промедлил среди вспомогательных судов большую часть ночи, колеблясь — возвращаться ли ему в Корнифицию через море, покрытое столькими обломками судов, или же спасаться бегством к Мессале, божество привело его в Абальский залив с одним только оруженосцем, без друзей, телохранителей, рабов. Здесь его, ослабевшего и телом и духом, нашли люди, спустившиеся с гор на разведку, и они, чтобы лучше скрыть его, стали передавать его с одной лодки на другую и таким образом переправили к находившемуся недалеко Мессале. Тотчас, еще не оправившись, Цезарь послал либурнское судно к Корнифицию и, разослав повсюду по горам известие о своем спасении, приказывал всем итти на помощь Корнифицию, которому в собственноручном письме обещал немедленную помощь. Приведя себя в порядок и немного отдохнув, Цезарь ночью отправился в Стилиду в сопровождении Мессалы к Каррине, имевшему при себе три готовых к отплытию легиона. Ему он приказал плыть к Липаре, куда и сам намеревался отправиться. В письме к Агриппе Цезарь просил спешно послать Ларония с войском на помощь находившемуся в опасном положении Корнифицию. Мецената же он снова отправил в Рим из-за происходивших там волнений, причем некоторые из главарей были наказаны. Мессала был отправлен в Дикеархию привести оттуда в Гиппоний так называемый первый легион. 113. Этого Мессалу триумвиры в свое время объявили проскрибированным, обещав тому, кто его убьет, деньги и свободу. Он бежал к Кассию и Бруту, по смерти же их по договору сдал войско Антонию. Я счел нужным упомянуть об этом как об образце великодушия римлян: имея в своих руках человека, включившего его в проскрипционный список, теперь одинокого и в тяжелых обстоятельствах, Мессала обращался с ним как с верховным повелителем и спас его. Корнифиций легко мог отражать неприятелей из-за укреплений, но, чтобы избежать опасности голода, построил войска в боевой порядок и призывал их к битве. Помпей не считал нужным вступать в бой с людьми, для которых в одной этой битве заключалась

надежда, и предпочитал взять их голодом. Тогда Корнифиций, имея посредине безоружных, спасшихся с судов, выступил из лагеря в тяжелых условиях и, подвергаясь обстрелам в ровных местах со стороны всадников, в скалистой местности со стороны стрелков и легковооруженных нумидийцев, которые, как настоящие африканцы, бросали в них копья и убегали, лишь только обращались против них. 114. На четвертый день они с трудом достигли безводной местности, о которой рассказывали, что ее заполнял огненный поток, доходивший до самого моря и иссушивший всю протекавшую воду. Соседние жители проходили через эту местность только ночью, так как днем она отличается удушливой жарой и обилием золы и пепельной пыли. Солдаты Корнифиция не решались итти здесь ночью, тем более, что не знали пути и опасались засад; но они не могли итти здесь и днем, так как задыхались и обжигали себе ступни, как в летнюю жару, особенно же те, кто были босы. Не будучи в состоянии медлить на месте из-за мучившей их жажды, они в то же время не могли опередить обстреливавших их копьями врагов и получали раны, не имея возможности обороняться. А так как выходы из этой сожженной местности были заняты другими неприятельскими отрядами, то, не заботясь более ни о наиболее слабых, ни о безоружных, те, кто были еще в силах, со смелостью отчаянья бросились в проходы, тесня, насколько могли, неприятеля. Так как внешние выходы оставались занятыми врагами, они уже отчаивались в своем спасении и теряли силы от жажды, жары и утомления. После убеждений Корнифиция, указывавшего на близость источника, они, вновь потеряв много своих, потеснили неприятеля; источник, однако, был захвачен другим неприятельским отрядом. Тогда люди Корнифиция потеряли всякое мужество и пришли в полное изнеможение. 115. В то время как они находились в таком положении, вдали показался Лароний, посланный Агриппой с тремя легионами. Еще не было ясно, друг ли он. Движимые всегда надеждой, они ждали, что он будет таковым, и снова ободрились. Увидя же, что неприятель покидает источник, чтобы не очутиться между двух враждебных войск, они со всей силой закричали от радости, и, когда Лароний крикнул им в ответ, они бегом овладели источником. Начальники запрещали им пить воду сразу и помногу. Те, кто не обращали внимания, пили, тут же умирая. Так Корнифиций и уцелевшая часть его войска неожиданно были спасены и прибыли в Милы к Агриппе.

116. Агриппа овладел Тиндаридой, местечком, изобиловавшим съестными припасами и удобно расположенным для ведения войны на море. После этого и Цезарь переправил туда пехоту и конницу. Было у него всего в Сицилии тяжеловооруженных до 21 легиона, 20 000 всадников и свыше 5 000 легковооруженных. Милы, равно как и вся территория от Мил до

Навлоха и Пелориады и весь берег все еще были заняты гарнизонами Помпея. Из страха особенно перед Агриппой они поддерживали постоянный огонь, чтобы зажигать приближающиеся суда. Помпей владел также и ущельями с обеих сторон. Он укрепил горные обходные пути в окрестностях Тавромения и близ Мил и беспокоил Цезаря, лишь только тот стал двигаться вперед из Тиндариды, не вступая, однако, в открытый бой. Предполагая, что Агриппа сделает высадку в Пелориаде, он, оставив проходы близ Мил, отправился туда. Цезарь завладел как ими, так и Милами и Артемисием, небольшим городом, где некогда, как говорят, жили быки Гелиоса, а Одиссей видел свой сон. 117. Слухи относительно Агриппы оказались ложными. Тогда Помпей, узнав о потере проходов, призвал к себе Тисиена с войском. Выступив против Тисиена, Цезарь сбился с пути близ горы Микония и провел там ночь не в палатке. Так как шел сильный дождь, обычный поздней осенью, солдаты всю ночь держали над ним галльский щит. От Этны исходил глухой шум, далеко слышен был рев и виден свет, освещавший войско, так что германцы от страха выбегали из лагеря. Но и другие, слыхавшие рассказы об Этне, опасались, как бы при таком неожиданном стечении обстоятельств огненный поток не устремился на них. После этого Цезарь стал опустошать область палестенов, причем с ним встретился занимавшийся фуражировкой Лепид, и они оба расположились лагерем близ Мессены. 118. До сих пор по всей Сицилии происходили мелкие стычки; более же крупного дела не было ни одного.

Цезарь послал Тавра отрезать подвоз продовольствия к Помпею и захватить города, откуда доставлялся провиант. Сильнейшим образом страдая от этого, Помпей решил дать большое сражение, которое определило бы исход борьбы. Пехоты Цезаря он опасался, но, гордясь своими кораблями, он послал спросить Цезаря, согласен ли он решить их борьбу морской битвой. Хотя Цезарь и страшился всего связанного с морем, так как до сих пор не имел успеха на нем, однако, стыдясь отказаться, принял вызов. Назначен был день, к которому обе стороны снарядят по триста кораблей, снабженных всевозможными башнями и машинами, какие только могли придумать. Агриппа придумал так называемый гарпакс — пятифутовое бревно, обитое железом и снабженное с обоих концов кольцами. На одном из колец висел гарпакс, железный крюк, к другому же было прикреплено множество мелких канатов, которые при помощи машин тянули гарпакс, когда он, будучи брошен катапультой, зацеплял вражеский корабль. 119. Когда назначенный день наступил, при громких криках бой начался с состязания гребцов, бросавших как машинами, так и руками камни, зажигательные снаряды, стрелы. Затем и сами суда стали разбивать друг друга, ударяя или в бока, или в эпоти-

ды — выдававшиеся спереди брусья, — или в носовую часть, где удар был сильнее всего и где он, сбрасывая экипаж, делал корабль неспособным к действию. Некоторые суда, проплывая мимо, осыпали друг друга снарядами и копьями. Вспомогательные суда подбирали упавших. Тут происходили рукопашные схватки, проявлялась сила моряков и ловкость кормчих, слышались крики, увещанья начальников, действовали машины. Но более всего отличался гарпакс, сбрасывавшийся на корабли благодаря своей легкости с большого расстояния и зацеплявшийся всякий раз, когда канаты с силой тянули его назад. Обрубить его для подвергшихся нападению было трудно, так как он был окован железом; длина же его делала и канаты недоступными для того, чтобы их обрубить. В виду того что орудие введено было в действие впервые, то не придумали еще таких мер против него, как серпы, насаженные на древки. Единственное средство, какое могли придумать против гарпакса, в виду неожиданности его появления, — двигаться в противоположном направлении, давая задний ход. Но так как то же самое делали и противники, силы же гребцов были равны, гарпакс продолжал делать свое дело. 120. Сблизившиеся корабли сражались всеми способами, экипажи их перескакивали на неприятельские суда, причем с обеих сторон одинаково нелегко уже было отличать неприятелей, так как и оружие было у всех одно и то же и говорили почти все на италийском языке. Условленный пароль в этой обоюдной свалке делался известен всем — обстоятельство, послужившее для множества разнообразных обманов с обеих сторон; друг друга не узнавали как в бою, так и в море, наполнившимся телами убитых, оружием, обломками кораблей. Все средства борьбы были испробованы, кроме лишь огня, от которого после первого набега кораблей отказались вследствие тесного сплетения судов. Сухопутные войска обеих сторон со страхом и вниманием следили с берега за происходившим на море, связывая с исходом боя все свои надежды. Однако ничего не могли они различить и разобрать, как ни напрягали зрение, так как 600 кораблей выстроились в длинную цепь по линии, а жалобные вопли попеременно раздавались то с той, то с другой стороны. 121. Наконец, Агриппа, заметив по цвету башен, которым корабли только и различались между собою, что кораблей Помпея гибло больше, ободрил окружавших его, указывая, что успех на их стороне. Затем, снова напав на неприятелей, он начал непрерывно теснить их до тех пор, пока наиболее теснимые не сбросили башен и, повернув суда, начали спасаться бегством в проливе, причем успело спастись только 17 кораблей. Остальным путь к бегству был отрезан Агриппой, и они, преследуемые им, разбивались о берег, причем случалось, что в стремительном преследовании и преследователи терпели ту же участь, или же, если они становились на якорь, их захватывали

или сжигали. После этого и те, кто еще продолжал сражаться, видя происходившее вокруг, также стали сдаваться неприятелям. Войска Цезаря на море испускали победные крики; им вторила пехота на берегу. На стороне Помпея раздавались вопли отчаяния. Сам он поспешно бежал из Навлоха в Мессену, в растерянности оставив пехотные войска на произвол судьбы. Вследствие этого Тисиен, по соглашению, сдал их Цезарю, а вслед за тем сдалась и конница. Во время боя потоплено было у Цезаря 3 корабля, у Помпея 28. Остальные были или сожжены, или захвачены, или погибли, разбившись о берег. Спаслось только 17.

122. Получив в пути известие о сдаче войск, Помпей сменил полководческие одежды на частное платье и послал в Мессену распоряжение погрузить на корабли что только возможно; к этому все уже было задолго подготовлено. В то же время он спешно вызвал из Лилибея Плиния с бывшими при нем 8 легионами для сопровождения его во время бегства. Плиний поспешил к нему. Но остальные сторонники Помпея, и друзья, и гарнизоны, и войска, перешли на сторону противника, так как он проник уже в пролив. Тогда Помпей, не дожидаясь долее Плиния и несмотря на надежные укрепления города, бежал из Мессены на 17 судах к Антонию, мать которого он выручил в подобных же обстоятельствах. Не встретясь с ним, Плиний прибыл в Мессену и занял ее. Цезарь, оставшись сам в лагере при Навлохе, дал распоряжение Агриппе осадить Мессену, которая и была осаждена при участии Лепида. Плиний через послов предложил начать переговоры. Агриппа просил до утра подождать Цезаря, Лепид же заключил от себя соглашение, причем, чтобы склонить на свою сторону войска Плиния, согласился на то, чтобы они вместе с остальными войсками участвовали в разграблении города. Вместо спасения жизни, о которой они только и просили, они неожиданно получили возможность поживиться и в течение всей ночи вместе с людьми Лепида предавались грабежу, после чего перешли на сторону Лепида. 123. Располагая вместе с ними 22 легионами пехоты и многими всадниками, Лепид возомнил о себе и вознамеревался овладеть Сицилией под тем предлогом, что он первый высадился на остров и привлек на свою сторону большое число городов. Разослав всем гарнизонам предписание в случае приближения войск Цезаря не впускать их, он занял все проходы. Цезарь явился на следующий день и через друзей упрекал Лепида, причем они говорили, что Лепид пришел в Сицилию в качестве союзника Цезаря, а не с тем, чтобы завладеть ею для себя. Тот возражал, что его лишили прежнего положения, которое Цезарь присвоил себе, и указывал, что он отдаст ему и Африку и Сицилию, если Цезарь вернет ему его положение. Раздраженный Цезарь в гневе явился к Лепиду лично и упрекал его в неблагодарности. Они

разошлись с угрозами друг другу; вслед затем разошлась и их стража, а корабли стояли наготове на якорях, так как говорили, будто Лепид замышляет их сжечь.

124. Войска были недовольны угрозой новой гражданской войны и непрекращающимися раздорами. Притом они не считали Лепида равным Цезарю; даже собственные солдаты Лепида, удивляясь доблестям Цезаря, признавали в то же время вялость Лепида и ставили ему в вину допущенный им грабеж, так как их поставили наравне с побежденными. Узнав об этом, Цезарь через подосланных людей тайно расхваливал поодиночке солдатам Лепида ожидающие их преимущества. Многие склонились на его сторону и особенно бывшие помпеянцы из опасения, что их договор непрочен без согласия Цезаря. Между тем как Лепид по своей беспечности ничего не знал об этом, Цезарь явился к его лагерю со множеством всадников, которых оставил перед оградой, а сам вошел в лагерь с немногими людьми, заверяя всех встречных, что он не желает войны. Видевшие приветствовали его как императора, причем первыми сбежались помпеянцы, уже склонившиеся на его сторону и просившие его простить их. Он выразил удивление, почему, прося прощения, они не делают того, что должно послужить к их пользе. Они тотчас поняли и, схватив знамена, принесли их Цезарю, другие же разобрали палатки.

125. Услыхав шум, Лепид выскочил из палатки и схватился за оружие. Посыпались удары. Один из оруженосцев Цезаря пал. Сам Цезарь получил удар по панцырю; копье, однако, не задело кожи, и он поспешно спасся бегством к своим всадникам. Гарнизон одного из укреплений Лепида смеялся над его бегством. Раздраженный этим Цезарь не успокоился до тех пор, пока не овладел со своими всадниками этим укреплением и не разорил его. Начальники других гарнизонов передались от Лепида к Цезарю, одни тотчас, другие в следующую ночь, без попытки сопротивления, некоторые для видимости после слабого нападения конницы; но были и такие, которые выдержали и отражали нападение. Лепид посылал повсюду подкрепления. Но когда и сами эти подкрепления изменили, переменилось настроение остального войска Лепида, даже тех, кто был привержен к нему. Первыми опять-таки перебежали отдельными частями помпеянцы, которые еще оставались у Лепида. Когда же он, чтобы удержать их, отправил против них других, последние, захватив свои знамена, вместе с остальными перешли к Цезарю. Лепид угрожал уходившим, удерживал знамена, говорил, что не пустит их, упрашивал их до тех пор, пока кто-то не сказал, что, мертвый, он их пропустит; испугавшись такой угрозы, Лепид отпустил. 126. Перешедшие последними всадники спрашивали Цезаря, не убить ли Лепида, так как он уже более не полководец. Он им это воспретил. Таким образом, вследствие неожиданной общей измены после столь

высокого положения и обладания столь многочисленными войсками Лепид в короткое время оказался ни с чем. Переменив одежду, он побежал к Цезарю, причем видевшие это сбегались смотреть на происходящее как на зрелище. Цезарь встал при приближении Лепида и, не допустив его упасть к своим ногам, отослал в Рим в одежде, в какой он был, одежде частного лица, а не в полководческой; за ним осталось только его жреческое звание. Так этот человек, часто бывший полководцем и триумвиром, назначавший начальствующих лиц, вносивший в списки приговоренных к смерти сенаторов, ему равных по положению, жил частным лицом, оказавшись даже ниже некоторых из внесенных в проскрипционные списки, а теперь занимавших высокое положение.

127. Помпея Цезарь не преследовал и не поручал преследовать и другим, или опасаясь вторгнуться в чужую, принадлежавшую Антонию, область, или предвидя будущее и возможные выступления против него со стороны Антония, чтобы иметь предлог к разрыву, в случае если бы произошло какое-нибудь нарушение заключенного договора (задолго уже можно было подозревать, при их стремлении к власти, что с устранением других начнется борьба между ними), или, как позже говорил сам Цезарь, он не преследовал Помпея потому, что тот не был убийцей его отца. После того как все войска были собраны, у Цезаря оказалось 45 легионов тяжеловооруженных, 25 000 всадников, более чем полуторное по сравнению с всадниками число легковооруженных и 600 военных кораблей. Несчетное множество грузовых судов он разослал по их владельцам. Затем он одарил войска наградами по случаю победы, частью выдав их сразу, частью обещав выдать потом, распределил между всеми венки и другие знаки отличия и дал прощение начальникам Помпея. 128. Божество, однако, позавидовало его счастью: войска возмутились, и главным образом его собственные, требуя скорейшего роспуска и таких же наград, как те, что были розданы сражавшимся при Филиппах. Он сам не считал последнюю битву равнозначной той, однако обещал дать столько же, сколько получат солдаты Антония, когда он возвратится.

Что же касается роспуска, то Цезарь с угрозой напоминал об отечественных законах, о данных солдатами клятвах, о дисциплине; видя однако, что его слушают непокорно, прекратил угрозы, чтобы не началось волнение и среди вновь присоединенных войск. Он говорил, что в свое время их распустит, в одно время с Антонием, теперь же поведет их не на гражданскую войну, успешно закончившуюся, а против иллирийцев и других варварских племен, нарушивших только-что заключенный мир, причем солдаты тут могут обогатиться. Они, однако, отказывались выступить в новый поход, пока не получат даров и наград за прежний. Цезарь отказывался теперь же раз-

давать награды и взамен того предлагал добавить легионам еще много венков, дать им звание членов совета на их родине. Пока Цезарь давал все эти обещания, трибун Офиллий начал кричать, что венки и пурпурные одежды — детские игрушки, награда же воинам — земля и деньги. Тогда Цезарь в гневе сошел с трибуны. Сторонники трибуна, напротив, одобряли его и бранили тех, кто не становился на их сторону. Сам Офиллий утверждал, что он и один будет защищать столь правое дело. После этого на другой день он исчез, и никто не знал, что с ним случилось. 129. Из страха никто уже в войске теперь не говорил поодиночке, но, собравшись отрядами, все сообща кричали, требуя роспуска. Цезарь всякими хитростями старался склонить на свою сторону главарей. Сражавшимся при Филиппах и Мутине он разрешил желающим оставить службу как сверхсрочным. Когда таких набралось 20 000, он их отпустил и выслал на острова, чтобы они не смущали остальных. Служившим со времени Мутинской битвы он отдельно добавил, что, независимо от полученного ими отпуска, все обещанное им будет выдано. Выйдя к остальным, он призывал их в свидетели нарушения клятвы со стороны отложившихся, так как они были распущены против воли вождя, оставшихся же он хвалил и обнадеживал, что вскоре отпустит и их, причем никто из них не будет раскаиваться, так как будет отпущен обогащенным; теперь он даст им по 500 драхм. После этой речи он наложил на Сицилию налог в 1 600 талантов, назначил наместников в Африку и Сицилию и выделил войско в каждую из этих провинций, отослал в Тарент принадлежавшие Антонию суда; из остальных войск часть выслал вперед на судах в Италию, стал во главе другой части и сам покинул остров. 130. При приближении к Риму сенат назначил Цезарю безмерные почести, предоставив на его усмотрение, принять ли их все или только те, которые сочтет нужными. Встречали его, выйдя на далекое расстояние, и сенаторы и народ, все украшенные венками, а затем сопровождали его и в храмы и по пути из храмов домой. На другой день Цезарь держал речь в сенате и перед народом, излагал свои дела и меры управления с начала и до настоящего времени. Записав сказанное, он выпустил это отдельной книгой. По случаю окончания гражданской войны Цезарь объявил мир и общую радость, простил недоимки по налогам, а также простил и сборщиков налогов и других откупных сумм, которые они были еще должны. Из постановленных сенатом почестей он принял установление ежегодного праздника в дни одержанной им победы и постановку на колонне на форуме золотой его статуи в одежде, которая была на нем при вступлении в Рим, причем в колонну были вделаны носы кораблей. Статуя была поставлена с надписью: «На суше и на море он восстановил нарушавшийся долгими распрями мир». 131. Народного

постановления о передаче ему от Лепида звания верховного жреца, вопреки закону, согласно которому это звание было пожизненным, Цезарь не принял, равно как отклонил и советы убить Лепида как своего врага. Во все лагери он разослал запечатанные письма с повелением вскрыть их в один и тот же день и исполнить то, что было в них предписано. А содержали они повеление относительно рабов, бежавших во время смут и участвовавших в военных действиях, рабов, для которых Помпей вытребовал свободу, дарованную им и сенатом и договорами. Рабы в один день были схвачены и доставлены в Рим, где Цезарь и возвратил их прежним владельцам-римлянам и италийцам или их наследникам; так же он поступил и в отношении сицилийцев. Тех же рабов, которых никто не брал, он велел казнить близ городов, откуда они бежали.

132. Таков, казалось, был конец усобиц того времени. Цезарю было в то время 28 лет. Его изображение было поставлено в городах рядом с местными богами. За время смут сам Рим и Италия открыто разграблялись, причем это скорее походило на дерзкие грабительские нападения, чем на тайный грабеж. Сабин, назначенный Цезарем для восстановления порядка, производил массовое истребление захваченных в течение года и обеспечил повсюду мир и безопасность. С этого времени, говорят, и начался обычай устраивать отряд ночных сторожей. Цезарь, заслуживший общее изумление столь быстрым и неожиданным восстановлением порядка, вернул многие права в государственном управлении ежегодным должностным лицам, согласно отцовским законам, сжег документы, относившиеся ко времени смут, и обещал вполне восстановить государственный строй после возвращения Антония из парфянского похода, ибо он был убежден, что и тот пожелает, с прекращением гражданских войн, сложить свою власть. Восхваляя за это Цезаря, его избрали пожизненным трибуном, чтобы этой пожизненной властью побудить отказаться от прежней. Он принял и эту должность и от себя написал Антонию все, что думал относительно верховной власти. Тот предложил обратиться к Цезарю отправлявшемуся в Рим Бибулу. Цезарь послал наместников в провинции и предполагал принять участие в иллирийском походе.

133. Помпей из Сицилии прибыл к мысу Лацинию. Здесь, намереваясь бежать к Антонию, он ограбил богатый пожертвованиями храм Юноны. Прибыв в Митилену, Помпей провел там некоторое время. Там его, еще мальчиком, вместе с его матерью укрыл его отец во время войны с Гаем Цезарем и после своего поражения вновь взял его оттуда. Помпей имел намерение передаться Антонию, воевавшему в то время с мидийцами и парфянами, как только он вернется. Когда Помпей узнал о поражении Антония, что подтверждалось дошедшими слухами, он вновь возымел надежду или стать преемником

Антония в случае его смерти или разделить с ним власть в случае его возвращения. У него все время был в уме пример Лабиена, который незадолго до того прошел Азию опустошительным набегом. В таком положении Помпей получил известие о возвращении Антония в Александрию. Все еще колеблясь, Помпей послал к нему посольство, выдавал себя за его друга и союзника, на деле же он наблюдал за делами Антония. Других послов Помпей отправил во Фракию и в Понт к местным царям, предполагая в случае неудачи своих замыслов бежать через Понт в Армению. Отправил он послов и к парфянам, надеясь, что на будущее время, в случае войны с Антонием, они охотно примут к себе римского полководца, в особенности сына Помпея Великого. Он изготовлял корабли и упражнял их экипаж под предлогом, что он это делает или из страха перед Цезарем или снаряжает все это для Антония.

134. Антоний, узнав о действиях Помпея, избрал против него военачальником Тития, приказал ему взять корабли и войско из Сирии и в случае, если Помпей начнет войну, сражаться против него всеми силами, в случае же если он сдастся, привести его с честью к Антонию. Затем он принял явившихся к нему послов Помпея, передавших ему следующее: «Помпей послал нас не вследствие безвыходности своего положения. Если бы он намеревался продолжать войну, он поплыл бы в Испанию, дружественную ему еще со времени отца, державшую его сторону во время его юности и теперь призывающую его. Однако он предпочитает поддерживать мир вместе с тобой или воевать, если представится необходимость, под твоим начальством. И таковы его намерения не только теперь, но были еще и в то время, когда он владел Сицилией и держал в осаде Италию, когда он дал убежище твоей матери и отослал ее к тебе. Если бы ты тогда принял его дружбу, Помпей не потерял бы Сицилии — ведь ты не дал бы Цезарю своих кораблей против него, — и ты не потерпел бы поражения в Парфии, так как Цезарь не послал тебе войска, как было условлено. Ты владел бы еще и Италией сверх того, что имеешь. Но раз уже ты не воспользовался тогда таким особо благоприятным случаем, то Помпей желал бы, чтобы ты не давал так часто себя обманывать Цезарю словами или ссылкою на родство и помнил, что он начал войну с Помпеем вопреки договору и без всякого повода, не забывал бы и о Лепиде, соучастнике его власти, у которого он отнял принадлежавшую ему долю власти, причем ни той, ни другой долей власти он с тобою не поделился. 135. Ты один теперь остался на пути к столь желанному для него единовластию. Он был бы уже в твоих руках, если бы между вами не стоял Помпей. Тебе и самому следует заботиться о себе; однако Помпей предупреждал тебя обо всем из расположения, предпочитая тебя, человека бесхитростного и ве-

ликодушного, человеку лживому, коварному, изворотливому. Он не ставит тебе в упрек, что ты по необходимости дал Цезарю корабли против него, нуждаясь с своей стороны в войске для парфянского похода, но напоминает об этом, чтобы обратить твое внимание, что это войско не было послано. Коротко говоря, Помпей отдает себя в твое распоряжение с кораблями, какие он еще имеет, и с войском, вполне ему преданным и не оставившим его во время бегства. При сохранении мира ты получишь большую славу, выручив сына Великого, в случае же войны, которая вот-вот начнется, ты найдешь в лице Помпея хорошую поддержку».

136. Когда послы высказали все это, Антоний сообщил им о том поручении, какое он дал Титию. «Если Помпей действительно имеет такие намерения, — сказал он, — пусть явится сюда в сопровождении Тития». Пока это происходило, военачальниками Антония были захвачены и доставлены в Александрию послы, отправленные Помпеем к парфянам. Выведав от них все, Антоний позвал послов Помпея и показал им захваченных людей. Они оправдывали Помпея тем, что, будучи еще молодым человеком и находясь в такой крайности, он из опасения, что Антоний не примет его дружественно, пробовал завязать сношения с злейшими врагами римлян. Он тотчас явится, как только узнает об отношении к нему Антония, так как он уже не будет нуждаться в таких попытках и замыслах. Антоний как человек всегда прямодушный, великий духом и бесхитростный поверил послам.

137. Между тем Фурний, наместник Антония в Азии, принял 35 г.
явившегося с мирными намерениями Помпея, так как не имел сил воспрепятствовать ему и не знал еще решения Антония. Видя, однако, что тот упражняет войска, Фурний произвел набор среди подчиненного ему населения и спешно вызвал к себе Аэнобарба, начальника одного соседнего военного отряда, и Аминту, начальника другого соседнего отряда. После того как они быстро собрались, Помпей начал упрекать их, что они считают его врагом, хотя он отправил послов к Антонию и ждет от него ответа. Однако, говоря так, он замышлял захватить Аэнобарба с помощью предательства некоего Курия, из приближенных Аэнобарба, рассчитывая, что в случае обмана нахождение Аэнобарба в его руках будет иметь большое значение. Предательство было открыто, и Курий, изобличенный присутствовавшими римлянами, погиб. Помпей велел казнить вольноотпущенника Феодора, который один знал о его замыслах и проговорился о них. Не надеясь уже более скрывать свои намерения от Фурния, Помпей с помощью измены овладел Лампсаком, где было много италийцев из поселенных там Гаем Цезарем. За большое жалованье он набрал из них войско. Имея уже 200 всадников и 3 легиона, Помпей напал на Кизик с суши и с моря, однако был отражен: там находился

небольшой отряд Антония, составлявший стражу при гладиаторской школе. Тогда, возвратившись в Ахейский залив, Помпей занялся сбором продовольствия. 138. Фурний не начинал битвы, все время устраивался вблизи него лагерем со многими всадниками, препятствуя ему собирать продовольствие и захватывать города. Не имея конницы, Помпей напал на его лагерь спереди и тайно в то же время обошел его сзади. Фурний пошел против Помпея, но в это время был вытеснен из лагеря напавшими сзади. Помпей преследовал бегущих по долине Скамандра и многих перебил: долина была сырая из-за дождей. Спасшиеся отступили, так как не были уже боеспособны. При наборе в Мизии, Пропонтиде и в других местах, разоренные постоянными налогами охотно нанимались в войско Помпея, особенно благодаря славе одержанной им при Ахейском заливе победы. Не располагая конницей и страдая от этого при сборе продовольствия, Помпей узнал, что к Антонию направляется италийский отряд всадников, посланный Октавией, зимовавшей в Афинах. Он тотчас же послал своих людей с золотом для подкупа отряда. Однако наместник Антония в Македонии захватил их, а бывшее при них золото роздал всадникам. 139. Тогда Помпей захватил Никею и Никомидию, отчего сильно обогатился, в короткое время неожиданно увеличив свои средства до значительных размеров. Но и к Фурнию, стоявшему недалеко лагерем, в начале весны прибыли из Сицилии 70 кораблей, уцелевших из числа тех, которые Антоний дал Цезарю против Помпея и которые по окончании войны Цезарь отпустил. Сверх того, из Сирии явился Титий еще с 120 кораблями и со значительным войском. Все они прибыли в Проконнес. Из страха перед ними Помпей сжег свои корабли и вооружил гребцов, рассчитывая, что они принесут больше пользы. Тогда Кассий из Пармы, Насидий, Сатурнин, Ферм, Антистий и другие из более значительных друзей Помпея, которые еще оставались при нем, наиболее почтенный из них Фанний и даже свойственник Помпея Либон, видя, что и в присутствии Тития, которому Антоний поручил сношения с Помпеем, он не прекращает борьбы против более сильного из противников, отвернулись от него и, обеспечивая свою безопасность, перешли к Антонию. 140. Лишившись друзей, Помпей удалился в глубь Вифинии. Говорили, что он спешит в Армению. Когда он снялся тайно ночью, Фурний, Титий и за ними Аминта стали его преследовать. Они настигли его после усиленного перехода к вечеру и расположились вследствие позднего времени и усталости каждый отдельно своим лагерем близ холмов, не имеющих ни рвов, ни валов. В таком положении на них напал Помпей с 3 000 легковооруженных и многих перебил, когда они еще спали или едва вскочили со сна. Кажется, если бы Помпей напал тогда ночью со всем войском и продолжал

натиск после начавшегося бегства врагов, он быстро одержал бы полную победу. Но, ослепленный божеством, он пренебрег и этой возможностью и после такого успешного дела ограничился тем, что вновь начал отступать в глубь страны. Противники его вновь собрались и продолжали преследование, препятствуя ему собирать продовольствие. Подвергаясь опасности из-за отсутствия продовольствия, Помпей решил вступить в переговоры с Фурнием, бывшим другом Великого и выдававшимся из всех остальных как своим званием, так и более твердым характером. 141. Обратившись к нему через реку, Помпей сказал, что он отправил послов к Антонию и прибавил, что, нуждаясь при своем положении в продовольствии и будучи оставлен ими без внимания, он совершил такой поступок. «Если вы воюете согласно воле Антония, то он плохо рассудил, не предвидя грядущей войны. Если же вы предупреждаете решение Антония, то заклинаю и прошу вас дождаться возвращения моего посольства, отправленного к Антонию, или взять меня самого и препроводить к нему. Я поручаю себя тебе одному, Фурний, прося тебя с уверенностью, что ты в безопасности доставишь меня к Антонию». Так говорил Помпей, решаясь отдаться Антонию как человеку с прекрасным характером и опасаясь только близкого будущего. Фурний отвечал ему: «Кто предает себя Антонию, тому следовало с самого начала отправиться к нему или ожидать спокойно в Митилене ответа, если же кто воюет, тому надо было сделать то, что сделал ты. Но к чему слова, если ты сам это знаешь? Если же ты теперь переменил свое мнение, тебе не должно ссорить между собою нас, военачальников, но сдаться Титию, так как ему было поручено Антонием все, касающееся тебя. Если ты просишь от нас поручительства в безопасности, тебе следует просить об этом одного Тития. Он имеет повеление от Антония, если ты будешь воевать, убить тебя, если сдашься — с честью доставить тебя к нему».

142. Помпей на это с раздражением говорил о неблагодарности Тития, начавшего против него эту войну, между тем как Помпей сохранил ему жизнь, когда он был взят в плен. Но и помимо этого, было бы позорно, чтобы он, Помпей, оказался в зависимости от Тития, человека совершенно безвестного. Титий подозрителен ему и как человек ненадежный по своему характеру и потому, что он помнит обиду, причиненную ему еще до оказанного ему благодеяния. Фурнию же он сдается и просит принять его. Не убедив Фурния, Помпей сказал, что сдается Аминте. Когда же Фурний отвечал, что и Аминта не согласится на это предложение как оскорбительное для того, кому поручено все дело, они разошлись. У окружавших Фурния сложилось представление, что Помпей из-за недостатка средств на другой день сдастся Титию. Он же, оставив ночью гореть в лагере обычные огни и приказав да-

вать в обычные промежутки ночи трубные сигналы, тайно покинул лагерь с легковооруженными, не сообщив даже и этим последним, куда намерен отправиться. Замыслил же он, направляясь к морю, сжечь флот Тития. И вскоре он так и сделал бы, если бы перебежчик Скавр не сообщил об его уходе и о пути, по которому он отправился, хотя и не знал при этом о его намерениях. Аминта с 1 500 всадников бросился преследовать Помпея, не имевшего конницы. При его приближении солдаты Помпея стали переходить к Аминте, одни обращаясь в бегство, другие открыто. Тогда, покинутый всеми и боясь своих собственных людей, Помпей сдался без всяких условий Аминте, не пожелав ранее сдаться Титию на определенных условиях. 143. Так был пленен Секст Помпей, последний из сыновей Помпея Великого. Оставшись после отца еще совсем юным и будучи юношей еще и при жизни брата, он долгое время после них жил в неизвестности, занимаясь тайно грабежом в Испании, пока, как за сыном Помпея Великого, не собралось около него много приверженцев. Тогда он стал действовать более открыто и по смерти Гая Цезаря начал большую войну, собрал многочисленное войско, корабли, деньги и, захватив острова, сделался господином всего западного моря, Италию поверг в голод и принудил врагов к заключению договора, какого желал. Величайшим его делом было то, что он выступил в качестве защитника, когда город страдал от губительных проскрипций, и спас жизнь многим лучшим людям, которые благодаря ему в это время вновь оказались на родине. Но вследствие какого-то ослепления Помпей сам никогда не нападал на врагов, хотя часто для этого представлялся благоприятный случай; он только оборонялся.

144. Таков был Помпей, взятый теперь в плен. Титий взял его войско на службу к Антонию, самого же Помпея на сороковом году его жизни велел убить в Милете по собственной ли инициативе, из раздражения за прежнюю обиду и не чувствуя благодарности за оказанное ему потом благодеяние, или по предписанию Антония. Некоторые утверждают, что приказ был прислан не Антонием, а Планком, наместником Сирии, который был уполномочен в спешных случаях писать письма от имени Антония и пользоваться его печатью. Одни полагают, что Планк писал с согласия Антония, не решавшегося написать лично из уважения к имени Помпея и ради Клеопатры, благосклонно относившейся к Помпею ради его отца, Великого. По другим, Планк написал сам от себя, рассмотрев все обстоятельства и из опасения, чтобы Помпей вместе с Клеопатрой не нарушил существовавшего между Антонием и Цезарем взаимного уважения.

145. Помпей окончил жизнь. Антоний снова выступил в поход в Армению, Цезарь — против иллирийцев, грабивших Италию. Одни из них никогда не были подчинены римлянам,

другие отпали во время гражданских войн. Мне казалось уместным в виду того, что иллирийская история мне в точности неизвестна и по своим размерам она не может составить предмет особого сочинения и так как не пришлось говорить о ней в другом месте, написать о ней, вместе с историей соседней с Иллирией Македонии, начиная с того времени, когда она была захвачена римлянами.

Абидос — город М. Азии на берегу Геллеспонта.

Авгуры — жреческая коллегия в Риме.

Авзония — область Южной Италии.

Агамемнон — один из главных героев Илиады.

Акарнания — область Средней Греции.

Аквилея — город Верхней Италии.

Аквитания — часть Галлии между Пиренеями и океаном.

Акциум — мыс и город Акарнании.

Александрия — город Египта.

Аллоброги — кельтское племя, жившее примерно в нын. Дофине и Савойе.

Альба — город Лациума.

Аммон — египетское божество, отождествляемое римлянами с Юпитером; оракул Аммона находился в Ливийской пустыне.

Амфиполь — город Македонии.

Андрос — северный из Кикладских о-вов.

Анкона — город Пиценской области.

Андриска — якорная стоянка в Ликии.

Анфестерион — греческий месяц, соответствующий марту.

Анций — город Лациума.

Аполлония — город на побережьи Иллирии.

Аппиева дорога соединяла Рим с Капуей.

Апс — река Иллирии.

Апулия — область Южной Италии.

Арад — город Финикии.

Ардея — город Лациума.

Аримин — город Умбрии.

Ариция — город Лациума.

Арреций — город Этрурии.

Артемисий — город Сицилии.

Асила — золотые россыпи в Македонии.

Афродисиада — город Карии.

Аускул — город Апулии.

Ахилл — герой Илиады. Его слова: «О да умру я теперь же, когда не дано мне за друга павшего мстить», из Илиады, 18, 98.

Ацерры — город Кампании.

Аянт Теламонид (сын Теламона)—один из героев Троянской войны.

Баграда — река в области Карфагена

Байи — город Кампании.

Беневент — город Самниума.

Беотия — область Средней Греции.

Бовиан — город Самниума.

Бовиллы — город Лациума, недалеко от Рима.

Бонония — город Цисальпийской Галлии, нын. Болонья.

Брундизий — город Калабрии, нын. Бриндизи.

Бруттии — племя в Южной Италии.

Вар — река на в. границе Нарбонской Галлии, впадающая в Средиземное море, нын. Вар.

Венера — древнеиталийская богиня Дом Юлиев, к которому принадлежал Цезарь, считал ее своей прародительницей.

Венузия — город Апулии, на границе с Луканией, нын. Веноза.

Веста — богиня очага и огня. В небольшом круглом храме ее на римском форуме находился священный очаг, на котором все время пылал огонь, торжественно возобновляемый 1 марта каждого года. За поддержанием огня следили весталки, и если он потухал, это считалось зловещим знамением для государства.

Весталки — жрицы богини Весты. Их было сначала четыре, потом шесть. Они блюли священный огонь на очаге Весты, пользовались большими привилегиями, но в течение 30 лет должны были жить в храме богини в строгом отчуждении от мира и пребывать девственницами. Весталку, нарушившую обет целомудрия, живой закапывали в землю.

Вестины — одно из италийских племен.

Вибона (или Гиппоний) — город в области бруттиев.
Вифиния — область на с.-з. М. Азии.
Военный трибун — пехотой каждого легиона командовало шесть военных трибунов, это был командный состав римской армии.
Вольски — племя в Лациуме.
Всадники — римская финансовая аристократия, совместно с сенаторским сословием образовавшая господствующий слой римской республики.
Вулкан — бог огня.

Габии — город Лациума.
Гадрумет — город в римской Африке.
Галатия — область во внутренней части М. Азии.
Галлия — западная часть Европы между Рейном, Альпами, Пиренеями и океаном, в состав ее входили нынешняя Франция, Бельгия, часть Голландии, значительная часть Швейцарии и зарейнская Германия.
Ганга (Гангит) — река около г. Филипп.
Гаргон — гора в Апулии.
Гарпесс — река во Фракии.
Гаруспики — предсказатели, истолковывавшие «знамения» и объяснявшие их; гадали они по внутренностям убитых животных.
Гебр — река во Фракии.
Геллеспонт — теперь Дарданеллы.
Геллеспонтии — племя, жившее в Мизии (с.-з. часть М. Азии).
Геты (иначе Даки) — фракийское племя на нижнем Дунае.
Гефестион — друг Александра Македонского.
Гидр — город Калабрии.
Гиера — один из Эоловых о-вов ок. Сицилии.
Гирпины — племя в Южной Италии.
Грумент — город Лукании.

Дарданы — одно из иллирийских племен.
Делос — остров на Эгейском море.
Деметриада — город Фессалии.
Дикеархия (Путеолы) — город Кампании.
Диктатор — магистрат, избиравшийся в исключительных случаях. В должности своей он оставался шесть месяцев и имел неограниченную власть. Между 202 и 82 гг. до н. э. в Риме не было диктаторов; в этом году Сулла восстановил диктатуру в личных интересах.
Диомед — один из героев Троянской войны.
Диоскуры (сыновья Зевса)—близнецы Кастор и Полидевк; их считали помощниками в битве и на море.
Диррахий (нын. Дураццо) — гавань на юге Иллирии; первоначально назывался Эпидамном.
Долопы — одно из племен Фессалии.
Драбеск — город Фракии.
Драхма — греческая монета, примерно $24^1/_4$ коп. золотом.

Ибер — Эбро.
Иберы — исконные обитатели Испании, жившие к западу от Ибера.
Идумея — область в Палестине.
Изида — египетское божество.
Икос — остров на Эгейском море.
Ил (Инол) — сын Энея.
Илерта — город Испании.
Илион — Троя.
Иллирия — область в сев. части Адриатического моря.
Император — титул, даваемый сенатом и народом главнокомандующему войсками после его больших побед.
Ионийское море — между Италией, Сицилией и Грецией.
Иония — прибрежная область М. Азии.
Итурея — область в с.-в. Палестине.

Казилин — город Кампании.
Калагурис — город Испании.
Калатия — город Кампании.
Калес — город Кампании.
Камерия — город Лациума.
Кампания — область Средней Италии, около Неаполя.
Канны — город Апулии.
Канузий — город Апулии.
Каппадокия — область М. Азии между Тавром и Черным морем.
Капуя — город Кампании.
Кардия — город на Фракийском Херсонесе.
Квесторы — магистраты, ведавшие финансами. Сначала их было двое, после 421 г. до н. э. число их увеличилось до четырех; из них двое оставались в Риме, а двое отправлялись в поход с полководцем. Число квесторов увеличивалось с увеличением числа провинций, пока Сулла в 82 г. до н. э. не довел его до 20.
Квиринал — один из семи холмов Рима.

Кеос — остров на Эгейском море.
Керавнские горы — горная цепь вдоль берега Эпира.
Керкира — самый большой и северный из Ионийских о-вов у западного берега Эпира нын. Корфу.
Кефалення — остров на Ионийском море.
Кизик — город в сев. части М. Азии.
Киликия — область в ю.-в. углу М. Азии.
Кирена — город Африки.
Клузий — город Этрурии.
Книд — город Карии в М. Азии.
Когорта — десятая часть римского легиона; преторская когорта—гвардия военачальника.
Колонии — общины, основанные в определенных местах на территории ager publicus, управлявшиеся на основе специальной для каждой колонии конституции. Муниципии — города, управлявшиеся на основании собственной конституции или имевшие частично тот же строй, что и Рим, который делегировал в муниципии специального префекта.
Комиции — центуриатные собрания римского народа, где происходило голосование по центуриям (см.); эти комиции избирали консулов, решали вопросы о войне и мире и пр. Трибутные—где голосование происходило по трибам (территориальным участкам).
Коммагена — северная область Сирии.
Консенция — город Южной Италии.
Консул — один из главных римских магистратов. Консулов было два. Они начальствовали над войском, созывали сенат и председательствовали во время заседаний его. Они имели право остановить распоряжение всякой власти, кроме народных трибунов; иногда им вручалось управление целым государством.
Кордуба — город Испании, нын. Кордова.
Корфиний — город в области Пелигнов, в Средней Италии.
Кос — остров на Эгейском море (из числа Спорадских).
Коссира — остров между Сицилией и Африкой.
Ксанф — город Ликии.
Кумы — город Кампании.
Курия — место заседаний сената.
Кэлесирия — часть Сирии между Ливаном и Антиливаном.
Лавиний — река и остров около Мутины (см.).
Лаврон — город Испании.
Лаконцы — обитатели Лаконики, области, лежавшей в ю.-в. части нынешней Мореи.
Лампсак — город Мизии (см.).
Ланувий — город Лациума.
Лаодикея — город Сирии.
Ларисса — самый значительный город Фессалии, в ю.-в. ее части, на ю. берегу р. Пенея.
Латины — италийское племя, обитавшее в долине нижнего Тибра и на Албанских горах, между Тирренским морем и Апеннинами.
Латона—греческая богиня, мать Аполлона «Стреловержца» и Дианы.
Лациум — область в Средней Италии.
Лациний — мыс в Южной Италии.
Левкопетра—предгорье на ю. Бруттия.
Легат—старший помощник военачальника (обычно их было два).
Легион — единица римского войска, включавшая в себя после Мария 6 000 человек. Каждый легион имел при себе кавалерийский отряд в 300 человек.
Либурны — племя в Иллирии.
Лигурия — область в Верхней Италии.
Ликия — область в М. Азии.
Ликторы — служители магистратов, набиравшиеся, обычно, из вольноотпущенников. Они несли перед ними фасции (см.), раздвигали перед ними толпу, следили за тем, чтобы им были оказываемы должные знаки почтения и первоначально приводили в исполнение наложенные ими наказания, а впоследствии только помогали при исполнении этих наказаний. У консула было 12 ликторов, у претора — 2 в Риме и 6 за его пределами.
Лилибей — город на западном берегу Сицилии.
Лирис (Литерн) — река в Средней Италии.
Лисимахия — город Фракии.
Лузитания — западная часть Испании (нын. Португалия).
Лукания — область Южной Италии.
Луцерия — город Апулии.
Липара — самый значительный остров в группе Эоловых о-вов к северу от Сицилии.
Луперкалии — праздник в честь Фавна (божество плодородия, покровитель скота и земледелия; под греческим влиянием отождествлен с Паном).

Мавритания — береговая полоса в Африке.
Македония — область, прилегающая к Северной Греции; римская провинция со II в. до н. э.
Маронея — город Фракии.
Марруцины — племя в Средней Италии.
Марсово поле — большой луг на берегу Тибра в Риме, посвященный Марсу; место собрания центуриатных комиций.
Марс — древнеиталийское божество войны.
Мартовские иды — 15 марта.
Массилия — греческая колония (нын. Марсель)
Мессана — город Сицилии (нын. Мессина)
Метапонт — город Лукании.
Мидяне — персы.
Мизия — с.-зап. область М. Азии.
Милет — город Ионии.
Милы — город Сицилии, около Мессины.
Мина — греческая монетная единица — около 25 руб.
Минд — город Карии (М. Азия)
Минтурны — город Лациума.
Миры — город Ликии.
Митилена — город на о-ве Лесбосе на Эгейском море.
Мурцин — город Македонии.
Мутина — город Цизальпийской Галлии, нын. Модена.

Навлах — город Сицилии.
Наксос — 1) один из Кикладских о-вов, 2) город в Сицилии.
Народные трибуны—плебейская магистратура, созданная плебсом первоначально для собственной защиты. Сперва их было два, потом четыре или пять и примерно с половины V в. до н. э. десять. Личность трибуна считалась священной, убийца их мог быть убит безнаказанно. Главным правом народного трибуна была intercessio, т. е. право налагать свое veto на решения всех других магистратов и даже своего товарища. Выступать с обвинениями против трибуна можно было только по окончании годового срока его магистратуры.
Неаполь — 1) нын. Неаполь, 2) город Македонии.
Нептун — бог моря.
Никея — город Вифинии.
Новум Комум («Новый Комум») — город на нын. озере Комо в Цизальпийской Галлии.
Нола — город Кампании.
Норба — город Лациума.
Нумидия — область в Сев. Африке.
Нуцерия — город ю. Кампании, нын. Ноцера.

Оккупация — римляне, покорив неприятеля, обычно отбирали у него часть земли и, наделив граждан некоторым количеством ее в полную собственность, остальное оставляли в качестве государственной земли (ager publicus), на которой каждый мог, по желанию, делать заимки, не становясь полным хозяином занятой им земли, а пребывая в положении как бы арендатора государственной собственности. Этот вид занятия ager publicus'а и назывался оккупацией (occupare — занимать).
Оксидраки — народ в Индии, с которым вел войну Александр Македонский.
Онобала — река в Сицилии.
«Орел» — со времен Мария каждый легион имел свое знамя, — серебряного орла.
Орик — город Эпира.
Остия — город Лациума, у устья Тибра.
Откупщики податей — взимание податей римляне отдавали на откуп; откупщики (publicani) составляли товарищества; все они принадлежали к сословию всадников.
Очищение — lustratio — культовый обряд, имевший целью очистить данный объект от всякой скверны, обеспечить ему наново божественную милость и тем самым спасти его от всех бед; для совершения этого обряда применялись символические очистительные средства, и вокруг очищаемого обводилось жертвенное животное.

Палланция — город Испании.
Палоент — город Калабрии (?).
Пальмира — город Сирии.
Памфилия — приморская область в М. Азии.
Парфены — племя в Иллирии.
Парфяне — племя иранского происхождения, обитавшее к с. в. от Каспийского моря.
Патары — приморский город Ликии.
Патры — город на сев. берегу Пелопоннеса, нын. Патрас.

Пелигны — племя в Апулии.

Пепареф — о-в на Эгейском море.

Пергам — город Мисии (М. Азия).

Перузия — город Этрурии, нын. Перуджия.

Писидия — горная область в М. Азии.

Питекусы — остров около Неаполя.

Пицен — область на восточном побережьи Италии.

Пицентины — племя в Кампании.

Платон — знаменитый греческий философ IV в. до н. э. Сочинение его, которое Катон Младший читал перед смертью — «Федон» — диалог, где Сократ, находясь в темнице, ведет беседу со своими учениками о бессмертии души.

Плаценция — город Цизальпийской Галлии, на р. По, нын. Пьяченца.

Понтифик — великий верховный жрец, председатель коллегии понтификов.

Помпа — торжественная праздничная процессия, в которой несли изображения богов, священные символы и жертвенные дары.

Пренесте — город Лациума, нын. Палестрина.

Претор — магистрат, ведавший гражданской юрисдикцией, руководивший разбирательством дел и толковавший закон. (В 242 г. до н. э. прибавили второго претора для разбора тяжб между иностранцами; его называли претором для иностранцев; первый принял название «городского») В связи с присоединением провинций число их с двух (первоначально был один) поднялось до восьми и больше. До времени Суллы вопрос о том, кому из преторов отправляться в провинцию и кому оставаться в Риме, решался жребием. После Суллова преобразования судопроизводства преторы в качестве председателей постоянных судов оставались год в Риме и только на следующий отправлялись в провинции в качестве пропретора.

Провинция — слово имело двоякое значение: 1) круг деятельности определенного магистрата; 2) область вне Италии, находящуюся в ведении и управлении римского магистрата.

Прозерпина (греч. Кора), дочь Цереры (Деметры) — богиня подземного царства.

Проконнес — остров на Мраморном море.

Проконсул (букв. «заместитель консула») — отбыв годовой срок своей магистратуры, консул на следующий год отправлялся в звании проконсула управлять какой-либо провинцией; со времен Суллы это было правилом; из него были сделаны исключения в пользу Помпея и Цезаря, а в 52 г., по предложению Помпея, оно было отменено.

Проскрипции — списки приговоренных без суда и следствия к смерти политических противников.

Путеолы—город Кампании.

Равенна — город Сев. Италии.

Регий — город Южной Италии, на берегу Сицилийского пролива, нын. Реджио.

Родан — нын. Рона.

Родос — о-в у берегов М. Азии.

Ростры (букв. «клювы») — ораторская трибуна на форуме.

Рубикон — река в Северной Италии к югу от Равенны; до Августа граница между Италией и Цизальпийской Галлией.

Салапия — город Апулии.

Салерн — город Кампании.

Самария — область в Палестине с главным городом того же имени.

Самний — горная страна к северу от Кампании вплоть до Адриатического моря.

Самос — о-в в северной части Эгейского моря, неподалеку от берегов М. Азии.

Сапеи — племя во Фракии.

Сарпедон — один из героев Илиады.

Сатурния — город Этрурии.

Сена — город в Умбрии.

Сенаторская одежда.—Сенаторы отличались от прочих граждан одеждой: носили tunica laticlava (с широкой красной каймой) и особые башмаки, так наз. calcei senatorii.

Сентия — город Умбрии.

Серрий — мыс во Фракии на Эгейском море.

Сест — город Фракии.

Сетий — город Лациума.

Сивиллины книги — сборники предсказаний, приписывавшихся различным пророчицам, объединенным общим именем сивилл; книги эти пользовались в Риме большим почетом; к ним обращались часто, особенно во времена войны.

Сидон — город Финикии.
Сикион — город в сев. части Пелопоннесса.
Сикорис — река в Испании.
Сипунт — город Апулии.
Скамандр — река в Мисии (М. Азия).
Скилакий — город Южной Италии.
Скиаф — остров на Эгейском море.
Скодра — город Иллирии.
Смирна — город М. Азии (Ионии).
Спира — третья часть когорты.
Сполетий — город Умбрии, нын. Сполето.
Стабии — город Кампании.
Стадия — 177,6 метра (греческая мера длины).
Стримон — река во Фракии, нын. Струма.
Стронгила — один из Эоловых о-вов около Сицилии.
Сиракузы — город Сицилии.
Суесса — город Лациума.
Сукрон — город Испании.
Сутрий — город Этрурии.

Тавлантии — племя в Иллирии.
Тавромений — город на вост. берегу Сицилии, нын. Таормина.
Талант — греческая мера веса и монетная единица = примерно 1450 руб. золотом.
Тарент — город Южной Италии.
Тарс — город М. Азии (Киликии).
Тенос — один из Кикладских о-вов на Эгейском море.
Теан — город в Кампании.
Террацина — город Лациума.
Тибур — город Лациума, нын. Тиволи.
Тиндарида — город Сицилии.
Тирренское море — часть Средиземного моря между Италией, Сицилией, Сардинией и Корсикой.
Тир — город Финикии.
Трибы — со времени Сервия Туллия территориальное подразделение римского народа, охватывавшее все его население, т. е. патрициев, плебеев, вольноотпущенников.
Трирема (греч. триера) — военный корабль с тремя рядами гребцов.
Трикаранон — сатира римского писателя Варрона (I в. до н. э.).

Умбрия — область Средней Италии.
Урия — город Калабрии.
Утика — город к с.-з. от Карфагена.

Фавенция — город Цизальпийской Галлии.
Фалерская гора — в Пиценуме (Средняя Италия).
Фарсал — город Фессалии.
Фасции (fasces) — пучок розог, обвязанный ремнями, с секирою посредине; их ликторы носили на левом плече как символ власти.
Фасос — о-в у берегов Фракии.
Фезулы — город Этрурии, нын. Фьезоле.
Фессалия — область Сев. Греции.
Филиппы — город Македонии.
Фирм — город Пиценума (средняя Италия).
Фракия — страна к северу от Греции между Эгейским и Черным морем.
Френтаны — племя в Средней Италии.
Фригия — область в западной части М. Азии.
Фурии — город Южной Италии.

Цензор — римский магистрат. Главные обязанности цензоров (их было два): 1) оценка имущества граждан и распределение их по имущественным классам; 2) ведение списка сенаторов и 3) заведывание финансами государства. В связи с первыми двумя видами обязанностей цензор имел право и должен был наблюдать за частной жизнью граждан.
Центурии — подразделения римского гражданского населения, введенные Сервием Туллием, имевшие свои собрания.
Центурион (сотник) — начальник манипулы — роты, включавшей в себя в разное время разное число людей — от 100 человек и (со времени Мария) до 200.
Цизальпийская Галлия — нынешняя Верхняя Италия.
Цэлий — один из холмов Рима.

Черный залив — залив Фракийского Херсонеса.

Эак — сын Юпитера; славился своим благочестием и справедливостью; после смерти сделан судьей в преисподней.
Эвксинский понт (букв. «Гостеприимное море») — Черное море.
Эгина — остров около Афин.
Эдил — римский магистрат, на обязанности которого лежал надзор за городским благоустройством, за состоянием улиц и городских соору-

жений, за рынком и раздачей хлеба; эдилам же поручено было устройство некоторых религиозных празднеств.

Эзерния — город Самниума.

Эзин — река в Умбрии.

Эклан — город Самниума.

Элея — залив в Лукании (Южная Италия).

Эмилиева дорога вела из Плаценции в Ариминум.

Эн — город Фракии.

Энария — остров около Кум.

Энипей — река в Фессалии около Фарсала.

Эноанда — город Ликии.

Эоловы о-ва — группа островов к сев. от Сицилии.

Эпидамн — см. Диррахий.

Эпир — область Греции между Македонией, Фессалией и Ионийским морем.

Эпонимные магистраты (от греч. слова epōnymos—дающий чему-либо свое имя) — так Аппиан называет консулов, потому что в Риме год назывался по имени консулов этого года.

Эридан — река в Сев. Италии, нын. По.

Эрифея — город этот искали в Эпире, позднее в Испании.

Этолия — область Средней Греции.

Этрурия — область Средней Италии, нын. Тоскана.

Эфес — город Ионии (М. Азия).

Югер — 0,252 га.

Юнона — сестра и супруга Юпитера.

Юпитер Статор («Становитель»); ему в Риме посвящено было два храма: один у Porta Mugonia, а другой—у Фламиниева цирка.

Яникул — один из семи холмов Рима.